

СТАРИНА И НОВИЗНА.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ.

—*—

МОСКВА.

Синодальная Типография.

1916.

СТАРИНА и НОВИЗНА.

Печатано по распоряжению Совета Общества ревнителей русского исторического просвещения въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель Графъ С. Шереметевъ.

СТАРИНА И НОВИЗНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ.

—*—

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1916.

Рѣчъ,

СКАЗАННАЯ ПРЕДЪ ПАНИХИДОЮ 26-ГО ФЕВРАЛЯ 1915 ГОДА ВЪ
ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕ-
НИЯ ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Съ чувствомъ благоговѣйнаго восторга въ настоящій день и
часть мысленно переносимся къ величественной, священной личности
Монарха, отъ насы уже отшедшаго въ вѣчность, но съ которыми
мы и вся современность, съ ея міровыми событиями, связаны тѣсно,
жизненно.

Въ настоящемъ собраніи мы молитвенно воспоминаемъ Государя, который въ своемъ великомъ, мощнѣмъ духѣ былъ подлиннымъ олицетвореніемъ великой, могучей Россіи, чуткимъ, прозорливымъ носителемъ ея истинныхъ нуждъ, яркимъ выразителемъ тѣхъ драгоцѣнныхъ истинно-христіанскихъ и высоко-патріотическихъ началь, какими славна русская душа, и ихъ ревностнымъ, верховнымъ охранителемъ.

Это Онъ, мудрый, могучій Императоръ Александръ III, въ предвѣдѣніи опасности, грозившей намъ отъ коварного, исполненнаго воинскимъ пыломъ сосѣда—тевтона, создалъ русскій дружественный союзъ съ Франціей и тѣмъ воздвигъ на востокѣ и западѣ Европы эти живыя, непроходимыя стѣны, о которыхъ нынѣ люто воюющій съ нами и союзными съ нами державами врагъ—нѣмецъ яростно, кроваво и гибельно для себя бьется и о которыхъ, мы вѣримъ несомнѣнно, окончательно разобьется.

Глубоко, проникновенно вѣровавшій во Христа, смиренный на высокомъ Царскомъ престолѣ сынъ Православной Церкви, дышавшій любовью къ Отечеству, какъ къ своему Богомъ врученому наслѣдію, мужественный, неизмѣнно твердый и вмѣстѣ великодушный и кроткій, Онъ, почившій Государь—русскій богатырь, мощно, авторитетно указалъ Россіи путь самобытной жизни и самостоятельного развитія,—тотъ путь, который такъ пріятенъ русскому сердцу, любъ

русской душѣ и который нынѣ всѣми нами единими усты привѣтствуется съ силою необычайного одушевленія и восторженнаго ликованія.

Этимъ великимъ, національнымъ указаніемъ и всѣмъ духомъ, всѣми благодѣтельными вѣяніями своего величественнаго царствованія великий Монархъ подтвердилъ для русскаго народа исконный завѣтъ самоотверженнаго служенія Родинѣ въ качествѣ непремѣннаго, священнаго долга, исполняемаго не за страхъ только, но за совѣсть, совѣсть христіанскую,—того непоколебимаго, безстрашнаго ратнаго стоянія за Русь Святую, цѣлостную, самобытную, подвиги котораго мы теперь видимъ. Героизмъ въ этихъ священныхъ, патріотическихъ подвигахъ насъ до глубины души трогаетъ, всецѣло радуетъ, но имъ восхищается и весь цивилизованный свѣтъ.

Мы видимъ, что тамъ, на поляхъ невиданныхъ и неслыханныхъ кровопролитныхъ битвъ, нашъ русскій воинъ не знаетъ устали въ своихъ неимовѣрныхъ трудахъ, никакія опасности не въ состояніи поколебать его спокойнаго мужества, его стойкость непреодолима, храбрость непревосходима и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ кротокъ, онъ великудущенъ въ своихъ человѣколюбивыхъ отношеніяхъ ко врагу, когда послѣдній въ боевыхъ столкновеніяхъ переходитъ въ его руки. Богатырь въ своей силѣ, русскій народъ явилъ себя и богатыремъ въ своемъ благородномъ, добромъ, богоносномъ сердцѣ.

Величіе и красота русской духовной доблести, глубоко оцѣненной почившимъ Государемъ и Имъ въ свое время заботливо охраняемой, служать для міра предметомъ восторга и вмѣстѣ ручательствомъ въ крѣпкой надеждѣ, что попранныя нашимъ злымъ, жестокимъ врагомъ святыя начала человѣчности восторжествуютъ, они будутъ возстановлены для вящшаго, болѣе полнаго проявленія ихъ въ общей міровой жизни на благо и счастіе отдѣльныхъ племенъ и народовъ.

Признательная Россія не забудетъ своего великаго Царя. Онъ съ Его русскими завѣтами останется свѣточесмъ для Руси въ долготу ея вѣковъ.

Да покоить Господь Его свѣтлую, чистую душу въ радости небесныхъ, вѣчныхъ селеній!

Протоіерей Димитрій Бѣликовъ.

ДВѢ МОЛИТВЫ

СВЯТЪЙШАГО ПАТРІАРХА ЕРМОГЕНА

МОСКОВСКАГО И ВСЕЯ РУСІИ.

Въ рукописномъ сборникеъ половинѣ XVII вѣка, хранящемся въ Румянцовскомъ музѣѣ (№ 3154), послѣ Повѣсти о явленіи Казанской иконы Божіей Матери *) помѣщены двѣ молитвы св. патріарха Ермогена.

Первая изъ нихъ составлена св. Ермогеномъ, несомнѣнно, въ то время, когда царь Василій Шуйскій былъ уже свергнутъ съ престола **) и положеніе Московскаго царства сдѣлалось въполномъ смыслѣ слова критическимъ. Въ ней авторъ молитъ Бога главнымъ образомъ объ „укрощеніи“ и приведеніи „въ едину мысль“ „единовѣрныхъ“, тѣхъ Русскихъ, которые дѣйствовали противъ Москвы вмѣстѣ съ Тушинскимъ воромъ и съ Поляками; характеристика этихъ людей, которые лютъ кровь человѣческую какъ воду, плѣнятъ, жгутъ и разоряютъ, не жалѣя юности и не щадя старости, дается яркая и сильная. Но онъ не проходить мимо вопроса о царѣ и говоритъ: „даруй намъ, Господи,... царя православнаго“.

Эта молитва, несмотря на свои длинноты, производящая глубокое впечатлѣніе, свободная отъ обычныхъ молитвенныхъ пріемовъ и въ то же время богата содержаніемъ, написана наскоро и въ литературномъ отношеніи слабо отдѣлана.

*) Изданий въ „Твореніяхъ св. Гермогена патріарха Московскаго“, М. 1912 г., стр. 1—16. Другая, болѣе поздняя редакція напечатана въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. Любителей дух. просвѣщ., 1880 г., № 6.

**) „клятву преступникомъ“.

Особенно обращаеть на себя вниманіе частое безъ нужды употребленіе частицъ *бо, же, но*, подобного которому мы не видимъ въ другихъ твореніяхъ св. патріарха. Какъ-будто молитва тотчасъ послѣ составленія была пущена въ литургическую практику.

Вторая молитва составлена для слѣпого и молить Бога объ „просвѣщеніи угасшаго свѣта“. Если позволительно сдѣлать догадку, она имѣеть въ виду патріарха Іова, который былъ слѣпъ въ послѣдніе годы своей жизни. Такъ какъ патріархъ Іовъ умеръ въ 1607 г., то составленіе этой молитвы должно относиться ко времени до этого года. Вторая молитва гораздо слабѣе первой и вообще не идетъ въ сравненіе съ нею, но показываетъ, что св. Ермогенъ пользовался славой какъ искуснаго составителя житій и сказаній о святыхъ, такъ и слагателя молитвъ.

Обѣ найденыя нами молитвы надписаны именемъ св. Ермогена и не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній въ своей подлинности.

А. Соболевскій.

М О Л И Т В А П Е Р В А Я.

Господи Боже нашъ, прилѣжное наше молепіе услыши рабъ Своихъ, молящихся Тебѣ, Господи, и помилуй нась по велицей милости Твоей, услыши нась недостойныхъ рабъ Своихъ, уповающихъ на Тя, и посѣти, Господи, нась недостойныхъ рабъ Своихъ превеликою благостію Свою и толикимъ обычпымъ Своимъ милосердіемъ и простиши паки к намъ Свое человѣколюбіе і укроти Свой праведный гнѣвъ подвизающей на ны, помяни, Господи, яко благъ еси к намъ нищимъ и грѣшнымъ рабомъ Своимъ, и буди Ты намъ, Господи, помощникъ и заступникъ, яко имя Тебѣ—человѣколюбецъ еси, пощади нась, Господи долготерпѣливе, пощади, Владыко, и помилуй нась и отжени врагъ нашихъ нападшихъ напрасно на нась различныхъ языковъ, і укроти, Господи, единовѣрныхъ намъ и с нами во едину мысль устрои ихъ; и тіи бо восташа с прочими языцы на вѣру истинную Твою, Господи, и законъ непорочный, и святыя Твоя церкви разоряютъ и святымъ Твоимъ иконамъ поругаются и погубляютъ люди Твоя, Господи, и проливаются кровь человѣчью напрасно

яко воду многу, ильнять и пожигаютъ и землю пусту сотворяютъ и не жалуютъ юности и не ждутъ старости и всячески непрестанно стужаютъ намъ и зло творятъ непрестанно, и желають они конечному погубленію предати нась. О Владыко человѣколюбче, о всесилный Христе Царю, сокруши и разруши силу ихъ и разсыпли совѣты ихъ лукавыя и угаси прещеніе ихъ и низложи возносимую ихъ гордыню, да не похвалятъся о нась враги наша и да не рекутъ глаголюще намъ: „гдѣ есть Богъ вашъ? но се бо въ руки наша пришли есѧ“. И предобный же Пастирь, положивый душу Свою о нась, овцахъ Своихъ, и не остави насть; но аще бо и зело что мы согрѣшихомъ Тебѣ, Господи, и не вниди въ судъ съ рабы Твоими; Ты бо еси Богъ нашъ, а мы людіе Твои, и къ Тебѣ бо, Господи, прибѣгаємъ и молимся и просимъ отъ Тебѣ пробогатыя милости, и сотвори намъ съ нами по милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ отпусти, Господи, грѣхи наша и помилуй насть, і яко бо Твои есмѧ раби, да ся не постыдимъ и да не на долго времѧ умножится злоба дьявола губителя душъ нашихъ и да не порадуются о нась враги наша, и да не возможеть удолѣти неправда истинну. Ты бо еси Богъ нашъ, Господь же милости податель и всякия благости, непрестаемый источникъ человѣколюбія; Ты бо еси Богъ смиряя и наказуя насть и паки возношая; Ты бо еси Богъ нашъ, гордымъ человѣкомъ противляся, а смиреннымъ даруя благодать. О Владыко, Твою превеликою державою содержится вся тварь и Твоимъ бо промысломъ велиимъ устроится толикъ народъ; мы убо зіи яко человѣцы согрѣшивъ къ Тебѣ, Господи; Ты же яко благий человѣколюбецъ виждь, Господи, немощь нашу и посли намъ въ помощь благодать Свою і ущедри насть, созданіе Свое. О Владыко, не отверзи насть отъ лица Своего, но безчисленныя грѣхи наша обидоша насть, но послѣдніе бѣды *); и нѣсть намъ помилующаго насть, но вмѣнихомся убо мы яко овцы на заколеніе, и нѣсть бо избавляй насть кромѣ Тебе; но воздвигни, Господи, силу Свою, прїди и спаси насть, и стань, Господи, въ помощь нашу о насть грѣшныхъ и смиренныхъ рабъ Своихъ, и посли, Господи, отъ святаго жилища Своего и отъ престола славы царствія Твоего аггела свѣтловидна во отгнаніе враговъ нашихъ видимыхъ

*.) Пропускъ одного, двухъ словъ?

же и невидимыхъ, и буди, Господи, помошь и заступлениe граду нашему и намъ рабомъ Своимъ уповающимъ на Тя, аще бо мы и бес числа согрѣшихомъ и клятву преступихомъ и прогнѣвахомъ Тя, Господи, и великолѣпое имя Твое и смятенни есмѧ яко овцы не имуще пастира и недостойни есмѧ возвѣти, нежели милости просити у Тебе, Господи, живущаго на небесъхъ; но щедротъ ради Своего человека благолюбія удиви на насъ милость Свою, и даруй намъ, Господи, вожда благоугодна Твоей благости и нарцы имя ему, егоже, Господи, изберетъ воля Твоя, і освяти его елеомъ помазанія Твоего и укрѣпи его, Господи, пресвятою десницею Свою, царя православнаго, любящаго судъ и милость, и даруй ему, Господи, побѣду на враги и на губителя наша, и царство его во православной вѣрѣ устрой мирно и безмятежно и державу его во благоденствіи и въ типинѣ сохрани безвредно и безбѣдно и безнапастно и ото враговъ неборимо пребывать сотвори, и вся благовѣрныя князи и боляре и воинство вооружи и укрѣпи, Господи, на супротивныя враги и сотвори же ихъ побѣдителны вездѣ быти на обидающихъ насъ Твоему непобѣдимою силою и державною Твоему десницею. Ты бо еси Царь царствующимъ и Господь господствующимъ; егоже бо хощеш подаси; и разруши вражды ихъ и молвы и совѣты злыхъ и неправедныхъ востанія на вѣру нашего христіянскаго закона преданного на сей и на землю нашу і языкъ^{*)} и междуусобныя браны утоли, и паки с нами соедини во едину мысль братію нашу і обрати ихъ Господи, на губящихъ насъ враговъ, да не истребленни будемъ отъ единовѣрныхъ и отъ единокровныхъ намъ; в земли бо сей націей родишася и крестишася и воспитани быша, и паки заблудишася отъ праваго пути ведущаго насъ въ животъ вѣчный, и восташа на вѣру нашу и свои, яко иноязычницы, а не яко единовѣрніи с нами, приносять намъ вся злая и лютая и неудобѣстремимая и не помняще суда, еже бо во страшный день пришествія Твоего, Господи, не чаютъ они отвѣта воздати и не вѣрють сему, яко будетъ имъ возданіе по дѣломъ ихъ. Мы же молимъ Тебе, Господи, раби Твои по словеси Твоему, еже бо самъ Ты, Господи, глаголалъ еси Своими живоносными усты: любите врагъ вашихъ и добро творите обидающимъ васъ и молитесь

^{*)} Повидимому, надо читать: на сей языкъ и на землю нашу.

о творящихъ вамъ пакость. Возврати, Господи, отъ плѣненія братію нашу без вреда, иже неволею плѣнени быша; а иніи же волею сами предашася к супротивнымъ и вѣру попраша, и тѣхъ, Господи, помилуй и прости имъ мимошедшая і исправи будущая, и сподоби ихъ, Господи, преитти въ путь покаянія, с прилежаніемъ, невозвратно, и побарай имъ, Господи, ко благочестію неотступно, да ти обратятся і исцелбютъ и будуть с нами якоже бо и прежде въ единой вѣрѣ паки раби Твои. И Тебѣ же, Господи, премилостиваго человѣколюбца призываляемъ и молимся, просимъ Твоей милости, і якоже величество Твое, Господи, тако бо и милость Твоя бесчисленна есть; самъ бо Ты, Господи, глаголаль еси: просите и пріимбте, толците и отверзтесь вамъ. Вѣмъ бо, яко глубиною судебъ Твоихъ хощеши бо всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумѣ истинный привести; не радуешьися, Господи, о смерти грѣшниче, но еже обратитися и живу ему быти веселившись; и того бо ради и мы раби Твои вопіемъ Ти изъ глубины сердца: возврати, Господи, плѣненные люди Твоя, яже неволею плѣнени быша, и обрати ихъ, Господи, отъ заблужденія; иже бо ти волею прельстиша і ото истинны отпадоша і обѣты своя яже во крещеніи не токмо не сохраниша, но и отринуша і обесчестиша и конечному стаду*) и пагубѣ предашася; и таковых же бо ради человѣкъ самъ еси, Господи, принеши на землю и Своими живоносными усты глаголаль еси: не прідохъ праведныхъ спасти, но грѣшныя на покаяніе привести; тѣхъ бо, Господи, спаси, а нась отъ нихъ защити и помилуй, отъ погибели и отъ напрасныя смерти избави, да не отъ нась совершился, яко апостоломъ самъ, Господь, глаголалъ еси: да не грызайтесь и снѣдайте себѣ, блудѣтесь, да не другъ отъ друга стреблени будѣте. Твое бо еже миловати и спасати нась, Господи Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

*) Надо читать: стаду или стыду.

М О Л И Т В А В Т О Р А Я.

Ты бо, Владыко человѣколюбче, сотворилъ мя еси самовластна и почтиль мя еси, азъ же возвысивъ и забывъ Твое владычество, и вся заповѣди Твой преступихъ и въ горкую работу впадохъ діволю, и научи мя всякому грѣху и злому обычаю. Ты же, Господи Боже мой, претерпѣль ми еси, и досѣле ожидал моего покаянія, и не погуби мене въ беззаконіи живуща; азъ же видѣвъ Твое милосердіе, и дерзнухъ скверными усты молитву принести; и многи грѣшники спаслъ еси, тако же и мене спаси, Господи; они бо Твое созданіе, азъ Твоя тварь. Аще и грѣхи моя постигоща мя; азъ же окаянный на милость Твою уповаю, молюся, Господи, отъ мене волю мою, но вся бо воля моя злодѣяніе^{*)} познахъ: яко ничтоже о себѣ сотворити могу, аще не Ты, Господи; подаждь ми благодати Твоей разума; скоти и звѣри и птицы небесныя не самовластни суть, но яко же сотворилъ еси, тако и пребывають; а мене же непорочна сотворилъ еси. Азъ свою волю сотворихъ и тѣмъ весь осквернился. Дасть еси, Господи, волю человѣкомъ; а мнѣ же не давай, человѣкъ бо есми естествомъ, а нравомъ и скотины хуждыше. Увы и мнѣ, яко и скота горши предъ Тобою, Господи благодателю, сотворихся. Не возмѣри мнѣ противу дѣломъ моимъ злымъ, но подай же время воспрянovenію, и отверзи ми двери покаянія, возврати мене плѣненнаго отъ беззаконія, воздвигни мя поверженаго осужденіемъ грѣховнымъ, извлецы мене изъ ямы. Иисусе Христе, свѣте омрачнымъ, просвѣти ми свѣть уgasшій; врачю болящимъ, исцѣли ми безвѣстныя язвы, масло и вино возливай на мя; обляжи ми струпы, заглади рукописаніе грѣховъ моихъ губою милосердія и подай же ми, Господи, Твоего страха боятися и Твоей воли повиноватися, и очищуся отъ грѣховъ и не обладанъ буду врагомъ и воспою Тя радуяся, Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и prisно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

^{*)} Надо читать: все? моя? злодѣянія?

ПИСЬМО ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА

СИБИРСКОМУ ВОЕВОДЬ, БОЯРИНУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ ЯКОВЛЕВИЧУ^{*}
ЧЕРКАСКОМУ.

Моск. Архивъ Министерства Юстиції, столбецъ Московскаго стола, Разряда № 768,
склейки 124—125.

206 года (1698) августа въ 31 день, Великій государь, царь и великий князь Петръ Алексеевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ указаль въ Сибирь въ Тоболескъ къ ближнимъ боярину и воеводамъ ко князю Михаилу Яковлевичу^{*)} да къ сыну его къ стольнику ко князю Петру Михайловичу Черкасскому^{**)} о печали ихъ, что у него близкаго боярина и воеводы въ Тобольску жена его, а его князь Петрова мать боярыня княгиня Марфа Яковлевна отъ житія сего переселилась въ безконечный вѣкъ въ жизнь бессмертія, жалуя ихъ, изволиль о той ихъ печали премилостиво къ нимъ призрить, послать къ нимъ съ Москвы изъ Розряду съ своимъ Великаго государя милостивымъ словомъ и съ своею государскою милостивою грамотою стольника Андрея Иванова сына Эверлакова. А о проѣздѣ его отъ Москвы до Тобольска по городамъ и назадъ до Москвы и о дачѣ ему подводъ и провожатыхъ въ Сибирскихъ городахъ, чрезъ которые ему до Тобольска и назадъ до Москвы путь надлежитъ, дать свою Великаго государя грамоту за отврочетою печатью изъ Сибирскаго приказа. И о томъ сей свой Великаго государя указъ въ Розрядѣ записать въ книгу, а въ Сибирскій приказъ послать память.

^{*}) Князь Михаилъ Яковлевичъ Черкасскій † 1712 г. Сибирскій воевода, женатъ на княжнѣ Марѣ Яковлевнѣ Одоевской, дочери боярина князя Якова Никитича Одоевскаго и княгини Евдокіи Феодоровны, дочери боярина Феодора Ивановича Шереметева; княгиня М. Я. Черкасская † въ 1699 г.

^{**) Князь Петръ Михайловичъ Черкасскій старшій сынъ князя Михаила Яковлевича, помогавшій отцу на Сибирскомъ воеводствѣ, женатъ на княжнѣ Марѣ Борисовнѣ Голицыной, † въ 1701 г.}

Столбецъ того же Московскаго стола № 769, склейки 35—54.

Отъ Великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и бѣлые Росіи самодержца въ Сибирь въ Тоболескъ ближнимъ боярину нашему и воеводамъ князю Михаилу Яковлевичу да стольнику князю Петру Михайловичу Черкасскому наше Великаго государя милостивое слово. Вѣдомо намъ Великому государю учинилось, что волею и судьбами Всемогущаго *) и Праведнаго Бога въ Тобольску у тебя ближняго боярина нашего и воеводы новорожденный твой сынъ князь Василій, а твой князь Петровъ братъ отъ житія сего отъиде въ вѣчную жизнь, а жена твоя ближняго боярина нашего и воеводы, а твоя князь Петрова мать боярыня княгиня Марфа Яковлевна отъ рожденія того сына своего князь Василья болѣзновала и отъ той болѣзни по волѣ Праведнаго Бога отъ житія своего переселилась въ безконечную жизнь и въ вѣчное радованіе. И ты-де ближний бояринъ нашъ и воевода о преселеніи жены своей и сына своего, а ты князь Петръ о матери своей и о братѣ своемъ зѣло печалились, скорбите съ немѣрнымъ и частымъ плачемъ и съ сердечнымъ риданіемъ и вздыханіемъ, не имѣя себѣ никакого порадованія. И мы Великій государь, слыша о преселѣніи жены твоей и сына твоего, а твоей князь Петровой матери и брата твоего и вашу о томъ многую печаль, напоминая многія вѣрныя службы отца твоего, боярина нашего князя Якова Куденетовича, и твои ближняго нашего боярина и воеводы, изволили о той вашей печали своимъ государскимъ премилостивымъ и высокимъ къ вамъ призрѣніемъ говорить милостиво и премилостиво. И пожаловали мы Великій государь вѣсть ближняго боярина нашего и воеводы князя Михаила Яковлевича и сына твоего князя Петра Михайловича съ тѣмъ напимъ Великаго государя милостивымъ словомъ и съ сею нашею государскою милостивою грамотою послали къ вамъ съ Москвы стольника нашего Андрея Иванова сына Эверлакова. И какъ къ вамъ

*) Всѣ слова, набранныя здѣсь съ разрядкой, въ подлинникѣ зачеркнуты, а самый подлинникъ представляетъ изъ себя только черновикъ, или, по теперешнему — „отпускъ“.

ся наша Великаго государя грамота придетъ, а стольникъ нашъ Андрей Эверлаковъ въ Тоболескъ пріѣдетъ и наше Великаго государя милостивое слово вамъ ближнему боярину нашему и воеводамъ князю Михаилу Яковлевичу и сыну твоему князю Петру Михайловичу скажетъ, и вы-бѣ, видя къ себѣ нашу Великаго государя такую премногую и превысокую милость, обрадовались и отъ печали своей престали и плачъ свою и рыданіе отъ себя отринули и пресѣкли, имъя въ себѣ твердую надежду и возлагая крѣпкое упованіе, какъ въ наземномъ семъ телѣсномъ, а паче же въ небесномъ и въ безконечномъ душевнѣ житіи, о всякомъ благополучіи на Творца всѣхъ Всемогущаго Бога и на Пречистую и Преблагословенную Его Богоматерь Пресвятую Владычицу Богородицу честныя и чудотворныя Ея иконы, именуемыя Всѣмъ скорбящимъ радости, и разсуждая себѣ благоразумно, понеже никакорам христоименитая душа рода человѣческаго отъ здѣ маловремянаго житія въ преселеніе вѣчнага жизни путь того прети не можетъ. Повелѣваетъ бо и апостолъ о умершихъ не скорбнымъ быти, яко же прочіи неимуущіи упованія, а преставльшиеся благочестно отъ сихъ временныхъ Всемилостивый Господь Богъ въ селеніяхъ избранныхъ уготованныхъ благъ съ праведными сопричитаетъ, упокоевая ихъ на мѣстѣ празднующихъ и въ сладости нескончаемой и радости, идѣже свѣтъ немерцаемый, ни слухъ вмѣстити можетъ, ниже умъ, ни слово изглаголати; и вы ближніе, якоже царь и пророкъ Давидъ повѣствуетъ: кто есть человѣкъ, иже проживеть и не узрить смерти, какъ убѣгнетъ человѣкъ, по земли ходяще, но нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ; нынѣ аще и скорбь васъ преодолѣваетъ и сердце ваше смятется въ васъ; но по псалмисту сердце мое и плоть моя возрадовастася въ Бозѣ живе, по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою, Онъ прибѣжище скорби одержащее и радость, имъ-же и сохраненъ будеши отъ себя. И вы ближній бояринъ нашъ и воеводы, отставя отъ себя тое печаль, располагайте въ томъ благоразумное и твердое свое разсужденіе безо всякихъ скорбительства и сѣтованія и возлагайте упованіе и крѣпость разума своего во всякомъ благомъ пребытіи и жительствѣ своемъ на Всемогущаго Господа Бога и на

12 ПИСЬМО ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА КНЯЗЮ М. Я. ЧЕРКАСКОМУ.

Пречистую Его Матерь Пресвитую Дѣву Богородицу, обаче же по христіанскому закону и достоинству долженствуетъ о преставльшихся въ безконечную жизнь молитствовать помяновеніемъ вѣчныя ихъ памяти, дабы душа, преставльшаяся во оную жизнь, сподобилась радости Господь Богъ неизреченными милостивыми своими щедротами и сопричили ихъ въ сeleniяхъ своихъ съ праведными въ нескончаемый вѣкъ, и видя къ себѣ нашу Великаго государя премногую милость, на нашей государевѣ службѣ въ Тобольску пребывали во всякомъ благомъ и радостномъ пребытии и нашимъ государевымъ дѣломъ промышляли и во всемъ чинили по нашему Великаго государя указу. А стольнику нашего Андрея Эверлакова изъ Тобольска отпустили-бъ къ намъ Великому государю къ Москвѣ, а въ которомъ числѣ онъ изъ Тобольска отпущенъ будетъ, о томъ къ намъ Великому государю писали съ нимъ же Андреемъ, а отписку вѣльми подать ему Андрею и явиться въ Розрядѣ боярину нашему Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи. Писанъ на Москвѣ лѣта 7207 (1698) ноября въ 25 день. Припись дьяка Ивана Кобякова.

Лѣта 7207 ноября въ 25 день, Великій государь... указалъ стольнику Андрею Ивановичу Эверлакову ѻхать съ Москвы въ Сибирь въ Тоболескъ къ ближнимъ боярину и воеводамъ ко князю Михаилу Яковлевичу да къ сыну его ко стольнику князю Петру Михайловичу Черкасскому съ государевымъ милостивымъ словомъ, и ѻхать ему Андрею безъ мотчанья. А пріѣхавъ въ Тоболескъ, послать къ нимъ ближнему боярину и воеводамъ кого пригожъ, чтобъ они были въ Приказную полату. И какъ они въ Полату будуть, и ему Андрею имъ говорить:

Ближній бояринъ и воеводы князь Михайло Яковлевичъ и стольникъ князь Петръ Михайловичъ!

Вѣдомо Великому государю учинилось, что волею и судьбами Всемогущаго Праведнаго Бога въ Тобольску у тебя боярина и воеводы жена, а твоя князь Петрова мать княгиня Марфа Яковлевна отъ житія сего переселилась въ безконечный вѣкъ. И вы-де о ней зѣло печалитесь и скорбите съ немѣрнымъ и частымъ плачемъ и не имѣя себѣ никакого порадованія.

И Великій государь... слыша о преселѣнїи жены твоей, а твоей князь Петровой матери и о томъ многую печаль, напоминая

многія вѣрныя службы отца твоего боярина князя Якова Куденетовича и твои ближняго боярина и воеводы, изволилъ о той вашей печали премилостиво къ вамъ призрить и пожаловалъ васъ ближняго боярина и воеводъ князя Михаила Яковлевича и сына твоего стольника князя Петра Михайловича, велѣль васъ спросить о вашемъ здоровьѣ (а отъ печали вашей прислана къ вамъ со мною его Великаго государя милостивая увеселительнала грамота).*)

Потомъ ему Андрею говорить:

И вы-бѣ, видя къ себѣ его Великаго государя такую премногую милость, обрадовались и отъ печали своей престали, располагая въ томъ благоразумное и твердое свое разсужденіе безо всякихъ скорбительства и сѣтованія, возлагая упованіе и крѣпость разума своего во всякомъ благомъ пребытіи и житѣствѣ своемъ на Всемогущаго Господа Бога и на Пречистую Его Матерь Пресвятую Дѣву Богородицу, понеже никакорая душа рода человѣческаго отъ здѣ маловремяннаго житія въ преселѣніе вѣчныхъ жизни пути того прети не можетъ, и видя такую нашу Великаго государя милость, его государевымъ дѣломъ промышляли и во всемъ чинили по его Великаго государя указу.

А послѣ того ему Андрею подать Великаго государя милостивую грамоту, какова съ нимъ послана къ нимъ ближнему боярину и воеводамъ ко князю Михаилу Яковлевичу и къ сыну его стольнику Петру Михайловичу.

А учиня ему Андрею по сему наказу и взявъ у него ближняго боярина и воеводы обѣ отпускъ своеи къ Великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу отписку, ѻхать къ Москвѣ, а пріѣхавъ явиться и отписку подать въ Розрядѣ боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарыщи.

*) Поставленные въ эту скобку слова и въ подлинникѣ заключены въ скобку.

ПЕРЕПИСКА

КНЯГИНИ Е. П. УРУСОВОЙ СЪ СВОИМИ ДѢТЬМИ.

Среди документовъ Преображенского Приказа, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, намъ встрѣтился одинъ небольшой столбецъ, въ которомъ заключалась какая-то личная переписка. На первыхъ порахъ трудно было опредѣлить, что это за переписка, кому принадлежала она и къ какому времени относилась. Внѣшній осмотръ столбца не давалъ ничего для сужденія о томъ, кто писалъ письма, кому они предназначались и когда они были писаны: письма оказались безъ подписи автора, безъ обозначенія адресатовъ и безъ хронологической даты. Нужно было, очевидно, внимательно прочесть ихъ, чтобы удовлетворить естественное въ такихъ случаяхъ любопытство. Но и это немного помогло дѣлу; определенныхъ и точныхъ отвѣтовъ по интересовавшимъ насъ вопросамъ въ самыхъ письмахъ мы не нашли. Одно только для насъ стало яснымъ, что эти письма представляютъ собой переписку матери—раскольницы, заключенной въ темницу „за имя Божіе и за святыхъ отецъ преданія“, къ своимъ дѣтямъ, „тремъ птенцамъ любезнымъ“. Это обстоятельство заставило насъ обратить болѣе серьезное вниманіе на найденный документъ.

Приступивъ къ изученію переписки, мы сразу же должны были признать, что она вышла изъ того круга лицъ, который группировался около знаменитой боярыни Федосы Прокофьевны Морозовой. Тѣ имена, которые встречались въ письмахъ, вполнѣ ясно и опредѣленно говорили объ этомъ. Анисья, Прокопій, Борисъ, Иванушка, Анна, Гавриловна, Ивановна, княгиня Ксенія,—все это лица, о которыхъ теперь уже опредѣленно известно, что они близко стояли къ боярынѣ Ф. И. Морозовой. Далѣе мы обратили особенное

вниманіе на имена „птенцовъ“, которымъ были адресованы письма. Одинъ изъ нихъ былъ мальчикъ, а остальные—дѣвочки; мальчикъ но-силъ имя Василья, одна дѣвушка называлась Настасьей, а другая все время скрывалась подъ инициаломъ Е. Генеалогическія справки дали намъ основанія полагать, что изъ лицъ, близко стоявшихъ къ боярынѣ Ф. П. Морозовой, дѣтей съ такими именами имѣла извѣстная княгиня Евдокія Прокофьевна Урусова, родная сестра боярыни Ф. П. Морозовой, одна изъ трехъ*) знаменитыхъ „раскольницъ“ начальной исторіи старообрядчества. Княгиня Евдокія Прокофьевна, урожденная Соковнина, была замужемъ за княземъ Петромъ Семеновичемъ Урусовымъ**). Вѣроятно, въ то время, когда княгиня томилась въ Боровской тюрьмѣ***), князь Урусовъ вторично женился на Степанидѣ Даниловнѣ Строгоновой****). Отъ этихъ двухъ женъ кн. Петръ Семеновичъ имѣлъ четырехъ дѣтей: Василья, Настасью, Евдокію и Григорья. Первые трое были дѣтьми Евдокіи Прокофьевны, а послѣдній былъ сыномъ Степаниды Даниловны. Дѣти Евдокіи Прокофьевны и являются тѣми лицами, которымъ адресованы найденные нами письма; при этомъ становится совершенно понятнымъ тотъ инициалъ, подъ которымъ скрывается въ письмахъ одна изъ адресатокъ (Е.—Евдокія). Такимъ образомъ мы пришли къ признанію, что найденные нами письма несомнѣнно принадлежать перу знаменитой трехъ рабочницы Евдокіи Прокофьевны Урусовой.

Когда были написаны эти письма?

Переписку кн. Е. П. Урусовой съ своими дѣтьми, какъ намъ кажется, слѣдуетъ относить къ тому періоду жизни знаменитой

*) Эту тріаду составляли: боярыня Федосья Прокофьевна Морозова, княгиня Евдокія Прокофьевна Урусова и жена стрѣлецкаго полковника Марія Герасимовна Данилова. Прот. Аввакумъ называетъ ихъ „троицеи“ и „тричленной единицей“. Обращаясь къ нимъ, онъ говоритъ: „Феодора (въ мірѣ Федосья) въ Евдокїи, Евдокія въ Феодорѣ, и Марія въ Феодорѣ и Евдокїи. Чудной составъ“. Материалы, подъ ред. Н. И. Субботина, т. V, стр. 36, ср. 164, 174 и 184.

**) Въ „Житіи“ боярыни Ф. П. Морозовой мужъ Е. П. Урусовой ошибочно названъ Петромъ Ивановичемъ. Материалы, т. VIII, стр. 162.

***) Нѣкоторыя указанія на то, что кн. П. С. Урусовъ вторично женился въ это время, можно находить въ помѣщаемыхъ ниже письмахъ кн. Евдокіи Прокофьевны.

****) У Долгорукова (Рос. Род. Кн., ч. 2-я, стр. 28) показана только вторая жена кн. П. С. Урусова.

„раскольницы“, когда она находилась въ Боровской тюрьмѣ. Въ одномъ изъ писемъ она прямо говоритъ, что „сидитъ въ темницѣ, аки во гробѣ, на смерть осуждenna“. Въ другихъ письмахъ она не говоритъ этого прямо, но общій тонъ и нѣкоторыя частности, встречающіяся въ нихъ, ясно показываютъ, что всѣ они написаны въ тюремномъ заключеніи и вдали отъ Москвы*). Точно неизвѣстно, когда княгиня была сослана въ Боровскъ. Но надлежитъ думать, что ссылка ея въ Боровскъ могла послѣдовать только послѣ смерти патріарха Питирима, т. е. послѣ 19-го апрѣля 1673-го года. Здѣсь княгиня содержалась до самой своей смерти, т. е. до 11-го сентября 1675-го года.

Жизнь въ Боровскѣ на первыхъ порахъ не носила характера жестокаго заключенія. Благодаря сочувствію окружавшихъ ее лицъ, она не порывала сношеній съ внѣшнимъ міромъ, съ своими дѣтьми, родными и друзьями. Но затѣмъ ея жизнь измѣнилась къ худшему, за нею былъ установленъ строжайшій надзоръ, при которомъ, конечно, немыслимы были никакія сношенія съ своими единомышленниками и друзьями. На Фоминой недѣлѣ 1675-го года въ Боровскѣ былъ внезапно присланъ подъячій Павелъ. Съ великою свирѣпостію приде въ темницу, гдѣ содержались всѣ три женщины-страдалицы, онъ обобралъ у нихъ все, всякія потребы: и брашно-снѣдно, самое скучное, лишнія одежды, книжицы, иконы, писанныя на малыхъ доскахъ; а затѣмъ учинилъ большой розыскъ между стрѣльцами о томъ, кто дѣлалъ поблажку заключеннымъ: кто носилъ въ тюрьму потребное, кто допускалъ приходящихъ. Уже съ этого времени трудно было поддерживать сношенія съ единомышленниками и думать о письмахъ къ близкимъ лицамъ. Но, вѣроятно, и то и другое все еще продолжалось, несмотря на явную опасность. Поэтому около Петрова дня того же года въ Боровскѣ былъ присланъ для новаго розыска дьякъ Кузмищевъ. Для боярынь онъ устроилъ новую темницу, выкопавши ее въ землѣ еще глубже первой; Марью же Даниловну перевелъ въ

*) Какъ извѣстно, кн. Е. П. Урусова была взята подъ стражу въ ночь на 16 ноября 1671 г. Первоначально она содержалась съ своей сестрой въ подклѣтѣхъ коромъ послѣдней, затѣмъ была переведена на подворье Печерского монастыря, откуда ее отправили въ Алексѣевскій монастырь, а отсюда уже препроводили въ Боровскъ „на жестокое заточеніе“.

тюрьму, гдѣ злодѣи сидѣть. Съ этого момента заключеніе „соузницъ“ стало дѣйствительно лютымъ и жестокимъ: всякія сноменія съ вѣшнимъ міромъ сдѣлались теперь абсолютно невозможными. Онѣ сидѣли въ глубокой темницѣ, во тьмѣ несвѣтимой; страдали отъ задухи земной; отъ спершагося земнаго пару дѣлалась имъ тошнота; сорочекъ ни перемѣнять, ни мыть было нельзя; въ верхней худой одеждѣ, которую нельзя было скидатъ отъ холода, развелось множество насѣкомыхъ, не дававшихъ имъ ни днемъ покою, ни ночью сна. Не оставлено было имъ даже и четокъ или лѣстницъ, взамѣнъ которыхъ онѣ навязали 50 узловъ изъ тряпицъ и по тѣмъ узламъ, обѣ на перемѣнахъ, совершали свои изустныя молитвы. Давали имъ только пищу, „премудрости учительницу, сирѣчь зѣло малу и скудну“; когда сухариковъ пять-шесть дадутъ, тогда воды не даютъ пить; а когда пить дадутъ, тогда ёсть не спрашивай... Иногда яблоко одно или два подадутъ, иногда огурчиковъ малую часть; но это дѣлали уже изъ жалости стрѣльцы, да и то тихонько другъ отъ друга. Среди такихъ лишеній княгиня черезъ два съ половиною мѣсяца скончалась*).

Принимая во вниманіе изложенные обстоятельства жизни княгини въ Боровской тюрьмѣ, съ вѣроятностью можно сказать, что найденная нами переписка Е. П. Урусовой къ ея дѣтямъ относится къ периоду времени съ лѣта 1673-го года и по конецъ іюня 1675-го года.

Письма кн. Урусовой представляютъ интересъ, какъ новый архивный материалъ, относящійся къ такой исключительной исторической личности. О княгинѣ Е. П. Урусовой и ея „подвигѣ“ имѣются уже довольно подробныя свѣдѣнія; но тѣмъ не менѣе въ жизни этой „страдалицы“ не все еще выяснено. Въ этомъ отношеніи найденная нами ея личная переписка, конечно, имѣеть большое значеніе: въ ней содержатся данныя, которые проливаются новый свѣтъ на нѣкоторые частные вопросы изъ біографіи княгини. Но эта же переписка важна и въ другомъ отношеніи. До сихъ поръ о княгинѣ Урусовой судили на основаніи того, что давало извѣстное житіе боярыни Ф. П. Морозовой. Теперь же сужденіе о ней можно имѣть на основаніи

*) Забѣлинъ, И. Е., Домашній бытъ русскихъ царицъ. М. 1869 г., стр. 145—146.

ея собственныхъ писемъ, неизбѣжно носящихъ интимный характеръ и являющихся поэтому самымъ лучшимъ источникомъ для характеристики ея личности и настроенія.

Переписка почти вся дошла до насъ въ копіи, и только три письма, какъ намъ кажется, представляютъ собой подлинные автографы княгини. Нашъ столбецъ заключаетъ въ себѣ собственно два ряда склеекъ. Одинъ рядъ склеекъ дошелъ до насъ въ совершенной цѣлости и сохранности, о чёмъ свидѣтельствуетъ правильная и почти полная нумерација склеекъ *), которая идетъ по концамъ лѣвой стороны ихъ. Это, такъ сказать, основной столбецъ. Но въ него, неизвѣстно кѣмъ и когда, былъ вложенъ еще рядъ склеекъ **), уже безъ всякой нумерацији, написанныхъ одною, но совсѣмъ иною рукою сравнительно съ той, какою написаны склейки основного столбца. Склейки основного столбца по концамъ хорошо скрѣплены между собою, склейки же второго ряда оказались безъ всякаго скрѣпленія. Все это было завернуто въ одинъ общий свитокъ. Основной столбецъ, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ только копіи писемъ; второй же рядъ склеекъ содержитъ въ себѣ три подлинныхъ письма княгини. Правда, въ нихъ мы не находимъ вицѣнныхъ признаковъ подлинности, т. е. на нихъ нѣть подписи княгини, нѣть никакихъ соотвѣтствующихъ помѣтокъ и на оборотѣ склеекъ. Но это обычное явленіе въ личной перепискѣ людей XVII вѣка, тѣмъ болѣе такой интимной, какъ переписка кн. Урусовой. Два изъ этихъ писемъ-автографовъ оказались и въ копіяхъ въ основномъ столбцѣ, одно же сохранилось только въ подлинникѣ. Сравненіе этихъ, по нашему мнѣнію, писемъ-автографовъ съ ихъ копіями самымъ нагляднымъ образомъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что основной столбецъ есть только списокъ съ тѣхъ подлинниковъ, часть которыхъ дошла до насъ на $6\frac{1}{2}$ склейкахъ. Такъ, въ основномъ столбцѣ мы встрѣчаемъ недописки и пропуски, очевидно, неразобранныхъ словъ и цѣлыхъ выражений, чего нѣть въ такихъ письмахъ, которые мы считаемъ автографами; ясно, что они-то

*) Всѣхъ склеекъ обычного для столбцовъ XVII вѣка формата въ этомъ рядѣ 19-ти; изъ нихъ склейки съ 1-й по 17-ю пронумерованы буквенными цифрами, а двѣ оставлены безъ нумерациї.

**) Именно $6\frac{1}{2}$ склеекъ.

и служили оригиналомъ для тѣхъ копій, которыя сгруппированы въ одномъ основномъ столбцѣ.

Мы думаемъ, что весь столбецъ, заключающій въ себѣ эти письма, является одной изъ разрозненныхъ частей дѣла Цыглера. Въ заговорѣ Цыглера былъ, какъ известно, замѣшанъ братъ княгини Алексѣй Прокофьевичъ Соковнинъ. При обыскѣ у него, вѣроятно, были захвачены и эти письма княгини, сохранившіяся у него, какъ драгоцѣнное сокровище, такъ какъ и онъ былъ убѣжденнымъ „раскольникомъ“. Когда составлялось дѣло о заговорѣ Цыглера, письма были, вѣроятно, переписаны на особый столбецъ и вошли послѣ того, какъ часть, въ общее дѣло о Цыглерѣ *). Вмѣстѣ же съ ними первоначально хранились и подлинныя письма княгини, но потомъ они были разбиты и изъ нихъ сохранились до настъ только три.

То значеніе, которое имѣеть найденная нами переписка для біографіи кн. Е. П. Урусовой, а также и для исторіи русскаго старообрядчества, дѣлаетъ понятнымъ наше желаніе опубликовать ее.

Н. Г. Высоцкій.

*) Столбцы съ дѣломъ Цыглера также находятся въ Преображенскомъ Приказѣ.

I.

Къ сыну Васенкѣ*).

Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй нась.

Свѣту моему любезному, другу моему сердечному, утробѣ моей возлюбленной, Васенкѣ. Миръ тебѣ, свѣть мой, и благословеніе мое. Охъ, мой любезной Васенка, не видишь ты моего лица плачевнаго и не слышишь моего рыданія слезного, не слышишь, какъ рѣдастъ серце мое а тебѣ и душа моя а тебѣ сокрушаєца. Охъ, мой любезной друже, не слышу твоего гласа любезнаго. Охъ, любезной мой, промол(ви) ко мнѣ хотя единъ глаголъ, утѣши печаль мою, авесели серце мое сокрушенное. Охъ, мой ненаглядной, нинесмотрѣнной, не могла, грѣшница, своимъ очима на тебя насмотрѣтися. Охъ, утроба моя возлюбленна, промол(ви) ко мнѣ про сиротство свое, х кому приклонити тебѣ главу свою сирою, хто попечетца а тебѣ или кто а тебѣ сиромъ поболѣзуетъ, кто призрить на сиротство твое или кто утѣшитъ тебя сираго, кто тебя сираго примолытъ словомъ ласковымъ. Охъ, кто таковъ сиръ на земли, что ты, мой возлюбленной. Охъ, любезной мой друже, Васенка, или ты забылъ меня, или я тебѣ на умъ не взайду, или забылъ любовь и ласку мою, али забылъ ты слезы мои и рыданіе мое, какъ я рѣдала по тебѣ, какъ видѣла тебя на смертномъ одрѣ, не дала я покоя очима своимъ день и ноць и держала тебя, своего друга, на рукахъ своихъ и амыала слезами тебя и сокрушила свое серце по тебѣ; а чаяла, грѣшница, что ты будешь утѣха души моей и радость и серцу моему. И я нынѣ молю у тебя, любезной мой Васенка, и прошу со слезами и рыданіемъ, утѣши ты меня, любезной мой, абрауди ты душу мою и свою душу помилуй во вѣки, поживи ты усердно Христу, стой въ вѣрѣ истинной старой, а къ новому не прикосайся, не погуби душу свою и берегися отъ нового и пѣнья нового не слушай, крестися по старому истиннымъ крестомъ, какъ при мнѣ крестился, любезной мой, такъ и нынѣ крестись, люби ты вѣру старою, утѣши

*.) Письмо сохранилось только въ подлиннике.

ты меня, любезнай мой; вѣдаешь, какъ ты утѣшалъ и все любилъ по старому. Охъ, возлюбленной мой, буди ты со Христомъ да со мною во единой вѣрѣ истинной. И я молю у тебя, радость моя Васенка, буде ты что погрѣшишь, и ты кайся, свѣтъ, ко Христу. Онъ, свѣтъ, проститъ тебя и помилуетъ. А съ сего часу поживи, друсь мой, угодно Христу, люби вѣру истинную старою и крестися по старому; и буде ты, любезнай мой, возлюбишь вѣру истинную старою, а отъ нового отъ всего станешь беречися, и ты будепь отъ Бога вѣчно помилованъ, и будешъ долголѣтенъ на земли, и мое благословеніе буди на тебе; а буде грѣхъ ради моихъ возлюбишь ты нынѣшнею новою вѣру, и ты скоро умрешь, и тамо станешь въ будущемъ мучитца, и меня не нарекай ушь себѣ матерью, ушь я не мать тебѣ, буде ты возлюбишь нынѣшнюю новою; ино, любезнай мой, сохрани тебя Христосъ отъ того, что тебѣ любить нынѣшнее, сохрани тебя Небесный Царь, радость мой Васенка, буди ты, утроба моя возлюбленная, буди ты радость душѣ моей, храни ты то, а чемъ я у тебя теперѣ молю, и во вѣки не позобуди прошенія моего и моленія, помилуй душу свою, и чтобы мнѣ про тебя услышеть и возрадоватца, не опечаль ты душу мою во вѣки, а свою душу во вѣки не погуби. Да молю у тебя, любезнай мой Васенка, буди ты ласковъ къ сестрамъ и утѣшай ихъ и слушай во всемъ ихъ, что анѣ станутъ тебѣ говорить, и ты слушай во всемъ ихъ, любезнай мой, и не печаль ихъ, и не досождай имъ, буди ласковъ къ нимъ, толка, вѣть, у нихъ у сирыхъ и радости, что ты единъ, ты утѣха и радость имъ, а тебѣ сирому толка же радости и утѣхи, что анѣ у тебя, толка у тебя и сердечныхъ пріятелей, что анѣ, а у нихъ ты единъ же пріятель сердешной; поживите свѣты мои, въ любви и друсь на друга ненагледитесь, а ты ихъ слушай, любезнай мой Васенка, утѣши ты меня, возлюбленной мой. Да еще у тебя прошу, любезнай мой, не презри ты моего моленія, не пей ты вина, не опечаль ты душу мою, не пей вина и ничего хмѣлного не пей, любезнай мой, помни, свѣтъ, кто вино пьетъ, тотъ не наслѣдить Царствія Небеснаго, пьяницамъ мука соторяна. Да еще молю, возлюбленной мой, не рѣзвися и имѣй чистоту душевную и тѣлесную, вѣдай, мой свѣтъ, блудники и въ огнѣ вѣчно мучитца и нѣтъ атрады имъ, и ты берегися, любезнай мой, отъ той погибели, чтобы тебѣ не мучитца, и буди, мой свѣтъ, кротокъ и смиренъ. Прости же, любезнай мой,

прости же, мой радостной, прости же возлюбленной моей, и не позабуди ты прошения моего; все сія слова мое напиши въ сердце своеемъ, помни во вѣки приказъ мой, не преступи прошения моего; да обрадуй меня, Васенка, отпиши ко мнѣ, какъ ты живешь, утѣши меня, любезной мой; буди на тебѣ Божія милость.

II.

Къ дочерямъ.

Господи! Иисусе Христе, Сыне Божій, и помилуй насъ.

Свѣты мои любезны! Охъ, мои свѣты ненаглядныя. Утроба моя возлюбленная. Двѣ горлицы, свѣты мои, пустынныя, два птенца безлобивыя, двѣ горлицы осиротѣвшія. Охъ, мои свѣты возлюбленныя, не имите вы х кому приклонити главу свою. Охъ, сирь, свѣты мои, сирь, отъ младыхъ нохтей осиротѣли. Кто не умилитца на васъ, сирь, глядя, или кто не прослезитца, сиротство ваше видѣ. Утроба моя и душа моя а васъ сокрушилась. Да молю и прошу у васъ, свѣты мои, со слезаниемъ и рыданiemъ, не презрите моего прошения слезнаго, поживите, свѣты, угодно Христу, не преступите вы Божію заповѣдь и святыхъ отецъ преданія, и не забутте, свѣты мои, приказу моего, о чемъ я у васъ безпрестани маливала. Да молю у васъ, свѣты, бутте вы смирны и кротки и Богу угодны, во всемъ имѣйте, свѣты мои, любовь между себѣ и другъ другу покорлитеся; вѣдалте, какова Христу любовь надобна; да и смиренія и кротость любить Христосъ; да и люди похвалить васъ, какъ увидятъ васъ кроткихъ, и смиренныхъ, и любовныхъ между себѣ. Берегите, свѣты, брата отъ всего и не бранитесь съ нимъ и бутте къ нему ласковы. Охъ, мои свѣты, поживите угодно Христу и въ любви между себѣ, и утѣшите, мои свѣты, утробу мою плачевную, обрадуйте, свѣты мои, сердце мое сокрушенное, чтобы мнѣ въ семъ вѣку и въ будущемъ о васъ радоватца. Свѣты мои, и впредь утѣште меня, отпишите ко мнѣ, бутто на васъ, свѣтовъ, поглежу и обрадуюся. По семъ буди на васъ милость Божія и мое благословеніе, буде заповѣдь Божію и мою во всемъ не приступите.

Свѣты мои, бутте Богомъ храними, попекитесь о душѣ своей, подшитеся одесную стать, утѣшите во вѣки матерь и меня грѣшную. Любезны мои, любовно поживите промежъ себѣ. Буде исправите про-

шенія наше, буди на васъ милость Божія и наше благословенія. Сердешной другъ, утроба моя, ты, Настасьюшка, не печаль ты меня, Богу угодно поживи. Не презрите прошенія нашево во всемъ. Докучайтесь, свѣты, отцу, чтобы взялъ Богородицу Тихвинскую. Какъ, свѣты, не породѣете такой свѣгѣйша Чудотворной образъ. Поживите, свѣты мои, какъ годно Христу. Не лѣнитесь Богу молитца, да и слово Божіе чтите, свѣты мои любезная. Свѣты мои, не забывайте меня, и отцу о мнѣ говорите, грѣхъ было ему забыть меня.

III.

Къ тѣмъ же лицамъ.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насть.

Возлюбленнымъ моимъ(имъ) сердешнымъ (Е) (Н). Спаси вѣсъ Христосъ. Поживите хорошо, пеките о душѣ. Все минетца, а душа всево дороже. Помните...*) приказъ, жалайте а душѣ. Храните вѣру, во всемъ любовна поживите; любите другъ друга и брата берегите, всему добромъ учите брата, чтобы хранилъ вѣру; говорите ему ласково; не лѣнитесь молитца. Простите, свѣты мои, сердешные. Любезная моя, не забывай меня ты, пиши ко мнѣ ты, собинная моя; молю у тебя, будь смирна. Чтите часто Слово Божія. И ты, (Е), не забывай меня. Всѣ вы мнѣ болны. Не подивите, что мало пишу къ вамъ. А се вскорѣ лучилося, неколи было хорошо написать, спѣшила. Молитесь, сердешные, часто; спасайтесь о Христѣ, за насть молитесь, поминайте родителей, Бориса, Иванушки и Прокопія, Анисию и всѣхъ. Говорите кануны. Пожалуй, любезная мои, не лѣнитесь кануны говорить.

IV.

Къ тѣмъ же лицамъ.

Господі Иисусе Христе, Сыне Божій, и помилуй насть.

Свѣты мои любезные, еще ли вы живы вѣ печалѣхъ своихъ. И буди мое грѣшное благословенія на васъ, свѣтовъ моихъ. Да слышала я, свѣты мои, печаль вашу и сокрушение, что вамъ нѣть ни отъ кого радости, ни утѣшеніе, ноипаче отъ всѣхъ вамъ оскорблениe. Охъ, свѣты мое любезная, сокрушаща мое серце по васъ и утроба моя

*) Оставлено пустое мѣсто для одного слова, очевидно, не разобранныго переписчикомъ; вѣроятно, это слово: материнъ.

разиалиютца, видѣчи сиротство ваше и слышечи печаль вашу и сокрушеніе. Охъ, свѣты мои, кто таковъ сиръ на земли, или кому такое живое разлученіе. Охъ, мои возлюбленныя, кто утѣшигъ печаль и скорбь вашу, или кто попечетьца вами и посѣтуетъ о васъ. Да слышала я, свѣты мои, что вы и отъ брата оскорблены и (отъ) отца не утѣшены. И я о томъ сокрушаюся, грѣхъ ради моихъ, таковъ братъ вашъ родился; сокрушилъ онъ сердце мое и повредилъ онъ утробу мою грѣшину. О, свѣты мои любезныя, радость вы душѣ моей. Но, свѣты мои, двѣ ластовицы златокрылыя; о, мои свѣты возлюбленные, двѣ горлицы пустынныя; охъ, свѣты мои любезные, двѣ сироты безпріятные, не имѣете х кому приклонити главу свою сирою. Только у меня, у грѣшиницы, на земли и радости, что вы, двѣ любезныя мои. Носила васъ, свѣтовъ своихъ, во утробѣ своей и радовалась и родила васъ, свѣтовъ своихъ, забыло болѣзнь свою матернию, возрадовалася вашему рожденію, глаза мои грѣшныя на васъ не нагледѣлися и сердце мое вами не нарадовалась. Охъ, свѣть мой любезная, вы радость душѣ и вы отрад(а) серцу моему сокрушенному. Да молю и прошу у васъ, свѣты мои, со слезами и съ рыданіемъ, утѣште вы меня вѣчною радостью, свѣты мои, чтобы мнѣ, грѣшиницѣ, въ будущемъ вами возрадоватца и чтобы мнѣ узрить васъ адесную Свѣта Христа не вѣзыреченной радость. Свѣты мои, здѣшная честь и радость маловременна, аки въ гостяхъ гостимъ, а тамошняя радость неизглаголанная, око не видѣ ни ухо слыше и на сердце человѣку не взыде, кто угодить Христу и кто вѣстинной вѣрѣ скончаетца. Свѣты мои любезная, какъ вы крестилися вѣстинной вѣрѣ, и до конца пребудьте въ ней, спасетесь, не премѣняйте ни ед(ин)ые черты, утѣште меня, свѣты мои, радость моя душевная вы будите. Да прошу у васъ, любезные мои, утѣшите печаль мою, обрадуйте сердце мое сокрушенное, отпишите ко мнѣ про все жит(ъ)е свое, не облѣнитесь, не утѣшите *) вы меня — маленко пишите ко мнѣ. Отпишите ко мнѣ, свѣты мои, каковъ отецъ до васъ да братъ каковъ нынѣ до васъ, про всѣ печали свое отпишите ко мнѣ, каково вамъ жить безъ меня и что дѣлаетца надъ вами, любезными. Да еще вамъ, свѣты мои, приказываю и со слезами молю: бутте вы к-Івановнѣ ласковы и со слезами просите у нея, чтобы она васъ

*) Вѣроятно, слѣдуетъ читать: не утѣшаете.

не покинула, и слушайте ее и вмѣстите Ивановну вмѣсто меня; ничѣмъ со мною не разните: также она болитъ сердцемъ о васъ, что и я болю. А я васъ вручила (!) Христу, да и ей вмѣсто себя вручила я васъ, Ивановнѣ, слушайте во всемъ ее. Да прошу, свѣты мои, у васъ: поживите угодно Христу, чтите Слово Божіе, и коли вамъ прійдетъ печаль, и вы прибѣгните со слезами ко Христу, не лѣнитесь, свѣты мои, прошу у васъ: давайте, свѣты, Христа ради милостыню, какъ васъ наставить Богъ, давайте, свѣты, милостину Христа ради. Простите-жь, мои свѣты любезные, простите.

V.

Къ дѣтямъ вообще*).

Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.

Въ темницѣ сежю, аки во гробѣ, на смерть асужденна за имя Божіе и за святыхъ отецъ преданіе. Господи, дай ми слезы, да плачуся о грѣхахъ своихъ, и да плачуся и а розлученіи со птенцами моими сироми. Охъ, свѣты мои, три птенца сиряя, единоутробныя, не зритъ вы мя въ темницѣ сидящую, аки во гробѣ, и не слышите моего гласа плачевнаго и рыданія слезнаго, и не преклоняется главы своея къ терсемъ**) моимъ, и не обымаете своима рукама меня, и не цѣлуете своима устнама. Охъ, свѣты мои, три птенца сиряя и превозлюбленныя, радость ваша иза очію ванцею котитца вонъ, и веселіе ваше въ плачъ претворяетца, и вмѣсто радостного ликовствованіе постигаетъ васъ плачевное сѣтованіе. Охъ, свѣты мои утробныя и возлюбленныя, вмѣсто вамъ радости и веселіе воспойте, свѣты мои, пѣсни надгробныя и плачевныя, и представя мя предъ очима своима во гробѣ и представя себя, аки у гроба моего; и, зрящие мя во гробѣ мертву и безъ дыханіе лежашщу, возрыдайте и возплачитеся, свѣты мои: увы, наша мати родителница, уже мы не узримъ лица твоего; уже и не приклонимъ главы своея къ персемъ твоимъ, уже бо кому и не услышимъ про тебя; увы, наша мати родителница, кому насъ сирыхъ вручаешь и кому насъ сирыхъ оставливаешь,

*) Письмо дошло до насъ и въ подлинникѣ и въ копії; поздается, конечно, по подлиннику.

**) Слѣдуетъ: персемъ.

х кому намъ сирымъ приклонити главу свою сирую, кто попечетца нами сирими, или кто нами сирими поболѣзнуеть, кто утѣшитъ горесть и печаль нашю сиротскую, и кто насть сирыхъ утѣшитъ словомъ ласковымъ: охъ, увы, намъ сирымъ, оставаемся отъ тебя млады и сиры, свѣта и живота нашего. Охъ, свѣты мои, три птенца сирые; охъ, мои свѣты утробныя и возлюбленныя; охъ, свѣты мои, вручаю вась Свѣту Творцу своему, Его ради, Свѣта, оставила вась Ему, Свѣту, и вручаю вась, любезныхъ своихъ, Матери Божиѣ, Пресвятѣй Богородицѣ; Она, Свѣть, вамъ сирымъ—радость и веселіе; Она, Свѣть, вамъ сирымъ прибѣжище; къ Ней, Свѣту, прибѣгайте день и нощь и просите у Ней, Свѣта, милости; Ана, Свѣть, всѣмъ сирымъ прибѣжище и утѣшеніе. Охъ, свѣты мои возлюбленныя, кто бы вамъ даль голубине крыле, да летѣли бы ко мнѣ и видѣли бы кончину мою, и видѣли бы, свѣты мои, разлученіе съ тѣломъ души моей грѣшнай, и воздали бы мнѣ послѣднеѧ цѣлованіе, и предали бы землѣ тѣло мое. Охъ, свѣты мои, уже не узрите кончины моей, и не дадите мнѣ послѣднего цѣлованіе и не узрите разлученіе съ тѣломъ души моей, и не предадите вы землѣ тѣло моего грѣшнаго. Простите мене, свѣты мои, простите же, мои свѣты возлюбленныя, да рыдаю и плачу у вась, свѣты мои любезныя, и отъ горести серда своего прошу и молю у вась, свѣты мои любезныя, помилуйтъ душу свою, не преступите вы заповѣди Божія и святыхъ отецъ преданія и до конца, свѣты мои, пребудутъ въ нихъ. Охъ, мои любезныя, берегитесь вы отъ душевнаго погибели, аки отъ огня*) или отъ лютаго змія, всячески берегитесь, любезныя мои, отъ погибели душевнага. Сами вы знаете, что погибель душевная, а чемъ я безпрестаны молю у вась со слезами и рыданіемъ и горко плачу предъ вами со слезами неутѣшимоми. Охъ, свѣты мои, послѣднеѧ вамъ воздаю розжденія и попеченіе и болѣзни свою матерню. Охъ, свѣты мои возлюбленныя, не погубятъ душу свою во вѣки, не преступите вы заповѣди Божія и святыхъ отецъ преданія, до конца пребудте въ нихъ, спасетесь, и не преступите, свѣты мои, заповѣди моей матернеѧ; а чемъ заповѣдаваю я вамъ, отъ того берегитесь всячески. Охъ, свѣты мои, утѣшите вы меня во вѣки, дайте мнѣ съ собою въ будущемъ возрадоватца. Охъ, свѣты мои ненаглядныя; охъ,

*) Въ подлиннику: тогня.

мои свѣты ненасмотрѣны, не парадовалася вами, свѣтами, отлучена отъ васъ, свѣтовъ своихъ, на чюжу сторону. Охъ, свѣты мои, пойте вы сію пѣснъ слезною и плачевною: увы, наша мати-радителница; увы, наша поболительница; уже бо не узримъ лица твоего, понеже аспиды, и корасти лвы, и рыси, и медвѣди, и лютые звѣри, тебя, живота нашего, живу восхитиша и росторгоша и отъ насъ отлучиша и за имя Божія и за преданіе святыхъ отець. Пойте, свѣты мои, сію пѣснъ плачевною. Охъ, свѣты, молю у васъ: поживите въ любви между себя и берегите брата, свѣты мои, отъто всего, да чтите, свѣты мои, Слово Божіе, да вселитца въ васъ страхъ Божій; свѣты мои, молитесь часто Богу, не лѣнитесь. Да молю у васъ, свѣты мои, любитя вы Анну и бутте пріятны къ ней; доброхотъ Анна вамъ, свѣты мои, хотеть она вамъ всякого добра, что своей душѣ, слюбетца вамъ послѣ слова ея, что ана васъ на добро учить; охъ, свѣты мои любезныя, истинно доброхотъ ана вамъ, любите вы и жалуйте ея. Не преслушайте во всемъ моего повелѣніе, свѣты мои, и не преступите во всемъ моего заповѣди, помните, свѣты мои любезныя. Прости меня, свѣты мои возлюбленныя, прости же, мои свѣты возлюбленныя, буди на васъ милость Божія и мое благословенія. Охъ, свѣты мои, не презирите моего моленіе во всемъ; берегитесь отъто всего, свѣты мои, отъ душевные погибели; охъ, свѣты мои, берегитесь. Поживите, свѣты, кротко и смиренно и Богу угодно во всемъ. Простите, свѣты мои.

VI.

Къ тѣмъ же лицамъ*).

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй нась.

Свѣтомъ моимъ любезнымъ, тремъ птенцамъ единоутробнымъ, за ими Христово асиrottvshimъ, тремъ сиротамъ безпріютнымъ, не имѣющимъ х кому главы своея приклонити; миръ вамъ, свѣтомъ моимъ, и благословеніе мое буди на васъ. Охъ, мои свѣты любезныя, не вижу я своима очима васъ, не абымаю и не цѣлую своима уснами васъ. Охъ, свѣты мои возлюбленныя, не видите вы моего лица плачевного и не слышите рыданіе моего слезного. Охъ, свѣты мои,

*) Письмо сохранилось и въ подлиннике и въ копіи; издается по подлиннику.

отлучена отъ васъ. Охъ, свѣты мои превозлюбленныя, кои чады разлучены отъ живой матери, какъ вы, свѣты мои, отлучены отъ младыхъ нохтей и отъ нѣдръ матернихъ. Охъ, мои свѣты любезныя, кто обѣ васъ попечетца, или обѣ васъ поболѣзнуеть кто; охъ, свѣты мои, кто таковъ сиръ на земли, яко же вы, мои свѣты возлюбленныя, сиры и безпріязни паче всѣхъ. Охъ, свѣты мои трелюбезные, х кому вамъ приклонить главу свою сирою, кто утѣшитъ печаль вашу сиротскую, или кто васъ примолитъ словомъ ласковымъ, или кго вами сирими поболѣзнуеть. О, свѣты мои ненаглядныя, серце мое а васъ сокрушаетца, и животъ мой а васъ скончаваєтца, и утроба моя располаєтца, сиротство ваше видѣчи. Свѣты мои любезныя, свѣты мои ненаглядныя, молю и прошу васъ со слезами и съ риданіемъ, утѣшите вы душу мою сокрушенную, аввеселите серце мое печалное и помилуйте вы душу свою, не погубите души своея во вѣки, не прикосайтесь вы къ нынѣшней погибели; храните, свѣты мои, вѣру Христіянскую и до конца своего пребудьте въ ней. О, свѣты мои любезныя, всячески берегитеся отъ прелести антихристовой, не принимайте ея и бѣгите отъ нея, аки отъ злого змія, хотящего поглатити души ваши и свести во ать. О, мои свѣты любезныя, не слушайте вы, кто прелашаетъ васъ, и приводить васъ къ нынѣшней погибели, и хощеть погубити васъ въ семъ вѣку и въ будущемъ во вѣки. О, свѣты мои превозлюбленныя, не пожелайте вы свѣта прелесного и маловременного и мимоидущего, и не убийтесь, свѣты мои, тѣлеса убивающихъ, души же не могущихъ прикоснутися, того убийтесь, свѣты мои, кто можетъ душу въвергнуть въ егenu огненную во вѣки. О, свѣты мои любезныя, почтитесь вы быть со Христомъ и пострадать за Христа и за вѣру Христіянскую умереть, абраудйте меня въ будущемъ. Свѣты мои, почтитесь, любезныя мои, вѣнцы пріяти отъ раки (!) Господни; будте вы, свѣты мои, утроба моя возлюбленная, чтобъ мнѣ васъ видѣть одесную Христа, и вѣчно бы а васъ мнѣ радоватца. Поживите, свѣты мои, угодно Христу, стойте въ вѣрѣ Христіянской, а къ прелести не прикосайтесь, не погубятъ душу свою во вѣки. И помните, свѣты мои, смертной часъ и какъ явитца Страшному Судіѣ, свѣдущему дѣла наша и помышленія. Охъ, свѣты мои, не лститесь, что млады и юны, видите, свѣты мои, млады и юны умираютъ, не сцедить смерть младости и не милуетъ юности, всѣхъ равно гробу

предаетъ. О, свѣты мои, почтитеся, чтобы вамъ отъ Христа, Свѣта, не отлучитесь. Да прошу у васъ, свѣты мои, поживите въ любви между себѧ, и другъ друга утѣшайте, и другъ другу покоряйтесь, и другъ о другѣ радѣйте. Свѣты мои любезныя, берегите вы птенца таго сирого, брата своего единутробнаго, и бутте къ нему ласковы, берегите, свѣты мои, его отъ нынѣшной прелести, и помните ему мой приказъ. Свѣты мои любезныя, бутте ласковы къ нему и берегите отъ всего ево, любите, свѣты, его паче себѧ; а хотя онъ зглупа что вамъ и досадить, и вы на него, свѣты мои, не дивуйте и не гнѣвайтесь, что еще не смыслить онъ зглупа вамъ досадить, а какъ онъ посмыслеять, станеть онъ а васъ умирать и станетъ васъ утѣшать, только у него—что вы, а у васъ толко—что онъ, немного васъ, свѣты мои. Поживите въ любви и другъ на друга не нагледитесь. Да еще у васъ молю, свѣты мои, молитесь Богу, не лѣнитесь, и прибѣгайте къ Нему, Свѣту, и просите у Него милости: Онъ, Свѣть, вамъ сирымъ отецъ и мать, Ему, Свѣту, я вручила васъ и Его ради, Свѣта, оставила васъ; Онъ, Свѣть, вамъ сирымъ—радость и въ печалѣхъ вашихъ заступить васъ. Да еще молю у васъ, свѣты мои, чтите вы Слово Божіе почасту, а не станете честь Слово Божіе и не узнаете прелесть нынѣшнею, не отъ чего будетъ познать. А станете честь Слово Божіе, и вселитца въ васъ страхъ Божій, познаете сами прелесть и погибель нынѣшнею. Чтите Кирилу Еросалимскаго, и Еѳрема, и Поколицисъ, и а Вѣрѣ Книгу; тутъ познаете сами все. Да прошу у васъ, свѣты мои, утѣшите меня въ печали моей, обрадуйте серце сокрушенное, отпишите, свѣты мои, ко мнѣ своею рукою обѣ, свѣты мои; и не облѣнитесь, отпишите обѣ ко мнѣ по грамоткѣ, обрадуйте меня, бутто на васъ поглежу и порадуюся ручкѣ вашей; и да отпишите, свѣты мои, ко мнѣ; что у васъ дѣлоетца, сохранилъ ли васъ Богъ въ Великой Постѣ. Отпишите, свѣты мои, каковъ до васъ отецъ, и нѣть ли вамъ утѣшненія отъ кого, и про все житіе свое отпишите, каково житѣе ваше, отпишите, свѣты мои, про брата, какъ онъ живетъ и каковъ онъ до васъ, о всемъ, любезныя мои, отпишите ко мнѣ, не облѣнитесь; утѣшите вы печаль мою, бутто съ вами побесѣдую, какъ прочту ваши грамотки; а нынѣ нѣть у меня вашихъ грамотокъ, нечemu порадоватца. Да молю у васъ съ слезами, свѣты мои, бутте вы, утроба моя возлюбленная, обрадуйте душу

мою во вѣки, стойте вы въ вѣрѣ истинной до конца, бутте, свѣты мои, кротки и смирны и поживите угодно Христу; часто молитесь и чтите Слово Божіе, вселитца въ васъ страхъ Божій. По семъ, буди на васъ милость Божія и мое благословенія. А сіе писаніе крѣпко берегите и часто чтите.

VII.

Къ дочерямъ.

Господи! Иисусе Христе, Сыне Божій, и помилуй нась.

Свѣты мои любезныя, бутте хранимы Богомъ. Охъ, свѣты мои, надсадили вы утробу мою, сокрушающе мое серце а васъ, не видѣчи предъ очима своима васъ. Охъ, мои свѣты, возлюбленныя, только у меня на земли и радости, что вы, свѣты мои, о васъ сокрушаются, вами же въ печали своей и порадуюся. Охъ, мои свѣты, молю и прошу со слезами у васъ: утѣшите вы печаль мою и свою душу во вѣки помилуйте, поживите, свѣты мои, угодно Христу, помните, о чёмъ я у васъ молю, берегитесь, свѣты мои, отъ того, сами вы знаете отъ чего, не погубите душу свою во вѣки, и брата, свѣты мои, берегите отъ того и предлагайте ему. Да еще у васъ пропну: не презирите моего прошенія во всемъ, бутте, свѣты мои, кротки и смирны и Богу угодны во всемъ, кроткимъ и смиреннымъ Господь даетъ благодать; не играйте, свѣты мои, а светкахъ. Да еще прошу у васъ, свѣты мои, смиритесь вы Христа ради сами себя, носите вы, свѣты мои, платья смиренное, зеленое да лазоревое, Его ради, Свѣта Творца, смиритесь, чтобы Онъ, Свѣть, въ будущемъ украсиль васъ; а цвѣтнымъ платемъ, свѣты, не украшайтесь, не надѣвайте, свѣты мои, платья цвѣтного, носите смиренное, и люди, на васъ глядя, лутчи умилятца, какъ вы смиреннымъ образомъ и плате смиренное на васъ. А се недостойно такъ *), свѣты мои, что вамъ, Христа ради, смиритися, смиряйся да вознесетца. Да молю у васъ, свѣты мои, утѣшите вы скорбь мою, а чёмъ я писала къ вамъ, почтитесь, свѣты мои, чтобы на земли видѣтца, утѣште печаль мою. Да еще, свѣты мои, молю: утѣшите меня, пишите ко мнѣ почапце а всемъ и что у

*) Вѣроятно, слѣдуетъ читать: А се достойно такъ.

васъ дѣлоетца и про брата, свѣта, отпишите ко мнѣ, что онъ дѣлоетъ и что говорить онъ про меня, и какъ онъ живеть: хороши-ли, отпишите, мои свѣты, о всемъ ко мнѣ, да почаше, свѣты, пишите ко мнѣ, утѣшайте въ печали моей, чѣмъ бы мнѣ радоватца, бутто на васъ, свѣтовъ своихъ, поглежу и бутто съ вами въ печалѣхъ своей побесѣдую, какъ прочту ваше писаніе, тѣмъ и радуюся. Охъ, свѣты мои, не лѣнитесь писать ко мнѣ; будеть и то время, любезная мои, что и станете на томъ плакать, что не часто писали ко мнѣ—и ради бы написали, да не будеть х кому писать. Охъ, мои свѣты ненадсадныя; охъ, свѣты мои, и радостныя; охъ, мои свѣты, утроба моя возлюбленная; какъ васъ, свѣтовъ своихъ, нареку или какъ васъ, любезныхъ своихъ, назову; охъ, мои свѣты трелюбезныя, горлицы пустынныя, голубицы безиряятныя, почтитесь, свѣты мои, одесную стати Христа въ вѣчной радости, храните, свѣты, себя отъ всего, сами знаете, отъ чего, помилуйте душу свою, во всемъ прощеніе мое исполните и моленіе мое слезное не презрите; а меня, свѣты, не позабывайте, утѣшайте меня въ печалѣхъ моихъ, да пришлите, свѣты, ко мнѣ поболни, вѣдаю, что есть у васъ воскъ, да скрыто, свѣты, посыпайте ко мнѣ, чтобы никто не вѣдалъ. Простите же, свѣты мои, буди на васъ милость Божія.

VIII.

Къ тѣмъ же лицамъ.

Господи! Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насть.

Свѣты мои любезные, свѣты мои превозлюбленныя, радость вы душѣ моей. Охъ, мои свѣты радостныя, буди на васъ милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка. Буде станете хранити вѣру христіянскую, наслѣдите Царство Небесное. Вѣрю Творцу своему, не оставитъ васъ сирыхъ. Охъ, мои свѣты прелюбезныя, помилуйте вы душу свою и меня вы, свѣты мои, вѣчно возрадуйте; стойте вы, свѣты мои, въ вѣрѣ христіянской и храните вѣру до конца своего; свѣты мои любезные, бутте вы, утроба моя возлюбленная, берегитесь вы отъ нынѣшняго погибели, аки отъ лютого змія, и ни х чemu къ прелести не прикасайтесь, не погубите, свѣты мои, душу свою. Охъ, мои свѣты, утроба моя о васъ распалаєтца и сердце мое о васъ сокрушаетца. Свѣты мои, любезныя, молю у васъ:

поживите, свѣты мои, берегите вы брата оть нынѣшной погибели и утверждайте его, свѣты мои, чтобы онъ хранилъ вѣру христіянскую; свѣты мои, утверждайте его. Охъ, свѣты мои, какъ мнѣ на земли васъ не видать; а семъ утроба моя сокрушаетца, что мнѣ васъ, свѣтовъ своихъ, не видать на земли. Охъ, мои свѣты любезныя, коли бы васъ предъ очима своими увидѣла, омыла бы слезами своими васъ, утѣшила бы свое сердце сокрушенное, нарыдалася бы съ вами, свѣтами, и наплакалася, тѣмъ бы свое сердце утѣшила. Свѣты мои, утѣшите меня, не лѣнитесь, Богу молитеся и книгу чтите и милостыню, свѣты мои, давайте, Христа ради, и кануны по умершихъ говорите: по дѣдушкахъ, и по бабушкахъ, и по сестрахъ, и по тетки княгини Ксениѣ, по Борисѣ, по Иванѣ. Да молю у васъ, свѣты мои, бутте вы до Гавриловны ласковы и бейте челомъ ей, чтобы она васъ не покинула и ъздила бы къ вамъ почаще, посырайте, свѣты мои, по нее, какъ нѣть отца дома и бабки нѣть; и вы, свѣты мои, къ ней и вѣсть пошлите, чтобы она къ вамъ прїехала, говорите, бутто у нея чему учитеся шить чему-нибудь, заманивайте, чтобы не догодалися, свѣты мои, вмѣняйте вмѣсто тетки родныя...*), что родная тетка, имѣйте, свѣты мои, ее вмѣсто кровнаго родителя, всѣмъ сердцемъ она болить о вѣсѣ. Да спаси васъ, свѣтовъ моихъ, Христосъ, что прислали вы ко мнѣ полотенечекъ, всѣ до меня дошли, свѣты мои, и впредь не покиня меня; и какъ у васъ лучитца денегъ, и вы, свѣты, пришлите на нужду мнѣ, что вамъ Богъ извѣстить. Атецъ вашъ презриль во всемъ меня, да не постави ему, Господи, во грѣхъ. Да пишите, свѣты мои, ко мнѣ почаще, утѣшите вы меня, свѣты мои, пишите ко мнѣ о всемъ, что у васъ дѣлоетца; поживите, свѣты мои, кротко и смирно и Богу угодно во всемъ; чтите, свѣты, часто Слово Божіе, да вселитца въ васъ страхъ Божій. Да слышала я, свѣты мои, что у васъ Мавра умерла, и мнѣ приноситца то во умъ, что не таго ли ради Христосъ вѣкъ ее прекратилъ, что она вѣру поругала христіянскую, а погибель возлюбила и хвалила; а кто хранить вѣру, тотъ долголѣтенъ на земли будетъ, а въ будущемъ вѣчно возрадуетца. Простите же, свѣты мои любезные, простите же, мои свѣты возлюбленные; охъ, свѣты мои превозлюбленныя.

*) Небольшой пропускъ.

IX.

Къ тѣмъ же лицамъ.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, и помилуй пасъ.

Свѣтомъ моимъ любезнымъ, свѣтомъ моимъ ненагляднымъ, миръ вамъ, свѣтомъ моимъ, и благословенія мое. Охъ, свѣты мои, какъ васть нареку, или какъ васть назову: горлицы мои, свѣты, пустынныя, ластовицы златокрылые, свѣтъ мой, пленасмотренные, радость вы душѣ моей и утѣха вы серцу моему сокрушеному. Свѣты мои, утѣшите вы вѣчно душу мою, чтобы мнѣ вами въ будущемъ возрадоватца. Охъ, свѣты мои, бутте вы мнѣ, матери, обрадуйте, свѣты мои, меня и свою душу помилуйте, храните, свѣты мои, вѣру христіянскую и поживите угодно Христу, молитесь, свѣты мои, не лѣнитесь, прибѣгайте къ Нему, Свѣту, и просите у Него милости: Онъ, Свѣтъ, вамъ отецъ и мать, Онъ, Свѣтъ, вамъ сирымъ утѣшеніе. Свѣты мои, какъ васть приидетъ печаль, и вы плачте передъ Творцомъ своимъ: велика помочь слезы душѣ. Охъ, свѣты мои, молю у васть: молитесь, свѣты мои, ночью, хотя по лѣсенкѣ кладите, нощная молитва велика. Свѣты мои, живите любовно между себя, и брата, свѣты, берегите, и утверждайте его, и говорите, чтобы онъ берегся отъ пынѣшной погибели. Да чтите, свѣты мои, Слово Божіе. Свѣты мои, просите вы книги у отца, да прячте у себя ихъ, я васть благославляю ими; всего дароже книги старыя, нынѣ не добьесся такихъ. Да послала я къ вамъ, свѣтомъ своимъ любезнымъ, и благославляю васъ книгаю Цвѣтникомъ; и вы, свѣты мои, чтите ее, не лѣнитесь. Утѣшите вы, свѣты мои, меня и свою душу помилуйте; почтитеся, свѣты, со Христомъ бытъ. Свѣты мои любезныя, послала вамъ по лѣсенкѣ, имена ваши подписаны на лѣсенкахъ; свѣты мои, молитесь по нимъ, не лѣнитесь. Свѣтъ, моя любезная, дорогая именинница Настасьюшка, спасай душу въ новой годъ и поживи, свѣтъ, угодно Христу, и стой крѣпко въ вѣрѣ христіянской до конца своего. Матери мои, утѣшите меня вѣчною радостью. Свѣты мои, давайте милостыню. Да отпиши(те), свѣты мои, ко мнѣ про все, что у васть дѣлоетца; утѣшите вы печаль мою. Отпиши ко мнѣ про жите свое и говорите, свѣты, отцу, что онъ забылъ меня; да не постави ему, Господи, во грѣхъ, моихъ

ради грѣховъ, что забылъ меня вовсе; да (будетъ) воля Творца моего. Онъ, Свѣтъ, единъ у меня, Онъ, Свѣтъ, питаетъ меня сирую и всѣмъ утѣшаетъ. Кто таковъ сиръ на земли, что я сирая да вы, мои свѣты возлюбленныя; сиры, мои свѣты, паче всѣхъ. Да отпиши, свѣты мои, про отца, что отецъ говорилъ про меня, все отпишите ко мнѣ, свѣты мои любезныя, говорите отцу и плачте передъ нимъ, чтобы не женился, чтобы не погубилъ васъ; теперѣ-то, свѣты, и плачте передъ отцомъ, покуды не женился, а какъ женитца, такъ не пособить; лише вѣчна станете плакать; топере, свѣты, у него плачте; да поминайте, свѣты мои, родителей, говорите кануны по умершихъ, по дѣдушкахъ, и по бабушкахъ, и по отцѣ своемъ кресномъ, и по Иванѣ, и по сестрамъ говорите. Да слышала я, свѣты мои, что Анна овдовѣла; и какъ она пріѣдетъ къ Москвѣ, и вы, свѣты мои любезныя, бутте до нее ласковы, и любите ее, что душу свою: доброхотъ она вамъ; во всемъ нѣть у васъ такова доброхота, что она, вмѣсто родителя вамъ, любезныя мои, во всемъ. Мое прошеніе исправтя: попекитесь о душахъ своихъ, обрадуйте меня. Охъ, свѣты мои возлюбленныя, только у меня, у грѣшницы, на земли и радости, что вы, мои свѣты любезныя; сокрушаюся о васъ и вами же и радуюся. Прости же, мои свѣты любезныя, прости же, мои свѣты возлюбленныя; лобызаю васъ, свѣтовъ своихъ прелюбезныхъ и возлюбленныхъ. Охъ, мои свѣты, утроба моя возлюбленная; бутте вы, утроба превозлюбленная, храните вы крѣпко вѣру христіянскую и молитесь часто, свѣты мои. Простите же, любезные мои; буди на васъ милость Божія и мое благословеніе на васъ; спаси васъ, Христосъ, свѣты мои, что прислали ко мнѣ холстину да ниточки; дошло до меня, да и впередъ, свѣты мои, и не презрите меня, что вамъ Богъ возвѣстить, исправте нужду мою, не покинте меня, утроба вы моя возлюбленная.

X.

Къ тѣмъ же лицамъ.

Господи! Исусе, Сыне Божій, помилуй насъ.

Свѣты мои любезные; охъ, мои свѣты возлюбленныя, буди на васъ милость Божія и мое грѣшное благословеніе. Свѣты мои любез-

ныя, утѣште вы душу мою печальную; поживите, свѣты мои, угодно Христу, храните, свѣты, вѣру христіянскую, а х погибели, свѣты мои, не прикасайтесь, не погубите, свѣты мои, душу свою во вѣки. Охъ, сокрушаєтца душа о вась и серце мое надеѣлося о душахъ вашихъ. Охъ, свѣты мои, желаетъ душа моя грѣшная одесную вась видѣть; охъ, хочетца въ вѣчной радости вась видѣти. Охъ, свѣты, паче всего берегитесь отъ нынѣшной погибели. Свѣты мои, трепещетъ духъ мой, печалитца душа моя грѣшная и слышить серце мое грѣшное, болше вы ход(б) обережетесь отъ нынѣшной погибели грѣхъ ради моихъ. И я молю у вась, свѣты мои любезныя, со слезами и съ рѣданіемъ, помилуйте вы душу свою и не погубите себя во вѣки и мою душу во вѣки не опалите; съ сего часа, свѣты мои, берегитесь отъ погибели, аки лютаго змія и ни х чему не прикасайтесь. Свѣты мои, не погубите душу свою, а буде погрѣшили, и вы кайтесь Ему, Свѣту Творцу, чтобы Онъ, Свѣть, вась простиль. Поживите, свѣты мои, хорошенка, какъ бы угодно Христу. Да еще молю, свѣты мои, поживите въ любви между себѧ, и брата, свѣты мои, берегите отъ погибели и уговаривайте его, чтобы онъ самъ берегся. Да спаси и вась, Христосъ, свѣты мои, что вы прислали на нужду мнѣ десять рублевъ, и то до меня дошло. Спаси вась, Христосъ, свѣты мои, да и впредь, свѣты мои, не забывайте меня, присылайте на нужду мнѣ. Да слышала я, свѣты мои, что къ Москвѣ Анна прїѣхала, и я молю у вась, свѣты мои, со слезами: бутте ка Аннѣ милосерды и ласковы и берегитесь отъ всего, слушайте, свѣты мои, ее во всемъ: доброхотъ она велика вамъ, вмѣсто родителя, и хочетъ она вамъ всякого добра, что своей душу. И вы, свѣты мои, не презирите моего прошенія, во всемъ послушайте меня грѣшницу, а чемъ я молю у вась въ семъ писаніи и къ Аннѣ бутте милосерды и ласковы, и вмѣняйте себѣ родителемъ ее и во всемъ слушайте ея. Еще вась сирыхъ не оставилъ Христосъ, даль вамъ такого доброхота душевного и тѣлеснаго, душѣ вашей и тѣлу вашему хочеть всякого добра и вы, свѣты мои, не прогнѣвайте жъ Христа; бутте къ ней, Аннѣ, милосерды и моему прошенію, хотя вамъ смолоду у нее покажетца слова ея не любы, а посты въ семъ вамъ слова ея слубетца, и сами ея станите любить за радыя ее; нѣть у вась такова доброхота, что ана, Христосъ вамъ даль вмѣсто кровного

родителя. Простите же, мои свѣты любезныя, не позобутте моего прощенія и моленія во вѣки; все въ сердѣ своємъ напишите. Прости же, мои свѣты возлюбленныя; буди на васъ милость Божія и мое благословенія.

XI.

Къ дѣтямъ вообщѣ.

Господи! Иисусе Христе, Сыне Божій, и помилуй насъ.

Свѣты мои любезные, три птенца мои возлюбленныя. Охъ, мои ненаглядныя, утроба моя возлюбленная, будите, свѣты мои, хранимы десницею Вышнего Творца. Охъ, свѣты мои, утроба моя о васъ распаяетца и сердце мое сокрушилося о васъ. Жаль васъ любезныхъ своихъ, хочетца того, чтобы не отлучитца вамъ Христа и вѣчно бы не отлучитца, чтобы вамъ одесную Его, Свѣта, стать. Охъ, свѣты мои возлюбленныя, помните смертной часть, попекитесь о душахъ своихъ, поживите угодно Христу. Охъ, свѣты мои возлюбленныя, паче всего берегитесь отъ душевныхъ погибели, сами знаете отчего. Охъ, свѣты мои, берегитесь, не погубите души своея. Охъ, мои превозлюбленныя, помните мое рыданіе и моленіе мое слезное, а чомъ я рыдаю и плачу и прошу у васъ. Свѣты мои, берегитесь отъ душевныхъ погибели, сами знаете отчего; не опечалте вы душу мою, а свою душу не погибите во вѣки; во всемъ не преступите Божія заповѣди и моего прощенія и моленія, а чемъ со слезами молю и прошу у васъ. Да еще молю у васъ со слезами, свѣты мои и любезныя, поживите любовно между себѣ; свѣты мои, берегите брата отъ всего. Да молю у васъ, свѣты мои, поживите въ кротости и во смиреніи, и бутте, свѣты мои, кротки и смирны и Богу угодны во всемъ; и чтите, свѣты мои, Слово Божіе, такъ вселитца въ васъ страхъ Божій; а не честь Слово Божіе—отъ чего вселитца страху Божію? Свѣты мои, попекитесь а душѣ, вѣдаете, что жите сіе кратко, умереть всѣмъ намъ надобна, съ чѣмъ туды поевитеся, какъ от(вѣ)тъ дать Страшному Судію за всякое слово, и дѣла, и помышленія. Охъ, любезныя мои, почтитесь, какъ вамъ предстati Судію Страшному, чтобы вамъ одесную стать. Охъ, свѣты мои, сокрушаetsца душа моя о васъ; хочетца видѣть васъ въ Небесномъ Царстви. Охъ, свѣты мои, молю у васъ: слушайте вы

и любите, кто васъ учитъ на доброе; свѣты мои, любите и слушайте, топере вы не смыслите, таکъ вамъ нелюбо, а послѣ вамъ слюбита и станите любить того, кто васъ на добро учитъ; и того любите, свѣты мои. Свѣты мои, молитесь Богу, не лѣнитесь, и брата учите на доброе. Любезная моя (Е), платочки твои дошли до меня. Спаси тебя, Христосъ, дорогая именинница, спасайся, свѣть моя. Охъ, любезная, не забыла ты меня и впредь не позобудь меня, свѣть мой. Простите же меня, свѣты мои, простите же, мои свѣты любезныя. Возлюбленнымъ моимъ сердешнимъ; спаси васъ, Христосъ, любезныхъ нашихъ; поживите хорошо, помните материшь приказъ, лутче вамъ хотеть; утѣште ско(р)объ ей; пекитеся а душѣ, и о чёмъ просить у васъ, помните то. Сердешной мой другъ (Н), утѣшь ты меня, будь ахоча молитца Богу. Помилуйте.

XII.

Къ дочерямъ.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй нась.

Свѣтомъ моимъ любезнымъ, друзьямъ моимъ сердешнимъ; миръ вамъ, свѣтомъ моимъ и благословенія. Охъ, мои свѣты любезныя, утѣште вы скорбь мою, поживите вы угодно Христу и храните вѣру христіянскую. Свѣты мои любезныя, о чёмъ вамъ станетъ говорить (м) (в) *), свѣты мои, и будетъ годно Христу, порадѣйте о томъ дѣлъ неоплошно. Вѣрю Ему, Свѣту Христу, утѣшить Онъ скорбь вашу и мою. И, свѣты мои, всячески порадѣйте утѣшить скорбь мою, обратите сердце мое сокрушенное, не презирите вы моего прошенія слезнаго. Охъ, свѣты мои, нарыдалася бы, на васъ глядя, и наплакалася, тѣмъ свое сердце утѣшила; почтитесь, свѣты мои, угодно Христу створите, мою печаль утѣшили. Простите же, свѣты мои возлюбленныя, да прошу у васъ со слезами, свѣты мои, берегитесь вы отъ Богоявленяне дни, сами вы знаете отъ чего и брата берегите отъ того. Простите, свѣты мои любезные, во всемъ скорбь мою утѣште и буди на васъ милость Божія. Да пришлите, свѣты, ко мнѣ буде вамъ Богъ возвѣстить, на нужду мою десеть рублевъ; покойте нась,

*) Т. е. мать ваша.

свѣты мои, какъ васть наставить Богъ. Да молю у васть, свѣты мои, не пейте вы хмѣльного нечего и брату говорите, свѣты мои, чтобы не пилъ хмѣльного, свѣты мои, хмѣль—пагуба душъ. Свѣты мои радостныя, берегите вы душу свою отъ всякого зла да молитесь, свѣты, не лѣнитесь и книги чтите, свѣты мои, не лѣнитесь; прости же, мои любезныя*). Охъ, мои свѣты возлюбленныя, три птенца сирые, утроба моя возлюбленная. Буди на васть милость Божія. Да молю и прошу у васть со слезами и рыданіемъ и отъ великия горести душевныя плачу, и рыдаю, и молю у васть: охъ, любезные мои, всячески берегитесь отъ душевные погибели. Да еще со слезами молю у васть: буде становеть васть отецъ прибивать х крестовому попу на духъ, и вы, свѣты мои, не ни того, что пойти къ нему, слезами ему говорите, что не хотимъ на духъ итти х крестовому. О, свѣты мои, вѣдайтѣ сами, каковъ попъ, вѣчно душу вашу погубить. Охъ, свѣты мои любезные, не погубите свою душу во вѣки, всячески берегитесь душевные погибели. Охъ, свѣты мои, не преступите вы заповѣди Божія и моего не преступите моленія и прошепнія слезнаго; сами вы знаете, что я вамъ лучше вѣчнаго хочу своея души. И вѣдайтѣ, свѣты мои, кто преступитъ Божію заповѣдь и матернию заповѣдь преступить, и тотъ недолголѣтень будетъ на земли. А тамо въ будущемъ вѣцѣ будетъ за преступленія заповѣди Божія и матерни заповѣди, свѣты мои, сами вѣдаете какъ. Въ молодыхъ лѣтѣхъ Христосъ вѣкъ прекратилъ. За преступленія заповѣди Божія и матерней заповѣди сами знаете, кто умеръ младъ. И вы, свѣты мои, и берегитесь отъ смертного (пропускъ), не преступите вы Божія заповѣди и моей не преступите матерней заповѣди, берегитесь отъ душевные погибели; сами знаете, аще вы, свѣты мои, Божію заповѣдь и мою матернию заповѣдь не преступите и сохраните во всемъ, о чёмъ я молю и прошу у васть, и вы будете долголѣтны на земли, а въ будущемъ помилованы будете. Охъ, свѣты мои, берегитесь, чтобы вамъ не преступить заповѣди матерни, и чтобы вамъ зло не пострадать. Сохрани васть, Христосъ, любезныхъ моихъ. Охъ, мои превозлюбленныя, хочетца мнѣ вамъ всякого добра паче своея души, горко не хочетца погибели вашея душевныя. Охъ, сокрушаєца душа моя и серце мое о

*.) Даље, вѣроятно, довольно значительный пропускъ.

вашихъ сирыхъ душахъ. Свѣты мои, сами попекитеся о душахъ своихъ; уже видѣть мошна *) вамъ, свѣты мои, и самимъ знать не **) смыслить. Да еще у васъ прошу, свѣты мои, любите вы, кто васъ на добро поучить; вѣть хотя вамъ всякого добра теперे вамъ нелюбо что на добро учить, а послѣ вамъ все слюбителя и сами станете каetzца, что не слушали; и топере, свѣты мои, уже мошна ***) вамъ смыслить, кто радѣять, тотъ и на добро учить, а кто не радѣять, тѣ молчатъ. Да чтите, свѣты мои, Слово Божіе, чтобы вселился въ васъ страхъ Божій ****).

Аще кто хощетъ у Бога просити или оставлени грѣховъ или чего хощетъ, то подобаетъ ему поститися и молитися чистя *****) Богу и очистити умъ и совѣсть отъ скверныхъ помышленныхъ и молитися со слезами и сокрушеннымъ сердемъ и чаяти, что пріяти, а не сѣмо и овамо помышляти, но едино душа наша будетъ на полз(у) души; дасть Богъ, елико проситъ, милостивъ бо есть и щедръ, просащему даетъ; не оскудѣла Божія благодать, но наше безвѣріе возбраняеть, мы хощемъ спаще спастися. Блаженъ разумѣй на нища и убога; въ день лють избавить и Господь; Господь сохранить и, и живить и, и ублажить и на земли и не предастъ его въ руки врагомъ его. На Второмъ Суду Господь речеть праведниковъ въ нѣкіихъ заповѣдей: алкахъ и дайте ми ясти, жедахъ и напойте мя, боленъ бѣхъ и посѣтисте мене, въ темницѣ и приидосте ко мнѣ, страненъ бѣхъ и введосте мя, нагъ и одѣясте я; елико бо сотвористе единому сихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе, внемлите глаголы сія и творите; братія вы есте церкви Бога Жива, яко же рече Богъ: яко вселюся внихъ и похожду и буду имъ Богъ, и ти будуть мнѣ людіе, тѣмъ же изыдите отъ среды ихъ и отлучитеся, глаголеть Господь, и нечистому не присасайтесь и азъ пріиму васъ, и прочея: аще ли осквернитца церковь, сирѣчъ тѣло наше, безъ вины, еже: не самъ тебе остави, но ты его прогнѣва, отходитъ отъ насть; рече Господь: возьмите иго мое на себе и научититесь отъ Мене, яко кротокъ есть и смиренъ сердемъ и

*) Вѣроятно, слѣдуетъ: можно.

**) Вѣроятно, слѣдуетъ: и.

***) Вѣроятно, слѣдуетъ такъ же, какъ выше.

****) Даље несомнѣнно значительный пропускъ.

*****) Вѣроятно, слѣдуетъ: часто.

обращете покой душамъ вашимъ, иго бо мое благо и бремя мое лехко есть. Велитъ Господь намъ кроткимъ быти и смиреннымъ; добродести аднижды днемъ, а послѣ обѣда до ужины не пiti и не спасти, чести книги и правила правити и молитвы. И Давыдъ пророкъ: седми же днемъ хвалихъ тя и отъ словесъ твоихъ устрашился сердце мое, возврадуюся азъ о словесъ твоихъ, яко обрѣтай корысть многу, неправду вознена(видѣ).

XIII.

Къ неизвѣстному.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй нась.

(С) (м) сердечной, спасай душу въ Новой годъ. Охъ, мой свѣтъ дорогой именинникъ, тошнехонко—не вижу тебя, свѣта, и не слышу о житїѣ твоемъ; хочетца все вѣдать, да далека спраш(ивать); (м) (с), какъ ты, свѣтъ, родилося, каво светого была, почитай день той, така восмой день дано, потомъ смѣтишь. Прости же, (м) (с), любезной, много было говорить, да негдѣ тебя взять. Ну, (м) (с), не оставитъ тебя Богъ, дастъ крѣпость; только ты, мой свѣтъ, почтися: отпиши, любезнай нашъ, ко мнѣ, для чего Иванова ничего ко мнѣ про дѣтей не пишетъ, что они съ нею говорили какую рѣчъ про меня и каковы они, печалетца-ли а мнѣ и что съ нею говорили, ничего о томъ ко мнѣ ничего не писала и я о томъ апечалилась зелно и мнѣ надобны рѣчи тѣ ихъ, бутто бы съ ними поговорила, кабы услышала слова ихъ, и ты, любезнай мой, про все ко мнѣ отпиши, будетъ что услышаль у Ивановны, что съ нею дѣти говорили, какие рѣчи, и про все, любезнай, напиши ко мнѣ. Да молю у тебя, любезнай мой, сотвори мнѣ любовь, Христа ради, самъ будешъ помилованъ отъ Христа. Со слезами проси у Ивановной, чтобы она дѣтей моихъ не покинула, всячески бы попрося милости у Христа, да посыпала бы къ нимъ Анну, да и сама бы ходила, буде возможно, хотя изрѣтка. Докучай рабъ Христовъ и попекися ты душами сирими, самъ отъ Бога будешъ помилованъ. Посланы къ тебѣ четыре паметцы, три тебѣ, а четвертая другу нашему любезному, Агаѳьюшкѣ; здѣшней прочти ты ей да издери, не держи: страшно держать.

ПРИМѢЧАНИЯ.

I.

1. Сколько лѣтъ было Васенькѣ, когда мать писала ему это письмо? Точно отвѣтить на этотъ вопросъ затруднительно, такъ какъ годъ рожденія Василія Петровича Урусова неизвѣстенъ опредѣленно. Можно, однако, думать, что въ это время ему было приблизительно около 15-ти лѣтъ. Въ письмѣ замѣтны намеки на то, что характеръ Васеньки въ это время только еще формировался, что юноша переживалъ переходный періодъ; такъ, мать предупреждаетъ своего сына относительно хмѣльного питія и говорить ему о необходимости сохранять тѣлесную чистоту; эти совѣты дѣйствительно необходимы были для мальчика, у котораго пробуждались уже инстинкты мушки. То обстоятельство, что вскорѣ Васенька дѣлается комнатнымъ стольникомъ *), не можетъ говорить противъ нашего предположенія о возрастѣ его въ это время. Въ чинѣ комнатнаго стольника весьма часто бывали очень молодые люди; такъ, напр., Апраксинъ Andr. Матв. былъ комнатнымъ стольникомъ 15-ти лѣтъ, Головинъ Вас. Петр.—11-ти лѣтъ, Салтыковъ Вас. Феод.—17-ти лѣтъ, Салтыковъ Ив. Ст.—11-ти лѣтъ и др.

2. Уже въ этомъ письмѣ глухо слышатся скорбныя потeki о томъ, что Васенька какъ-будто не обнаруживалъ склонности идти по пути своей матери и тетки. Въ послѣдующихъ письмахъ это высказывается яснѣй и опредѣленнѣй. Несомнѣнно, послѣ заключенія матери подъ стражу Васенька подпалъ подъ другое вліяніе, противоположное тому, какое оказывала на него княгиня.

II.

1. Дочери кн. Евдокіи Прокофьевны—Анастасія и Евдокія были моложе своего брата и, очевидно, представляли собой полную противоположность ему. Онѣ были такими, какими хотѣла видѣть ихъ княгиня. Особенно любимой дочерью ея была Наастасьюшка. Преданность ихъ древнему благочестію была хорошо извѣстна протопопу

*) Ивановъ, П. И. Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ. М. 1853 г., стр. 427.

Аввакуму, который въ посланіи къ игумену Сергію съ братією писалъ о нихъ слѣдующее:

„Еле-еле отыхаю отъ похотей, задавляющихъ мя, пишеть проповѣдникъ, моли Бога о мнѣ, и всѣмъ заповѣждь. И Настасія, хотяющаи быти царица, пускай молится о мнѣ. Смѣшица она, Сергій,— хочеть некрещенныхъ крестить. Я говорю: во—то, реку, какую хлопоту затѣваешь. Ихже весь міръ трепещеть, а дѣвяя хощеть, яко Іудифь, побѣду сотворить. Материнъ больше у нея умъ—отъ. Я ее маленку помню,—у тетушки-той въ одномъ мѣстѣ обѣдавали. Богъ ея благословитъ за великова и честнова жениха.“

„Дѣвшка красная, княжна Анастасіушка Петровна, безъ матушки сиротинка миленька, и Евдокіюшка, миленькие свѣты мои. Охъ, мнѣ грѣшнику. Егда умъ мой похватитъ мать вашу и тетку, увы, и, могу въ горести дохнуть, каковы онѣ мнѣ. Лутче бы не дышалъ, какъ я ихъ отпустилъ, а самъ остался здѣсь. Увы, чада моя возлюбленная. Забвена буди десница моя, прильпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну васъ. О дщи Вавилоня окаяннія. Блаженъ, иже воздастъ тебѣ воздаяніе твоє, еже воздала еси имъ. Блаженъ, иже иметь и разбіетъ младенцы твоя о камень. Ну, добро, много плакать,—да перестать же будетъ. Слушайте-тко, Евдокія и Настасіушка,—гдѣ вы не будете, а живите такъ, какъ мать и тетка жили: двѣ сестрицы здѣсь неразлучно жили, и въ будущій вѣкъ купно пошли, безъ правильца не жили, канонцы всегда сами говорили на правилѣ и всякo... Зѣло покойница передъ смертю—того докучала мнѣ о нихъ, горько сокрушаючись, и о грѣхахъ тѣхъ каєтся, и о нихъ кучится. Рукою своею намарала на обѣ стороны столбецъ; а другая также и третья. Да долго столпцы тѣ были у меня: почту, да поплачу, да въ щелку запехаю. Да бѣсь—собака изгубилъ ихъ у меня. Ну, на добро. Не дорожи онъ мнѣ тѣмъ. Я и безъ столпцовъ живу. Небось, не разлучить ему меня съ ними.“ Материалы, т. VIII, стр. 109—110.

2. Въ письмѣ есть одно неудобовразумительное выраженіе: „утѣште во вѣки матерь и меня грѣшную“. Можетъ показаться, что рѣчь идетъ о двухъ лицахъ, изъ которыхъ авторъ письма вовсе не является матерью адресатокъ. Но допустить этого, конечно, нельзя. Вѣроятно здѣсь мы имѣемъ дѣло съ ошибкой, допущенной переписчикомъ, вообще плохо разбиравшимъ оригиналъ.

3. Совѣтъ докучать отцу, чтобы онъ взялъ на домъ образъ Тихвинской Божіей Матери довольно прозрачно указываетъ, что мужъ княгини Петръ Семеновичъ не принадлежитъ къ числу ревнителей древняго благочестія. Послѣдующія же письма рѣшительно убѣждаютъ насть въ томъ, что онъ совсѣмъ не раздѣлялъ убѣжденій своей супруги *).

III.

1. Письмо написано, вѣроятно, въ отвѣтъ на какія-либо жалобы: „все минетца, а душа всеово дороже“.

2. Совѣты, какъ сестрамъ вести себя въ отношеніи къ брату, указываютъ на то, что Васенька все дальше и дальше уходилъ отъ древняго благочестія. Увѣщанія со стороны сестеръ, вѣроятно, вызывали въ немъ раздраженіе, которое онъ не скрывалъ и выражалъ открыто. Очевидно, нужно было перемѣнить способы воздействиія на него: „говорите ему ласково“ — пишетъ княгиня. Благочестивая ревность сестеръ, повидимому, не соединялась съ должнымъ спокойствіемъ и хладнокровiemъ.

3. „Не подивите, что мало пишу къ вамъ. А се вскорѣ лучилося, неколи было хорошо написать, спѣшила“. Вѣроятно, это письмо къ дочерямъ нужно было отправить съ тѣмъ же лицомъ, которое принесло и отъ нихъ извѣстія. Случай былъ несомнѣнно неожиданный, почему и пришлось торопиться.

4. „Поминайте родителей, Бориса, Иванушки и Прокопія, Анию и всѣхъ“. Построеніе фразы затрудняетъ точное обозначеніе перечисляемыхъ здѣсь лицъ. Спѣшность составленія письма неблагопріятно отразилась на извѣстной послѣдовательности, необходимой при перечисленіи выше названныхъ лицъ. Мы думаемъ, что подъ Борисомъ слѣдуетъ разумѣть Бориса Ивановича Морозова, брата Глѣба, мужа Федосы Прокофьевны, подъ Иванушкой — Ивана Глѣбовича, сына боярыни Ф. П. Морозовой, умершаго въ 1671 году, когда его мать находилась въ Печерскомъ монастырѣ,

*) Авторъ „Житія“ П. Ф. Морозовой послѣ этого оказывается совершенно неправымъ, когда приписываетъ Петру Семеновичу Урусову стремленіе оказать своей супругѣ моральную поддержку наканунѣ взятія ея подъ стражу. Теряютъ свое значеніе и соображенія, высказанныя по этому поводу И. Е. Забѣлинъ, см. Домашній бытъ русск. царицъ: М. 1869 г., стр. 125.

подъ Прокопіемъ—Прокопія Саковнина—отца боярыни Ф. Морозовой и княгини Е. Урусовой, подъ Анисьею—Анисью, мать сестеръ-соузницъ.

IV.

1. Жизнь несчастныхъ сестеръ была, очевидно, весьма тяжелой. Они испытывали гнетущее одиночество. Въ семьѣ несомнѣнно царилъ полный разладъ. Сестры жили по завѣтамъ матери, а отецъ и сынъ думали и жили иначе. На почвѣ этой розни въ направленіи и могло быть то оскорблѣніе ихъ, о которомъ упоминаетъ здѣсь княгина.

2. „Ивановна“, о которой упоминается въ письмѣ, это—Ксения Ивановна, сообщница сестеръ—соузницъ, дворовал женка Ф. П. Морозовой. Выраженіе: „ничѣмъ со мною не разните“ заставляетъ думать, что положеніе Ивановны, какъ дворовой женки, могло давать поводъ сестрамъ съ высока относиться къ ней. Объ Ивановнѣ см. Материалы, VIII, стр. 163.

V.

1. Письмо представляетъ собой поистинѣ вопль истерзанной страданіями души. Душевная тѣга заставляетъ княгиню рыдать словами, похожими на слова церковныхъ прѣспопѣй.

2. „Анна“, которую княгиня заповѣдуетъ любить, это—Анна Амосова, ревностная приверженица Морозовой и, стѣдовательно, Урусовой. Объ этой Аннѣ зналъ и Аввакумъ, и въ посланіи къ нѣкоей Маремьянѣ Феодоровнѣ приписывается ей благословеніе. Материалы, VIII, стр. 173—174.

VI.

1. Въ своей первой половинѣ письмо обращено ко всемъ дѣтямъ. Но во второй его половинѣ княгиня бесѣдуетъ уже только съ своими дочерьми, а о сынахъ говоритъ, какъ о постороннемъ лицѣ. Это говорить о томъ, что дочери были для нея дороже, такъ какъ являлись полными единомышленницами ея.

2. Въ письмѣ содержится рядъ наставлений, какъ сохранить истинное благочестіе. Интересно указаніе на источники, которые давали теоретическія основы для выработки старообрядческаго міросозерцанія. Кириллъ Іерусалимскій, Ефремъ Сиринъ, Апокалип-

сись Толковый и Книга о Вѣрѣ—вотъ откуда должно было черпать все необходимое для спасенія.

3. Княгиня изъ тюрьмы зорко слѣдитъ за жизнью своихъ дѣтей. Она забываетъ о своихъ страданіяхъ и спрашиваетъ дочерей, какъ сохранилъ Богъ ихъ въ Великій Постъ. Какая сила любви и какая ревность о древнемъ благочестії!

4. Переписка съ дѣтьми у княгини, вѣроятно, было довольно оживленная. Грамотки дочерей доставляли ей отраду и утѣшенье; они давали ей возможность испытывать „радость“ даже и въ стѣнахъ ужасной тюрьмы.

VII.

1. Княгиня старается преподавать своимъ дочерямъ правила вѣшняго поведенія: говорить о цветахъ для платья, запрещаетъ святочныи игры, убѣждаетъ ихъ быть смиренными и кроткими. Очевидно, ничто въ жизни дочерей не ускользаетъ отъ ея вниманія. Она хорошо освѣдомлена о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ. Дочери ея писали ей подробно, хотя и не такъ часто, какъ можетъ быть хотѣлось бы матери. Любопытно, гдѣ дѣвались эти письма дочерей Урусовыхъ къ своей матери?

VIII.

1. Упоминаемая въ письмѣ княгиня Ксения есть кн. Ксения (Евдокія) Ивановна, бывшая замужемъ за кн. Иваномъ Андреевичемъ Голицынымъ; она умерла въ 1670 году. См. Лобановъ-Ростовскій, Рус. род. кн., т. I, изд. 2-е, СПБ. 1895 г., стр. 400.—О Борисѣ и Иванѣ см. выше, въ примѣчаніи къ III письму.—Гавриловна—это Ксения Гавриловна, сестра боярской дочери Акилины, въ иночествѣ Анисіи, бывшей игуменіей въ обители Меланіи. См. статью Смирнова: „Значеніе женщины въ исторіи возникновенія раскола“ М. СПБ. 1891 г., стр. 357—358.

2. Въ письмѣ содержится любопытное указаніе на то, какими путями велась пропаганда „раскола“. Наставленіе въ истинахъ древняго благочестія шло подъ видомъ обученія шитью. Наставницу Гавриловну совсѣмъ приглашать тогда, когда въ домѣ не было ни отца, ни бабки (очевидно, по отцу). Любопытный штрихъ для картины семейного разлада. Бабка и отецъ—вотъ кто, очевидно, оказывалъ „дурное“ вліяніе на Васеньку.

3. Строгости тюремного заключения не исключали, какъ видно, возможности пересылки не только писемъ, но и вещей, а также денегъ. Къ заключенной матери дочери изыскивали способы присыпать полотенца, воскъ и другіе предметы.

4. „Атецъ вашъ презиръ во всемъ меня“. Не есть-ли это указаніе на то, что уже въ это время Петръ Семеновичъ поднялъ вопросъ о расторженіи брака и о женитьбѣ на другой. Послѣдующія письма какъ будто подтверждаютъ эту догадку.

5. Кто была Мавра, о смерти которой упоминаетъ княгиня, неизвѣстно; несомнѣнно только, что первоначально она была единомышленницей Морозовой и Урусовой, находилась, слѣдовательно, въ числѣ лицъ „обитѣ“ Меланіи, но потомъ измѣнила древнему благочестію, за что, по мнѣнію княгини, и покаралъ ее Господь.

IX.

1. Въ домѣ кн. Уруса, какъ видно, было нечто въ родѣ библіотеки, откуда Евдокія Прокофьевна и рекомендовала своимъ дочерямъ брать книги для чтенія. Вѣроятно, въ составѣ этой библіотеки находились очень старыя изданія, которыя и въ то время уже составляли большую рѣдкость. Книги, особенно старыя, по своему значенію приравнивались къ образамъ; ими даже благословляли дѣтей, какъ благословляла Цвѣтникомъ своихъ дочерей кн. Уруса.

2. Въ своеемъ заключеніи княгиня, очевидно, не только предавалась подвигамъ благочестія, но и употребляла время на такие труды, какъ изготошеніе „льсенокъ“ для молитвы.

3. Письмо было написано, очевидно, по случаю имянинъ дочери Анастасіи.

4. Предполагаемая женитьба Петра Семеновича очень печалитъ княгиню. Въ ней заговорило оскорблѣнное самолюбіе женщины, и поднялась тревога за судьбу своихъ дочерей: какъ отнесется мачеха къ нимъ?

5. Кто быль крестнымъ отцомъ дочерей княгини, котораго она заповѣдуетъ своимъ дѣтямъ поминать въ молитвахъ? Принимая во вниманіе, что въ письмахъ имя Ивана обычно стоитъ рядомъ съ именемъ Бориса, нельзя-ли думать, что крестнымъ отцомъ ихъ быль именно Борисъ Ивановичъ Морозовъ?

6. Если допустить, что въ этомъ письмѣ подъ Анной разумѣется Анна Амосовна, то нужно будетъ признать, что она была замужняя, но только мужъ ея жилъ гдѣ-либо внѣ Москвы, въ какой-либо вотчинѣ Морозовыхъ.

X.

1. Любопытно отмѣтить, какое уравненіе производитъ расколъ среди своихъ приверженцевъ. Анна Амосова,—эта служанка знатной боярыни,—получаетъ въ расколѣ такое значеніе, что княгиня съ радостью вручаетъ ей воспитаніе своихъ дѣтей. Расколъ сглаживалъ сословныя различія и объединялъ людей въ одну тѣсно сплоченную организацію. Въ этомъ нельзя не признать большого культурного значенія за старообрядческимъ расколомъ.

XI.

1. Письмо написано по случаю имянинъ дочери Евдокіи, и, хотя въ началѣ его обращеніе сдѣлано къ „тремъ птенцамъ возлюбленнымъ“, но дальнѣйшее его содержаніе относится исключительно къ дочерямъ княгини. Письмо содержитъ обычный уже рядъ наставленій.

XII.

1. Конецъ письма, начиналъ съ слова: „Аще кто хощетъ у Бога просити или оставлени грѣховъ или чего хощетъ“, не имѣть органической связи съ предыдущимъ содержаніемъ. Вѣроятно, это есть дословная выписка изъ какого-либо авторитетнаго для княгини нравоучительнаго сборника, бывшаго подъ руками у нея; каковую выдержку Евдокія Прокофьевна приводить въ подтвержденіе своихъ собственныхъ разсужденій. Въ пропускѣ, сдѣланномъ переписчикомъ, неразобравшимъ слова оригинала, вѣроятно заключалось опредѣленное указаніе на источникъ, откуда была извлечена эта выписка.

2. Слова: „берегитеся вы отъ Богоявленя ве дни“ представляютъ совершенно непонятное мѣсто письма. Вѣроятно, и здѣсь переписчикъ допустилъ какую-либо ошибку.

3. Кого разумѣла княгиня, когда писала: „сами знаете, кто умеръ младъ“ за преступлѣя заповѣдей Божиихъ и матерней,—намъ неизвѣстно. Можетъ быть, княгиня имѣла въ виду кого-либо изъ своихъ родственниковъ: не Иванушку-ли Морозова?

XIII.

1. Кому было написано это письмо? Инициалы названия лица, къ которому адресовалось оно, повидимому, указываютъ на то, что это былъ сынъ княгини: с. м.—сынъ мой, м. с.—мой сынъ. Но содержаніе письма не даетъ основанія признать это предположеніе правильнымъ. Вѣроятно, адресатъ былъ задушевный другъ княгини, единомышленникъ ея и преданный ей человѣкъ. Онъ, можетъ быть, состоялъ въ родствѣ съ нею, но не былъ ея сыномъ. Буквы: м. с. и с. м. не обозначаютъ имени и отчества этого лица, такъ какъ при этомъ предположеніи инициалы не могли бы быть переставляемы. Можно допустить, что онъ опредѣляютъ извѣстное родственное отношеніе его къ княгини, и ихъ въ такомъ случаѣ возможно расшифровать, напр., такъ: мой сватъ, сватъ мой. Съ этимъ лицомъ княгиня находилась въ не менѣе дѣятельной перепискѣ, чѣмъ съ своими дѣтьми. Письма къ нему она посыпаетъ цѣлыми партіями, по три сразу. Черезъ него же она пересыпаетъ памятцы и другимъ лицамъ какъ, напр., ихъ общему другу, неизвѣстной „раскольнице“, Агаѳющикѣ. Ему она поручаетъ узнать, почему не пишетъ Ивановна, просить повліять на послѣднюю, чтобы она не покинула дѣтей. Съ своимъ сыномъ такъ бесѣдовать княгина, конечно, не могла.

2. Письмо заключаетъ привѣтствіе по случаю Нового года, совпавшаго съ днемъ именинъ адресата.

3. Вѣроятно, и здѣсь по винѣ переписчика остаются не совсѣмъ понятными слѣдующія слова: „(м.) (с.), какъ ты, свѣтъ, родилося, каво светого была, почитай день той, така восмой день дано, потомъ смѣтишъ“.

4. Отношеніе Ивановны къ дѣтямъ княгини какъ будто нѣсколько измѣнилось; требовалась усиленнаяпросьба къ ней, чтобы она не покидала ихъ. Вѣроятно, эта перемѣна зависѣла не отъ Ивановны, а отъ измѣнившихся условій жизни въ домѣ П. С. Урусова. Очень можетъ быть, что за нею стали особенно слѣдить въ домѣ и не допускали ея къ дѣтямъ княгини такъ свободно, какъ это было прежде.

Н. Г. Высоцкій.

67

¶ *Si per nos' Cantemus' Propterea dicitur & nunc sicut in
prosperitate o' fidei*

~~Non fari, sicut~~ tunc de hunc consensu offeruntur
et hoc octavo hastatum Cenaculum ferunt

Наследуя привилегии мои ~~ж~~ жалованья
и титулы имевшиеся у меня в семействе
были отменены и я оставлен в нищете и беспомощности.
Все мои имения были конфискованы и я оставлен
без средств к существованию. Я был вынужден
заняться продажей писем и письмами в чужие руки
и в конечном итоге умер в нищете и беспомощности.
Мои имения были конфискованы и я оставлен
без средств к существованию. Я был вынужден
заняться продажей писем и письмами в чужие руки
и в конечном итоге умер в нищете и беспомощности.
После смерти моего отца я остался в нищете и
беспомощности и был вынужден заниматься продажей
писем и письмами в чужие руки.

~~Richard A.~~

Foto Kisch, manytoffel spiloso

Снимокъ съ собственноручного письма Боярина Петра Васильевича Большого Шереметева къ думному дьяку В. Г. Семенову 30 февраля 1679 г. и съ надписи на оборотной сторонѣ.

СОБСТВЕННО РУЧНОЕ ПИСЬМО
Боярина Петра Васильевича Большого Шереметева
къ думному дьяку
Василю Григорьевичу Семенову.

30 февраля 1679 года.

(Изъ Архива села Михайловского).

Государь мой Василий Григорьевич, многолѣтно здравствуй о Господе.

Пожалуй, государь, вели ко мнѣ писати о своемъ здоровье, а я того радостно слышати желаю.

Посемъ прошу твоего къ себѣ жалованья и пишу къ тебѣ, надеясь на твое благоутробие. Пожалуй, подай мнѣ помочь въ деле Божиемъ і Великого Государя, что житъю нашему будетъ канецъ, и съ кемъ намъ быть, никого нѣть, и у чего здесь не у дѣла намъ жить и проедатца, и паче же въ бесчестье великому быть. Пожалуй, вели указъ учинить о шатрѣ Государскому, чтобы во время лѣтнєе было намъ куды съѣхатца для ради Государскихъ дѣлъ, и дьякомъ и подьячимъ гдѣ сидеть. А николи того не бывало, чтобы не было въ полкахъ шатра: во всехъ полкахъ будетъ. А намъ безъ него быть потому-же нельзя.

Посемъ Петрушка Большой Шереметевъ челомъ бью.

Февраля въ 5 день.

На оборотѣ надпись: Государю моему Василю Григорьевичу.

У ВІЙСТВО СИНКЛЕРА.

(Эпизодъ Бироновской эпохи; 1739 г.) *).

Изъ Остафьевского Архива Князей Вяземскихъ.

Карль XII, умирая, оставилъ Швецію въ самомъ печальному положеніи. Безпрерывныя войны лишили эту малонаселенную страну болѣе четырехъ сотъ тысячъ лучшихъ людей; она не имѣла ни денегъ, ни кредита; въ государственномъ управлении царили беспорядокъ и произволъ; арміи почти не существовало; всѣ дѣла находились въ застоѣ; народъ страшно бѣдствовалъ отъ насилия и множества тяжкихъ налоговъ и поборовъ. Такія глубокія раны могли быть залечены только при продолжительномъ мирѣ съ сосѣдними государствами. Швеція должна была избѣгать всякаго повода къ столкновеніямъ съ ними и не вмѣшиваться съ своими ничтожными средствами въ европейскія дѣла. Графъ Горнъ, стоявшій тогда во главѣ шведскаго правительства, хорошо понималъ положеніе Швеціи и хотя всей душой ненавидѣлъ Россію, которая была причиной политического паденія ея, однако старался поддерживать съ нею дружескія отношенія. Но Франція, со временемъ первого Густава имѣвшая большое влияніе на политику шведскихъ королей, старалась воспользоваться Швеціей, какъ орудіемъ, чтобы достигнуть своихъ

*) Источники: 1) Geschichte Ernst Iohann v. Biron. Frankfurt, 1764, 5, 101—128. 2) Schmidt Phiceldek. Materialien zu der Russ. Gesch., Riga, 1772. T. 2. 5. 250—263. 3) Buschings Magazin fü r die neue Historie und Geographie. Hamburg, 1769. T. 8. 5. 309—316. 4) Manstein. Memoires sur la Russie. Paris, 1860. T. 2, pag. 80—83. 5) Anecdotes de la cour de Russie. Londres, 1792. T. 4, pag. 206—222. 6) О сословіяхъ въ Швеціи. Статы Герье. Рус. Вѣстникъ 1862 г. № 4, стр. 798.

цѣлей въ Польшѣ. Здѣсь въ 1733 году умеръ король Августъ II. Франція желала возвести на польскій престолъ тестя короля Людовика XV, Станислава Лещинскаго. Русскій дворъ принялъ подъ свое покровительство сына Августа и рѣшился всѣми силами противиться возвышенію Станислава. Французскій кабинетъ надѣялся вовлечь шведскій народъ въ интересы Лещинскаго. Это казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что Станиславъ былъ въ первый разъ возведенъ на польскій престолъ Карломъ XII и честь шведскаго народа требовала Лещинскаго противъ общаго врага Россіи. Французскій посолъ, Кастея думалъ тайными интригами достичь осуществленія плановъ своего двора. Петербургскій кабинетъ поручилъ своему посланнику Бестужеву слѣдить за этими интригами, не жалѣть никакихъ средствъ и вести противъ французскихъ минъ контрѣ-мины. Оба посла израсходовали огромныя суммы денегъ на подкупъ шведскихъ государственныхъ людей и успѣли завербовать себѣ многочисленныхъ друзей. Шведскій сеймъ раздѣлился на двѣ партіи: одна, предводимая графомъ Гилленборгомъ и принявшая название „Шляпъ“, добивалась тѣснаго союза съ Франціей и разрыва съ Россіей; другая, поддержанная графомъ Горномъ и называвшаяся „Шапками“, требовала, во чтобы то ни стало, мира*).

Послѣ долгой и упорной борьбы партія „Шапокъ“ одержала побѣду, и союзъ съ Россіей былъ возобновленъ. Неудача эта чрезвычайно раздосадовала Версальскій кабинетъ. Людовикъ XV отозвалъ Кастея и назначилъ на его мѣсто одного изъ лучшихъ французскихъ дипломатовъ Сень-Севрена. Не успѣвъ вовлечь Швецію въ войну съ Россіей во время спора за польскій престолъ, Франція удвоила свои происки въ теченіе войны Россіи съ Турціей (1736—1739). Передъ открытиемъ шведскаго сейма 1738 года, Сень-Севренъ истрастилъ двѣsti тысячъ талеровъ и такимъ образомъ пріобрѣлъ французской партіи значительное большинство голосовъ. Въ первое же засѣданіе сейма потребовалъ удаленія графа Горна и передалъ его должность Гилленборгу. Всегда за тѣмъ былъ ратифицированъ трактатъ

*) Поводомъ къ принятію этихъ странныхъ названій послужило слѣдующее ничтожное обстоятельство. Король какъ-то въ досадѣ на Гр. Горна и его партію назвалъ ихъ колпаками. Тогда приверженцы французской партіи съ гордостью назывались шляпами.

съ Франціей о субсидіяхъ и сдѣлано распоряженіе объ усиленіи войскъ въ Финляндіи и приведеніи всѣхъ крѣпостей на военное положеніе. Для заключенія съ Турцией наступательнаго... *)

.....Россіи страны, Турціи съ опасными и вредными для всего христіанства депешами и проектами, просить и требуетъ энергической помощи австрійскихъ властей, для арестованія означенного маюра. Получивъ эту записку генераль-губернаторъ немедленно принялъ Кутлера и, переговоривъ съ нимъ наединѣ, выдалъ ему открытое предписаніе ко всѣмъ императорскимъ чиновникамъ, чтобы они при встрѣчѣ съ маюромъ Синклеромъ задержали его и представили тотчасъ въ Бреславль. При этомъ, впрочемъ, упоминалось, что въ случаѣ отобранія отъ Синклера какихъ-либо бумагъ, съ нихъ должны быть сняты вѣрныя копіи, за подпись губернатора и самого маюра, который останется подъ покровительствомъ австрійскихъ законовъ до тѣхъ поръ, пока дѣло его не будетъ разсмотрѣно и решено генераль-губернаторомъ.

Разставшись съ графомъ Шафгочемъ, Кутлеръ велѣлъ наскоро купить двѣ сабли и выѣхалъ вечеромъ изъ Бреславля вмѣстѣ съ своими людьми и двумя почтальонами. 17 іюня они прибыли въ Нейштадель и, узнавши, что Синклеръ, два часа тому назадъ, отправился въ Грюнбергъ, поскакали далѣе. Въ верстѣ отъ деревни Альтшау, убійцы догнали свою жертву. Принудивъ почтальона остановить дилижансъ, Кутлеръ подошелъ къ дверцамъ и на французскомъ языке вѣжливо спросилъ сидѣвшихъ: „кто изъ нихъ маюръ Синклеръ“. Послѣдній назвалъ себя. Тогда Кутлеръ сказалъ ему, что имѣеть повелѣніе отвезти его обратно въ Бреславль и надѣется, что маюръ, какъ честный человѣкъ, не будетъ оказывать сопротивленія. Синклеръ пожелалъ видѣть приказъ, на основаніи которого съ нимъ поступаютъ такимъ образомъ. Кутлеръ отвѣчалъ, что удовлетворить этому желанію по пріѣздѣ на мѣсто, и, окруживъ дилижансъ своими людьми, приказалъ бѣхать по дорогѣ къ ближайшей Саксонской станціи. Синклеръ, высунувшись изъ окна, продолжалъ громко и настойчиво требовать, чтобы ему показали приказъ. Кутлеръ вынулъ изъ кармана предписаніе графа Шафгоча и, не развертывая

*) Здѣсь прерывается рукопись.

этой бумаги, сообщилъ Синклеру ея содержаніе. Маіоръ возразилъ, что вещи его уже были осмотрѣны въ Бреславль, и потому онъ не понимаетъ, зачѣмъ ему дѣлаютъ новыя непріятности и притѣсненія.

„Осмотри, которому вы подверглись въ Бреславль—отвѣчалъ Кутлеръ—признанъ не достаточнымъ. Впрочемъ Вамъ нечего бояться, вы знаете хорошо, что депеши иностранныхъ дворовъ и ихъ курьеры уважаются всегда и вездѣ. Если у васъ не найдется другихъ бумагъ, кроме тѣхъ, что были осмотрѣны въ Бреславль, васъ немедленно отпустятъ. Вы, полагаю, знаете также—прибавилъ онъ,—что есть правило отбирать у арестованныхъ оружіе, я прошу васъ отдать мнѣ ваши пистолеты и саблю“. Синклеръ, видя безполезность возраженій, молча повиновался. Путники продолжали медленно подвигаться впередъ. Наступали сумерки. Поровнявшись съ большими лѣсомъ, лежащимъ близъ Наумбурга, Кутлеръ велѣлъ почтальону остановиться. „Что это значитъ? Для чего вы приказали остановить лошадей?“ спросилъ встревоженный Синклеръ.—„Я не хочу проѣзжать городомъ, пока еще свѣтло, чтобы не обратить на насъ вниманія публики“, отвѣчалъ Кутлеръ. Затѣмъ, перекинувшись нѣсколькими словами съ Левицкимъ, онъ обратился къ Кутюрье и сказалъ ему: „Потрудитесь пожаловать ко мнѣ—я имѣю кое-что вамъ передать“. Кутюрерь вышелъ изъ дилижанса. Кутлеръ отвелъ его въ сторону и, посмотрѣвъ въ свою записную книжку, началъ разспрашивывать, дѣйствительно ли онъ французскій купецъ, зачѣмъ ёдетъ въ Швецію, гдѣ и когда познакомился съ Синклеромъ и знаетъ ли, съ какимъ порученіемъ послѣдній ёздилъ въ Константинополь. Кутюрерь отвѣчалъ на первый вопросъ утвердительно, а на остальное даль весьма уклончивыя показанія.—„Вы, я вижу, честный человѣкъ,—возразилъ, улыбаясь, Кутлеръ,—но право напрасно скрываете проѣдѣки этого шпиона, онъ стоитъ намъ много хлопотъ и денегъ и теперь ему не удастся ускользнуть“. Когда Кутюрерь вернулся къ дилижансу, Синклеръ взялъ его за руку и, крѣпко сжавъ ее, сказалъ: „Мнѣ очень досадно, что вы терпите изъ-за меня столько непріятностей. Васъ, конечно, отпустятъ, но мнѣ, кажется, придется ёхать не въ Швецію, а гораздо дальше; именемъ нашей дружбы заклинаю васъ, когда вы прїдете въ Стокгольмъ, расскажите тамъ все, что видѣли“. Въ эту минуту къnimъ подошелъ Левицкій и грубо при-

казалъ Синклеру слѣдовать за собой. Предчувствуя злой умыселъ, Синклеръ хотѣлъ было сопротивляться, но силачъ Левицкій схватилъ его за воротникъ сюртука и повлекъ въ лѣсную чащу. Между тѣмъ Кутлеръ принялъ развязывать чемоданы маюра. Едва только успѣлъ онъ открыть одинъ изъ нихъ, какъ въ лѣсу раздался выстрѣлъ и крикъ: *Mon Dieu! Jesus, mon Dieu!* Слова эти казались произнесеннымимъ человѣкомъ, бѣгущимъ по лѣсу. Всѣдѣ затѣмъ послышался голосъ Левицкаго, громко звавшаго своихъ людей. Они поспѣшили на зовъ и, раздѣлившись, бросились въ погоню за Синклеромъ и скоро докончили его. Кутюрьеъ слышалъ крики и звуки сабельныхъ ударовъ и стоялъ ни живъ ни мертвъ отъ страха. Увидя возвращающагося Левицкаго, онъ упалъ на колѣна и сталъ умолять по-латыни о пощадѣ *). „Не бойся,—отвѣчалъ ему на томъ же языкѣ убійца, было бы грѣшно противъ Святаго Духа сдѣлать зло такому хорошему человѣку, какъ ты. Товарищъ твой получилъ то, что заслужилъ. Онъ былъ врагомъ Государя, а врагъ Государя есть врагъ Бога, и я думаю, что поступилъ безукоризненно, убивъ его“. Затѣмъ убійцы стали дѣлить между собою вещи и деньги Синклера. Когда письмо великаго визиря попало въ руки Кутлера, онъ радостно воскликнулъ, показывая его Кутюрьеу: „вотъ то, за что я не возьму ста тысячъ рейхсталеровъ“. Окончивъ грабежъ, Кутлеръ и Левицкій сѣли въ дилижансъ и велѣли везти себя прямо въ Дрезденъ. Они неоднократно совѣтовали Кутюрьеу молчать о происшедшемъ. — „Берегитесь“ — говорили они — „проронить хоть одно слово; вы скоро узнаете, кто мы. До тѣхъ поръ, пока вы съ нами, удерживайтесь тщательно даже отъ всякаго нескромнаго знака. Когда же мы васъ отпустимъ, можете говорить сколько вамъ угодно и рассказывать обо всемъ, хоть самому черту“...

По приѣздѣ въ Дрезденъ, убійцы явились къ русскому посланнику Кейзерлингу и представили ему Кутюрьера. Кейзерлингъ отославъ его къ саксонскому генераль-прокурору Фогелю, по приказанію котораго онъ тотчасъ же былъ посаженъ въ государственную тюрьму. Здѣсь ему предложили составленные русскимъ посломъ тридцать

*) Левицкій зналъ только по-русски и по-латыни.

восемь вопросныхъ пунктовъ, касавшихся дѣла Синклера. Кутюрьеъ отвѣчалъ на каждый изъ нихъ подъ присягою и черезъ недѣлю былъ освобожденъ. Кейзерлингъ пригласилъ его къ себѣ, осыпалъ любезностями и подарилъ на дорогу 500 червонцевъ. Получивъ разрѣшеніе на выѣздъ, Кутюрьеъ отправился въ Стокгольмъ и передалъ графу Гилленборгу подробности описаннаго нами злодѣйства.

Тѣло Синклера было найдено только 23-го юня. Одинъ пастухъ случайно наткнулся на него и далъ знать объ этомъ наумбургскимъ властямъ. Начальникъ города командировалъ на мѣсто происшествія судью, медика и двухъ офицеровъ и поручилъ имъ составить подробный актъ объ освидѣтельствованіи трупа. Оказалось, что Синклеръ получилъ девять ранъ: одну пулей въ животъ, семь сабельныхъ ударовъ въ голову, лѣвый бокъ и руку и ударъ шпагой, насквозь въ правый бокъ. Лицо убитаго было страшно изуродовано. Повидимому, убийцы хотѣли сдѣлать его неузнаваемымъ. Въ торопливости они забыли снять съ руки Синклера золотой перстень и не вынули изъ кармана его табакерку и носовой платокъ. Около трупа нашли три обломка весьма тонкаго шпажнаго лезвія. Всѣ эти вещи и окровавленная одежда Синклера долгое время были выставлены для любопытныхъ въ Наумбургскомъ замкѣ *).

Убіеніе Шведскаго агента Синклера въ 1739 году имѣло особое значеніе и связано съ эпохой казней конца царствованія Императрицы Анны, тогда находившейся въ полной власти Бирона и Остермана. Опальные Долгорукіе, полузабытые въ Сибири, подверглись новымъ подозрѣніямъ. Назначеній было въ 1739 г. посломъ въ Лондонъ, Князь Сергій Григорьевичъ Долгорукій былъ бѣльмомъ въ глазу Остермана, главнаго губителя Долгорукихъ. Розыскъ возобновился и привелъ къ казни Долгорукихъ. Бумаги, найденные у Синклера, повидимому, дали въ руки правительству Императрицы Анны новые улики на семью Долгорукихъ, или же послужили только предлогомъ къ ихъ окончательной гибели. Казнь Волынского также

*) Здѣсь прорывается отрывокъ, найденный въ бумагахъ Остафьевскаго архива Князей Вяземскихъ.

была въ 1739 году. Убийцы действовали по соглашенню съ Бирономъ и Остерманомъ, главными представителями немецкаго засилья въ царствованіе умной и совершенно Русской по природѣ дочери Царя Ивана Алексѣевича.

* * *

Извѣстіе о плачевной смерти Синклера произвело въ Стокгольмѣ всеобщій взрывъ негодованія. Озлобленная чернь кинулась къ дому русскаго посланника, избила его прислугу и оскорбила некоторыхъ членовъ посольства. Бестужевъ жаловался на это королю, вслѣдствіе чего 9-го Іюля 1739 г. былъ обнародованъ указъ, чтобы никто подъ опасенiemъ строжайшаго наказанія не осмѣшивался чѣмъ бы то ни было обижать и притѣснять иностранцевъ. Королевское повелѣніе, однако, никакъ не остановило волненія умовъ. Черезъ нѣсколько дней чернь, съ ругательствами, выбила стекла изъ оконъ русскаго посольскаго дома и неистовствовала до тѣхъ поръ, пока не была разсѣяна военною силой. Аристократія и, въ особенности, французская партія старалась всѣми средствами возбудить народъ противъ Россіи. Появились газеты и памфлеты, въ которыхъувѣрено положительно, будто Синклеръ былъ убитъ по приказанію русской Императрицы. Анна Ивановна, действительно ничего не знавшая о распоряженіяхъ своего любимца, послѣшила разослать ко всѣмъ Европейскимъ дворамъ объяснительныя деклараціи и торжественно протестовала противъ такого обвиненія..., но дѣло зашло слишкомъ далеко, чтобы уладиться мирнымъ путемъ; разрывъ былъ неизбѣженъ. Скоро возгорѣлось то.....*) для шведовъ война, которая представляеть одну изъ самыхъ тѣмныхъ картинъ въ исторіи Швеціи."

III.

*) Отдѣль текста, начинная со слова „Извѣстіе“ (см. послѣдній абзацъ) и до конца страницы, найденъ въ Осташевскомъ Архивѣ при дѣлѣ Синклера не въ полной сохранности, такъ что пропускъ, означенный многоточиемъ, не представляется возможнымъ заполнить.

РИМСКІЯ ПИСЬМА

А. Н. КАРАМЗИНА КЪ СВОЕЙ МАТЕРИ,
ЕКАТЕРИНѢ АНДРЕЕВНѢ.*)

Римъ. $\frac{24}{12}$ марта 1837. Иятница.

На другой день моего пріѣзда, милая маменька, имѣль я счастье получить отъ Кривцова письмо Ваше отъ 16 февраля с. г. Ужъ таکъ давно былъ я лишенъ этого наслажденія! Болѣе двухъ недѣль! Я жадно читалъ дорогія строки и мысленно благодарили Бога за то, что вы всѣ здоровы, и благодарили и благословляли Васъ за чувства нѣжной любви и попечительности, которыми онъ исполнены. По этому письму вижу я, что предъидущаго я не получилъ; куда Вы его адрессировали? Во всякомъ случаѣ, оно пропасть не можетъ, Смирновъ и Генуэзскій трактирщикъ авось меня не обмануть. Замѣчаніе Ваше, милая маменька, насчетъ формы моихъ писемъ, которая начинаются какъ реляціи,—я сперва не хорошо понялъ, а потомъ, понявши, улыбнулся нѣжно à l'idée de votre susceptibilité maternelle. А впрочемъ, вотъ причина: я сначала писалъ Вамъ письма разомъ, и, слѣдовательно, между отправлениемъ письма и началомъ слѣдующаго проходило нѣсколько дній: тогда какъ послѣ отсутствія, обращаясь къ Вамъ, я здравствовалъ, теперь же я большею частію пишу въ продолженіи цѣлой недѣли и часто начинаю письмо въ самый день отправленія предъидущаго, это дѣло другое,—я уже не привѣтствую Васъ послѣ разлуки, но продолжаю прерванный разговоръ.

*.) Письма Андрея Николаевича Карамзина сообщены Графиней М. Н. Толстой, за что Московская Коммиссія по изданию „Старины и Новизны“ приносить глубокую благодарность. Часть писемъ А. Н. Карамзина, именно—изъ Парижа, напечатана въ XVII-ой книжкѣ „Старины и Новизны“, М. 1914 г., стр. 232—322.

Извѣстіе объ арестѣ бѣднаго Саши *) меня огорчило: оно не бѣда, но какъ приходится такъ часто, то скучно. Съ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщанное отъ него письмо, которому буду немедленно отвѣтчать и въ которомъ благословлю его на отставку отъ адъютантства, какъ, по моему, Белла ни страшна. Я съ горестью предвижу, что мнѣ придется долѣе обыкновенного ждать письма отъ Васъ, милая маменька, потому что и мое опоздаетъ по случаю гриппа. Не могу дождаться конца письма, чтобы благодарить и поцѣловать милую Sophie за образцовую исправность и за передачу лестной похвалы. Мое послѣднее письмо къ Вамъ изъ Флоренціи было, сколько помню, хвалебнымъ гимномъ Италии: я его докончилъ при ясныхъ солнечныхъ лучахъ, при шумѣ волнъ Арно, въ которомъ глядѣлось синее небо, любуясь прелестью своей лазури...—прекрасно; но теперь не знаю, во что обмакнуть перо, гдѣ взять краски довольно сильныя, чтобы выразить все мое негодованіе, tout mon désappointment! Третьяго дня мы пріѣхали сюда въ холодъ и дождь, вчера холодъ и снѣгъ, сегодня холодъ, вѣтеръ и градъ!!!! Какъ послѣ этого удивляться духу отрицанія и сомнѣнія нынѣшняго поколѣнія, когда факты своеевольно опровергаютъ общепринятыя понятія! Представьте себѣ положеніе молодого путешественника (*c'est moi*), исполненнаго любви къ Италии и упованія на ея вѣчно-лазуревое небо, когда, просыпаясь вчера въ 8 ч., онъ видитъ всѣ крыши бѣлые, какъ у насъ въ Генварѣ, и окники, занесенные снѣгомъ! Какъ ни говорите, это очень прискорбно! Безъ шутокъ *je suis un reu baromètre*, и когда тучи на небѣ, то и въ душѣ не такъ свѣтло. Впрочемъ, *n'anticipons pas* и начнемъ съ начала. Окончивъ письмо къ Вамъ изъ Флоренціи, я заснуль на нѣсколько часовъ, а потомъ въ Воскресеніе мыѣздили и гуляли по городу съ Соллогубомъ, который обѣдалъ у Рейгоннет (сына ministра), а я въ своеемъ трактире вдвоемъ съ Ингирами, съ которымъ мы поминали Эмскіе подвиги и въ 7 ч. вечера сѣли въ коляску. Мы выбрали дорогу черезъ Sienne, какъ самую короткую и доставляющую случай осмотрѣть Соборъ въ Сиенѣ, но въ послѣствіи очень раскались. Эта дорога

*) Разумѣется братъ Андрея Николаевича Карамзина, Александръ, женатый на княжнѣ Оболенской.

идеть по горамъ Аппенинскимъ до самой Campagne de Rome, и нельзя вообразить себѣ безобразности встрѣчаемыхъ видовъ! Нѣть и малѣйшаго сходства съ цвѣтущею красотою Швейцарскихъ долинъ и дикими громадами ея гранитныхъ утесовъ. Дрянныя горы, которыхъ подошвы покрыты сѣрою зеленью оливковыхъ деревьевъ, а плѣшивыя и глоупо закругленныя вершины торчатъ падь пустыми долинами! Во всю дорогу нѣть ни одного порядочного трактира, прибавьте къ этому беспрестанный взѣздъ и спускъ съ горъ, брами съ почтальонами и почтмейстерами, которые почти вездѣ запрягали 4 лошади въ нашу легкую коляску и требовали съумасшедшую на-водку, холодъ, дождь— и Вы будете имѣть понятіе о цепрѣятности этого переѣзда. Одна мысль, что я приближаюсь къ Риму, разсѣвала мою досаду. Сіенскій Соборъ тоже стоилъ того, чтобы немного поскушать за него, хотя нельзя сравнить съ Пизскимъ. Между прочимъ, dans la Sacristie прекрасныя фрески, поправленныя Рафаэлемъ, а посреди языческая группа трехъ грацій въ обыкновенномъ костюмѣ. Какъ кстати! Въ Понедѣльникъ обѣдали мы прескверно въ Радикофани, во Вторникъ пили чай поутру въ Viterbѣ, а къ 5 ч. прїѣхали въ Римъ! И тутъ надо было Папскому Правительству испортить наше удовольствіе: полицейскіе вѣспились въ наши паспорты, таможенные въ вещи, а особенно въ книги; ругательства, торги, наконецъ 20 франками все уладилось, и мы стали таскаться по городу, чтобы отыскивать квартиру: всѣ трактиры полны, вездѣ отказъ, наконецъ въ hôtel de Russie, via del Babuino подлѣ piazza del Popolo отвели намъ 7 комнатъ въ 4-мъ этажѣ за 3 пьястра, т. е. 16 франковъ въ сутки! Выбирать нечего,—взяли и цѣлые два дня глотали мы нѣсколько разъ въ сутки по 73 ступени! Сегодня сходимъ въ 1-й этажъ на квартиру, не такъ безтолково огромную, но такъ-же дорогую для пустыхъ кармановъ. (Дорога отъ Парижа до Рима съ прогонами и 16-и дневными пропитаніемъ своимъ и человѣка стоила мнѣ 800 франковъ!).

Вечеромъ.

Письмо мое прервалъ Тизенгаузенъ, мы съ нимъ пошли вмѣстѣ гулять, а при возвращеніи моемъ нашелъ я письмо Ваше, адресованное въ Геную и которое переслали мнѣ оттуда. Какъ болѣно мнѣ было читать описание Вашего безпокойствія, милал маменька, отъ

двухдневной просрочки въ полученіи письма моего, когда знаю, что Вамъ тогда предстояло опять дней 10 ждать слѣдующаго, грипнаго! Я не буду уговаривать Васъ не беспокоиться, потому, что по опыту знаю, что это не дѣло разсудка, но чувства, не состоящаго подъ его вѣдомствомъ. Скажу Вамъ только, что если-бы со мною, когда-либо что-нибудь случилось, то я въ городѣ не одинъ: если нѣтъ своихъ, то есть друзья или по крайней мѣрѣ пріятели мои и Ваши, которые напишутъ вмѣсто меня.

Уже было довольно темно, когда мы вышли взглянуть на внутренность св. Петра и поклониться царю зданій.

Совершенно правда, что огромность Собора понимаешь только тогда, когда ходишь по немъ, идешь, идешь, а конецъ все далеко. Я послѣ этого уже нѣсколько разъ (т. е. два раза) былъ тамъ и еще болѣе утвердился въ той мысли, что надо разглядѣть Итальянскія церкви, чтобы удивляться и достаточно оцѣнить ихъ, и что онѣ, слѣдовательно, болѣе говорятъ разуму.

Соответствуетъ ли это назначенію храма?... Бутурлинъ правъ, говоря, что, когда входишь въ церковь св. Петра, нельзя догадаться, что входишь во церкву; зала, биржа скорѣе. Вчера былъ день главныхъ церемоній. Мы встали пораньше. Я надѣлъ свой мундиръ, подъ протекціей котораго я находился во все время съ дипломатическими корпусомъ въ особенной ложѣ и водилъ и защищалъ отъ толпы Бутурлину, которой мужа не было: Баламенитьерна на свою долю имѣлъ Комбурлейшу, а Косенѣкѣй *) прочихъ. Началось службой въ Сикстинской Капеллѣ, потомъ процессія изъ Сикстинской въ другую Капеллу Ватикана, благословеніе народа на площади Папою съ балкона, умовеніе имъ-же ногъ 12-и пилигримамъ въ одномъ изъ придѣловъ Св. Петра и наконецъ обѣдъ въ одной изъ залъ Ватикана, гдѣ Папа самъ разносить кушанье этимъ-же молодцамъ. Я все видѣлъ прекрасно и вездѣ пробирался храбро и хорошо, хотя въ такой толпѣ водить даму не шутка: за то досталось многимъ по

*) Не Бутурлинъ ли, Петръ Петровичъ, прозванный le pr  cose, потому что былъ „прекосъ“.

ногамъ отъ моихъ шпоръ и по лицамъ отъ эполетъ! Уронъ съ моей стороны незначителенъ: одна шпора пропала безъ вѣсти. Я очень радъ, что видѣлъ всѣ эти продѣлки, но признаюсь, что не стоило ради нихъ такъ спѣшить въ Римъ. Я также не понимаю тѣхъ, которые, бывши на Римскихъ церемоніяхъ, обратились въ католицизмъ.

На меня оно произвело дѣйствіе совсѣмъ противное: мнѣ было смѣшно и совѣстно за христіанскую религію. Фигура папы, когда его несутъ подъ балдахиномъ, спелененного въ парчѣ, съ закрытыми глазами, жалко смѣшина!

Вообще, онъ мнѣ во все время казался куклой, деревяннымъ божкомъ, котораго жрецы обманщики выносятъ изъ святилища народу на поклоненіе. Онъ самъ не двигается, ему снимаютъ и надѣваютъ митру, распахиваютъ одежду и опять кутаются; краснорѣтый старикъ только прихлопываетъ глазами. Съ другой стороны безпрестанная колѣнопреклоненія передъ памѣстникомъ демократическаго Христа—колятъ глаза. Мундиры проходятъ вездѣ, фраки допускаются довольно близко, а бѣдный народъ издали смотритъ. Прибавьте вѣчный шумъ и говоръ, споры съ караульными и Вы поймете легко, какъ мало торжественности въ пышныхъ обрядахъ. Впрочемъ, минута благословенія была хороша, выглянуло солнце, огромная паперть св. Петра чернѣлась толпою, на площади были выстроены войска, а за ними стоялъ черный народъ (его было очень мало). Папа простеръ руки, толпа колыхнулась и стала на колѣни, забили походъ, раздался колокольный звонъ и пушечная пальба.

Но и тутъ смѣхъ, послѣ благословенія папа бросилъ въ народъ двѣ индульгенціи: бумажки закрутились въ воздухѣ и мальчишки бросились ихъ ловить! Прежде 2-хъ часовъ все было кончено. Я не знаю, что сдѣлалось съ Бутурлинами, но всѣ члены семейства наперерывъ забрасали меня увѣреніями дружбы. Особенно М-те Комбурлей и М-те Лизъ. Слава Богу, я ее не въ первый разъ вижу и мы никогда пяти словъ не говорили, а вчера то „я и старый-де другъ дома, elle m'adopte pour le fils de la maison, и просить-де ходить къ ей всякий день обѣдать, да и по вечерамъ быть и пр. и пр.“ Должно быть, нужно кавалеровъ, что-ли?—Вчера было 23 Марта, день кончины нашей милой Пашеньки, я посѣтилъ ея могилу и обсыпалъ весенними цветами за дяденьку, тетеньку и насть

всѣхъ, ее такъ нѣжно любившихъ *). Я желалъ отслужить въ этотъ день панихиду, но священникъ нашъ боленъ. Добрый Штакельбергъ не забылъ могилу. Его стараніями посажены вокругъ кипарисы и розовые кусты.

Посылаю при семъ вѣточку съ первого дяденькѣ, который просилъ меня помянуть его въ Римѣ. Я хотѣлъ самъ писать Вяземскимъ, но не успѣю. Обнимите ихъ за меня.

²⁵
₁₃ Марта. Суббота.

Вчера передъ обѣдомъ ходили мы съ Тизенгаузеномъ отѣлать визиты Мансуровымъ и Философовымъ, а оттуда въ церковь св. Петра, которую осматривали въ подробности. Прекрасный монументъ Кановы, алтари, мозаики, гробы и, между прочимъ, на одномъ изъ нихъ мраморная статуя Справедливости, покрытая бронзовой drapperie. Она нѣкогда была нагая и своими прелестями зажгла воображеніе сумасброднаго англичанина, который подкупилъ сторожа и заперся въ церкви на ночь. Съ тѣхъ поръ придѣляли къ ней бронзовое покрывало. Скоро явился и Великій Князь, мы присоединились къ его свитѣ и подъ его протекціей видѣли процессіональный входъ Папы, который пришелъ поклониться мощамъ. Сегодня обѣдаю я у Бутурлинныхъ, а передъ этимъ снесу на почту письмо и посмотрю съ лонъ-лакеемъ на нѣкоторыя древности. Теперь полнолуніе по календарю, мы вчера вечеромъ собирались было въ Колисей, но небо было темно.

Кривцовъ находится безотлучно при Великомъ Князѣ и слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь; я его мало вижу, онъ извинился на этой недѣль и вообще свидѣлся со мною, какъ старый пріятель нашего дома. Онъ поручилъ мнѣ кучу вещей Вамъ, милая маменька, и сестрамъ, особенно Sophie, которая про него вспомнила. Бутурлинъ также m'a chargé de ses respects pour maman et de le mettre aux pieds de M-elle Sophie! Великій Князь недоволенъ Италіей и все бранить ее и меня за то, что я ее защищаю.

*) „Пашенька“, о которой скорбить А. Н. Карамзінъ,—это Княжна Праксевья Петровна Вяземская, умершая отъ чахотки въ Римѣ, гдѣ и погребена.

Надѣюсь, можетъ быть, сегодня получить обѣщанное отъ брата письмо, которому буду отвѣтчать немедленно, также какъ и Володѣ. Здѣсь, вообще, мнѣ будетъ для этого болѣе досуга: вечера не заняты. Соллогубъ Вамъ нѣжно и почтительно кланяется, мы съ нимъ живемъ довольно въ ладу, хотя иногда и ссоримся: онъ на меня сердится за то, что я съ шумомъ ѿмъ сухари и громко захлебываю горячій чай; а я на него за то, что онъ, когда говорить, то глотаетъ половину словъ такъ, что его трудно съ первого раза понять. Прощайте, милая и возлюбленная маменька, нѣжно цѣлую Ваши ручки и крѣпко прижимаю Васъ къ сердцу, исполненному сыновней любви. До свиданія!

Андрей К.

Нѣжно обнимаю васъ, милые браты и сестры, Саша, Володя, Пьеръ, Sophie, Catherine и Lise, и тебя, Николенъка; всѣхъ прилежныхъ и лѣнивыхъ равно нѣжно, но цѣлую первыхъ лишній разъ благодарности ради.—Нѣжный поклонъ Василію Андреевичу и Алекс. Ивановичу. Обнимаю тебя, душа моя Аркадій, и право скоро буду отвѣтчать. Что дѣлаетъ тѣска, Андрей Николаевичъ Муравьевъ? Если онъ бываетъ у Васъ, то поклонитесь ему дружески отъ меня.

Прощайте.

Н. Изъ Парижа я написалъ 9 писемъ, послѣ Парижа это 3-е. Стану опять нумеровать.

Римъ. 30
18 Марта 1837. Четвертокъ.

Вотъ и Апрѣль въ сѣняхъ, милая маменька, а у насъ погода все не Итальянская! Послѣдніе дни свѣтлы, но холодны, и въ прогулкахъ, продрогнувъ до кости въ галлереяхъ, съ жадностью вбираешь въ себя благотворные солнечные лучи! Я получилъ въ Среду длинное письмо милаго и бѣднаго Саши, съ Вашей припиской, исполненной нѣжной попечительности о моемъ здоровіи и грусти по Парижской болѣзни! Что за странная вещь отсутствіе! оно какъ-то удваиваетъ жизнь; я дня два пострадалъ, потомъ описалъ Вамъ ихъ, потомъ забылъ про нихъ, и много прожилъ съ тѣхъ поръ, и вдругъ,

въ другой землѣ, среди другого круга людей достигаетъ меня отголосокъ прошедшаго, и мнѣ здоровому становится грустно и досадно за Вашу грусть о болѣномъ, тогда какъ и Вы грустить давно перестали, получивъ другія извѣстія. Нѣжно, крѣпко обнимаю Вась, милая маменька. Мнѣ подали письмо брата, разбудивъ меня съ трудомъ отъ богатырскаго сна: я во снѣ видѣлъ его, быть съ нимъ и пріятная мечта обратилась въ настоящіость.—Прежде, чѣмъ начать чтеніе, я жадно мѣрилъ объемъ письма; два листа! благодарю тебя, Сашко! Во время чтенія мнѣ было и жалко и пріятно, я бѣсился, радовался, но все мысленно обнималъ тебя, милый братъ. Впрочемъ, на будущей почтѣ напишу тебѣ отвѣтъ на все. Въ Воскресеніе (Свѣтлое, по здѣшнему), въ полной формѣ, въ 8 ч. утра побѣхаль я къ Бутурлинымъ, чтобы вмѣстѣ съ Баламеништерномъ везти ихъ въ церковь Св. Петра на торжественную папскую обѣдню. Размѣстивъ своихъ дамъ по мѣстамъ, мы сами отправились въ дипломатическую трибуну, въ которую забрались послѣ маленькихъ споровъ съ папскими Церемонимейстерами. Эта трибуна надъ самимъ алтаремъ, папскій тронъ въ нѣсколькоихъ шагахъ, и, слѣдовательно, нельзя было пожелать лучшаго мѣста. Въ церкви стояли фронтомъ полосатые Швейцарцы и дворянскіе тѣлохранители папы въ красныхъ мундирахъ съ бѣлыми султанами. Въ половинѣ десятаго показалась процессія. Папа на креслахъ подъ балдахиномъ, передъ нимъ огромные вѣры, за нимъ Кардиналы въ красныхъ мантіяхъ и монсіньоры въ лиловыхъ, и еще много другихъ и другого. Раздался трубный звукъ, войска сдѣлали на караулѣ, хоръ пѣвчихъ запѣлъ слова Христа Петру: *Tu es Petrus et super hanc petram* и такъ далѣе.

Это была прекрасная минута—но единственная. Началась служба, туалетъ христіанскаго Далай-Ламы, и послѣ четверти часа мнѣ стало очень скучно. *C'est un des plus forts d閟appointements possibles!* Какая разница съ нашимъ богослуженіемъ Св. Пасхи. Радостное пѣніе: „Христосъ Воскресе“ сначала возвѣщается, чemu всѣ радуются, поклоняются и молятся одному Божеству, и на эту минуту исчезаютъ всѣ неравноти гражданскія, православный мужикъ и православный Лентоносецъ молятся рядомъ; обряды торжественны, пѣніе величественно. Здѣсь дѣло идетъ не о воскресеніи изъ мертвыхъ

Иисуса, но о прославлении Папы и о началѣ его власти, вся служба вертится вокругъ него, про Бога забываютъ, остается только это неподвижное чучело на своемъ престолѣ, къ которой безпрестанно подходить цѣловать руки и ноги; къ царю небесному, какъ къ царямъ земнымъ, подпускаютъ только въ мундирахъ и лентахъ, а народъ, Апостольскихъ товарищѣ гонятъ подальше. Когда читаютъ Евангелие по-Латыни, то горятъ 7 свѣчей, а передъ Греческимъ только 2! Щѣніе варварское! Католическая скороговорка! Когда въ концѣ обѣдни поднесли причастіе Папѣ, я вспомнилъ Петра Ивановича и раздѣлилъ его негодованіе. Assaisonnez le tout d'une masse inombrable d'Anglais et de leurs exclamations analogues au sujet и Вы поймете, что вся штука кажется спектаклемъ, разыграннымъ въ ихъ пользу. Послѣ службы бываетъ обыкновенно благословеніе народа на площади; но такъ какъ поутру шелъ маленький дождь, а солдаты у Папы сахарные, то ихъ отпустили домой, и Папа благословлялъ въ церкви. Мы въ это время сошли передъ алтарь, и я шпорой наступилъ на платье Монсиньора, стоявшаго на колѣняхъ за мною. Я обернулся, чтобы извиниться—каково-же было мое удивленіе, когда монсиньоръ этотъ, сладко улыбалсь, объявилъ мнѣ, что онъ очень радъ познакомиться со мною, что ему Кривцовъ сказалъ, что я здѣсь, и что онъ узпалъ меня по сходству съ сестрами, однимъ словомъ, что онъ Monsignor Prosperi! Я ему очень обрадовался, и мы съ тѣхъ поръ уже успѣли сдѣлаться большими друзьями, вѣчно говоря о васъ, милыхъ сестры. Остатокъ утра мы провели въ исканіи квартиры, обѣдалъ я для перемѣны у Бутурлиныхъ и получилъ приглашеніе на другой день къ Torlonia, чтобы изъ оконекъ смотрѣть на фейерверкъ du chateau S-t Ange и на балъ. Въ понедѣльникъ мы отыскали себѣ очень порядочную квартиру по близости въ той-же улицѣ del Babuino, которая соединяетъ площади d'Espagna и del Popolo, и наняли ее на мѣсяцъ за 35 піастровъ, т. е. около 190 франковъ.

Въ трактире мы за такую-же платили 3 піастра въ сутки, и немедленно перетащились на новоселье. Послѣ обѣда à la Scalinate въ ресторациѣ, очень похожей на русскую ростирадцію, мы одѣлись и отправились къ Torlonia, уже на дорогѣ насъ застали ракеты и петарды, но мы, однако, къ лучшему пристѣли. Незнакомые и

никѣмъ не представленные вошли мы къ герцогу Купцу, глядѣли на прекрасный фейерверкъ, который, благопріятствуемый прекрасною погодою, ярко освѣщалъ горизонтъ и отражался въ волнахъ Тибра, и обрисовывалъ черныя стѣны замка. Я давно уже былъ какъ дома, когда меня Штакельбергъ представилъ хозяйкѣ—матери, и старый Остафьевскій знакомый Литта хозяину—Александру Торлонію. Начался балъ, которому я, натурально, былъ только зрителемъ. Послѣ Петербургскаго и Парижскаго щегольства я былъ чрезвычайно удивленъ туалетами здѣшнихъ дамъ. Старая, изношенная платья—запоздалыя моды. Не говорю о иныхъ костюмахъ, которые встрѣчаются, впрочемъ, только у Торлонія, какъ напр., длинные рукава, швецкія перчатки, чепчики и черные башмаки у танцующихъ. Мувины также отстали отъ хода Европейскаго просвѣщенія, у многихъ хохлы, коричневые фраки и многіе подобные недостатки. Проспери дружески кивалъ головою аух *jolies femmes*, называлъ мнѣ ихъ и познакомилъ со своею хорошенькой сестрою, графиней Чини (Cini). Вообразите себѣ, что мать его вышла недавно за младшаго брата мужа своей дочерей и сдѣлалась ея *belle soeur*. Въ этотъ-же вечеръ послѣ фейерверка Великій Князь отправился отсюда въ Неаполь, гдѣ пробудетъ недѣлю и поплынетъ въ Геную, чтобы въ концѣ Апрѣля уже быть опять въ Баденѣ.—На другой день начали мы свои прогулки по Риму съ Ватикана. Осмотрѣли ложи и комната Рафаѣля и картинную галлерею. Есть, конечно, невыгоды въ художественномъ невѣжествѣ, но, конечно, есть и выгоды, а именно какая-то независимость въ сужденіяхъ: объявивши себѣ самому и другимъ свое невѣжество, какъ-то легче чувствовать и понимать по своему. Такъ напр., глядя на знаменитыя фрески Рафаэлевскихъ комнатъ, я оставался совершенно холоденъ. Освобожденіе Петра и Павла прекрасно, но пожаръ съ группами изъ Энеиды мнѣ даже очень не понравился. Картина галлерея имѣеть два громадныхъ достоинства: въ ней картина немногого и каждая картина прекрасна! Я сперва думалъ, что я болѣе всего люблю смотрѣть на картины Рафаѣля, а потомъ замѣтилъ, что гляжу не на картину, а на Мадонну, это поэтическое выраженіе высшей, женской красоты, дышащей дѣвственnoю простотою. Такова и его *Madonna da Foligno*. Господи, дай мнѣ встрѣтить такую женщину!!!

31
19 Марта. Пятница.

Въ Среду получили мы приглашениe на вечеръ отъ князя Боргезъ, а поутру отправились осматривать Капитолій, такъ неблагородно перекрещенный въ Campi d'oglio. У подошвы мраморной лѣстницы, ведущей на возвышеніе, стоять два черные льва: я надѣялся въ одномъ изъ нихъ найти того, который былъ сперва свидѣтелемъ величія Ріенци, а потомъ обагрился кровью мученика, но въ сожалѣнію по справкамъ оказалось, что того нѣтъ, а теперешніе поставлены Микель-Анджеломъ во время сооруженія лѣстницы и постройки новыхъ домовъ па Капитоліи. Мы взбрались на башню Сенаторского дворца (и теперь есть Сенатъ въ Римѣ, который судить пьяницъ и бродягъ!), откуда весь Римъ и всѣ окрестности видны какъ на блюдѣ, и повсюду среди обителей живыхъ, остатки древности гордо выказываютъ маститую главу и съ презрѣніемъ глядятъ на настоящее, воспоминая прошедшее.... Надъ платформою башни сдѣлано возвышение, на которомъ стоитъ мраморное изображеніе (статуя) Христіанскаго Рима; она—избитая въ кускахъ, какъ и онъ самъ; я и туда взлѣзъ, потому-что люблю головокружительныхъ мѣста: *c'est une acquisition de la Suisse.* Осмотрѣвъ древности Музея и палаты dei Conservatori, мы съ Соллогубомъ обѣдали у Бутурлиныхъ. Вы теперь станете смѣяться при имени Бутурлиныхъ, какъ въ Парижѣ смѣялись имени Смирновыхъ, но тутъ большая разница. Тамъ я былъ по охотѣ, а здѣсь почти по неволѣ; во-первыхъ, оно экономнѣе, а мы находимся въ бѣдственномъ положеніи, во-вторыхъ, они все зовутъ къ себѣ, въ-третьихъ, вечеромъ здѣсь нечего дѣлать. Впрочемъ, мнѣ у нихъ не скучно: самъ Бутурлинъ умень, весьма любезенъ и разговорчивъ; Косенькій добрый малый, а хозяйка *à défaut d'autre chose, est jolie*, что пріятно для глаза. Не говорю о 12 лѣт. дочкѣ, которая красавица.—Въ 9 ч. поѣхали за Штакельбергомъ, который долженъ быть представить насъ. Народу было очень немного, но зала красавая и ярко освѣщенная, много хорошенъкихъ, но мало хорошо одѣтыхъ, такъ что Бутурлина, которая не славится у насъ щегольствомъ, очень блистала свѣжестью туалета. Я глядѣль, таскался изъ комнаты въ комнату до мазурки, которую танцевали въ 5 или

6 паръ, я съ Бутурлиной. Всѣ глядѣли, и это напомнило мнѣ письма сестеръ. Предводителемъ былъ Литта, но время ничего не перемѣнило въ его пляскѣ, все по старому, все по Остафьевски и про него можно сказать, какъ про Бурбоновъ: *il n'a rien oublié et rien appris.* Я познакомился также съ хорошенъкою молоденькою хозяйкою M-me de Mortimart, съ которой протанцевалъ одинъ вальсъ. Предметъ разговора было не трудно найти, сестры, Вяземскіе, она всѣхъ помнить и зоветъ въ Римъ, а покуда всѣмъ велѣла кланяться. Проперъ во все время не отходилъ отъ Бутурлиной, не переставалъ улыбаться, что доказываетъ, что онъ доволенъ собою; она-же поручила мнѣ тебя бранить, Sophie, за то, что ты ей не расхвалила Проспера, онъ ей очень нравится: *qui se ressemble s'assemble:* Бутурлинъ берегись! Дабы въ моихъ письмахъ находились бы всѣ имена, которыми пестрились письма сестеръ, я поговорю Вамъ и о Капраникѣ, который танцуешь усердно и также началъ увиваться вокругъ Бутурлиной, и наконецъ обѣ одномъ изъ Бурмановъ, съ которымъ меня познакомили (блокуры съ вострымъ лицомъ) и который поручилъ мнѣ также и его припомнить Вамъ. Вы видите, милые сестры, что все по старому, только что толстый и добрый Кривцовъ пересталъ танцевать, по совѣту тетеньки, говорить онъ.— Я уѣхалъ въ началѣ котильона, въ будущую Среду послѣдній балъ. Сегодня еще одинъ у Людольфи, гдѣ мы также будемъ. Конечно, мнѣ на этихъ балахъ не весело, но яѣзжу туда, какъѣзжу смотрѣть рѣдкости, чтобы посмотретьъ на людей. Тутъ-же Кривцовъ, который провожалъ Вел. Кн. до границы, объявилъ мнѣ, что мы (т. е. Бутурлинъ, Мансуровъ и я) на другой день въ 12 часовъ представляемся папѣ въ мундирахъ.

1 Апрѣля. Суббота.

И представились..., да толку мало; папа говорить только по-Итальянски, а изъ насть на этомъ языкѣ никто не гораздъ. Однако-же разговоръ (впрочемъ, самый незанимателный о погодѣ и о гриппѣ) продолжался около $\frac{1}{4}$ часа, съ помощью Кривцова. Мы не покривили ноги (*génuflexion Catholique*) и даже не подходили къ рукѣ, что,

говорять, не по правилу. Папа, бодрый 73-лѣтній старикъ, былъ одѣтъ въ бѣлой сутанѣ, въ бѣлой шапочкѣ на головѣ и бѣлыхъ туфляхъ, шитыхъ золотомъ. Комнаты богато убраны малиновымъ бархатомъ, въ иныхъ есть и прекрасныя картины *et j'ai été tenté de dire au Pape comme la P-cesse Bélosselsky: „Hoho S-t Père! comme Vous êtes bien logé“*. Богъ знаетъ, кому здѣсь про папу вѣрить: иные говорять, что онъ глупъ, но святъ, а другіе, соглашаясь въ первомъ пункѣ, говорять, что онъ усердный поклонникъ Вакха и Венеры, (*vous voyez, que je suis sous l'inspiration de l'antiquité*), въ пользу послѣдняго мнѣнія говорить яркій цвѣтъ его колоссального носа; главное то, что его здѣсь народъ терпѣть не можетъ и дѣла, особенно финансовыхъ, *vont à la diable*. Въ этомъ послѣднемъ мнѣніи ихъ очень жаль, *car Qui ne sait compatir aux maux qu'on a soufferts? (et qu'on souffre qui plus est)*.

Раздѣвши, я ходилъ въ галлерею статуй Ватикана и сподобился недостойными глазами видѣть Лаокоона и Аполлона. Впрочемъ, красота первого приступна всѣмъ; судорожная усилія, боль и отчаяніе старца сильно потрясаютъ душу. Жаль, что въ этомъ отчаяніи нѣть ни малѣйшей искры отцовской любви: красота Аполлона понятна избраннымъ—я не въ числѣ ихъ и молчу.

Оттуда лазилъ я на куполъ Св. Петра, гдѣ не понимаешь, какимъ образомъ ползающіе муравьи, которыхъ съ этой высоты чуть видно, могли возвигнуть такія громады. Только на первой галлереѣ подъ самыемъ куполомъ бросается въ глаза огромность Собора: я добрался до самого шара подъ крестомъ. Внизу онъ кажется яблокомъ, а въ немъ място для 10 человѣкъ!

Вечеръ провелъ я у Бутурлиныхъ съ Просперомъ, который объявилъ, что прежде конца года онъ будетъ или капуциномъ или уланскимъ ротмистромъ въ Неаполитанской службѣ, но что Монсиньорство ему надоѣло. Вчера опять лиль дождь и помѣшалъ намъ осмотрѣть *forum*. Дабы не терять время, мы пошли по картиннымъ галлерейямъ Doria, Colonna и Chiara. Нельзя себѣ представить, какъ послѣ такихъ подвиговъ устаетъ! Мысли, чувства, глаза, все устаетъ; а правая рука, которая держитъ лорнетъ, болить у меня цѣлый вечеръ. Обѣдали мы у Кривцова съ Штакельбергомъ и Голицынымъ, играли въ висть у Бутурлиныхъ съ дамами и усталые вернулись

домой пить чай. Сегодня ёдемъ на вечеръ къ Людольфу (я ошибся, сказавши вчера). Погода прекрасная: съ вчерашняго вечера тепло, какъ лѣтомъ! Авось, теперь уже не на шутку. Прогулки по городу отравлены нищими, которые стаями бѣгаютъ за вами! Я положилъ себѣ за правило давать только калѣкамъ, но и тѣхъ такое множество, что не напасешься. Бѣдность, увеличенная малымъ числомъ бывшихъ здѣсь въ нынѣшнемъ году иностранцевъ, такая, что булочники подъ конвоемъ разносятъ хлѣбъ, а тому назадъ мѣсяцъ нельзя было выходить вечеромъ, не имѣя заряженыхъ пистолетовъ въ карманѣ. Теперь все тихо. За симъ слѣдуютъ мои планы для будущаго, которые сообщаю Вамъ, милая маменька, для свѣдѣнія и одобренія. Если Богъ дастъ, карантины на возвратномъ пути изъ Неаполя снимутъ, то я недѣли черезъ три отправлюсь туда съ тѣмъ, чтобы пробыть недѣли двѣ. Изъ Неаполя моремъ въ Ливорно, изъ Ливорно во Флоренцію, куда прибуду около 20-го Мая. Изъ Флоренціи черезъ Болонью въ Венецию, оттуда въ Миланъ и на Барромейскіе острова, потомъ черезъ Шплугенъ въ Мюнхенъ, а изъ Мюнхена въ Баденъ, куда надѣюсь прибыть около 20 Июня. Даѣще не заглядываю, но знаю, что послѣ двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ Баденѣ мнѣ предстоитъ большая дорога, которая черезъ Берлинъ доведеть..., страшно думать о такомъ счастіи. Сообразивъ вышеизложеній планъ, милая маменька, прошу Васъ о слѣдующемъ: письма Ваши продолжать адресовать въ Римское посольство до 24 Апрѣля старого стиля, потомъ одно письмо отправить въ Munich poste restante, а прочія въ Баденъ. Такъ какъ Флоренція непремѣнно мнѣ по дорогѣ, то прошу Васъ, милая маменька, по полученіи сего письма отправить мнѣ слѣдующіе векселя, адресуя ихъ все еще въ Римъ, откуда Кривцовъ перѣшлетъ мнѣ во Флоренцію, гдѣ я ихъ буду ждать. Они прибудутъ не прежде 6-и недѣль, но съ сегодняшняго числа, т. е. во второй половинѣ Мая и слѣдовательно почти къ сроку, а безъ нихъ мнѣ невозможно будетъ тронуться съ мѣста изъ Флоренціи. Прощайте, милая и возлюбленная маменька, крѣпко прижимаю Васъ къ горячemu сердцу и нѣжно цѣлую Ваши ручки. До свиданья!

Андрей.

Форматъ моихъ писемъ безпрестанно увеличивается, вотъ и 8-ая страница! Каковъ лѣнивый Андрей Николаевичъ?!....

Нѣжно и крѣпко обнимаю васъ, милые братья и сестры, а васъ особенно, добрые мои корреспонденты, Sophie и Alexandre. Катенька, точно въ Лотошинѣ, но вспоминаю про собственную лѣнность и молчаніе, когда она была въ чужихъ краяхъ, и не смѣю жаловаться. Сашѣ буду отвѣтчицой со слѣдующей почтой, Володѣ также.

Еще разъ обнимаю васъ всѣхъ. До свиданія! Нѣжно кланяюсь Вяземскимъ и посылаю вѣтку, Валуевымъ также и Василію Андреевичу. Крѣпко обнимаю Аркадія.—Сейчасъ входитъ въ комнату графиня Соллогубъ, которая вдругъ рѣшилась ѿхать въ Римъ, претерпѣла бурю и проч. Ей теперь вездѣ грустно и скучно безъ потѣшной племянницы.

Левъ повергается къ стопамъ дамскимъ и обнимаетъ мужескій поль. Бутурлинъ каждый день проситъ меня напомнить о немъ въ письмахъ маменьки, а особенно Софѣ Николаевнѣ.

Саша, нельзя ли тебѣ перейти опять во 2-ую легкую, а не въ батарейную?

Римъ. $\frac{8}{27}$ Апрѣля 1837. Суббота.

Здравствуйте, милая и возлюбленная маменька. Я во вторникъ имѣлъ счастье получить письмо Ваше и Sophie отъ 3-го Марта с. г. Меня не могли добудиться по утру, какъ бываетъ часто. Вдругъ входитъ Соллогубъ съ благодатнымъ письмомъ, я вскочилъ съ постели, поблагодарили его и засѣль читать. То, что Вы мнѣ говорили о Натальѣ Николаевнѣ, меня опечалило. Странно, я ей ото всей души желалъ утѣшенія, но не думалъ, что желанія мои исполняются такъ скоро. Вы еще беспокоились о денежныхъ моихъ хлопотахъ съ Киршбаумомъ, а я уже давно забылъ про нихъ; еще только мѣсяцъ, что я оставилъ Парижъ, а это короткое пространство времени мнѣ кажется вѣчностью. Такъ много съ тѣхъ поръ мелькнуло предметовъ предъ моими глазами, такъ много врѣзалось впечатлѣній въ душу! Путешествуя, я на себѣ испыталъ правду того, что въ воспоминаніи время мѣрится не днями, а ощущеніями. Мѣсяцъ безмитежной

Баденской жизни ми^й казался недѣлею; протекшій мѣсяцъ, гдѣ 2000 верстъ пробѣжало мимо моей коллски, гдѣ дивный міръ искусствъ и художествъ впервые показалъ свои сокровища удивленному взору оглашенаго Вандала, гдѣ отголосокъ мастиот древности поразилъ мой слухъ и дивный холодъ развалинъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ,—этотъ мѣсяцъ мнѣ кажется полугодомъ.

Уничтожьте ощущенія, вы уничтожите время; прошедшее и будущее сливаются въ безкопечный мигъ настоящаго; нѣть хода, нѣть перемѣны, слѣдовательно нѣть ни начала ни конца..., вотъ вами и вѣчность напр. Божества, которое ощущеній принимать не можетъ. Каковъ выводъ?.. право не худо; отъ путешествія изъ Парижа до Рима Андрей Никол. прямой дорогой дошелъ до Бога и до толкованія вѣчности! Excusez du peu et dites aprѣs cela que les voyages ne forment pas les jeunes gens!... Что касается до знакомства съ Прусскимъ Министромъ Бунценомъ, то мнѣ кажется, что на такое короткое время не стоитъ труда. Ми^й предстоитъ прожить здѣсь еще недѣли двѣ, не болѣе, и занятій столько и пустыхъ и важныхъ, что только дай Богъ справиться; впрочемъ, увижу! Во всякомъ случаѣ благодарите Александра Ивановича за совѣтъ и память и нѣжно ему отъ меня поклонитесь. Въ Субботу вечеромъ былъ я на балу у Людольфи, по милости хозяйки дома протапцева^{ль} Французскій кадриль съ незнакомой англичанкой и чуть не упалъ въ обморокъ отъ благословенныхъ испареній любезной танцовщицы, я былъ взбѣщенъ на M-me Ludolphe: „dansez donc M-r Karamzine, je vais vous prѣsenter, choisissez!“ M-me je suis à vos ordres. „Tenez voilà une charmante personne, tr s aimable,“ —и предали меня, раба Божія, зловонію, et les maîtresses de maison appellent cela faire les honneurs! Во все время бала преслѣдоваль меня нечистыи духъ, и, протанцевавъ вальсъ съ M-e de Mortemart, я спѣшилъ уѣхать. Въ Воскресеніе поутру ѿздили мы смотрѣть на постриженіе трехъ молодыхъ монахинь. Я забылъ свой лорнетъ, но все къ лучшему.

Христовы невѣсты, какъ говорятъ люди зрячіе, были нехороши, между тѣмъ какъ своевольное воображеніе рисовало мнѣ ихъ лица и дѣвственныи станъ самыми восхитительными красками.

Кардиналь Odescalchi держалъ имъ длинную рѣчъ; въ свадебномъ нарядѣ, въ бѣлыхъ платьяхъ и вуалахъ на головѣ сидѣли

рядомъ три жертвы, три сестры, обреченные страннымъ обѣтомъ тихо и безотрадно винуть въ душномъ одиночествѣ монастыря; мнѣ казалось, что я вижу ихъ полускрытыя слезы, что слышу вздохи горести, и когда старыя монахини, послѣ принесенного обѣта, какъ старыя парки, впустили неумолимыя ножницы въ густыя косы, какъ въ мигъ ихъ не стало, мнѣ сдѣлалось такъ жалко бѣдныхъ дѣвочекъ, такъ досадно на старыхъ монахинь и на кардинала и на всю церковь, что я чуть-чуть не сдѣлалъ шкандаль! Впрочемъ, все это произошло отъ отсутствія лорнета, потому что люди зрячие, которые глядѣли глазами, а не воображеніями, видѣли спокойную и даже глупо-довольную физіономію новыхъ монахинь, которыхъ послѣ церемоніи за обѣ щеки ъли мороженное и конфеты, принесенные родными, и хотели во все горло.

Послѣ того показывали мы Св. Петра графинѣ Соллогубъ. Я Вамъ уже, кажется, сказала, что она поселилась въ томъ-же домѣ и въ одномъ этажѣ съ нами. Погода скоро испортилась, и мы подъ проливнымъ дождемъ осматривали замокъ Св. Ангела, который того не стоилъ. Бутурлина просила меня забѣхать къ нимъ на другой день рано, чтобы везти въ церковь de S-te Marie sur Minerve, гдѣ служилъ папа.

Я привелъ ихъ, посадилъ на хорошее мѣсто, а самъ сѣлъ въ уголокъ дожидаться конца; все тѣ же китайскія процесіи, тѣ же закрытые глаза. Погода была прекрасная, и послѣ церемоніи мы побѣхали въ Forum Romanum и промѣняли скучныя пыпности Христіанскаго Рима на величественные остатки древняго. Сестры вѣрно знаютъ наизусть богатства подземнаго Рима, его портики, тріумфальныя ворота, колонны.

Какое малое пространство вырыто и еще сколько скрыто въ нѣдрахъ таинственной земли, въ которой похороненъ покойный Римъ! Я говорю таинственной, потому что до сихъ поръ еще ни одинъ ученый не растолковалъ удовлетворительно, откуда взялся этотъ слой, которому во многихъ мѣстахъ двѣ сажени глубины. Мы сходили въ подземный Мамертинскія темницы, гдѣ погибли соучастники заговора Катилины и гдѣ показываютъ колодцо, которое чуднымъ образомъ явилось для окрещенія темничного стражи Апостолами Петромъ и Павломъ, которые въ ней содержались. Надъ подземельемъ построена

церковь, въ которой безпрестанно горят свѣчи и молятся вѣрюющіе. Осмотрѣвъ арки Септимія Севера, Тита, оскверненную дерзкою рукою *d'un restaurateur*, Константина; остатки храмовъ Ромула и Рема, Антонія, Венеры—превращены въ церкви,—мы вошли въ Колисей... Многое нравится и восхищаетъ въ путешествіи, но мало предметовъ и мѣстностей удивляющихъ, потому что дѣятельное воображеніе, подстрекаемое рассказами и чтеніемъ и которому, при томъ, море по колѣно, сочиняетъ колоссальный идеалъ, который почти всегда превышаетъ дѣйствительность. Мало, но есть, и они всѣ живы въ моей памяти: Колисей въ числѣ ихъ. Я описалъ въ письмѣ къ брату странныя и пріятныя минуты, проведенные въ немъ. Жаль, что у насъ на Русскомъ языкѣ нѣть слова *Wehmuth*, которое такъ прекрасно и такъ вѣрно выражаетъ чувство, вселенное въ насъ развалинами старины, и мысль о жизни и мысль о смерти, и наша сила и наше ничтожество—все это томится въ головѣ и въ сердцѣ. Теперь новолуніе, скоро будуть свѣтлыя ночи, и мы тогда, какъ тысячи другихъ, посѣтимъ Колисей при мѣсячномъ сіяніи и съ факелами. Во Вторникѣ были въ окрестностяхъ въ виллѣ *Doria Pamphili*; деревья еще не очень распускаются, но это еще мало замѣтно, потому что все засажено лаврами, зеленымъ дубомъ, кипарисомъ и оливковыми деревьями, которыхъ вѣчно зелены, а на другихъ вѣтвисты густой плющъ и прикрываетъ ихъ наготу. А между тѣмъ луга покрыты высокую травою, пышно цвѣтутъ мѣсячные розы и наполняютъ благородстворенный воздухъ бальзамическими испареніями. Оттуда осмотрѣли галереи *Palazzo Corsini*, въ которомъ жила и умерла шарлатанка Христина Шведская, *Palazzo della Farnesina*, расписанный Рафаэлемъ и сверху запачканный Мароттомъ, и, наконецъ, въ церкви Св. Петра *in Alontoria*, знаменитаго Архангела Михаила Гвидо Рени, на кого-то заглядывалась, вѣроятно, не одна богомолка. Въ Среду осматривали мы Квириналь и другіе дворцы и прекрасную Церковь *S-te Marie des Anges*, бывшія публичныя бани, построенные Діоклещіемъ; какъ досадно, какъ стыдно будетъ мнѣ за наши Петербургскія церкви посѣль Италіанскихъ или даже Готическихъ! Мы посѣтили рабочую Тенерани, одного изъ первыхъ воспитанниковъ Торвальдсена, и по внушенню діавольскому уговорились съ Бутурлинами на другой день въ 6 часовъ утраѣхать въ Тиволи. Вечеромъ былъ балъ у

Боргезъ: я вальсировалъ съ Бутурлиной, протанцевалъ одинъ кадриль и отечественную мазурку и вслѣдствіе этого легъ въ постель не прежде двухъ часовъ!

Comme de raison меня на другое утро не добудились во время; наконецъ я просыпаюсь, когда Соллогубъ съ матерью садятся въ коляску, а Бутурлиныхъ давно и слѣдъ простила.

Спать хочется, но небо свѣтлое, солнце яркое..., нечего дѣлать, всталъ, одѣлся, послалъ за верховою лошадью и около 9 час. сѣлъ въ сѣдло. Отъ Рима до Тиволи 18 миль, т. е. болѣе 30 верстъ, я 4 мѣсяца не ъзилъ верхомъ *et pour me remettre en selle* проскакалъ это пространство въ 1 часъ и 40 минутъ! маршъ-маршемъ сначала до конца. За дѣломъ приѣхалъ, черезъ $\frac{3}{4}$ часа начался дождикъ, мы отошли далеко, промокли, голодные воротились въ скверный пустой трактиръ, прозябшіе сѣли въ коляски и на возвратномъ пути неумолимое небо наскѣ немилосердно полоскало.

Вотъ вамъ и Тиволи и Римскій климатъ! Конечно, въ Римѣ климатъ хорошъ, но въ Петербургѣ гораздо лучше, право гораздо лучшіе. Вчера всталъ я разбитый на кусочки, ни руки ни ноги пошевелить не могъ, и въ холодную, но свѣтлую погоду ъзиди мы въ прелестную виллу Англичанина Mills, на холмѣ Палатинскомъ, на развалинахъ Цесарскаго Дворца.

Безчисленныя розы и другіе цвѣты украшаютъ ее, надъ развалинами колышется могильная зелень кипарисовъ, виды прелестные на весь Римъ. Я вспомнилъ тутъ про бѣднаго Пушкина и про княгиню Волконскую,—русскую развалину, изъ которой торчатъ цвѣты; правда, что здѣсь развалины не Русскія, не бани и кухни!—Если дура фортуна не обошла нашего брата, я кучами золота купилъ бы это мѣсто и, уставшій отъ жизни и свѣта, поселился бы въ немъ.

То-ли-бы чувствовалъ старецъ, что чувствуетъ двадцатилѣтній? Послѣ этого бродили мы по садамъ Фарнезскимъ, гдѣ нѣкогда возвышался дворецъ Императоровъ, а потомъ прелестная вилла Фарнезовъ, а гдѣ теперь по болотамъ растетъ дикий кустарникъ и плющъ въ одномъ объятіи соединяетъ руины двухъ эпохъ. Въ подземныхъ комнатахъ при свѣтѣ факела показывали намъ на стѣнахъ остатки древней живописи и позолоты. Я всходилъ на колонну Троянскую и былъ въ рабочихъ Торвальдсена и Bienaimé, которому Великій Князь

пройздомъ заказалъ прелестную статую: Невинность, которая плететь вѣнокъ изъ цветовъ. Всѣ статуи въ этой рабочей заказаны или куплены русскими: это меня порадовало. Чтобъ отдохнуть отъ прогулки въ Тиволи, я сѣлъ верхомъ и часа два скакаль по гулянью Monte Pincio и по Виллѣ Borghѣse, а вечеромъ послѣ трактирного обѣда писалъ брату. Все идетъ дождь, сѣро и холодно. Сегодня обѣдаемъ мы у молодого Князя Феодора Голицына, племянника князя Сергея Михайловича, вечеромъ можетъ быть у Людовика.

Я Вамъ, милая маменька, въ прошедшемъ письмѣ дѣлалъ какіе-то трудные расчеты для посылки писемъ. Вотъ проще: ежели Вы, какъ я надѣюсь, уже отиравили деньги, то прошу отвѣтъ на это отиравить *à Milan poste restante*, а слѣдующее за симъ *à Munich également poste restante*. Ежели-же деньги еще не въ дорогѣ, то прошу ихъ послать по-старому въ Римъ, откуда мнѣ перешлютъ ихъ въ Неаполь, гдѣ я буду дожидаться ихъ, а прочее по вышесказанному, т. е. одно въ Миланъ, а другое въ Мюнхенъ; пораѣхать къ Голицыну; нѣжно и крѣпко обнимаю Васъ горячими объятіями, милая и добрая маменька, и тысячу разъ цѣлую Вашу ручку. Благословите меня. До свиданья.

Андрей К.

Нѣжно обнимаю милыхъ сестеръ, Sophie, Catherine и Лизу, которую благодарю за письмо. Про Sophie я не говорю, elle est au dessus de tout éloge. Mille choses bien tendres aux Wiasemskys et aux Walouieffs. Низко кланяюсь Василію Андреевичу. M-e Boutourline voulait me remettre un billet pour toi, chère Sophie, mais il est temps de fermer ma lettre, elle a tardé, cela sera pour une autre fois.

Обнимаю еще разъ васъ всѣхъ. Соллогубъ валяется у дамскихъ ногъ и жметъ мужскія руки.

Римъ. $\frac{12 \text{ Апр.}}{31 \text{ Март.}}$ Среда 1837.

Противъ ожиданія не получилъ я въ понедѣльникъ письма Вашего, милая маменька, надѣюсь быть счастливѣе въ завтрашнюю почту; а между тѣмъ, чтобы не спѣшить, какъ въ послѣднемъ письмѣ, принимаюсь писать Вамъ заранѣе и отдать Вамъ отчетъ за истекшіе три дня по старому обычай. Въ Субботу отправивъ письмо къ Вамъ и брату, милая маменька, мы поѣхали на званый обѣдъ къ Голицыну, надѣялись на нѣчто изящное и не ошиблись. Не говоря уже о томъ, что въ Римѣ, и вообще съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ я изъ Парижа, меня кормятъ, чѣмъ Богъ дастъ, и что моему желудку было очень пріятно вспомянуть *gocher de Cancale*, но все окружающее: комнаты, мебель, картины, статуи,—все напоминаетъ богатство и роскошь. Ce n'est pas que cela ne me fit faire un retour désagréable sur ma misère présente et ne fit naître en moi des idées S-t Simonniennes, но я не завистливъ и отъ доброго сердца любовался Помпейевскими комнатами и рѣдкостями, которые ихъ напоминаютъ. Обѣдали съ нами Mortemart, Литта, Кривцовъ и Штакельбергъ, который на другой день отправился курьеромъ въ Туринъ. Соллогубъ послѣ этого поѣхалъ еще на вечеръ къ Людольфу, а я воротился домой читать газеты, отъ которыхъ давно отсталъ.

Въ Парижѣ мнѣ казалось, что невозможно жить безъ газетъ, принятыхъ въ двѣ порціи утромъ и вечеромъ; ѿзда по Франціи, я спрашивалъ ихъ въ трактирахъ...; какъ скоро перѣѣхалъ границу, какъ скоро заговорилъ въ Ниццѣ, то замѣтилъ, что уже совсѣмъ другой міръ: я сталъ спрашивать *avec anxiété*, прошелъ-ли законъ раздѣленія, а про него и не зналъ никто и т. д., мало по малому и у меня завелись въ головѣ картины и дворцы и древности и замѣнили депутатовъ и адвокатовъ, и я опять понялъ, что очень возможно жить безъ газетъ. Въ Воскресеніе я проснулся поздно при однообразномъ и грустномъ шумѣ падающаго дождя, который продержалъ меня дома все утро.

Вообще не знаю, какими ругательными словами ругать Римскій климатъ, то перемѣнная погода и маленький дождикъ, то маленький пройдетъ и пойдетъ большой и при томъ даже не тепло, и, когда ѿздинъ верхомъ, отмираютъ пальцы; однимъ словомъ, точно какъ у насъ, не стоило такъ далеко ѿхать! Вотъ, что я говорю и думаю въ минуты бѣшенства, и какъ скоро проглянетъ милое солнышко на голубомъ небѣ, такъ и оттаетъ душа и помирится съ Югомъ. Вечеромъ были мы въ театрѣ въ ложѣ съ графиней Соллогубъ.

Я не знаю, отчего сестры такъ бралили Давида—*il a encore de beaux restes.* Театръ (*della Volle*) тѣмный и грязный вовсе не поддерживаетъ славы Итальянскихъ театровъ: въ Римѣ хороши лишь созданія поколѣній минувшихъ, настоящее грязно. Спектакль начинается здѣсь въ 9 часовъ. Все утро провели мы въ Ватиканѣ.

Съ нами была и Орлова (жена Михаила Московскаго), которая со мной очень любезна, но мнѣ очень не нравится, во 1-хъ потому, что она похожа на Васильчикову, во 2-хъ потому, что она гонится за умомъ и ученостью и привела съ собой въ музеумъ какого-то Нѣмца, взявшагося толковать ей красоты Рафаэлевскихъ картинъ и группы Лаокоона. Она было и насъ хотѣла имъ угостить, но я откланялся тѣмъ скорѣе, что къ ней присоединилась орда Репинно-Балабинская, съ которой не имѣю чести быть знакомъ.

Разнообразіе предметовъ и красотъ всякаго рода спасаетъ отъ усталости, и по этой причинѣ я люблю ходить въ Ватиканъ въ публичные дни, когда всѣ галлерей и комнаты отперты. Чего хочешь, того и просишь, картины, фрески, статуи, древности и наконецъ прелестнѣшіе виды на весь Римъ и окрестности съ верхняго этажа до *loges de Raphaël*. Обѣдалъ я на прощаніе у Бутурлиныхъ, которые вчера уѣхали въ Неаполь. Къ вечеру съѣхалось у нихъ довольно народу, въ томъ числѣ и Просперъ, съ которымъ мы уговорились на другой день провожать верхомъ отѣзжающихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вчера утромъ въ 4 часа, Монсіньоръ явился будить меня, въ чемъ и успѣлъ довольно скоро, къ великому удивленію всѣхъ.

Въ 5 час. были мы на дворѣ Бутурлиныхъ, которые уже садились по мѣстамъ. Мы ихъ провожали почти до самаго Albano за миль 12 за городомъ. Монсіньоръ во все время скакалъ подлѣ

кареты Бутурлиной и крѣпко къ ней относился; я не хотѣлъ мѣшать ему и взялъ на свою долю les extrmits, т. е. бабушку и внучку, которая такъ хороша, что чудо!... Кто знаетъ, что впередъ будетъ (думаю я про себя), а доброе слово пригодится на всякий случай.— Когда мы со Львомъ разсуждаемъ о бѣдственномъ положеніи нашихъ финансовыхъ, то утѣшаемся мыслью, что отъ свадьбы заживеть. Онь было и сталъ искать здѣсь невѣсть и чуть-чуть не отыскалъ богатую дочь Графа Беверлей, да люди говорятъ, что у нея—де волосы больно рыжи. Послѣ вторичнаго, довольно трогательнаго прощенія мы вернулись на всемъ скаку домой, къ 12 часамъ, и Вы легко можете вообразить количество стѣсныхъ припасовъ, которое я уничтожилъ за завтракомъ, когда подумаете, что я проскакалъ болѣе 40 верстъ и съ 4-хъ часовъ ничего неѣлъ. Отдохнувши, мы поѣхали съ Соллогубомъ по древностямъ. Осмотрѣли арки Септимія и de Janus Quadrifons въ Велабрѣ (сестры, вѣроятно, помнятъ, о чёмъ я говорю).

Я низко поклонился оставшейся стѣнѣ дома Colo di Rienzi, съ которымъ Bulwer такъ хорошо наасъ познакомилъ.

Мы выѣхали изъ города и странно, что мили за двѣ начинаютъ толпиться развалины: гробницы, храмы, циркъ. Все это пространство называется въ народѣ Roma vecchia, и Торлонія, которому оно принадлежитъ, прибавилъ къ феодальнымъ титуламъ своего знаменитаго рода новый: Marchese di Roma vecchia!!!... Гробница Цециліи Метеллы, превращенная въ феодальный замокъ (замокъ развалился, а гробница осталась), циркъ Ромула удивительно сохранились и радовали мою антикварную душу. Я часто вспоминаль слова Рейна, который увѣрялъ меня, что я рожденъ быть филологомъ; въ самомъ дѣлѣ, полуустертыя надписи имѣютъ для меня удивительную заманчивость (занимательность)—я разбираю, зачитываюсь и сержу Соллогуба, который напрасно зоветъ меня далѣе. Среди пустынной и голой равнины на холмикѣ колышутся и бушуютъ подъ южнымъ вѣтромъ молоденькие зеленые дубы: „это остатокъ святой рощи, гдѣ Нума бесѣдовалъ съ таинственной Нимфой“, важно говорить вамъ чичероне; вы насмѣшливо улыбаетесь, но спѣшите однако войти, и воображеніе наперекоръ разсудка прислушивается къ шопоту листьевъ и ищетъ въ немъ таинственное значеніе...

....Сегодня дѣлалъ я визиты и заѣзжалъ въ Пантеонъ.

Вечеромъ мы отправились со Львомъ въ оперу и согласно авес l'exiguité de nos moyens помѣстились въ партерѣ; но какъ помѣстились, а такъ—что, не смотря на прелести голоса M-elle Garcia, я выдержалъ только первый актъ и воротился домой.

³
15 Апрѣля. Суббота.

Надежды мои сбылись, милая маменька, въ Четверикъ получиль я письмо Ваше и труда de la chère Sophie и Аркадія. Оно пришло въ 23-й день; итакъ, между моимъ письмомъ и отвѣтомъ проходитъ почти семь недѣль. Я никакъ не могъ хорошенъко понять, за что Вы и сестра на меня сердитесь; или Вы не поняли слова мои, или я забылъ ихъ, а впрочемъ дѣло прошлое, Богъ съ нимъ. Попозже? Графиня Соллогубъ помѣщала мнѣ и повезла съ собою въ villa Albani, и какова была мнѣ неожиданная радость найти по возвращеніи письмо отъ $\frac{13}{25}$ Марта отъ милаго Сапи, котораго прошу за это разцѣловать. Если до почты успѣю—напишу ему нѣсколько строкъ.

Ваші помѣщи чи члопоты печалять меня, потому что я не вижу близкой возможности помочь имъ. Авось, пригожусь къ чему-нибудь по возвращеніи. Что-же касается до сахарного завода въ Бортномъ, то я думаю, что довольно легко найти и въ Россіи мастера, (удостовѣрившись сперва, что почва годна для свекловицы), а не то, если Вы думаете объ этомъ серьезно, то можно будетъ поискать въ Германіи, гдѣ сахарные заводы быстро плодятся, особенно въ Баденскомъ Великокняжествѣ, гдѣ я долго пробуду.

Чѣмъ болѣе шляешься по свѣту, тѣмъ болѣе понимаешь какъ нужна денъга: надобно не на шутку подумать о умноженіи ея. Въ Четверикъ были мы въ прекрасной галлереѣ Боргезе. Я чувствую, что дѣлаю довольно быстрые успѣхи въ изящественномъ образованіи, начинаю входить во вкусъ и даже различать школы и манеры живописцевъ. Странная вещь, чѣмъ болѣе видишь предметовъ, чѣмъ болѣе заглядываешь въ міръ, тѣмъ болѣе удивляешься

своему невѣжеству, или, по крайней мѣрѣ, односторонности своего образованія. Такъ напр. огромный міръ художествъ, на который обращенъ теперь мой удивленный взоръ—я не имѣю понятія о немъ, я не воображалъ себѣ его могучее существованіе, я никогда не думалъ о немъ и не помышлялъ, что въ одной его теоріи есть чѣмъ занять цѣлую жизнь человѣческую!

И тѣ-же найду я вѣроятно, когда откроется мнѣ какая-нибудь новая вѣтвь человѣческой дѣятельности... C'est bien vieux, mais c'est bien vrai, ce que disait ce sage de la Grèce en d'autres temps: „Ce n'est que dans ma vieillesse et aprѣs avoir beaucoup etudié, que je me suis apperçu, que je savais fort peu“. Скупое провидѣніе! Зачѣмъ назначило ты намъ такъ мало жить!... Вчераѣздили мы по церквамъ Santa Maria Maggiore, S-t Giovanni di Laterano (которые мнѣ всегда напоминаютъ Николинъку и его поговорку), въ которой показываютъ Вамъ что угодно, и столъ Св. Пасхи, и колодезь Самаритянки и проч. и наконецъ мѣрку роста I. X. Показывающій намъ прибавилъ, что до сихъ поръ еще ни одинъ человѣкъ не подошелъ подъ эту мѣрку: Соллогубъ сталъ мѣриться и пришелся точно по ней, волосъ въ волосъ. Св. Лѣстница (Scala Santa) была наполнена усердными ползающими по ней на колѣнахъ. S-t Etienne le Rond, въ которомъ по стѣнамъ расписаны al fresco съ отвратительными точностями смерти мучениковъ, которыхъ рѣжутъ на куски, давятъ между камнями и пр. Я глядѣль, и мнѣ наконецъ стало такъ гадко, что я съ негодованіемъ вышелъ изъ этой церкви, передѣланной изъ древняго зданія. Мы долго ходили по остаткамъ золотого дома Нерона, который Титъ превратилъ въ фундаменты своихъ термовъ (бани). У меня въ карманѣ былъ Тацитъ, и я читалъ отрывки и между прочимъ постройку золотыхъ палатъ, стоя въ столовой комнатѣ Нерона! Комнатѣ много, и въ коридорахъ сохранились прекрасныя живописи, которые служили Рафаэлю образцомъ на его ложи. Передъ обѣдомъ сѣдалъ я прелестную прогулку верхомъ кругомъ городскихъ стѣнъ и по маленькимъ дорожкамъ, пересѣкающимъ la Campagna. Воздухъ теплый, чистый, солнце яркое, распускающіяся деревья, благовонныя испаренія цвѣтовъ... Чудо! Въ такія минуты я охотно прощаю Риму les boutades septentrionales de son climat.

Я воротился въ городъ по грязнымъ и темнымъ улицамъ. Всѣ чувства разомъ были поражены непріятно. Послѣ величественной тишины, благовонія и прекрасной картины загородной природы—шумъ, вонь, и на первомъ шагу—головолюбивая группа, les services mutuels! Я не зналъ дороги, даль волю лошади, и она вывела меня на добрый путь. Дома нашелъ я Проспера, который вручилъ мнѣ письмо pour toi, chière Sophie; отъ Бутурлиной также есть омеопатическое, они всѣ здѣсь прилагаются. Сегодня поутру смотрѣли мы галлерею кардинала Фема: прекрасныя картины Гвидо Рени и много картинъ фламандской школы, что здѣсь рѣдко. Великолѣпная Вилла Альбани тоскуетъ по хозяину. Трава ростетъ на ступеняхъ, фонтаны молчатъ, статуи покрылись мохомъ, ящерицы суетятся по стѣнамъ. Вечеромъ ѿдѣмъ мы къ Людольфу, гдѣ намъ предстоитъ проглотить Итальянскія пьесы! Спектакль de soci  t   et danses. Въ Понедѣльникъ приглашены мы на балъ къ Австрійскому послу. Карантины сняты въ Ливориѣ и Генуѣ, итакъ дорога въ Неаполь свободна: все есть у меня, и охота, и коляска и пароходъ къ услугамъ, одного нѣть—денегъ. Подумаю, какъ помочь ѿѣдѣ. Говорять, что въ Генуэзскомъ карантинѣ чума. Il ne manquerait plus que cela pour nous rendre propre. Вел. кн. уже на возвратномъ пути въ Баденъ, кот. будетъ нынѣшнимъ лѣтомъ (мѣстопребываніемъ) всѣхъ русскихъ передъ возвращеніемъ во свояси. Графиня Соллогубъ въ такомъ-же положеніи, какъ и я—ожидаетъ денегъ, чтобы съ сыномъ ѿѣхать въ Ниццу.

Жаль мнѣ будеть разстаться со Львомъ и жить совершенно одному. Пора печатать; нѣжно и горячо прижимаю Васъ къ сердцу, исполненному любви къ Вамъ, и тысячу разъ цѣлую Ваши ручки. До свиданья въ Субботу.

Андрей К.

Je vous embrasse tendrement mes ch  res soeurs, Sophie, Cath  rine et Lise, et je ne puis te dire combien j'ai 袋t   touch   de la victoire remport  e par l'amour fraternel sur ta paresse, ch  re Sophie. Je baise tendrement la main diligente qui a trac   ces 4 grandes pages. Обнимаю отъ всего сердца Пьера и Николеньку. Нѣжный и низкій поклонъ Василію Андреевичу и Александру Ивановичу, ко-

торый такъ мило и такъ любезно слѣдуетъ вездѣ за странникомъ и отираетъ ему двери гостепріимныя. Не знаю, сказаль ли я Вамъ, что въ тотъ день, когда я былъ въ Тиволи, проѣхалъ здѣсь Николай Менцерскій съ Трубецкимъ въ Неаполь. Я вдвое проклинаю эту несчастную поѣздку, которая лишила менѣ удовольствія свидѣться съ нимъ.

Римъ. $\frac{20}{8}$ Апрѣля 1837. Четверикъ.

Какъ Вы добры, какъ Вы любезны, милая маменька, что пишете мнѣ даже и тогда, когда напрасно дожидались письма моего въ условленный срокъ.

Я получилъ сегодня Ваше отъ 17 Марта с. г., въ которомъ Вы беспокоитесь, не имѣя извѣстія о моемъ странствованіи. Я это предвидѣлъ, но вины не моя: я писалъ Вамъ изъ Ниццы, первого города, въ которомъ пробылъ нѣкоторое время, и то ровно черезъ недѣлю послѣ моего отѣзда изъ Парижа, писалъ потомъ изъ Флоренціи и пишу теперь въ 5 разъ изъ Рима, не опаздывая ни однимъ днемъ. Вотъ Вамъ и оправданіе, хотя съ Вашей стороны нѣть и обвиненія, милая маменька: Вы слишкомъ хорошо знаете, какъ дорого мнѣ Ваше спокойствіе, чтобы нарушить его изъ лѣности. Сначала, помню я, въ первые два мѣсяца моего путешествія были неисправности отъ непривычки, что-ли; но теперь казались бы мнѣ онѣ самыми тяжелыми грѣхомъ, и когда мнѣ иногда приходится писать усталому и сонному, то я чувствую какое-то внутреннее удовольствіе, что приношу Вамъ и спокойствію Вашему эту маленькую жертву. Кромѣ беспокойства Ваше письмо огорчило меня какимъ-то грустнымъ расположениемъ, которое въ немъ проглядываетъ. *Si tout n'est pas rose dans la vie comme vous le dites, chère maman, tout n'est pas aussi noir que cela paraît quelquefois à Arendt surtout, le docteur Tant-pis par excellence: авось вопреки его предсказаніямъ и добрый напѣтъ Сергѣй Сергеевичъ поправится. Что-же касается до моего здоровія, то я продолжу быть столько-же доволенъ имъ, сколько*

недоволенъ Римскимъ климатомъ. Вообразите себѣ, что хороший день здѣсь рѣдкость, и всѣ радуются; обыкновенно пасмурно, сыро, холодно и рѣдко проходитъ день безъ дождя.

C'est un désappointement s'il en fut! Правда, что всѣ здѣшніе ахаютъ отъ удивленія и охаютъ отъ погоды, но мнѣ не легче. Пораѣхать въ Неаполь искать небо Итальянскаго, которое здѣсь не дается. Одного не достаетъ—денегъ.

Авось, удастся продать коляску, потому что мнѣ въ своемъ экипажѣ ѣхать не по силамъ. Отъ Неаполя до Бадена черезъ Венецию, Миланъ и Мюнхенъ около 2000 верстъ, и однихъ прогоновъ болѣе 1500 фр. Расплатившись здѣсь, мнѣ бы всѣхъ денегъ не хватило даже доехать до Бадена.

Я теперь здоровѣе и крѣпче, буду, скрѣпля душу, єздить въ дилижансахъ и сидѣть, подобравши ноги, которыя, какъ Вамъ извѣстно, милая маменька, всего болыше страдаютъ въ экипажахъ, устроенныхъ для малорослыхъ западныхъ и южныхъ племенъ. Къ тому-же мнѣ отсюда до Неаполя и оттуда до Ливорны дорога моремъ, что сократить время и расходы. Во всякомъ случаѣ не заботьтесь, все устроится къ лучшему, Русскій Богъ тутъ.

Aux petits des oiseaux il donne la pâture.

A plus forte raison à une grosse bête comme moi. Сегодня ѣду обратно въ Ниццу, а оттуда въ Баденъ товарищи мои, Графиня Соллогубъ и чадо ея, Левъ. Они звали меня съ собою, что денежно конечно выгодно, по Неаполь, Венецию, Миланъ взяли свое и я остаюсь доглядывать Римъ и съ сердцемъ и съ концомъ равно легкими *gaiment je te confie au Dieu des bonnes gens!* Сержусь я только иногда на климатъ и людей; такъ напр. вчера: попы взялись за умъ и хотѣли было снять карантины съ дороги Неаполя, въ которомъ давно и слѣдъ холеры простылъ—вдругъ *contre-ordre*, страхъ, что такое? У кого-то въ Неаполѣ разстроился желудокъ, и вслѣдствіе того опять никому прохода нѣть! Третьаго дня вдругъ между Генуей и Римомъ 20-и дневный карантинъ! что такое? Кто-то сказалъ, что чума въ Генуѣ; на другой день послѣ *ordre—contre-ordre*, и изъ всего этого выходить *désordre*, который мнѣ весьма напоминаетъ матушку Святую Русь.—Въ Субботу вечеромъ были мы у Людольфа, и болѣе нежели когда-нибудь

удостовѣрился я, что не нужно учиться языкамъ, чтобы знать ихъ, се qui en th orie paraît une absurdit , но я на себѣ испыталъ.

Тамъ играли двѣ пьесы (и играли хорошо), сюжета которыхъ я не зналъ даже, и вообразите себѣ, что я все понималъ, какъ будто бы играли по-французски. Спектакль кончился поздно, послѣ него многіе разъѣхались, и я, провальсировавши съ миленькой M-me Mac-Dwell, послѣдоваль общему примѣру. Кстати, обѣ Итальянскомъ языкѣ, я съ величайшимъ интересомъ прочелъ въ оригиналѣ I promessi sposi Манzonи и только сначала употребляя лексиконъ; конечно, мнѣ многое не давалось, но всегда ясно смыслъ и умъ автора.

Въ Воскресенье утромъ были мы у обѣдни (въ посольской капеллѣ; прежде былъ священникъ боленъ), а потомъ ѿздили верхомъ со Львомъ, который на себѣ испыталъ, что пѣхотинецъ кавалеристу не товарищъ—я сперва выбралъ себѣ и лошадь то лучшее изъ двухъ приведенныхъ и въ воспоминаніе твоое, ch re Sophie, во весь духъ скакалъ по Римскимъ окрестностямъ: Левъ съ трудомъ поспѣвалъ на своей клятѣ, пыхтѣль отъ деревянного галопа и ворчалъ во всю дорогу, что вмѣстѣ съ дождемъ, который къ концу засталъ насъ, не возмогло испортить мнѣ удовольствія прогулки и прелестныхъ видовъ.

Правда, что окрестности Рима пусты, голы, плоски, что ни одного деревца нѣть на нихъ, а между тѣмъ онѣ имѣютъ для меня какую-то особенную прелестъ! Эта пустота, эта тишина, cet air de désolation гармонизируютъ съ печальными и величественными развалинами водопроводовъ, храмовъ, гробницъ, которые одни возвышаются надъ равниной, иѣкогда кипѣвшей народонаселеніемъ и украшенной руками давно минувшихъ поколѣній... Вечеромъ были мы въ театрѣ съ Графиней. Въ понедѣльникъ, какъ я уже и говорилъ Вамъ прежде, былъ балъ у Австрійскаго посла Люцова, и балъ многолюдный и прекрасный. Огромныя залы Венеціанскаго дворца были ярко освѣщены, у дверей—скороходы въ пышныхъ ливреяхъ, народа болѣе, нежели я до сихъ поръ видалъ въ Римѣ: красные и лиловые чулки такъ и мелькали въ черной толпѣ мушкетъ, и я не замѣтилъ ни одной дамы въ черныхъ башмакахъ, что для Рима рѣдкость. Я сперва ходилъ, глядѣль, слушалъ, поговорилъ съ Бун-

ценомъ, которому представилъ меня Кривцовъ, прочитавъ мнѣ утромъ отрывки изъ письма Александра Ивановича.

Наконецъ, раздались звуки полуотечественной мазурки и пришли за мною. Насъ было 6 паръ, изъ русскихъ только Левъ да я—а прочие и въ томъ числѣ Литта (*qui n'a fait aucun progrès depuis Остafьево*) плясали, какъ ноги хотѣли. Дамы чуть на ногахъ держатся, какъ захочешь ихъ повернуть, то онѣ хватаютъ за руку, того и гляди, что самого сбоятъ. Я танцевалъ еще съ M-me Mac-Dwell, съ Mortemart и около двухъ часовъ воротился домой. Третьаго дня досмотрѣли мы со Львомъ нѣсколько второстепенныхъ церквей, а вечеромъ были въ театрѣ Palacorda, гдѣ за ложу въ 1-мъ ярусѣ заплатили мы пѣастръ, т. е. 5 франковъ! Тутъ является полишинель въ пьесѣ *Pulcinella sergente pauroso*, но къ несчастью всѣ его остроты, отъ которыхъ партеръ помиралъ со смѣху, были для насъ потеряны, потому что онъ говорилъ Неаполитанскимъ нарѣчіемъ. Въ другой пьесѣ рѣжутъ, стрѣляютъ и умираютъ удивительно искусно. Я даже увѣренъ, что одинъ изъ актёровъ (собою точно такой, какъ о разбойникахъ Итальянскихъ въ романахъ пишутъ) училъ съ натуры паденіямъ и послѣднимъ движеніямъ умирающихъ отъ кинжала. *Vous voyez donc, chère maman, que le tout avoir un intérêt éminemment local, mais ce qui était plus local encore, c'était la saleté et la puanteur de la salle; охъ, какъ ты грязна Италія!*

$\frac{21}{9}$ Апрѣля.

Вчерашній вечеръ былъ одинъ изъ тѣхъ моего странствованія, которые неизгладимыми чертами врѣзываются въ память, и, можетъ быть, на старости лѣтъ будутъ радовать меня своимъ воспоминаніемъ. Мы уже въ Среду собирались сѣѣздить ночью въ Колиссей, полюбоваться имъ при серебряныхъ мѣсячныхъ лучахъ, но тучи нашли, и мы остались дома.

Вчера погода была свѣтла и мы ясно видѣли полное лунное затмѣніе и съ нетерпѣніемъ дожидались, чтобы луна выплыла изъ земной тѣни... и дождались! Еще блѣдѣ, еще блестящѣ стала она выказываться, рости—и наконецъ поплыла лучезарная по черному

небу. Мы сѣли въ коляску, откуда ни возмись тучи—дождикъ! Проклиная судьбу, мы воротились домой, сѣли пить чай со Львомъ и разболтались наканунѣ разлуки. Около часу я вышелъ на балконъ—меня такъ и облило свѣтомъ! Луна во всей красотѣ, непримѣтныя звѣздочки мерцали слабо при ея мощномъ сіяніи, воздухъ теплый... Я тогда понялъ, что таинственный дождикъ, остановившій насъ, былъ посланъ противъ Графини Соллогубъ, Колиссей и луна не хотѣли явиться ея прозаическому, безчувственному взгляду; только избраннымъ, сочувствующимъ доступенъ видъ ихъ полунощныхъ лобзаній... Нѣжнымъ взглядомъ поблагодарила я луну за довѣренность и стала уговаривать Льва итти пѣшкомъ въ Колиссей. Долго не соглашался онъ, глядя на постель, наконецъ краснорѣчіе мое одолѣло—мы пошли. Въ этотъ часъ ce n'est plus au figuré mais au pied de la lettre que Rome est la ville des morts! Никакого живого шума не доходитъ до слуха, изрѣдка видится теплящаяся лампада передъ образомъ Богоматери; мимо васъ, жалостно бормоча, проходить запоздалый нищій. Въ узкихъ улицахъ темно. Крыши и вершины домовъ сіяютъ... Мы спустились по Corso мимо площади, на которой возвышается Антонинская колонна, своротили на право и обошли зубчатыя стѣны Венеціанского дворца; передъ нами Капитолій. Мы взошли по лѣстницѣ и сѣли на верхней ступени. Все тихо, все сіяеть блѣдныятъ отблескомъ, слышится только однообразный шумъ біюющихъ фонтановъ. Мы сошли по другой сторонѣ, и намъ явились развалины Римскаго Форума. И днемъ, при золотомъ солнечномъ свѣтѣ, при шумной людской толпѣ, напоминающей Вамъ о настоящемъ, эти колонны, вырытыя изъ нѣдръ земли, эти вѣковѣчные ворота въ славу давно забытой побѣды поражаютъ Васъ чѣмъ-то страннымъ, неестественнымъ (*c'est le mot, parce que cela ne ressemble à rien de ce qu'on a vu ou de ce qu'on peut voir*), но въ эту минуту торжественной тишины и таинственного свѣта я не могу Вамъ выразить того, что я чувствовалъ, и всего того, что мнѣ казалось. Мы пошли по древней мостовой Священной улицы (*Via Sacra*) мимо остатковъ древнихъ храмовъ, подъ триумфальными воротами Тита; направо отъ насъ пылалъ костеръ и освѣщалъ смуглые лица лежащихъ вокругъ него волопасовъ. Нередъ нами возвышался гигантъ!.....

Если-бы нарочно выстроить громаду для лунныхъ эффеќтовъ, нельзя ничего придумать лучшаго Колиссея. Его сохраненная сторона кажется нетронутой временемъ, тогда какъ фантастические очерки разрушеныхъ стѣнъ и аркадъ дивною смѣсью свѣта и тьмы рисуются въ прозрачной ночи, а бѣлыя капеллы и черный крестъ по срединѣ, какъ часовые, стерегутъ завоеванный остатокъ язычества. Я долго сидѣль недвижимъ на перилахъ амвона, гдѣ по праздникамъ капуцинъ держитъ проповѣдь рѣдкимъ слушателямъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда кровавыми играми любовались весталки... Промель подъ темными аркадами, опять новое: черезъ отверстіе каждой рисовалась какая-то темная, неясная, страшная картина. Отдаленные предметы, близкій плющъ, ползающій по стѣнамъ, все какъ-то сливалось въ необыкновенные образы, а воображеніе (всегда радо стараться) рисовало удивленному глазу высокіе своды безконечныхъ храмовъ, торчащіе столбы, отдаленный процессіи... Я не знаю, сколько бы времени провелъ я тутъ, если-бы Левъ, которому предстоялъ отъѣздъ въ 5 часовъ утра, не вывелъ бы меня почти насильно. Той же дорогой воротились мы домой около 4-хъ часовъ. Я надѣялся, что мнѣ пригрезятся чудеса, видѣнныя мною, но напрасно: мертвый, Муромецкій сонъ напаль на менѣ, и съ трудомъ проснулся я въ 6 часовъ, чтобы проститься съ отѣѣзжающими и посадить ихъ въ карету, и послѣ того опять легъ и опять спалъ—до котораго часа? зачѣмъ знать Вамъ, стыдно говорить.

²²
12 Апрѣля. Суббота.

Мнѣ такъ понравилась моя ночная прогулка, что я намѣренъ воспользоваться полнолуніемъ, чтобъ повторять ее ежедневно, или, лучше сказать, еженочно; тѣмъ больше, что днемъ погода часто хмуриится и идетъ дождь, а ночи превосходны.

Вчера утромъ былъ я въ катакомбахъ св. Себастіана и въ огромныхъ баниахъ Каракаллы, обѣдалъ въ трактире, зашелъ на Piazza di Spagna ѿсть мороженое и читать газеты, воротился домой, въ одинокое жилище, гдѣ посѣтилъ меня нашъ общій пріятель Про-

сперь. Съ нимъ не весело, это правда, но онъ такъ добръ и тажъ любезенъ для меня, что я ему очень благодаренъ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ

Со стула встаетъ Карамзинъ, надѣваетъ короткій плащъ сверхъ архалука, кладетъ въ карманъ пару заряженныхъ пистолетовъ (въ отдаленныхъ улицахъ здѣсь все еще случаются итальянскіе случаи), беретъ въ руку дубинообразную трость и отправляется. Вчера ходилъ я къ Свят. Петру. Ночь все красить и мутный Тибръ прекрасенъ, когда въ его струяхъ играетъ свѣтлый отблескъ луны, а на томъ берегу возвышаются тюремныя стѣны замка Св. Ангела и посреди тишины раздается протяжная перекличка часовыхъ.

Площадь Св. Петра съ обелискомъ, подпирающимъ небо, двумя бѣлыми фонтанами-привидѣніями и колосальнымъ храмомъ, который обнимаетъ ее огромными руками—колонадами—еще лучше ночью, чѣмъ днемъ. Я воротился домой по опустѣлымъ улицамъ, напился Вашего прекраснаго чая (котораго приходится послѣднія времена) и, думая о Васъ, милая маменька, и васъ, сестры и братья, заснуль, какъ извѣстно. Переглядывая письмо, я замѣчаю, что луна играетъ въ немъ большую роль; что-же дѣлать, если она такую-же роль играла и въ моей жизни эти два дня?... Я пишу, какъ льется изъ души и изъ пера, какъ мнѣ жило, не перечитывая и не поправляя. Вы такъ и хотите, милая маменька, не правда-ли? И чтобы сообщить Вамъ пе одну поэтическую сторону моего жития, но раздѣлить съ Вами и хлопоты его, скажу, что коляска еще не продана, слѣдовательно дорога въ Неаполь заперта, да и спѣшить нечего, успѣю; а на мѣстѣ я привыкъ жить безъ денегъ, оно даже и спокойнѣе, потому что не боишься воровъ. Вчера получилъ я письмо изъ Неаполя отъ Николая Мещерскаго, *pour quelques commissions*, о свадьбѣ ни слова, но говорить, что надѣется скоро увидѣть меня въ Римѣ, и освѣдомляется о цѣломъ семействѣ. Кромѣ посольскихъ (и то одинъ Кривцовъ, потому что Голицына я слишкомъ мало знаю, а Gustave сдѣлался ужасно скученъ) у меня никого нѣть знакомыхъ; отъ этого одиночества, къ которому я не привыкъ, мнѣ бываетъ иногда грустно, но скучно—никогда. Хотите знать *une bonne farce qui vient d'arriver*, которая бы во время оно очень порадовала бы Вольтера. Командоръ Мальтийскаго ордена (и слѣдовательно монахъ),

именемъ Цесарь Борджія, 60-и лѣтній старикъ, умеръ на дняхъ отъ апоплексического удара въ объятіяхъ продажной красавицы; et c'est de la maison de cette fille qu'est parti le convoi!... au grand scandal de toute la famille comme Vous le pensez bien. Къ тому-же, онъ послѣдній своего имени и рода и хотѣлъ, вѣроятно, заключить исторію его во вкусѣ начала.

Прощайте, милая, возлюбленная маменька, нѣжно прижимаю Вась къ сердцу, исполненному горячей сыновней любви, и тысячу тысячей разъ цѣлую Ваши ручки.

Андрей К.

Нѣжно обнимаю Вась, милые братья и сестры. Я столько-же удивился, сколько обрадовался, увидѣвъ наконецъ почеркъ руки Катеньки въ первый разъ послѣ трехъ мѣсяцевъ. Je comprends très bien ta paresse, ma chère Cetherine, et ce n'est certes pas moi qui voudrais te tourmenter: je ne demande de temps en temps que deux lignes comme celles qu'a ajoutées Woldemar pour avoir le plaisir de contempler aussi de ta chère écriture qui pour moi dans l'absence est le repr  sentant des individus. Еще разъ обнимаю вась всѣхъ, Sophie, Catherine, Lise, Alexandre, Woldemar, Pierre и тебя, Николенька. Когда пройдутъ первыя, восторженныя минуты свиданія, можетъ быть, и я буду съ вами ссориться, но теперь мнѣ это кажется невозможностью! Mille choses tendres à mon oncle, à ma tante et aux Walouieffs (deux ou trois?). Нѣжно кланяюсь Василію Андреевичу и Александру Ивановичу. Обнимаю Аркадія. Que fait M-eur Thibaut? Dites lui mille choses de ma part et entre autres que je le remercie de m'avoir appris l'histoire Romaine avec tout de d  tails, que j'en profite à présent.

La C—tesse Sollohouб et Leon m'ont chargé etc.

Римъ. $\frac{27}{15}$ Апрѣля 1837. Четвертокъ.

Я грущу и сержусь, милая и добрая маменька, грушу о Вась за то, что Вы напрасно обо мнѣ беспокоитесь, сержусь на почту за то, что она своею неисправностью уничтожаетъ дѣйствіе моей испра-

вности. Я получилъ письмѣцо Ваше отъ 24 Марта с. с. и не понимаю, какимъ образомъ не дошло еще до Васъ мое, изъ Ниццы, отъ 28 Февраля с. с. Какъ бы то ни было, я нѣжно, нѣжно цѣлую Ваши ручки за Вашу трогательную попечительность о моемъ спокойствіи. Дай Богъ, чтобъ слѣдующее письмо Ваше, милая маменька, было повеселѣй: издалека гляжу я на Васъ, считаю дни, которые раздѣляютъ одно письмо отъ другого, и болѣе или менѣе весель во всю недѣлю, смотря на цвѣтъ семейнаго посланія. Между тѣмъ я очень радъ, что пророчество мое на счетъ Сергѣя Сергѣевича сбылось.—Я воспользовался совѣтами и рекомендаціею Александра Ивановича и въ Субботу вечеромъ поѣхалъ къ Бунцену, сдѣлавъ ему за нѣсколько дней передъ тѣмъ утренній визитъ. Онъ принялъ меня очень любезно и съ тѣю Германской радушностью, отъ которой такъ скоро отвыкаешь во Франціи и Италии... Кромѣ жены его, Англичанки и меня, никого не было и я очень пріятно провелъ часа два въ занимательномъ разговорѣ, который впрочемъ, на первый разъ, мало касался археологии. Двадцать лѣтъ почти безъ выѣзду живетъ онъ здѣсь и знаетъ Италію наизусть. Мы вдоволь отпѣли панихиду несчастному народу. Одно мнѣ въ немъ не нравится, это упрямство, съ которымъ величаетъ онъ меня графомъ—Нетт Graf!... M-eur le Comte, да и только, не смотря на то, что у него на столѣ лежатъ мои визитныя карточки, на которыхъ стоитъ только скромное de. При лунномъ свѣтѣ изъ своихъ окошечъ показывалъ онъ мнѣ Римъ древній, спящій сномъ вѣчнымъ, сномъ смерти и развалинъ, и Римъ новый, засыпающій къ ночи. Не возможно выбрать лучшаго мѣста, чтобъ глядѣть на Римъ и понять его.

Домъ его возвышается на Капитоліи, надъ самой скалой Торнейской, на границѣ древняго города и Марсоваго поля, въ которомъ построянъ теперешній; и изъ всеобъемлющихъ его оконъ смотришь съ одной стороны на Форумъ и Колиссей, а съ другой—на дворцы и куполы. Въ Воскресеніе послѣ обѣдниѣ мы верхомъ съ Кривцовыми. Чѣмъ болѣе знакомлюсь я съ окрестностями Рима, тѣмъ болѣе соглашаюсь съ мнѣніемъ Sophie, что онъ прекрасны. Трудно найти видъ прекраснѣе и величественнѣе того, которымъ мы наслаждались съ высоты M-te Mario, который Софья Николаевна вѣроючи не однажды посѣтила. Вечеромъ былъ и въ театрѣ въ ложѣ

de ces MM-eurs, ибо въ партерѣ рѣшительно ни ногамъ ни другому чѣму мѣста нѣть. Въ Понедѣльникъ часу въ 3-мъ отправился я къ Бунцену, чтобы вмѣстѣ съ нимъ гулять по Форуму, и пробылъ тамъ до 5-и часовъ. Я въ самомъ дѣлѣ тронутъ его любезностью; онъ водилъ меня повсюду, толковалъ и подарилъ на память свою брошюру *le Forum restauré*. Не смотря на то, что профаны смѣются трудамъ археологовъ, но и въ самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ нѣть надписи, существуютъ одни вѣроятности, что системы антикваріевъ шатки и перемѣнны (такъ напр. три открытыхъ колонны остатковъ пышнаго храма въ Форумѣ въ 4-й разъ перекрещиваются Бунценомъ), но я понимаю прелесть этихъ трудовъ и гордую радость воображенія, которая наперекоръ времени воздвигаетъ давно разрушенныя зданія и воскрешаетъ древній Форумъ во всей его пышности. Третьяго дня къ удивленію всѣхъ (т. е. Василія и вѣчно пьянаго лонъ-лакея) всталъ я въ 7 часовъ и въ 8 отправился въ Остію, поглядѣвъ сперва на церковно-Римскій парадъ: капуцины, францисканы, доминиканы и пр. и пр. тянулись церемоніальнымъ маршемъ по улицамъ, сопровождаемые варварскимъ шѣніемъ. Народъ глядѣлъ, большая часть даже не спимала шапокъ передъ крестами и образами.—Большую англійской рысью славная лошадки (Кривцовъ увѣряетъ, что это тѣ-же, на которой всегда йхалъ Пьеръ) добѣхалъ до Остіи и никогда въ жизни не думалъ, чтобы могли лягушки такъ громко и такъ дружно квакать, какъ слышалъ въ болотахъ, окружающихъ городокъ. Тысячами плясали они вокругъ меня на сушѣ и въ водѣ; кромѣ нихъ, я почти никого не встрѣчалъ. Ничего нельзѧ себѣ представить печальнѣе положенія Остіи и всегда ея одипокой башни и мертвыхъ лицъ ея бѣдныхъ обитателей. Отгуда простираются обширные луга, я вихремъ несся по нимъ, разгоняя передъ собою стада вольно пасущихся на нихъ быковъ и лошадей, испуганныхъ топотомъ коня моего. По болотамъ пробирался я къ прекраснымъ развалинамъ, разсѣяннымъ по полямъ, и на паромѣ перебрался на другой берегъ Тибра. Бѣдный конь и йздокъ изнемогали отъ жара и жажды, солнце палило знойными лучами, и мы оба ахнули отъ радости (каждый по своему), увидѣвъ чистенькие домики Гимісіо на морскомъ берегу. Подозрительный комендантъ не пустилъ меня на башню полюбоваться обширностью вида. Послѣ порядочнаго обѣда въ трактире я нанялъ

лодку съ 7 гребцами (за 7 паоловъ, $3\frac{1}{2}$ рублей!) и поплылъ по морю. Хотя оно было довольно тихо, но впродолженіи часа меня раскачивало и я съ удовольствіемъ опять присталъ къ берегу. Въ 6-мъ часу я пустился въ возвратный путь. Отъ Фумичина до Рима около 20-и милей, т. е. 30 верстъ.

Сначала я спѣшилъ, чтобы быть въ городѣ засвѣтло, но прелесть окружающихъ меня картинъ заставила меня Ѳхать тише, тише—и наконецъ остановиться. Взбравшись на высоту, я слѣзъ съ коня, пустилъ его по волѣ, а самъ легъ на траву. Солнце садилось, лучи его, скользя по вершинамъ пригорковъ, обливали ихъ золотымъ сияньемъ (сеси n'est pas au figuré, mais à la lettré, вершины сіяли), которое рѣзко отдѣлялось отъ тѣни долинъ; прозрачные облака не торчали на небѣ, какъ у насъ, но плавали въ густой лазури его; вездѣ кругомъ тихо и пусто..., и отъ этого лучше: дивный голосъ природы слышится тамъ только, гдѣ голосъ людской умолкаетъ. Я долго лежалъ, любуясь и радуясь... Солнце закатилось за гору и все прияло однообразный и обыкновенный видъ: тѣ-же предметы, да не тѣ-же. Тутъ какой-то демонъ шепнулъ мнѣ: „радуйся, любуйся, покуда можно, придетъ пора, закатится животворящее солнце молодости, и съ очерствѣлою душой, безчувственно глядя на картины, которыя такъ сладко волновали юношеское сердце, ты повторишь со вздохомъ: „тѣ-же предметы, да не тѣ-же“! Но демонъ не правъ, и я ему не вѣрю: пусть страдаетъ тѣло, ему и дорога въ гробъ, да вѣчный духъ да бодрствуетъ и здравствуетъ! Смерклось и подулъ свѣжай вѣтерокъ, я завернулся въ плащъ и поскакалъ; вѣхалъ въ городъ съ неизвѣстной стороны, даль волю лошади и она преблагородно вывела меня, куда слѣдуетъ.

28
17 Апрѣля. Пятница.

Въ Среду быль я у обѣдни, а потомъ Ѳздилъ досматривать нѣкоторыя развалины и церкви. Вечеромъ, къ стыду моему, быль я въ театрѣ на Montechi e Copuletti, которые здѣсь очень плохо даются. Вчера Ѳздилъ я верхомъ по берегу Тибра и въ одномъ мѣстѣ увязъ въ грязи почти по брюхо лошади; кромѣ этого приключения прогулка удалась, мѣстоположеніе и погода другъ друга лучше.

Вечеромъ былъ я comme de raison на 12 Евангеліевъ, но и тутъ бѣсь попуталъ, сведя меня съ Гоголемъ *), онъ мнѣ во все время шепталъ про двухъ поповъ въ городѣ Нижнемъ, кот. въ большиe праздники служатъ вмѣстѣ и стараются другъ друга перекричать такъ, что къ концу обѣдни прихожане глохнутъ; и какъ одинъ изъ этихъ поповъ такъ похожъ на козла, что у него даже борода козлomъ воняетъ и пр. Сегодня была вечерня въ 2, всенощная въ 7, и здѣшний попъ, не смотря на то, что гуляетъ въ щегольскомъ сюртуке, вовсе не шутить и на всенощной держитъ болѣе двухъ часовъ.—Я цѣлый день сегодня въ дурномъ духѣ, потому что слышалъ отъ Людольфа, что карантины снова поставлены въ Геную и Ливорно, потому что опять холерные случаи въ Неаполѣ. Что мнѣ дѣлать? Въ Неапольѣхать не трудно, а каково, если потомъ засядешь тамъ, какъ ракъ на мели; съ другой стороны, неѣхать жалко и даже совѣтно, будучи такъ близко; къ тому-же въ Римѣ я все высмотрѣлъ, и высмотрѣлъ хорошо, аѣхать изъ него назадъ нельзя, не дождавшись денегъ, которыхъ не могутъ прийти прежде 18 или 20 дней, а въ это время успѣлъ бы сѣѣздить въ Неаполь.

Для меня всего хуже нерѣшимость, это состояніе противно моей натурѣ, а я нахожусь въ немъ съ 3-хъ часовъ! Завтра узнаю про все толкомъ и надѣюсь еще въ этомъ письмѣ сообщить о себѣ и своихъ плацахъ что-нибудь вѣрное.

*) Еще за мѣсяцъ до отѣзда изъ Парижа въ Италию Н. В. Гоголь писалъ матери о своемъ желаніи встрѣтить Свѣтлый Праздникъ въ Римѣ. Полный скорби о кончинѣ А. С. Пушкина, Гоголь прїѣхалъ въ Римъ 14 или 15 марта 1837 г. и пробылъ здѣсь до половины июня. Затѣмъ онъ отправился въ Баденъ-Баденъ, путешествовалъ въ Испанию, жилъ въ Женевѣ и къ концу октября вернулся въ Римъ, его очаровавшій. 30 октября 1837 г. Гоголь послалъ черезъ В. А. Жуковскаго письма Александрѣ Осиповнѣ Смирновой и Андрею Николаевичу Карамзину. 15 марта 1838 г. Гоголь писалъ изъ Рима кн. В. Ф. Одоевскому: „Пишите Карамзину, чтобы онъ прислалъ мнѣ то, что обѣщаю... Я къ нему писалъ, но никакого отвѣта“. Въ письмѣ изъ Рима къ кн. П. А. Вяземскому отъ 25 июня 1838 г. Гоголь говорить о посѣщеніи могилы его дочери, княжны Прасковы Петровны: „Еще не такъ давно былъ я вмѣстѣ съ княгиней Зин. Волконской на знакомой и близкой вашему сердцу могилѣ. Кусты розъ и кипарисы растутъ; между ними прокрались какіе-то незнакомые два-три цветка. Я уважаю тѣ цветы, которые выростаютъ сами собою на могилѣ. Мнѣ все кажется, что это рѣчи усопшаго къ намъ, но мы глядимъ, силимся и не можемъ понять ихъ...“ Письма Н. В. Гоголя, т. I, стр. 430, 433, 449, 450, 458, 460, 481, 513.

Между прочимъ замѣчу Вамъ, что когда въ молитвѣ „Отче наше“ доходитъ дѣло до насущнаго хлѣба, то я кладу болыпой крестъ и низко кланяюсь, ибо при теперешнихъ обстоятельствахъ чувствую всю нужду этой просьбы. Еще сообщу Вамъ, что на дняхъ перечитавъ въ десятый разъ пыстры, хранящіеся у меня подъ ключемъ, я разрядилъ свои пистолеты, разсудивъ, что изъ такой бездѣлицы не стоитъ убивать вора. Et aprѣs ces aimables railleries sur ma misère je baise tendrement la main, qui va venir à mon aide, и, пожелавши Вамъ доброй ночи, милая маменька, говорю до свиданья, до завтра!

$\frac{29}{18}$ Апрѣля. Суббота.

Чтобъ всѣмъ Итальянцамъ, начиная отъ папы до послѣдняго попа и отъ принцевъ до послѣдняго чиновника, передохнуть отъ холеры!!!... За то, что они добрымъ людямъ мѣшаютъѣздить, куда угодно, и за то, что ни отъ кого здѣсь толку не добѣшься.

Сегодня былъ я у Тосканскаго консула и въ пароходной конторѣ. Карантины не только продолжаются, но даже преувеличены въ Ливорнѣ 16 дней!!! И такъ, jusqu'à nouvel ordre, мнѣ дорога въ Неаполь заперта, а такъ какъ уже два или три мѣсяца, что иѣтъ холеры въ Неаполѣ, то иѣть причины, чтобы и черезъ годъ карантины бы сняли, и слѣдовательно мнѣ Неаполя не видать, какъ ушѣй своихъ. Я взбѣшенъ до крайности и хочу послать папѣ Sturz, да никто не принимаетъ антрага. Шутки въ сторону, Вы легко поймете мою досаду, милая маменька, подумавъ, что 24 часаѣзды меня отдѣляютъ отъ прелестнѣйшаго мѣста въ Европѣ, отъ Везувія, отъ Помпеи, и что я, даже не заглянувшіи на эти волшебства, принужденъ сидѣть здѣсь, сложивши руки, и, дождавшиися денегъ, возвращаться за 3-девять земель въ 3-десятое государство! Здѣсь мнѣ дѣлать нечего, я все высмотрѣлъ, а жить, какъ я живу, одному совершенно безъ знакомыхъ, безъ пріятелей, безъ интереса людскаго—скучно. Въ утѣшеніе себѣ повторяю, что, не смотря на карантины, холера проберется въ Римъ и первыхъ загрызетъ les membres du comité sanitaire! Завтра Воскресенье, къ тому-же Свѣтлое, примите-же, милая и добрая маменька, мое иѣжное поздравленіе.

Когда и гдѣ на мос привѣтствіе: „Христосъ Воскресе“! получу я отвѣтъ Вашъ: Во истину Воскресе! Вѣроятно, уже въ Баденѣ. Каковъ разговоръ, между вопросомъ и отвѣтомъ почти два мѣсяца! Сего дня получилъ я еще письмо отъ Николая Мещерскаго. Они тамъ попали какъ въ мышеловку, ни назадъ, ни впередъ. Трубецкой пишетъ Кривцову, что обвиеніе будетъ въ Бернѣ. Прощайте-же, милая маменька, нѣжно цѣлую Ваши ручки и крѣпко прижимаю къ сердцу, исполненному горячей любви. Благословите на Праздникъ!

А. К.

Христосъ Воскресе, милые братья и сестры! и ты, Николенька.

Нѣжно обнимаю васъ всѣхъ и съ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщанныхъ писемъ, а теперь спѣшу на почту.

Римъ. 20 Апрѣля 1837 г. Вторникъ.

Не получилъ я вчера письма отъ Васъ, милая маменька, и это было, для меня, тѣмъ грустнѣе, что я надѣялся прочесть въ немъ Ваше успокоеніе и мое оправданіе.

Нечего дѣлать, надоѣло ждать Четверга. Хотя я уже почти надѣлъ трауръ по Неаполю, но охота все жива, да и надежда все еще подрягиваетъ ножками, и поэтому я почти всякий день бѣгаю въ пароходныя конторы, чтобы узнать, нѣть ли чего-нибудь новаго о холерѣ и карантинахъ.

Послѣ завтра обѣщаюсь мнѣ дать подробнѣя извѣстія, которыя рѣшительно решать мою участіе.

Въ Субботу, въ исходѣ двѣнадцатаго часа, докуривая на балконѣ послѣднюю трубку передъ заутреней и прислушиваясь къ бѣзмолвію Римской ночи, я живо представлялъ себѣ Петербургскую суматоху: пальба, колокольный гулъ, стукъ каретъ; ленты, кивера, штатсскія трехуголки,—это на улицѣ, и Богъ съ нимъ. А у насъ въ дому родныя объятія; я подумалъ и, вздохнувши, надѣлъ фракъ и по однокимъ улицамъ побрелъ на одинокую молитву.—Народу въ капеллѣ

было много: безчисленная Репнинская орда съ многочисленной прислугой, Волконская, Акацатова, съ графиней Дивьеръ, Раевская— все народъ незнакомый; кроме того человѣкъ 10 русскихъ артистовъ и Гоголь. Дѣячки, вѣроятно, передъ службой поссорились, а то бы не натурально было имъ пѣть такъ несогласно. Послѣ службы Кривцовъ повелъ всю команду разгавливаться *dans les grands appartements du palais.*

Зала, въ которой былъ накрытъ столъ, сіяла, ярко освѣщенная, и вообще всего было вдоволь и все хорошо. Я подсѣль къ артистамъ; они, узнавши мое имя, предложили мое здоровье, я отвѣчалъ, какъ слѣдуетъ, и знакомство скоро устроилось. Я намѣренъ имъ воспользоваться. Было около 4-хъ часовъ; когда Кривцовъ завезъ меня домой. Съ Воскресенья завелись здѣсь лошадиные игры (*giuochi di cavalli*—словесный переводъ): циркомъ служать остатки Августова мавзолея.

Много народа, много пестроты въ толпѣ, много шума подъ синимъ, небеснымъ сводомъ; въ прохладные часы вечерніе я часто туда захожу. Вчера, по условію заѣхали за мною рано поутру Штакельбергъ и Голицынъ, чтобы ѿхать вмѣстѣ во Фраскати. Погода была прекрасная и отдаленные горы окутались голубоватыми туманами, между тѣмъ какъ болѣе приближенные холмики, съ разбросанными по нимъ развалинами древнихъ и среднихъ вѣковъ, чисто отражали лучи яркаго солнца. Мы приѣхали во Фраскати при громѣ петардовъ и полковой музыки, которая играла въ честь какого-то кардинала, и, позавтракавши въ дрянномъ кабакѣ, сѣли на ословъ и потянулись по горамъ и доламъ. Не смотря на то, что ослиная ъзда напоминала мнѣ невинная Эмскія забавы, но она скоро мнѣ надоѣла и я почти всю прогулку отදлалъ пѣшкомъ. Мѣста прелестныя! жаль только, что деревья не успѣли одѣться и украситься роскошною зеленью. На платанахъ и каштановыхъ деревьяхъ (*châtaigniers*) только-что почки; за всѣхъ старался почтенный, вѣчнозеленый дубъ, и подъ его густою тѣнью искалъ я защиты отъ палящаго солнца. Что пре- восходно въ здѣшнихъ горахъ, такъ это мягкость и округленность ихъ очерковъ, ничего угловатаго, жесткаго; тихо-волниующеся линіею понижаются онѣ постепенно до морского берега *et comme vous savez la ligne ondulée est éminemment la ligne de la beauté.*

Мы посѣтили многія живописныя виллы, древній Тускуль, въ кото-ромъ Люціанъ Бонапартъ отрылъ мостовыя, амфитеатръ и пр.; теперь мѣсто принадлежитъ королю Сардинскому, а тому и дѣла иѣть; развалины Римской виллы и будто-бы Цицероновской, и наконецъ послѣ 4-хъ часовой прогулки воротились въ трактиръ, гдѣ я лимонадомъ залиль внутренній пожаръ. Въ 7 час., по возвращеніи въ городъ, обѣдали мы всѣ (т. е. и Кривцовъ) у Голицына. Товарищами прогулки не могу я похвастать: еще Голицынъ туда-сюда, но Штакельбергъ до такой степени сталъ скученъ, молчаливъ и пустъ, что отъ одного вида его клонить къ зѣвотѣ. Но за то Кривцовъ *est jovial pour deux*, мы съ нимъ часто видимся и я его очень люблю. Сегодня провелъ я почти цѣлый день съ новыми знакомыми, Русскими художниками; былъ у одного изъ нихъ Ефимова, архитектора, который хорошо говорить объ искусствѣ и показывалъ мнѣ у себя послѣднюю картину Кипренского, портреты Шуваловой и Потоцкой. Этотъ бѣдный старикъ много надѣлалъ глупостей передъ смертю: женился, принялъ католическую вѣру и наконецъ оставилъ моло-деньскую жену, брюхатую и безъ денегъ.

Вечеромъ былъ я у Бунцена, который только-что выздоровѣлъ отъ гриппа, который точно бѣжитъ за мною изъ Парижа въ Ниццу, изъ Ниццы въ Римъ. До свиданья, милая маменька, пора спать!

...Какъ блестятъ новой зеленью деревы и луга, какъ благоухаетъ воздухъ, какъ громко поютъ соловьи! Завтра, какъ сказано, пойду слушать ихъ въ Альбано, и такъ какъ пріѣду, вѣроятно, поздно вечеромъ, то сегодня уже запечатаю письмо, чтобъ не было отсрочки. Кривцовъ показывалъ мнѣ письмо тетеньки, которая очень жалуется на здоровіе дяденьки и на глаза его, это новое и, какъ надѣюсь, только проходящее слѣдствіе троекратнаго гриппа. Одинъ изъ Русскихъ живописцевъ, Марковъ собирается писать картину и просилъ поискать ему предмета изъ Русской исторіи: я ему уже предлагалъ многіе, какъ напр.: смерть Мономаха, анекдотъ Владимира и Рогнеды, заговоръ Шуйскаго, и пр. и пр., но все ему не годится; то святой,

то заговоръ (Шуйского), то голенька го нѣть, а это живописцу непремѣнно нужно. Авось сыщемъ. Дай Богъ, чтобы у васъ было-бы тепло, а у меня завелись бы деньги, тогда и вамъ и мнѣ будетъ хорошо; и въ ожиданіи этой счастливой минуты нѣжно и крѣпко обнимаю Васъ, милая и возлюбленная маменька, и тысячу тысячей разъ цѣлую Ваши ручки. До свиданія на бумагѣ въ будущую Субботу.

А. К.

Je vous embrasse tous bien tendrement, chers fr eres et soeurs; quant  t toi, ch re Catherine, tout en te remerciant des lignes affectueuses que tu as ajout es   la derni re lettre je ne puis m'empêcher de te remarquer, que le long Христосъ Воскресе promis par toi s'est un peu fondu en route. Ce n'est du reste qu'une plaisanterie et je te prie de ne m'écrire que quand l'envie (te prendra) t'en viendra puisque l'exemplaire et touchante exactitude de maman et de Sophie et de temps en temps les bonnes lettres d'Alexandre me tiennent au courant des nouvelles de toute la famille. Pierre et Nicolina auraient bien du m'adresser chacun un Христосъ Воскресе.

Mille choses bien tendres   mon oncle   ma tante et aux Walouieffs.

Низкій поклонъ Василію Андреевичу и Петру Ивановичу. Je suis bien touch  du souvenir de M-r D v r ine, o  pourrais-je le rencontrer. Братски обнимаю Аркадія! До свиданія!

Римъ. 16 Мая
26 Апреля 1837. Понедѣльникъ.

Римъ, или, лучше сказать, его окрестности, милая маменька, со дня на день становятся лучше; деревья покрываются блестящим зеленом, пышно цвѣтут лавры и лазурь небесная принимает тотъ прекрасный синий цветъ, который мы у себя видимъ только на картинкахъ. Прогулка моя въ Альбано очень удалась. Я выѣхалъ отсюда часовъ въ восемь (8), дорога открытая, вѣтру не было и солнце не пекло, а жгло меня, но въ Альбано поднялся прохладительный вѣтерокъ и я, не слишкомъ

страдая отъ жара, бѣгалъ по окрестностямъ подъ предводительствомъ чичерона. Подъ богатою тѣнью аллеи, осѣненной вѣковыми дубами и огнем (какъ по-русски?), прошелъ я въ Castel Gondolfo, папская дача, мимо Французского монастыря, съ ограды которого промежъ капеллъ открывается прелестнѣйший видъ на Альбанское озеро, Monte Cavo и всю окрестность. Потомъ, по крутымъ тропинкамъ, по высокой травѣ, изъ которой мелькали тысячами пестрыя головки полевыѣ цвѣтовъ, я спустился къ берегу озера (бывшаго, вѣроятно, нѣкогда кратеромъ отставнаго вулкана), чтобы посмотретьъ на подземный выпускъ лишней воды, вырытый въ горѣ Римлянами въ первыя времена республики! И теперь послѣ 2300 лѣтъ, какъ тогда, течетъ черезъ него прозрачная, какъ зеркало, вода и вытекаетъ мили за мили оттуда. Посѣтивъ еще по близости живописныя развалины, обвитыя плющемъ и обросшія густою зеленью, я поглядѣлъ на голую вершину Monte Cavo, пожалѣлъ о прекрасномъ видѣ и пошелъ въ другую сторону. Отчего-же я не взобрался на вершину горы, гдѣ славный въ древности храмъ Юпитера замѣненъ Капуцинскимъ монастыремъ и откуда, говорятъ, открывается дивная панорама?... А вотъ причина: жизнь есть смѣсь прозы и поэзіи, такъ и съ прогулкой было; я взялъ съ собою изъ дома всѣ свои сокровища, т. е. тѣ два пистолета и 38 байоковъ, о которыхъ уже въ послѣднемъ письмѣ имѣлъ честь доложить Вамъ. Этой суммы было едва достаточно, чтобы заплатить счетъ въ трактире и на водку чичероне; следовательно, мнѣ нечѣмъ было панять осла или лошадь, чтобъѣхать на Monte Cavo, а пѣшкомъ далеко. По другую сторону, т. е. по Неаполитанской дорогѣ, окрестности лишены лучшаго своего украшенія, густой зелени деревьевъ, у которыхъ вѣтки всѣ обрублены. Чичероне мой увѣрилъ меня, что тому назадъ года два отъ старости свалилось на дорогу дерево въ нѣсколькоихъ шагахъ отъ гуляющаго попа, который отъ этого умеръ со страха, и вслѣдствіе плачевнаго происшествія вѣлько было обрубить всѣ окрестныя деревья. Послѣ 3-хъ часовой прогулки я воротился въ трактиръ, отдохнулъ, отобѣдалъ, расплатился (осталось въ карманѣ $1/2$ паола, т. е. 25 копѣекъ, и тѣ на дорогѣ отдалъ первому встрѣтившемуся нищему) и въ 4 часа сѣлъ на рысистаго коня и отправился назадъ не по прямой дорогѣ, но черезъ Марино, Grotta-Ferrata и Frascati (35 верстъ). Дорога гористая,

осыпанная деревьями, и виды обворожительные! Grotta Ferrata въ долинѣ и рощѣ, Марино на крутой скалѣ.

Когда я повернулся отъ Фраскати на Римскую дорогу, то уже солнце клонилось къ закату, и я поскакалъ во всю прыть, чтобы къ его заходженію успѣть къ прекраснымъ развалинамъ виллы Цеселлія Басса, и послѣдъ. Онѣ лежать въ сторонѣ, я слѣзъ съ лошади и взлѣзъ на разрушенныя стѣны, держась за вѣтви ползающаго плюща. Солнце огромное скрылось въ золотыхъ парахъ за куполомъ Св. Петра и на прощаніе съ природой залило свѣтомъ всю окрестность! Какія счастливыя минуты бываютъ въ путешествіи! Какъ глубоко врѣзывается въ память воспоминаніе о нихъ! Было темно, когда я осторожно спустился съ высокаго пьедестала, но, сѣвъ верхомъ, очень неосторожно быстро поѣхалъ по негладкому лугу, лошадь моя споткнулась, упала, я ей черезъ шею на мягкую траву, потомъ мы оба встали, опять сѣли другъ на друга, поѣхали и безъ дальнихъ приключеній прѣѣхали домой. Въ Воскресенье я опять всталъ рано, опять сѣлъ верхомъ и поѣхалъ на деревенскій праздникъ, верстъ за 12 за городомъ, изъ Себастіанскихъ воротъ.

Прекрасная погода, куча народу и живописные костюмы стоили прогулки. Мужчины молодцы, въ женщинахъ много даже красавицъ. Напрасно слѣдилъ я за хватами, напрасно прислушивался къ возникающимъ спорамъ, надѣясь, что дѣло дойдетъ до ножей—не удалось: одинъ было въ гнѣвѣ сбились съ противника, но тогдѣ преспокойно указалъ ему на образъ Мадоны, украшившій ее, и тогда обидчикъ самъ бросился со страхомъ подымать ее. Однако, къ чести Итальянцевъ спѣшу прибавить, что бываетъ и по-старому и что между прочимъ сегодня ночью, почти подъ моими окониками, кого-то закололи. Причины не знаю, но говорятъ, что coltellata произошла отъ ревности. Сегодня цѣлый день дождикъ, несмотря на то, я передъ обѣдомъ гулялъ и зашелъ въ циркъ, гдѣ кромѣ малаго числа занятыхъ покрытыхъ мѣстъ я сидѣлъ совершенно одинъ, точно дома.

Завтра собираюсь я вечеромъ съ Гоголемъ къ Репининымъ, которые пожелали моего знакомства.

$\frac{13}{1}$ Маля 1837. Суббота.

Со мною то-же, что и съ Вами, милая, добрая маменька, и я напрасно ожидалъ письма въ прошедшій Четвертокъ и грустиль, получилъ сегодня и радуюсь.

Я пишу всегда въ срокъ, а иногда и прежде, когда удаляюсь отъ Васъ, а Вы получаете письма мои въ разбитную; не могу нахвалиться Вашею точностью въ перепискѣ, а она не спасаетъ меня отъ беспокойствъ или, по крайней мѣрѣ, отъ частыхъ *désappointements*; дай Богъ, чтобъ была всегда виновата почта! Я радъ, что письма мои Вамъ нравятся, и что, кромѣ главнаго, чтеніе ихъ доставляетъ Вамъ удовольствіе: это моя награда за частыя побѣды надъ лѣнностью. Вы хвалитесь двумя недѣлями прекрасной погоды—мы не можемъ похвастать: съ Понедѣльника погода у насъ испортилась и сегодня первый прекрасный день въ недѣль.

Les rôles sont changés, chère maman, въ Парижѣ я пугаль Васъ своею житейскою дѣятельностью, а теперь среди спокойствія Римскаго Вы удивляете меня описаніемъ Вашихъ дней. Я искренно тронутъ воспоминаніемъ Александра Иван., пожалуйста за меня его нѣжно поблагодарить.

Какъ медленна наша корреспонденція: вотъ уже безъ малаго 8 недѣль, что я въ Римѣ, сегодня отправляю Вамъ 8-е письмо, а еще не имѣю отвѣта на первое. О деньгахъ прошу я во второмъ и, слѣдовательно, получу ихъ только черезъ двѣ недѣли... При этой мысли я съ значительной миной почесалъ себѣ затылокъ...; впрочемъ, прошу не беспокоиться о моемъ прокормлениі, я самъ себѣ Мендиизабаль и не хуже Гишпанскаго шарлатана умѣю въ крайности дѣлать заемы и другіе финансовые извороты. Сегодня-же получилъ я письмо отъ Николая Мещерскаго, вотъ отрывки: „Que le ciel vous préserve de poser votre pied sur le sol de Naples; quarantaine, archiquarantaine de tous les côtés pour un temps infini!“ и т. д. „Mes fiancailles ont en lieu avant hier—je suis heureux autant qu’être humain peut l’être, m me un peu plus....“ Дальше, говоря про Неаполь: „Au reste tout est beau quand on est heureux!“ Меня это письмо искренно за него обрадовало; странно только que ce soit

justement Alexandrine Troubetzkoy qui ait vaincu et gajeuni ce coeur blasé. Еще 3-е письмо (у меня, какъ видите, кромъ главной, много побочныхъ корреспонденцій) восторженное и сумасшедшее оть Льва Соллогуба изъ Ниццы: теперь онъ уже, вѣроятно, въ Баденѣ. Какъ сказано—погода на этой недѣлѣ была дурная, я верхомъ не ъздилъ, много сидѣлъ дома, много читалъ и много рисовалъ. Моя страсть здѣсь опять возбудилась et mon imprudente audace, поддерживаемая похвалами и совѣтами Ефимова (русскаго художника и порядочнаго малаго, съ которымъ я очень часто вижусь), ничего не устрашается, списываю виды съ Кипренскаго, костюмы скиццовъ Брюлова, и завтра начинаю рисовать акварелью съ живой модели разныя одежды; сперва монаховъ, какъ менѣе трудныхъ, надѣюсь довести и до женщинъ. Прошу не пугаться, милая маменька, и не забывать, что дѣло идетъ о костюмахъ, и слѣдовательно есть непремѣнно одежда. Въ Среду утромъ провелъ я часа два въ галлереѣ Боргезъ съ Ефимовымъ, а вечеромъ былъ у Репниныхъ—Балабинныхъ. Varette поручила мнѣ тысячу нѣжностей для васъ, милыя сестры; она очень умна и смѣшна, другія хороши, но довольно молчаливы. Третьяго дня повелъ меня все тотъ-же Ефимовъ въ студію Овербека полюбоваться картону большой картины, имъ сочинилемой: предметъ аллегорическій, представляетъ исторію художествъ и возрожденіе ихъ оть христіанской религіи.

Это цѣлая поэма въ группахъ, но еще занимательнѣе ея самъ Овербекъ, высокій, худощавый, съ выраженіемъ ангельской доброты на лицѣ и какой-то мысли неземной. Онъ никого не впускаетъ въ ту комнату, въ которой самъ работаетъ и, какъ говорятъ, иногда кладетъ кисть, чтобы молиться! Такія явленія теперь рѣдки и трогательны. Я воспользовался близостью, чтобы посѣтить жидовскій кварталъ: много лавокъ, купцы очень порядочные люди, но вонь неносная! Эта кварталъ весь окруженъ стѣнами и воротами, и послѣ Ave Maria, т. е. въ 8-мъ часу вечера, этихъ несчастныхъ на ночь запираютъ! Какъ вспомнишь про это, то вмѣсто 1837 хочеть рука писать на письмѣ 1737. Вчера часовъ въ 6, передъ обѣдомъ привѣтствовалъ я на Monte Pincio возвращеніе хорошей погоды. Въ это время дня напоминаютъ мнѣ высокія террасы этого гулянья кровли Екатерининскаго Института, на которыя подъ вечеръ слетаются галки,

а здѣсь такими же многочисленными стаями—черные семинаристы, подъ предводительствомъ черныхъ же монаховъ. Вечеръ провелъ я у Бунцена съ незнакомыми англичанами и англичанками, что было не совсѣмъ весело.

Я воротился оттуда при лунномъ свѣтѣ: вотъ уже 3-я луна смотрить на меня въ Римѣ, и я ей очень обрадовался и пожалѣлъ, что нѣть со мною милаго лунатика—Саши. На дняхъ столкнулся я здѣсь въ Café съ однимъ французомъ, пароходнымъ спутникомъ изъ Петербурга въ Любекъ: хотя онъ вовсе не интересенъ, но видъ его напомнилъ мнѣ горести разлуки, напомнилъ, что черезъ три недѣли минеть годъ моему одиночному странствованію, что еще мѣсяца 4 и..., но къ чему заглядывать въ будущее, даже и свѣтлое... *Voulez vous que je fasse venir l'eau à la bouche aux gourmands de la famille?* Такъ знайте-же, что я уже цѣлую недѣлю послѣ обѣда ъмы клубнику и цѣлый мѣсяцъ каждый день свѣжий горохъ, не смотря на то всѣ жалуются на запоздалость плодовъ; съ другой-же стороны мнѣ Бунценъ сказалъ, что повозки, пріѣхавшія вчера утромъ съ углемъ съ окружныхъ горъ, были покрыты снѣжинками. *En voilà pour tous les goûts.*

Жаль, что Бунценъ живеть такъ высоко, что зайти къ нему нельзя, а надобно итти: гора, лѣстница Капитолія, еще пригорокъ и наконецъ третій этажъ, *on y pense à deux fois—moi surtout, qui ai les cheveux longs et la respiration courte, comme dit le Grand Duc.*

Прощайте, милая, добрая маменька, нѣжно и крѣпко обнимаю Васъ и тысячу разъ цѣлую Ваши дорогія ручки.

До свиданья.

Андрей К.

J'embrasse tendrement mes chers frères et soeurs et je te remercie de tout mon coeur ma bonne Catherine pour ton aimable supplément. Попроси когда-нибудь отъ меня милаго Николеньку, котораго я нѣжно цѣлую, чтобы онъ тебѣ продиктовалъ строчку для дяди большого. Je te prie encore de me rappeller de temps en temps au souvenir de tes belles soeurs et de leur dire combien je suis touché de leur souvenir et combien je leur suis dѣvou  de cœur.

Еще разъ нѣжно вѣсь вѣхъ обнимаю и жду вѣсточки оть Сапи.

Mille choses tendres à mon oncle à ma tante (j'espère que son indisposition n'a pas eu de suites) et aux Walouieffs.

Il me parait que le petit Walouieff se fait bien attendre: qu'en dit M-eur Poletika.

Если Василій Андреевичъ еще съ вами, то прошу нѣжно поклониться оть меня и пожелать доброго пути.

Обнимаю Аркадія.

Римъ. $\frac{16}{4}$ Мая 1837. Вторникъ.

Какое неожиданное счастье, милая маменька, вчера письмо оть Васъ, тогда какъ я уже получилъ въ Субботу! А я, неблагодарный, въ послѣднемъ письмѣ браню почту! Дай Богъ ей здравствовать! Помучить, да за то и утѣшить; tout est compensation, и мнѣ теперь будущее письмо придется ждать также, какъ и векселя, которые, вѣроятно, въ немъ лежать, и хотя я самъ того мнѣнія, что деньги лишь соръ земной, но съ другой стороны чувствую, что порядочный человѣкъ безъ оныхъ (c'est mon cas) est une anomalie, un hors d'oeuvre dans la cr ation (phrase à l'usage de Clement Rossette). Послѣ чепухи—къ дѣлу: я замѣчаю, что я почти каждое письмо съ нѣкотораго времени начинаю оправданіями, что ясное доказательство, что Вы меня часто браните, и по дѣломъ, милая маменька; вижу самъ, что не по одеждѣ протягиваю ножки тѣмъ, что вѣжу въ свое мѣсто экипажѣ; впередѣ не буду, т. е. или продамъ или оставлю здесь коляску на продажу, но во всемъ другомъ по крайнему разумѣнію соблюдаю экономію; а между тѣмъ проку мало.

Чортъ знаетъ, что за венцъ такая деньги, скользять сквозь пальцы и позволенія не просить.

Когда увидите мою расходную книжку, то подивитесь сами, какъ тихо и скромно жилъ сынокъ Вашъ на чужой сторонѣ и, если и проживался, такъ безвинно и противъ воли.

Да и самому право не весело: быть день у меня—въ цѣломъ домѣ ни байока, я надѣялся получить, но еще не былъувѣренъ, время шло, пришла пора обѣденная и пришелъ апетитъ—а деньги не

пришли; я вышел гулять, *comptant diner par soeur, es würde doch nicht so arg*, и вместо обѣда я только что отужиналь. Оно издали смѣшино, а вблизи иногда и скучно, особенно когда думаешь объ этомъ, сидя у окошка, въ которое по цѣлымъ днямъ стучитъ дождь или даже майскій градъ! Вотъ уже три дня, что мы наслаждаемся этой погодою; вчера я думалъ, что падающія льдинки разобьютъ стекло. Вы хвастаетесь Петербургскимъ солнцемъ—я Римскимъ ненастiemъ, *l'un est aussi extraordinaire que l'autre*. Вы еще упрекаете меня въ томъ, что я не двумя недѣлями раньше выѣхалъ изъ Парижа—не забудьте, милая маменька, что я былъ боленъ и пустился въ путь недѣлю послѣ выздоровленія. Очень сожалѣю о несчастномъ выборѣ наставници: *dѣcidemment c'est du guignon!*

Только-что избавились отъ нѣ мой и прямо попали на глухую, впрочемъ, *comme disait ce maquignon du cheval borgne*: это не порокъ, а несчастье. Вы все забываете, милая маменька, что два мѣсяца раздѣляютъ насъ, такъ, напримѣръ, въ прошедшемъ письмѣ давали Вы мнѣ порученія къ Великому Князю, а въ послѣднемъ къ Бутурлинымъ: тѣхъ и другихъ уже здѣсь давно и слѣдъ простоялъ. Кстати, постарайтесь выручить изъ канцеляріи Великаго Князя мое Стразбургское письмо; оно послано съ фельдъ-егеремъ изъ Ниццы и пропасть не могло: я тамъ много говорю про Михаила Павловича, и мнѣ бы не хотѣлось, чтобы оно попало въ чужія руки. Въ Субботу вечеромъ былъ я у Репниныхъ, гдѣ нашелъ и Княгиню Волконскую, жену Министра: она престранная женщина.

Вообразите себѣ, что она прѣѣхала сюда съ Австрійскимъ курьеромъ, живеть у какой-то Акацатовой, богатой провинціалки, обѣдаетъ *chez les amis à la fortune du pot*, вездѣ бѣгаеть пѣшкомъ или пользуется чужимъ экипажемъ, замѣчательности рассматривается съ другими, чтобы не платить на водку, однимъ словомъ *c'est une Hargagone si jamais il en fut!* То-то бы мнѣ съ нея примѣръ братъ! Молодая Княгиня Репнина тронула мое сердце своимъ хохотомъ (я что-то былъ сильно смѣшонъ въ этотъ вечеръ), который напомнилъ мнѣ *les eclats couvulsifs de la chère Catherine*. Воскресенье послѣ обѣдни, несмотря на частый дождь, ходилъ я по церквамъ, а передъ обѣдомъ въ Колисей, слушать проповѣдь молодого капуцина, или, лучше сказать, не слушать, а смотрѣть, *sar le coup d'oeil* былъ

чрезвычайно живописенъ. Во 1-хъ, Колисей самъ такъ величественъ, такъ хорошъ, что, что бы въ немъ ни происходило—все дѣлается живописнымъ; тутъ-же надъ развалинами каѳедра, на ней бѣснующійся капуцинъ, подлѣ братство (*les confréries religieuses*), въ балахонахъ съ закрытыми лицами, кругомъ пестрая толпа, живописные костюмы женщинъ и мужчины, на лицахъ которыхъ изображаются всѣ оттѣнки, отъ умиленія христіанства до иронической улыбки 19-го вѣка. Проповѣдь, кромѣ бойкихъ тѣлодвиженій, не выходила изъ общихъ мѣстъ, даже не было ничего смѣшного, какъ недавно въ какой-то церкви проповѣдникъ увѣрялъ своихъ слушателей, что Богородица сильнѣе I. X., потому что Она управляетъ Имъ совершенно и Онъ, изъ уваженія къ Матери, ни въ чемъ Ей не противорѣчитъ. Я воспользовался случаемъ, чтобы походить и полазить по галлереямъ и по лѣстницамъ: невозможно наглядѣться, всякий разъ нехотя отрываешься отъ этого чуднаго Колиссея! Продолженіе впередъ, пора спать; къ Вамъ, дорогая маменька, къ вамъ всѣмъ, мои возлюбленные, обращается передъ сномъ послѣдняя мысль и летить заочное благословеніе!...

$\frac{19}{7}$ Мая. Пятница.

Я думалъ сегодня написать Вамъ строчки свѣтлые, милая маменька, сообщить вамъ сладкія впечатлѣнія, оставленныя во мнѣ прелестными видами, картинами и статуями виллы Людовизи—а вмѣсто того до сихъ поръ еще дрожитъ рука моя отъ жалости и негодованія, и предо мною носится окровавленный призракъ бѣдной и прекрасной женщины: въ нѣсколько часовъ—прелести Италии и ея ужасы: въ 7-мъ часу (еще былъ яркій день) я шелъ обѣдать, на углу piazza di Spagna и моей улицы, вижу, бѣжитъ народъ, я удвоилъ шагъ и вижу, женщина, вся облитая кровью, идетъ, шатаясь, еще нѣсколько шаговъ и упала на мостовую... Толпа обступила несчастную, я пробрался впередъ, и хотя кровь меня не пугаетъ, но зрѣлище, поразившее меня, было ужасно! Молодая и прекрасная женщина лежала на мостовой, черный священникъ поддерживалъ ея голову, кровь волной лилась изъ рта и огромная рана на горлѣ, ножъ лежитъ подлѣ-же... Народъ кричалъ: „un prete, un prete“; я

говорилъ: „un chirurgo, un medico“, но всѣ прехладнокровно отвѣчали: „gia e morta!“ Я добился по крайней мѣрѣ, чтобы ее подняли съ камня и посадили на стулъ. Кровь вскорѣ перестала течь изо рту... Вы не можете себѣ представить, какой ужасный былъ видъ этого прекраснаго лица, уже покрытаго желтой блѣдностью смерти, обложенаго кусками запекшайся ея крови!... Шея была проколота насеквозь! Она не выходила изъ обморока, дышала рѣдко. Напрасно просилъ я присутствующихъ, чтобы они показали бы мнѣ на житѣе какого-нибудь доктора, а я ни одного не зналъ.

Полиція явилась на мѣсто (центръ города!) только черезъ $\frac{3}{4}$ часа! стала кругомъ, и только черезъ $\frac{1}{4}$ часа бѣдняжка перестала мучиться при мнѣ.

Тутъ стоялъ и мужъ, на костыляхъ, бездушная скотина, и 5-и лѣтній сынъ, который рыдалъ такъ, что въ сердцѣ отзывалось. 3 часа послѣ, тѣло еще сидѣло на стулѣ на томъ-же мѣстѣ! Ждали приказанія... Луна освѣтила эту сцену ужаса; я не могу пересказать Вамъ всего того, что я за это время перечувствовалъ. Если-бы жертвою былъ мужчина—ничего, это созданіе сильное, передъ смертью былъ бы бой; но окровавленная и умирающая женщина, къ тому-же молодая и прекрасная—глядѣть черезъ силы! и потомъ видѣть безчувственную толпу, которая смотритъ и не пособляетъ, поганую полицію, которая допускаетъ человѣка умирать подъ открытымъ небомъ, не попытавшись спасти его!—Причина убийства еще не известна. Такъ говорять, что убийца любовникъ изъ ревности, другіе—воръ, грабившій комнаты госпожи, у которой та была въ услуженіи, но вотъ факты: она съ ножомъ въ горлѣ выбѣжала изъ дома на улицу, призывая на помощь, исходя кровью—дотащилась до аптеки, просить помощи, оттуда ее выгнали (!!! аптекарямъ лечить запрещено), она вышла, сама вынула ножикъ изъ раны и упала. Причиною скорой смерти была потеря крови, и если-бы несчастной помогли во времія, она-бы, можетъ быть, осталась жива! Возвращаясь въ 12 ч. ночи отъ Репининыхъ, я прошелъ черезъ мѣсто, гдѣ она лежала: луна освѣщала кровавую лужу! Сегодня не въ духѣ писать о чемъ-нибудь иномъ. Какъ-то грустно, завтра окончу письмо повеселѣе. Доброй ночи, милая маменька, и вы, милые братья и сестры.

$\frac{20}{8}$ М а л . С у б б о т а .

Добрая ночь и глубокий сонъ, свѣтлое утро съ яркимъ солнцемъ гонить тяжелые призраки, которые вечеромъ лелеяла луна своимъ таинственнымъ сияніемъ, и вчерашнее происшествіе оставило во мнѣ грустное воспоминаніе, но не болѣе. Сейчасъ выпелъ отсюда Monsignor Просперъ, который пилъ со мною кофе и по обыкновенію просилъ напомнить о себѣ въ письмѣ. Во всю эту недѣлю, какъ сказано, была ужасная погода, и я по утрамъ, т. е. до 7-и ч. вечера, почти не выходилъ изъ комнаты и рисовать. Всякій день приходять ко мнѣ модели мужскія и женскія въ разныхъ костюмахъ: напр., въ Четвертокъ я рисовалъ съ 8-и ч. утра до 6-и ч. вечера. Въ моемъ альбомѣ уже есть капуцинъ, пилигримъ, албанезка и пр.

По вечерамъ я таскаюсь, передъ сномъ читаю и пишу къ Вамъ, милая маменька. Въ Понедѣльникъ ъздилъ я въ театръ съ Голицынымъ на бенефисъ здѣшней любимой примадонны, которая года черезъ 2, вѣрно, поступить въ знаменитыя пѣвицы. Энтузіасмъ былъ Итальянскій, ее забросали букетами, розовыми вѣнками и сонетами, весьма глупыми. Во Вторникъ вечеромъ у Репинныхъ условились мы на другой день смотрѣть Батиканскія статуи при свѣчахъ. Мы, въ самомъ дѣлѣ, и собрались вечеромъ въ Св. Петрѣ, но свѣчи и факелы не были приготовлены и отложили до Четверга. Впрочемъ, не даромъ былъ я въ Св. Петрѣ: c'etait le jour de l'exposition du S-t Sacrement, главный алтарь блесталъ сотнями свѣчей, которыя, освѣщая ярко приближенные предметы, разливали блѣдное и таинственное сияніе на отдаленные части церкви и на колѣниахъ молящихся въ ней вѣрующихъ; на огромной площади вершина обелиска терялась въ темной лазури, а серебряные мѣсячные лучи играли въ брызгахъ фонтановъ.

Возвратившись оттуда, я еще долго гулялъ при лунѣ на Monte Pincio, на собственной piazza del Popolo, гдѣ, прислонившись къ бѣлымъ мраморнымъ львамъ у подножья обелиска, я смотрѣлъ, какъ гасли огни въ городѣ и глубокая, гармоническая тишина въ немъ постепенно воцарялась.

Это слово—гармоническая—кажется смѣшно, а оно однако спра-
ведливо, потому что умолкалъ только шумъ людской, а голосъ фонтановъ и пѣніе соловья раздавались громче. Вечеръ Четверга были мы
въ Ватиканѣ, и при искусственномъ желтоватомъ свѣтѣ факеловъ и
свѣчей оживилось его мраморное народонаселеніе. Впрочемъ при-
знаюсь, что ожидалъ я болѣе эффеќта; конечно, иные статуи очень
много выигрываютъ отъ этого освѣщенія, какъ напр. въ *braccio nuovo*,
Силенъ съ маленьkimъ Вакхомъ на рукахъ, Венера Анадіомена, а
болѣе всѣхъ Бельведерскій торсъ, *torse*, и Лаокоонъ. Глядя на по-
слѣдняго, того и ждепъ, что ужасный вопль страданья вырвется изъ
груди мраморного мученика. Другія же статуи, лучшія, въ особен-
ности же Бельведерскій Аполлонъ, все равно, что днемъ, кажется,
даже не такъ хорошо. Нельзя сказать, чтобы это различное дѣйствіе
происходило отъ большей или меньшей игры мускуловъ, потому что
Венера гладкая—а точно жива. Прекрасны были внутренніе дворы Ва-
тикана съ ихъ бьющими фонтанами и смѣлыми аркадами при дивныхъ
лучахъ южной луны. Старушка Балабина меня смѣшила и сердила
своими заказными восклицаніями, юношескимъ любознаніемъ *et son érudition*, взятой изъ *Guide de Murrees*, которую она высказывала
кстати и не кстати. Она ежеминутно обращалась ко мнѣ за моимъ
мнѣніемъ и чортъ знаетъ, что за глупости я ей отвѣчалъ. Она впро-
чемъ, кажется, предобрая старушка. Была съ нами также прехоро-
шенькая молодая римлянка *M-elle Conti*, которую я не имѣлъ чести
знать, но она по здѣшнему обычаю первая заговорила со мною и о-
Итальянски, я ей отвѣчалъ также и мы сдѣлались большими
друзьями, она тѣшила меня своимъ невѣжествомъ и наивными, почти
всегда справедливыми, замѣчаніями. Между прочимъ, она спросила
меня не работы-ли Кановы Бельведерскій Аполлонъ. Оттуда пред-
принялъ я свою обыкновенную лунатическую прогулку.

Вы удивляетесь, какъ я жалуюсь на погоду, а все говорю про
луну; днемъ идеть дождь (однако не сегодня—погода прекрасная), а
къ ночи погода проясняется, оттого я и гуляю ночью, а не днемъ.
Вчера поутру былъ я съ тѣми-же въ неприступной никому,
кромѣ хозяевъ, виллѣ *Ludovisi*. Обладателемъ ея—первый богачъ и
купецъ князь *Piombini*. Никому онъ не позволяетъ смотрѣть ее съ тѣхъ
поръ, какъ какой-то Англичанинъ сломалъ въ ней палецъ какой-то

статуѣ. Мы попали туда по протекціи не из вѣстнаго покровителя (Балабина не хотѣла мнѣ сказать его имени), дай Богъ ему здоровья, потому что жаль было-бы уѣхать отсюда, не видавши удивительной свѣжестю красокъ фрески Гверчино—Аврора съ принадлежностями, и, въ богатой прекрасными статуями галлереѣ, группы Вѣрвара (*barbare dans le sens antique*), убивающаго жену и себя. Я нахожу, что эта группа хотя и древняя, но имѣеть что-то романтическое, а не классическое: нѣть божественной красоты ни въ мушинѣ, ни въ женщинѣ, но въ первомъ свирѣпая страсть, а во второй печать смерти на лицѣ. На бельведерѣ этой Виллы видѣ чудесный, дождя не было, но кругомъ насы въ черносинихъ тучахъ бури и грозы и разливали на всю окрестность какой-то темный колоритъ, кой-гдѣ прерываемый солнечнымъ лучемъ. Перенесите тѣ-же предметы—не говорю къ намъ, но даже въ Германію, и вся обворожительность ихъ пропадетъ: будуть лѣса и луга зеленые, будетъ и небо голубое, но не будетъ той дивной игры цвѣтовъ и отг҃ѣнковъ того чудотворнаго воздуха, въ которомъ здѣсь такъ хорошо плаваютъ отдаленные предметы.—Стало темно, я ничего почти не вижу. Василій смѣшилъ меня сегодня добродѣтельнымъ своимъ негодованіемъ противъ Римлянъ за вчерашнее убийство. Онъ увѣрялъ меня, что здѣсь рѣжутъ всякий день, и настоятельно просилъ убраться отсюда, покуда еще живы. Пора на почту, прощайте, милая и добрая маменька, нѣжно и крѣпко обнимаю Вась и покрываю горячими поцѣлуями Ваши дорогія ручки.

До свиданья!

А. К.

Нѣжно обнимаю вась, милые братя и сестры, Sophie меня бранить за недостатокъ поэзіи въ письмахъ, сегодня *à défaut de cela il y a du drame*. Кстати и мнѣ тебѣ бранить за Неклюдовскую исторію. Это непростительно было сперва не оглянуться, по дѣломъ она тебѣ покусаетъ. Цѣлую Николочку. *Mille choses bien tendres à mon oncle à ma tante et aux Walouiefs*. Дай Богъ, чтобъ Машенькѣ все удалось.

Обнимаю Аркадія.

Римъ. $\frac{26}{14}$ Мая. Пятница.

Я не ошибся въ разсчетѣ, милая маменька, и вотъ уже двѣ почты прошли послѣ недѣльнаго срока, а еще нѣтъ письма отъ Васъ: авось будетъ завтра; если и тутъ не дождусь, то мнѣ станетъ ужъ очень грустно. Вообразите себѣ, что съ послѣднаго письма моего вчерашній день былъ первый безъ дождя! Это хуже нашего.

Хорошо, что я запасся страстью къ рисованью, а то бы плохо мнѣ было здѣсь. Не смотря однако на капризы южнаго климата, я такъ полюбилъ Римъ, что мнѣ будеть грустнѣе разставаться съ нимъ, нежели было съ какимъ-либо другимъ городомъ въ моемъ странствованіи, не исключая даже Парижа; я и многимъ обязанъ Риму: онъ первый посвятилъ меня въ высокія таинства изящныхъ художествъ, онъ первый открылъ мнѣ этотъ новый источникъ прекрасныхъ наслажденій! Мнѣ все здѣсь полюбилось: не говорю уже о величественныхъ развалинахъ, о краснорѣчивыхъ остаткахъ громкой древности, нѣтъ, но о Римѣ Папскомъ, о Римѣ 37 года. Мнѣ полюбились его пестрые монахи, его лѣнивый народъ, живописно драпирующейся лохмотьями, его долговолосые и бородатые артисты, напоминающіе наружностью Германскихъ студентовъ, мнѣ полюбились его черноокія и стройныя женщины или дѣви, какъ сказала бы Саша или другіе въ стихахъ... Я бы не кончилъ, если-бы сталъ бы высчитывать Вамъ, милая маменька, все, что мнѣ здѣсь полюбилось, однимъ словомъ въсё, а болѣе въсего—здѣшнія небеса, здѣшнее солнце, хотя и рѣдкое, но за то непалящее, и облака и тучи и даже дождь здѣсь хороши, потому что первыя не скры, какъ на Сѣверѣ, но въ нихъ дивно переливаются оттѣнки темно-синіе, лиловые, красноватые, а дождь всегда сопутствуетъ грозамъ и разноцвѣтной яркой молніи. Къ тому-же мой образъ жизни здѣсь такъ независимъ, такъ беззаботенъ (про деньги я не говорю, но къ этимъ заботамъ я довольно равнодушенъ и къ тому-же—привыкъ къ нимъ), что едва когда ли буду въ подобныхъ обстоятельствахъ. Я искалъ и не могъ придумать вещи, которой бы я долженъ сдѣлать, всѣ мои обязанности сосредоточились въ одной,—исправно по Субботамъ отпра-

влять къ Вамъ письмо, милая маменька, и ни разу я ни получасомъ не опоздалъ.

Вотъ цѣлый хвалебный гимнъ Италіи вообще и Риму въ особенности: Да здравствуетъ онъ во вѣки вѣковъ.

Въ вечеръ или, лучше сказать, въ ночь отправленія послѣдняго письма моего, т. е. въ Субботу,ѣздили мы (Гоголь и я) съ Балабиной и Репниной-Балабиной (она премиленькая) смотрѣть на Колиссей при лунномъ свѣтѣ: все было очень хорошо придумано, и факелы для контраста свѣта—не доставало только одного, а именно луны, которая, какъ на смѣхъ, скрылась за тучи, какъ только мы подошли къ Колиссею, и не выглянула изъ нихъ ни разу въ продолженіи двухъ часовъ, что мы тамъ были. Впрочемъ, Колиссей всегда хороши, и безъ луны, а одними факелами производились въ его темныхъ аркадахъ чудесные эффекты. Къ тому же меня чрезвычайно тѣшилъ бывшій съ нами нѣмецъ Г-нъ Майеръ, секретарь Прусскаго посольства, антикварій удивительный и глубокій ученый, къ тому же дуракъ необыкновенный, совершенная каррикатура своего патрона Бунцена.

Онъ старался приволокнуться за Репниной, говорилъ ей, que sa voix avait une douceur, qui allait à l'ame, и изрѣдка отпускалъ поэтическія сравненія, на прим., говоря про развалившіяся малень-кія окны верхняго этажа Колиссея: Ne trouvez vous pas Princesse, que ces fenêtres ressemblent aux ailes d'une chauve-souris ou plutôt au sourire d'un mourant! Historique. Опять-же самый говорить qu'il sait une chose d'une mani re r  g  m  t or  ue и много другихъ вещей, не менѣе достойныхъ замѣчанія. Вы меня спросите, отчего я сообщаю Вамъ эти подробности о неизвѣстномъ? Во первыхъ, оттого, что онъ смѣши, во вторыхъ, потому, что я этого интереснаго юношу очень часто вижу у Репниныхъ, у Бунцена, на развалинахъ и въ музеяхъ, что впрочемъ весьма непріятно. До вчерашняго дня вся недѣля прошла очень однообразно, утромъ шелъ дождь, а я рисовалъ, вечеромъ также шелъ дождь, а я таскалъ, пе смотря на это, читать газеты и къ знакомымъ, къ великому удивленію здѣшнихъ, которые точно сахарные и боятся отъ дождя растаять.

Недавно при мнѣ собрались на Piazza del Popolo папскіе драгуны и стали въ строй, вдругъ пошелъ дождь—и мои драгуны, не дожидаясь команды, въ беспорядкѣ поскакали въ казармы и при

томъ съ такою поспѣшностью, что одного въ воротахъ сшибли съ лошади; то-то солдатики! Вчера была здѣсь пышная процессія Corpus Domini, всѣ войска, духовныя и свѣтскія, были въ движеніи съ самаго утра; въ восемь часовъ отправились и мы съ Гоголемъ на Петровскую площадь, которая уже кипѣла народомъ, заняли мѣста въ какой-то ложѣ, и болѣе часа тянулись мимо настѣ въ дѣшевыи семинаристы, монахи, духовенство и пажонецъ самъ папа, будто-бы на колѣнахъ съ Св. Причастіемъ, на носилкахъ, какъ обыкновенно. Еще наканунѣ думали, что онъ не покажется народу, потому что его недавно порядочно пугнули: проѣзжая черезъ Transtevere тому нѣсколько дней назадъ, онъ по обыкновенію благословлялъ вправо и влѣво, а народъ вмѣсто благодарности кричалъ ему: не хотимъ твоего благословенія, а хотимъ хлѣба. Съ тѣхъ поръ раздаются ежедневно большое количество хлѣбовъ даромъ охотникамъ въ Колиссеѣ.

Въ толпѣ потерялъ я малорослаго Гоголя и, отзавтракавши дома, часовъ въ 12 сѣль верхомъ и поѣхалъ въ Фраскати къ Репининымъ, несмотря на облака, которые покрывали небо: смѣлымъ Богъ владѣеть,—во все время была погода славная, сегодня также, кажется, устанавливается. Вилла, ими занимаемая, лежитъ у самаго лѣса Grotta-Ferrata, на возвышеніи, откуда видны окрестности и самое море, миль за 30. Садъ наполненъ розами и заброшенными фонтанами, комнаты огромныя, сараи-образныя—но какое въ нихъ дѣло. Я не могъ нахвалиться гостепріимностью молодыхъ хозяекъ, онѣ ухаживали за мною, какъ нельзя лучше. Несмотря на глубокую грязь, ходили мы пѣшкомъ въ Grotta-Ferrata, гдѣ смотрѣли въ Соборѣ знаменитыя, но къ несчастью полустертыя фрески Домениканы.

...Лѣсь звучить соловьями, которые изъ-за густой и пышной зелени дубовъ и платаповъ весело привѣтствуютъ хорошую погоду, высокая трава горитъ пестрыми цвѣтами, небо синее... Какъ не любить Италии!...

Суббота ²⁷
₁₅ Мая 1837.

И сегодня нѣть письма отъ Васъ, милая маменька. Что-бы это значило? Вотъ ужъ 13 дней, что жду и не дождусь. Конечно, я не сомнѣваюсь, что виновата почта, но все какъ-то грустно, и если бы

меня кто спросиль—отчего, то я отвѣчалъ бы—такъ, потому что причины нѣть! Я еще не беспокоюсь до Понедѣльника. Опять принимаюсь за разсказъ моихъ похожденій. Вечеромъ были мы на народныхъ пляскахъ у какого-то Итальянскаго графа, который самъ съ женою даваль примѣръ и вмѣстѣ съ людьми и работниками отчаянно отплясывалъ: сальтарелла и проч. Насъ подчивали дурнымъ виномъ, которое разносилъ самъ хозяинъ, однимъ словомъ *le tout était très patriarchal*. Наболтавшись вдоволь, я сталъ думать о возвращеніи. Ночь была темная, меня никакъ не хотѣли отпустить до утра, но поутру я ожидалъ модель и поэтому, распростишись, въ 11-мъ часу сѣлъ верхомъ. До большой дороги шелъ передо мною человѣкъ съ факеломъ. Вѣтеръ разносилъ искры и, обманываемый отливами свѣта, поминутно бросался въ сторону. У большой дороги я нашелъ вооруженнаго караульнаго; я спросилъ, зачѣмъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ—*per gli ladri!* Кажется страшно—а вовсе нѣть, потому что ночь была такъ темна, что не только ворамъ меня не разглядѣть, но и мнѣ чуть видна была голова лошади. Я ѿхалъ большою рысью—а мнѣ казалось, что едва-ли трогаюсь съ мѣста; было душно, какъ передъ грозой, и мелькающіе *luccioli* предвѣщали хорошую погоду. Я доѣхалъ бѣзъ всякихъ приключеній, кромѣ того, что забѣжалъ въ груды камней по сторонамъ дороги, бѣлые мосты принималъ за лужи, а бѣлѣюція лужи за мосты. Городскія ворота были заперты, я даль на водку (это двѣ главныя вещи въ Италии) и проѣхалъ.—Дома я насилиу достучался, Василій сперва ужасно беспокоился, думалъ, по своему обыкновенію, что меня зарѣзали, и съ горя заснулъ. Что за невиданная и неслыханная прелесть Вилла Mills на Палатинѣ! Я уже давно въ ней не былъ, и тогда уже прельстила она меня роскошною зеленью, осѣняющею развалины Императорскихъ Дворцовъ, и розовыми кустами, вышущими по стѣпамъ,—но вчера я былъ околовданъ! Если-бы на нее смотрѣть сверху, то она представилась бы вамъ огромнымъ букетомъ розановъ!

Всѣ стѣны, всѣ деревья обвиты цвѣтами, партеры такъ и алѣютъ и воздухъ пышетъ ароматомъ. Эта вилла *est certainement le bijou de Rome*. Насчетъ рисованія, имѣю честь донести, что у меня уже парисовано 9 костюмовъ акварелью, и что я теперь сочиняю и рисую *une scènes de brigands*; какъ Вы видите, я ногой не

смокраюсь, но когда я привезу Вамъ свои произведенія, то прошу не взыскивать. Прощайте, милая, добрал маменька. Нѣжно прижи-
маю Васъ къ горячemu сердцу и много, много разъ цѣлую дорогія
ручки. Авось, Богъ дастъ, будетъ письмо въ Понедѣльникъ, и при-
несеть, по обыкновенію, добрыя извѣстія.

До свиданія!

А. К.

Je vous embrasse tendrement chers frères et soeurs et toi mon petit Coco. Напрасно желалъ бы я исполнить твою волю, милая Sophie, и подумать о васъ на Нероновской террасѣ, я не могу придумать, что ты такъ называешь, и Кривцовъ не помнить. Впрочемъ, вѣрно и тамъ я думалъ про тебя, потому что, глядя на предметы, всегда стараюсь припомнить описанія и впечатлѣнія милыхъ предшественницъ.—Нѣжно васъ всѣхъ обнимаю. Холера въ Неаполь очень усилилась. Пишутъ о 1300 больныхъ. Pour l'honneur des Romains спѣшу извѣстить, что причиной убийства, описанаго въ томъ письмѣ, была ревность любовника. Правда, что съ тѣхъ поръ, и между прочимъ вчера, случились и другія убийства.

Mille choses bien tendres à mon oncle, à ma tante et au Woulouieffs. Обнимаю Аркадія.

Римъ. 3 Июня 1837. Суббота.
22 Мая

Я не имѣлъ духу во всю недѣлю приняться за перо, милая маменька, и теперь хотя разсудокъ успокоенъ, но сердце все ноетъ и невольно сжимается.

Вотъ, послѣ завтра три недѣли, что нѣтъ письма отъ Васъ, и Вы легко себѣ представите, черезъ какія мученія ожиданія обманутыхъ надеждъ и беспокойства я прошелъ въ эту недѣлю! Всего болѣе страдалъ я отъ Субботы, неполучивши письма, и въ Понедѣльникъ—мнѣ уже мелькнула утѣшительная мысль, что письмо пропало, съ тѣхъ поръ прошли еще двѣ почты, въ Четвертокъ и сегодня—письма нѣтъ. Что бы ни случилось—я три недѣли безъ извѣстій быть не могу, я въ томъ увѣренъ; итакъ письмо пропало, слѣдующаго

я не получаю и здѣсь не получу, потому что въ пропадшемъ были векселя, а я въ третиѣ письмъ моемъ изъ Рима прошу Васъ послѣ посылки денегъ уже сюда не писать, но писать въ Миланъ и т. д.— Вотъ разсужденіе, успокоившее меня, но не менѣе того мнѣ грустно, очень грустно, звуки родные умолкли, я заброшенный далеко отъ всего, что дорого сердцу, я бросаю тоскливый взглядъ къ Вамъ, милая маменька, къ вамъ всѣмъ, мои любезные, но непроницаемая завѣса неизвѣстности скрываетъ васъ отъ меня и, при мысли обо всемъ дурномъ, что въ такое время долгое можетъ приключиться, я чувствую судорогу въ сердцѣ.

Воображеніе, какъ на зло, не довольствуется возможнымъ, но рисуетъ и небылицы, такъ напр.—мнѣ кажется вдругъ, что долгое отсутствіе изгладило меня изъ памяти родныхъ, что про меня забыли. Конечно, я самъ смѣюсь безголовымъ выдумкамъ воображенія-плачача, но смѣюсь насильно. О, сколько тяжкихъ минутъ въ разлукѣ! Вотъ, теперь на что я рѣшился: письмо съ векселями пропало, если бы мнѣ дожидаться здѣсь присылки *des duplicata*, то, не говоря уже о томъ, что мнѣ невозможно жить безъ извѣстій отъ васъ, пройдетъ два мѣсяца, и я только къ концу Августа поспѣю въ Баденъ— это было бы безразсудно. Сегодня говорилъ я съ Кривцовымъ и занимаю черезъ него 2800 франк. у Торлонія или Valentini (кромѣ 1000, занятой еще въ началѣ моего пребыванія здѣсь), даю вексель въ 3500 франковъ (3150 руб.) на M-r Pierling въ Петербургъ и, какъ можно скорѣе, ѿду черезъ Флоренцію, Миланъ, гдѣ не могу предвидѣть, что со мною будетъ, если не найду письма. Деньги Ваши, милая маменька, пропасть не могутъ, или векселя отыщутся или банкиръ долженъ возвратить Вамъ деньги. Итакъ, Вамъ остается только увѣдомить банкира о пропажѣ векселей, а Пирлинга о томъ, что получить векселя на мое имя. Какъ я поѣду, навѣрное не знаю, во всякомъ случаѣ не по почтѣ *sans quoi je risquerais de rester en route*.

Такъ какъ теперь я буду приближаться къ Вамъ, милая маменька, то вѣроятно, что письма въ дорогѣ опаздывать не будутъ—а впрочемъ, Богъ знаетъ. Думаю, что изъ Римскихъ писемъ это послѣднее. Дабы возпаградить Васъ за печальное начало, милая маменька, расскажу Вамъ трагикомическое происшествіе, случившееся со мною въ прошлое

Воскресенье: замѣчу при томъ безъ хвастовства, что, если бы не мое хладнокровіе и не мой умѣренность, оно могло бы кончиться вовсе не смѣшно и сдѣлаться чистою трагедіею. Надобно Вамъ знать, что въ это время здѣсь почти ежедневный процессіи, такъ было и въ Воскресеніе: я гулялъ по всему городу, долго сидѣлъ въ Колиссѣи, наконецъ, въ 8-мъ часу шелъ обѣдать, когда встрѣтилъ идущую процессію: папскіе драгуны впереди и по бокамъ шествія; одинъ изъ нихъ толкнулъ меня, какъ въ Петербургѣ кварташки толкаютъ штатскихъ. Я на него закричалъ, онъ хотѣлъ схватить меня, я спросилъ его имя, чтобы на него жаловаться, и подошелъ ближе, онъ испугался что-ли (правительство ужасно напугано, и между прочимъ въ этотъ день боялись беспорядковъ) и на меня штыкомъ, подзывалъ другихъ. Тутъ пошла потѣха, пришли четыре драгуна, крича во все горло: *pigliate lo! arrestate lo!* приставили мнѣ штыки на грудь и стали хватать; я оборонялся или, лучше сказать, вырывался, сколько могъ, *mais la partie était trop inégale, admirez ma modération*, у меня въ рукахъ была толстая дубина, если-бы я взбѣсился и хватилъ бы ею одного изъ молодцовъ, то прочие меня безъ сомнѣнія прикололи штыками, но я головы не терялъ и довольствовался кричать имъ, что я иностранецъ, что они не смѣютъ трогать меня, и усиливалъ рѣчь свою разными Итальянскими ругательствами, которыхъ знаю порядочное количество. Я не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если-бы не вмѣшался тутъ швейцарь посольства нашего. Слова *è un principe Russo* произвели эффектъ и укротили моихъ героевъ, которые оставили меня въ покой и удалились опять съ процессіей. Русскіе артисты, бывшиe со мною, хотѣли сначала поддержать меня, но ихъ расшивыряли вправо и влево, и они были смирными свидѣтелями моей войны съ папскими силами.

На другой день, поговоривши съ Кривцовыми, я написалъ ему официальное письмо, въ которомъ прошу его требовать satisfactioni отъ правительства; онъ немедленно отправилъ это письмо съ запиской отъ себя къ Штатсъ-Секретарю. *D'après des nouvelles ultérieures, une enquête a été ordonnée et on a promis la sévère punition des coupables.* Княгиня Зинаида Волконская пожелала меня видѣть и я былъ у нея во Вторникъ вечеромъ; она расхвалила мнѣ сестеръ и просила напомнить о ней. Разговоръ ея нашелъ я менѣе

занимателынъ, пежели думалъ; къ тому-же pour une poëte elle parle le russe avec beaucoup de difficultés. И лица ея не могъ я разглядѣть—въ комнатѣ было темно, у нея болять глаза.

Елъ обыкновеннааго гостя, аббата Лакордера, не было; въ городѣ мнѣ было скучно и душно; я надѣялся, что природа и общество разсѣять грусть мою, и не ошибся. Въ Среду поѣхали мы съ Гоголемъ во Фраскати, къ Репиннымъ, и пробыли тамъ два дня. Рокони юга въ полномъ лѣтнемъ уборѣ, и милое гостепріимство хозяекъ освѣтило и ободрило унылый духъ. Въ первый день послѣ обѣда ъздилъ я верхомъ съ дамами въ Tusculum, а на другой рано поутру весь кара-ванъ отиравился на цѣлый день въ Genzano, верстъ 20 отъ Фраскати. Я быль опять верхомъ съ княжнами. Не знаю, гдѣ брать слова, чтобы описывать чудеса Итальянскаго лѣта въ Римскихъ окрестностяхъ, и при томъ боюсь, чтобы Вамъ это не показалось увеличеніемъ, тогда какъ оно даже и не выражитъ истины.

Какъ несправедливы тѣ, которые говорять, что здѣсь нѣть зелени, нѣть пріятной тѣни! Блестящіе луга, покрытые ароматическими цвѣтами, а въ рощахъ всѣ оттенки—отъ яркой зелени вязовъ и лавровъ, отъ чернаго обелиска кипариса до серебряныхъ листьевъ оливковыхъ деревьевъ. Смѣшино и почти совѣстно признаться, что взирая съ восторгомъ съ высокой террасы виллы—Мути на захожденіе солнца, вдыхая благоуханіе безчисленныхъ розановъ, однимъ словомъ, плавалъ въ какомъ-то безотчетномъ, сладкомъ самозабвеніи, мнѣ пришла мысль, что скоро мнѣ предстоитъ разстаться со всѣмъ чуднымъ краемъ, ъхать въ прозаическую Германію и, наконецъ, на всю жизнь погру-зиться въ безрадостныя, лѣдистыя болота отечества—у меня наверну-лись слезы на глазахъ, и я сталъ жадно и пристально глядѣть на див-ные красоты, чтобы онѣ глубоко врѣзались въ мою память, чтобы ихъ на вѣки сохранило воображеніе, какъ дорогой подарокъ незабвен-наго края! Мои чувства находили отголосокъ въ окружающихъ: почти всѣ любятъ и понимаютъ природу—хвала имъ за то.

Гоголь gagne à être connu, онъ дѣлается разговорчивъ и часто въ разговорѣ смѣшонъ и оригиналенъ, какъ въ своихъ повѣстяхъ. Жаль, очень жаль, что не достаетъ въ немъ образованія, и еще болѣе жаль, что онъ этого не чувствуетъ. Погода здѣсь установилась пре-восходная; въ городѣ тяжко ходить днемъ отъ раскаленныхъ кампей,

и новая причина утромъ рисовать. Пора на почту; нѣжно, крѣпко обнимаю Васъ, милая, добрая, возлюбленная маменька, и покрываю горячими поцѣлуями Ваши ручки. Дай Богъ, чтобы все было такъ, какъ я теперь полагаю, и чтобы въ Миланѣ нашелъ бы я благодатное письмо, а между тѣмъ пожалѣйте обо мнѣ, милая маменька, я пережилъ тяжелую недѣлю. До свиданья!

Андрей К.

Je vous embrasse tendrement mes chers fr eres et soeurs et au milieu de mes chagrins je me r e ouis de temps en temps 脿 l'id ee de trouver sur la route d'abord et puis 脿 Bade de bonnes lettres surnum eraires de vous tous car j'ai 茅t  diligent ici et je vous ai 茅crit 脿 tous. Обнимаю васъ всѣхъ нѣжно и тебѣ, милый Николенька!

До свиданья!

Флоренція. 12 Іюня
31 Мая 1837. Понедѣльникъ.

Я еще едва успѣлъ опомниться отъ выѣзда изъ Рима, милая и дорогая маменька, хотя вотъ уже третій день, что я здѣсь. Причиною тому, что я рѣшилсяѣхать, уложилъ вещи и отправился въ продолженіи трехъ часовъ,—впрочемъ, я все разскажу Вамъ по порядку, а передъ тѣмъ спѣшу сообщить Вамъ радость, которую я почувствовалъ, встрѣтивъ здѣсь молодого Репнина, который въ первыхъ числахъ Мая видѣлъ васъ всѣхъ здоровыми. Я готовъ былъ обнять его за добрую вѣсть, и гора отвалила отъ сердца... Слава Богу, надежда меня не обманула, а страхи и темныя сказки воображенія, обличенные во лжи, улеглись далеко. Онъ, т. е. Репнинъ, сообщилъ мнѣ о негодованіи бѣднаго Володи, котораго одѣли въ мундиръ и трехуголку и присудили дѣлать фрунть генераламъ. Я это негодованіе понимаю и раздѣляю съ нимъ тѣмъ болѣе, что надѣлся привести ему фешьюнабельный мелочи, а теперь оно будетъ некстати. Вообразите себѣ, милая маменька, что вотъ уже 4 недѣли, что я лишенъ величайшаго наслажденія одинокой моей жизни и еще не прежде недѣли достается мнѣ хоть и запоздалое, но всѣ-таки благодатное письмо Миланское.

Въ Римѣ устроилъ я дѣла свои, какъ говорилъ въ послѣднемъ письмѣ, т. е. съ помощью Кривцова, и далъ ему вексель на Пирлинга въ 3500 фр. a 6 semaines de date (я уже говорилъ Вамъ, милая маменька, что уже прежде занялъ у него 1000 фр.): я въ Римѣ почти ничего не покупалъ, жилъ скромно, всегда ходилъ пѣшкомъ, *mais les seules fantaisies que je te permettais* состояли въ верховой Ѣздѣ и моделяхъ для рисованія, и несмотря на это я издержалъ много, т. е. не менѣе 1000 р. въ мѣсяцъ; правда, что я поневолѣ жилъ въ долгъ, а эта манера хотя и пріятная, но дорогая. Такъ какъ я изъ Парижа привезъ весьма мало денегъ, то большая часть суммы, занятой у Торлонія, осталась въ Римѣ, и если бы не 800 фр., вырученные за коляску, мнѣ бы изъ нихъ не осталось довольно даже, чтобы доѣхать до Бадена. Вы видите, слѣдовательно, милая маменька, что финансы мои въ плохомъ состояніи. Я говорю Вамъ правду безъ оговорокъ, какъ она ни тѣгостна. Признаюсь, что вина моя, но вина не умышленная, а происходящая отъ неумѣнія сдѣлать лучше. При томъ же, даю Вамъ честное слово, что, если бы я зналъ впередъ, какія пожертвованія будеть стоить семейству мое путешествіе, я ни за что бы не поѣхалъ.

Его хороша послѣдствія для моего здоровія и образованія только возможны, а худыя въ другомъ отношеніи слишкомъ вѣрны. Объ этомъ я часто думаю, а думать объ этомъ тяжело. Довольно, я не хочу, чтобъ письмо мое было грустно, и, отбросивъ эти мысли, заговорю о поэтической сторонѣ моей страннической жизни. Я достойно заключилъ мое пребываніе въ Римѣ посѣщеніемъ M-te Cavo, самой высокой изъ Альбанскихъ горъ. Во Вторникъ въ 7 часу утра отправился я верхомъ въ Альбано; въ тамошнемъ трактирѣ пересѣлъ я на свѣжаго коня и съ чичероне пустился далѣе. Дорога, то гладкая, какъ аллея Англійскаго Парка, то каменистая, какъ тропинки горной Швейцаріи, виситъ надъ крутымъ берегомъ синяго Альбанскаго озера. Нельзя себѣ представить ничего восхитительнѣе этихъ зеленыхъ береговъ, по которымъ сверкаютъ золотыми кистями цвѣты *du genêt* и пурпуровый макъ, тогда какъ другіе, менѣе яркіе, наполняютъ воздухъ ароматическими испареніями. Въ какую дивную гармонію, при ослѣпительныхъ лучахъ полуденного солнца, сливалась лазурь небесная, подернутая тонкимъ серебристымъ

паромъ, и темная синева озера, и разноцвѣтные оттѣнки скаль, и пестрые луга, и осѣняющія ихъ вѣковыя деревья! Къ прелестямъ природы присоединяются и историческая воспоминанія, на этомъ мѣстѣ возвышалась нѣкогда Albalonga; мы проѣхали мимо невидимыхъ развалинъ: чичероне увѣрялъ, что это темницы Альбы. Наконецъ, по древней мостовой взобрались мы на самую вершину, гдѣ пѣкогда возвышался знаменитый храмъ Jovis Latialis, а теперь стоитъ іезуитскій монастырь. Видъ оттуда безконечный! Римъ, море, всѣ окружныя горы и на самомъ скатѣ два круглыхъ озера (Альбанское и Nemi), которыя, какъ два глаза горы, глядятъ на долину. Оттуда сошли мы по другой дорогѣ мимо живописной капеллы Madonna del Tuffo, откуда видъ менѣе обширень, но болѣе внятень и отъ этого еще лучше. Воротившись въ трактиръ, я только-что лимонадомъ утолилъ жажду, пересѣль на свою отдохнувшую и позавтракавшую лошадь и во всю прыть поскакалъ въ Villa Muti, куда и поспѣль къ самому обѣду, во второмъ часу. Тамъ я еще ходилъ пѣшкомъ, Ѣздила верхомъ съ дамами и хотѣла вечеромъ верхомъ-же воротиться въ городъ, но меня не пустили, потому что ночь была довольно свѣжка, а у меня за пѣсколько дней передъ тѣмъ, чортъ знаетъ откуда, взялся насморкъ и маленький кашель (когдѣ теперь почти совсѣмъ прошли). Я переночевала тамъ, а на другой день послѣ завтрака прїѣхала въ городъ съ старикомъ Репининымъ въ коляскѣ. До самаго Четверга думалъ я Ѣхать въ Пятницу съ пароходомъ въ Ливорно изъ Civitavecchia; каково-же мнѣ было слышать, пришедшіи въ Четвергъ отъ обѣдни (Вознесеніе), что пароходъ отходитъ цѣлую недѣлю позже. Для меня ничего нѣтъ хуже разстройства моихъ плановъ, и я рѣшился Ѣхать, во что-бы то ни стало. Напились мѣста въ malleposte, я ихъ взялъ и въ продолженіи трехъ часовъ успѣль уложить вещи, продать коляску, отобѣдать у Кривцова и въ 5-мъ часу догнать на улицѣ отѣзжающей дилижансъ. За обѣдомъ вдвоеемъ съ добрымъ Кривзовымъ пили мы за здоровіе Ване, милая маменька, (онъ Васъ особенно любить) и за здоровье всѣхъ нашихъ.

Я его очень люблю и благодаренъ ему за дружбу и любезную гостепріимность. Кстати, въ самый этотъ день получилъ онъ отвѣтъ на мою жалобу, весьма удовлетворительный. Драгунъ-зачинщикъ и начальникъ отряда заарестованы впредь до приказанія. Я возвра-

щался той-же дорогой, которой пріѣхалъ—дорога скучная, однообразная. Пробирается сквозь голыя Апенинскія горы, гдѣ весьма рѣдки хороший видъ и живописныя мѣстоположенія. Можно совсѣмъ забыть, что Ѵдешь по Италии. Я Ѵхалъ, ночью сня глубокимъ сномъ, а днемъ читая романъ Кап. Мерьатъ *Rattlin the Reeffger*, или упражняясь въ Итальянскомъ языкѣ, т. е. болтая съ курьеромъ, который уже 40 лѣтъ еженедѣльно скачетъ по этой дорогѣ и къ которому на станціяхъ ласкаются люди, бабы, собаки и кошки. Между тѣмъ, подобно Германнику (педантство простительно при выѣзда изъ Рима), удостоился я слышать непріятворный себѣ похвалы, а именно въ просонкахъ внималъ я краснорѣчію Василія, который съ жаромъ рассказывалъ курьеру, „какой-де я удивительный господинъ, и что я-де полковникъ у себя въ землѣ и при томъ говорю на 5-и языкахъ“. Курьеръ значительно нюхалъ табакъ и во всемъ соглашался.

Въ папскихъ владѣніяхъ во все время, а въ Тосканѣ ночью, конвоировали настѣ драгуны. Въ Субботу, въ 5-мъ часу утра прибыли мы во Флоренцію безъ всякихъ приключеній, и я остановился въ новомъ трактирѣ de l'Arno, гдѣ выбралъ себѣ комнату не лучшее, но подешевле. Передъ отѣзломъ своимъ въ Римъ замѣлько мнѣ Репнинъ-благовѣститель, и долго мы съ нимъ болтали про Петербургъ. Потомъ, одѣвшись, поспѣшилъ я въ Palazzo Pitti, галлерею котораго не успѣлъ я видѣть въ 1-й разъ и который былъ главною причиной моего вторичнаго пріѣзда сюда. И въ самомъ дѣлѣ, грѣшно было не видать сокровищъ этой единственной въ мірѣ галлереи: однихъ Рафаэлевъ цѣлый десяток! Правда, что большая часть портреты, по за то изъ знаменитыхъ, *Madonna della Seggiola* и другая прелестная, писанная его прежнимъ манеромъ, который, по моему, восхитительнѣе послѣдняго, болѣе совершеннаго въ художескомъ отношеніи. Я тамъ пробылъ до 3-хъ часовъ и быль бы совершенно доволенъ, если бы не чрезмѣрный, убийственный жаръ, который разслабляетъ до крайности, и теперь, покуда пишу къ Вамъ, я принужденъ останавливаться каждыя 5 строчекъ, чтобы обтиратъ потъ, который градомъ капаетъ съ лица. Почти невозможно переносить солнечнаго жара, и отъ бѣлой мостовой такой блескъ, что я принужденъ како филинъ жмурить и закрывать глаза. Глядя на Венеру Кановы, встрѣтился я неожиданно съ *Alexandrine Troubeц-*

кой. Мещерскій, не желая показываться во Флоренціи, théâtre de ses exploits, остался дожидать ихъ въ Болоньї, и она съ сестрою пріѣхала на недѣлю сюда.

$\frac{13}{1}$ Июня. Вторникъ.

Я явился къ нимъ въ тотъ-же день, съ тѣхъ поръ обѣдалъ третьяго дня и вчера и хотя видѣль Мансурову только во 2-й разъ въ жизни, но былъ какъ дома, или старый знакомый. Трубецкая мила по-прежнему и кажется веселѣе обычновенаго, и несмотря на прежнюю нерѣшимость очень довольна судьбой.

Она распрашивала меня про семейство Мещерскихъ, которое я расхвалилъ ей, какъ могъ и какъ чувствовалъ. Вчера вечеромъ они поѣхали въ Болонью и просили меня догнать ихъ въ Венеціи, чтобы оттудаѣхать вмѣстѣ въ Миланъ. Въ Воскресенье, такъ какъ галлереи заперты, то мы отправились съ ними и съ княгиней Волконской за городъ въ Fiesole, гдѣ съ высокой горы подъ Капуцинскаго монастыря открывается вся панорама Флоренціи и живописныхъ ея окрестностей. На эту гору поднялись мы по кампамъ въ саняхъ, запряженныхъ быками. Все было бы прекрасно, если бы не убѣйственный полуденный зной, отъ котораго перенималось дыханіе. Вообразите себѣ, что старуха Волконская, едва меня знающая, насильно заставила меня взять свой парасоль, чтобы защититься отъ солнца. Она смѣшна, но удивительно добра: она-же цѣлый часъ уговаривала меня, чтобы я послѣдовался здѣсь съ знаменитымъ и любимымъ докторомъ, съ Rizzati, но я не намѣренъ: если мнѣнія его будуть согласны съ предписаніями Гугерта, то нечего и спрашивать, если-же слушаться всѣхъ, то какъ разъ съ ума сойдешь, какъ бѣдный Свѣчинъ въ Эмсѣ. Въ Fiesole смотрѣли мы едва замѣтные остатки амфитеатра и Этрускійскія стѣны города, обыкновенно называемыцикlopейскими (*murs cyclopéens*). Какое-то странное чувство грустнаго любопытства проходитъ по душѣ, при видѣ этихъ громадъ огромныхъ камней, связанныхъ между собою лишь своею тяжестью и взгроможденныхъ руками потерянного поко-

лѣнія, монументъ, переживший даже воспоминаніе народа, его воздигнувшаго... Послѣ обѣда, яѣздила съ тѣмъ-же обществомъ въ Кашино, который по случаю Воскресенія пестрѣлъ народомъ и экипажами и прелестень въ лѣтнемъ уборѣ...

...Сейчасъ уговорился я съ ветурино, и завтра въ 5 ч. утра отправляюсь въ Болоню. Въ malleoposte мѣста были забраны впередъ, и я принужденъ полтора дня ѿхать 100 верстъ въ душной каретѣ, черть знаетъ, въ какомъ обществѣ, да еще за это платить 9 пьястровъ, т. е. 45 рублей. C'est horrible, comme les moyens de transport sont chers! Изъ Рима сюда за два мѣста съ курьеромъ заплатилъ я, съ перевѣсомъ вещей, 54 піастра, т. е. 300 франковъ, а всего 300 верстъ, а до Бадена мнѣ ихъ предстоитъ еще около 1000; чтобы имъ (т. е. почтовымъ дирекціямъ) подавиться и обанкротиться. Живость улицъ здѣсь удивительна, послѣ Римской тишины. Пора на почту. Прощайте, милая и нѣжно-влюбленая маменька; крѣпко прижимаю Вась къ сердцу, исполненному горячей любви, и тысячу разъ цѣлую Ваши ручки. До свиданья.

А. К.

J'embrasse tendrement mes chers frères et soeurs et je félicite Voldemar avec ses 18 ans.

Je lui écrirai moi même à cet effet. Je vous prie chère мама поздравить за меня Машеньку *) и поздравить нѣжно съ дочкой, также какъ и дяденьку и тѣтенку и Валуева.

Обнимаю Аркадія.

*) Марія Петровна Валуева, ^{дочь} внучка Князя Петра Андреевича Вяземского.

Болоня. $\frac{15}{3}$ Июня 1837. Четвертокъ.

Наконецъ, милая и добрая маменька, дотащились мы сюда сегодня въ третью часу по-половине: признаться сказать, я уже терялъ надежду и думалъ, что намъ во вѣкъ не проѣхать несчастной сотни верстъ, раздѣляющей Флоренцію отъ Болони (Господи, какой жаръ! такъ перо изъ руки и валится!). Что за мученье ѿздить съ ветуриномъ, особенно въ лѣтнюю пору! Въ закрытой каретѣ духота, а между тѣмъ ѿдешь такъ тихо, что въ воздухѣ не дѣлается ни малѣйшаго движенія, а солнце палитъ свободно, и пыль густымъ клубомъ наполняетъ карету. Всѣ такъ-называемыя выгоды ѿзды съ ветуриками основаны на совершенно ложныхъ понятіяхъ; такъ, напр., говорятъ, что лучше узнаешь землю, по которой ѿдешь и болѣе наслаждаешься ея красотами,—ни чуть не бывало: на ночлегъ прїѣзжаешь поздно, когда уже темно, а днемъ хоть тихо, но ѿдешь, къ тому-же ночлегъ, обыкновенно, въ скверной деревушкѣ. Еще одна изъ обыкновенныхъ фразъ, что можно встрѣтиться съ пріятнымъ обществомъ. Повѣрьте мнѣ, что пріятное общество въ дилижансахъ и пр. бываетъ только въ книгахъ. Такъ, напр., и я, если вздумалось мнѣ издать путешествіе, сказалъ бы, что съ нами ѿхала черноглазая француженка, которая нѣжно перемигивалась съ молодымъ англичаниномъ, а когда смеркалось... и пр.—описалъ бы очень весело и смѣшино *un commis voyageur Français, cette race facétieuse, ingrédient nécessaire d'une société de diligence* и т. д., и казалось бы прекрасно, тогда какъ на повѣркѣ оно несносно: черноглазая француженка такъ противна, что какъ взглянешь, такъ и отворотишься, *commis voyageur* надоѣдалъ мнѣ своимъ пустымъ болтаніемъ *et ainsi du reste*. Прибавьте къ тому жаръ такой, что собака, сидѣвшая у насъ на запяткахъ, отъ него околѣла, обѣды (*fournis par le voiturin*), которые нельзя ѿесть, и на ночлегахъ насъ попарно совали въ конурки, гдѣ и одному бы трудно поворотиться.

Отъ Флоренціи до Болони нѣть ни одного города, дорога лежитъ по Апенинамъ и очень живописна, но въ каретѣ худо видно, а пѣшкомъ отъ жара невозможно ходить. Сегодня уже успѣлъ я

пересмотрѣть здѣсь двѣ партікулярныя галлереи, въ которыхъ много порядочныхъ и нѣсколько хорошихъ картигъ Болонской школы, двѣ церкви, и набѣгаться по улицамъ и гуляньямъ, которыя набиты мундирами Австрійскими, Швейцарскими и папскими, которые держать Болонцевъ въ должномъ повиновеніи къ Его Святости, пожираютъ послѣдній грошъ бѣднаго народа, et tout cela pour le plus grand bien de tous comme de raison. Я заходилъ также и въ дешевый театръ, гдѣ при многочисленныхъ зрителяхъ, подъ открытымъ небомъ играли переводъ трагедіи Гюго le tyran de Padoue.

$\frac{16}{4}$ Июня. Платница.

Сейчасъ отправляемся мы далѣе съ ветуриномъ-же и съ француженко-же, рабою-же, и съ Англичаниномъ-же, ея cavaliere servente, далѣе, т. е. черезъ Феррару и Падову въ Венецію.

Сегодня осмотрѣлъ я съ величайшимъ удовольствіемъ здѣшнюю академическую галлерею.

Не говорю уже о небесной красотѣ Рафаэлевой Цециліи, но и Болонскую школу можно только здѣсь достойно оцѣнить. Домениканы и Гвиды прелестные! Надобно уложить porte-feuille; до-свиданія, милал маменька, въ Венеції la bella!

Венеція. $\frac{20}{8}$ Июня. Вторникъ.

Я едва-ли еще могу опомниться, милал и добрая маменька, отъ удивленія и восхищенія, которыя произвела во мнѣ прелестная и ни на что другое непохожая Венеція. До сихъ поръ еще (вотъ, уже третій день), а воображеніе не успѣло успокоиться, безпрестанно въ немъ мелькаютъ то гондолы, то каменные кружева Герцогскаго Дворца, то ужасы Венеціанскихъ темницъ, то его свѣтлое небо, которое такъ радостно глядится въ зеркаль необъятнаго моря. Трудно выразить то особенное чувство, которое внушаетъ Венеція и красоты ея и ея живыхъ развалинъ—это не дикий невольный страхъ, который

обнимаетъ Васъ на развалинахъ разбойничыаго замка рыцарской Германіи, и не умственное gescueillement, которое внушаютъ величественные остатки Римской древности, и не то веселое, ясное состояніе души при видѣ захожденія солнца въ Римскихъ окрестностяхъ; нѣтъ—это чувство совсѣмъ другое, въ немъ отзываются и воспоминанія и Дорю (?) и Шиллерова духовидда и гармоническихъ баркароль. А чтобы Вамъ однимъ словомъ сдѣлать понятнымъ мой восторгъ, скажу Вамъ, что предъ сномъ, чтобъ достойно кончить день, я сижу у себя на балконѣ и при лунномъ свѣтѣ курю ароматическую трубку; передо мною черныя стѣны дожскаго дворца и темною дугою перекидывается черезъ каналъ *il ponte dei Sospiri*, подо мною въ струяхъ канала играетъ мѣсяцъ, все тихо и пусто; изрѣдка скользить по водѣ черная гондола и однообразный плескъ веселъ прерываетъ тишину, между тѣмъ какъ фосфорическая брызги ярко сверкаютъ подъ ударомъ веселъ и за темной гондолой вѣтается свѣтлый слѣдъ... Вдали звуки пѣсенъ, струйки теплаго вѣтерка... Чудо! чудо!... Луна да я любуемся Венеціей. Путешествіе мое отъ Болони сюда было гораздо пріятнѣе предъидущаго. Во-первыхъ, мы распорядились такъ, что ъѣздили только рано утромъ да поздно въ ночь, а самое жаркое время дня столли на мѣстѣ; во-вторыхъ, у насъ была закрытая коляска, а не душная карета. Мы выѣхали изъ Болони въ 6 ч. вечера и во второмъ ночи остановились по спать въ Феррарѣ. Въ 5 мы опять пустились въ дорогу (замѣтите, какъ при случайѣ мы умѣемъ рано вставать), и скоро прибыли на берегъ величественнаго По. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ матушку Россію, увидѣлъ я передъ собою и кругомъ необозримыя равнины, и глазъ мой утомлялся, бѣгая по безконечному горизонту.

Рѣка съ обѣихъ сторонъ ограждена высокими и широкими плотинами, по которымъ идетъ дорога, а настоящіе берега ниже воды. На берегу Австрійская таможня—пересмотрѣли наши паспорты. Коммисаръ приказалъ, чтобы не трогать и не осматривать вещей Русскаго офицера.—Вы можете себѣ представить, какъ я былъ тронутъ этою любезностью—allez dire aprѣs cela que l'alliance des puissances du Nord n'est pas bonne à quelque chose! Часть Ломбардіи, по которой мы ъѣхали, совершенный садъ—нѣтъ кусочка земли, не обработанной, вездѣ яркая, густая, хотя уже не Итальянская, но сѣверная зелень.

Кипарисы замѣнены пирамидалымъ тополемъ, а платаны—орѣшниками. Мы обѣдали въ Ровиго, а ночевали въ Падовѣ (Padoue), насладившись дорогой удивительными эффектами солнечнаго заходенія; весь горизонтъ пылалъ разноцвѣтными огнями. *Alexandrine Трубецкая* говорила, que cela lui paraissait un incendie dans le palais des anges. Дорога изъ Падовы до Фузино, гдѣ садиться въ лодку, чтобы переплыть въ Венецию, слѣдуетъ живописнымъ изгибамъ Бренты, и я все время съ какою-то дѣтскою радостью твердилъ это гармоническое имя: Брента! берега Бренты! и мнѣ кажется, что это гармоническое имя главное украшеніе мѣстности, которая безъ него, своею густою зеленью и плоскими лугами, была бы слишкомъ похожа на прозаическую Голландію. Въ Фузино сѣли мы съ венцами въ гондолу и поплыли: сладко качаемый сонною волною, глядя на куполь Св. Марка, я отъ души привѣтствовалъ ихъ и пѣлъ salut, Venise la belle! О, что бы дать я, чтобы застать въ ней не Австрійскіе мундиры, но благодатную свободу прежнихъ времень, процвѣтающую подъ кровомъ мудрой аристократіи! Я остановился въ трактирѣ de la Grande Bretagne, въ высокой и просторной комнатѣ съ балкономъ, которой положеніе Вамъ уже известно и гдѣ солнце только поздно дѣлаетъ мнѣ свой убийственный визитъ. Отобѣдавши, я сейчасъ пошелъ поклониться площади Св. Марка, пошелъ безъ лонъ-лакея, котораго присутствіе убиваетъ, по моему, всякую поэзію. Ярко блестѣли лазурь и золото его наружныхъ мозаикъ при лучахъ заходящаго солнца, рѣзные углы и куполы плавали и торчали на чистомъ небѣ;—было Воскресеніе и въ кофейняхъ подъ аркадами толпился народъ, какъ будто-бы жива еще была Венеция.—Я скоро отыскалъ въ тотъ-же самый день пріѣхавшихъ Мансурову съ сестрою и Николая Менцерскаго. Я ему очень обрадовался, во первыхъ, потому, что самого по себѣ очень люблю его, во вторыхъ, потому, что напоминаетъ онъ мнѣ Пьера, а въ третьихъ, потому, что здѣсь на чужбинѣ я жадно хватаюсь за каждое звено, соединяющее меня съ вами, мои возлюбленные, и жадно слушаю всѣхъ, которые могутъ и любять говорить про васъ. Невѣста и онъ, кажется, очень довольны, веселы и нѣжны, хотя между ними въ высочайшей степени соблюдается decorum. Обѣ сестры для меня добры и милы, какъ нельзя болѣе. Скажите это, пожалуйста, Всеволожской и попросите ее поблагодарить ихъ за меня. Я совсѣмъ

почти переселился къ нимъ и только-что сплю и завтракаю дома, и съ 12 ч. до 10-и вечера мы разѣзжаемъ вмѣстѣ смотрѣть, любоваться волшебной Венеціей, обѣдаемъ и вечеромъ опять плывемъ гулять и уничтожать огромное количество мороженаго на площади Св. Марка. Они отсюдаѣдутъ въ Миланъ и въ половинѣ Іюля будуть въ Бернѣ: свадьба назначена къ 21 (9) Іюля. Обыкновенно, нѣть ничего скучнѣе влюбленной или даже обрученнѣй пары, но они дѣлаютъ исключеніе и, думая о себѣ, не забываютъ и прочихъ, насы грѣшиныхъ.

На прибавку-же есть у нихъ молодая Англичанка, a heiress, весьма дурная собою, но веселая и смѣшная.

$\frac{21}{9}$ Іюня. Среда.

Съ Понедѣльника начали мы уже свои путешественническія похожденія—и начали съ начала, т. е. съ церкви Св. Марка. Къ тому-же былъ нашъ Духовъ день и поутру были мы у обѣдни въ Греческой церкви. Богослуженіе, въ которомъ есть незначительныя разности съ нашимъ (въ пользу первого), величественно, попы и архіерей—красавцы, но поють такъ, что мнѣ за нихъ совсѣмъ было—совершенно по-жидовски. За мной стоялъ Черногорецъ въ живописномъ своемъ костюмѣ и въ слухъ молился по нашему, что радовало мое Славяно-Росское сердце. Послѣ обѣдни всѣ подходили подъ благословеніе архіерея, и онъ по лицу узнавалъ Русскихъ отъ Грековъ и каждого благословлялъ на его языки.

Св. Маркъ, наполненный безчисленнымъ количествомъ дорогихъ колоннъ, плодомъ Венеціанскихъ побѣдъ—снаружи и внутри покрыты мозаиками на золотѣ—удивилъ меня пышностью и оригинальностью: онъ не похожъ ни на что, видѣнное мною прежде. Кромѣ рѣзьбы Сансовино, въ немъ изящнаго ничего нѣть. Мы взирались и на высокую его колокольню, которая однако, торча одна передъ Соборомъ, безобразитъ его и площадь.

Сверху, со всей его невѣроятности открывается положеніе города среди воды, земли нигдѣ не видать, дома будто плаваютъ въ морѣ. Дамы собирались такъ поздно, что мы другого не успѣли видѣть, но вчера и сегодня были дни, хорошо занятые. Долго и по-

дробно осматривали мы Дожской дворецъ. Залы республиканского правлениі, обвѣшанные прекрасными картинами первыхъ мастеровъ Венецианской школы и Герцоговъ, съ краснорѣчию надписью на мѣстѣ Marino Faliero—теперь пусты и сохраняются въ первобытномъ состояніи. Такое уваженіе къ опасной древности удивило меня со стороны Австріи, и я съ радостью узналъ отъ сторожа, что велико-душное ходатайство покойного Александра Павловича спасло эти пышныя хоромы отъ осквернительного присутствія Австрійскихъ канцелярій. Я спросилъ у сторожа, помнить-ли онъ республику, и почтенный старикъ, качая сѣдою головою, отвѣчалъ мнѣ: „те не ricordo pur troppo; желалъ бы забыть, да не могу!“ Съ всеобщаго согласія ему дали лишній zwantziger за благородныя чувства. Насъ сводили и въ страшныя по разсказамъ подземныя темницы, называемыя колодезями, и я нашелъ, что въ этомъ, какъ во многомъ другомъ, оклеветали Венецианское правительство. У каждого заключенного была своя келья—темная, правда, но обитая досками для предохраненія отъ сырости.

Въ подземныхъ темницахъ всегда нехорошо, а онѣ были въ употребленіи въ цѣлой Европѣ; да и теперь я не думаю, чтобы было бы лучше въ казематахъ С.Петербургской крѣпости.

Что-же касается до свѣтлыхъ и просторныхъ комнатъ, гдѣ содержался Silvio Pellico,—лонъ-лакей увѣрялъ насъ, что менѣе 30 рублей въ мѣсяцъ такой квартиры въ городѣ не найдешь. Оттуда поплыли мы въ Академію, гдѣ находится Capo d'opera Тиціана, его превосходное вознесеніе Божіей Матери и большое количество другихъ прекрасныхъ картинъ здѣшней школы, между прочимъ двѣ картины Тиціана, одна изъ первыхъ его, писанная 17-ти лѣтнимъ мальчикомъ, а другая послѣдняя—90-лѣтнимъ старцемъ. Послѣ обѣда, часовъ въ 8, вечеръ былъ прекрасный (такой-же, какъ всѣ вотъ уже цѣлый мѣсяцъ), мы сѣли въ гондолу, за нами въ другой плыли пѣсельники. Гармоническіе звуки баркароль раздавались въ опустѣлой Венеции и бойкое воображеніе переносилось въ ея прежнюю блестящую и шумную пору. Другія гондолы, привлеченные музыкой, слѣдовали за нами и, скользя между водою и воздухомъ, оживляли картину. Нельзя ничего придумать граціознѣе гондолы! Она черная—лежитъ, едва прикасаясь воды, и грозная пила спереди тихо пер-

качивается съ боку на бокъ. Мы пристали къ саду, устроенному Французами на островкѣ въ морѣ, и уже было совершенно темно, когда мы поплыли обратно. Еще слапе звучали пѣсни въ тишинѣ ночной,

Ночной зефиръ
Струить эфиръ...

Луна огромнымъ красноватымъ кругомъ подымается изъ темныхъ волнъ, фосфорическія брызги мелкимъ серебромъ сыпятся подъ ударами весель, иглы Св. Марка фантастически рисуются въ тьни... Какъ прекрасно! какъ прекрасно! Зачѣмъ пѣть Вась, милая маменька, зачѣмъ нѣтъ вась всѣхъ, сестры и браты, чтобы радоваться и любоваться вмѣстѣ!

Какъ бы жарче чувствовало сердце, сколько бы прелести прибавилось предметамъ!

Богъ съ тобой, судьба! Не умѣешь ты устроить жизни нашей къ лучшему!—Сегодня поутру смотрѣли мы арсеналъ и сокровище Св. Марка, которое напоминало мнѣ ризницы Кремлевскихъ Соборовъ; были въ галлереяхъ партикулярныхъ и провели еще часа два въ Академіи.

J'ai fini vraiment par devenir presque tout-à-fait connaisseur en peinture, à force de forger ou plutôt de regarder forger on devient forgeron.—Не знаю, говорилъ-ли уже я Вамъ, милая маменька, что, разсчитавъ предстоящія мнѣ издержки, я со вздохомъ отказался отъ Милана и его волшебныхъ озеръ. Прямо поѣду я отсюда ближайшей дорогой черезъ Верону, Трентъ, Инспрукъ въ Мюнхенъ. Я написалъ въ Миланъ въ день прїѣзда, чтобы мнѣ отправили сюда письмо, которое должно лежать тамъ для меня. Отсюда, по разсчету дилижансовъ, думаю я ѿхать въ Воскресенѣе вечеромъ 25 (13) Іюня и, если разсчетъ мой вѣренъ, къ 29-у быть въ Мюнхенѣ, а въ самыхъ первыхъ числахъ Іюля и. с. прибыть въ Баденъ. Я приближаюсь къ Вамъ, и при этой мысли бьется крѣпче сердце. Прощайте, милая, возлюбленная маменька, нѣжно и крѣпко прижимаю Вась къ сердцу, исполненному горячей сыновней любви, и много, много разъ цѣлую Ваши дорогія ручки. Скоро-ли удостоюсь читать благословленныя строчки, ими писанныя—вотъ уже скоро 5 недѣль, что я жажду этого наслажденія! До свиданія.

Андрей К.

Je vous embrasse tendrement mes chers frères et soeurs. Il me semble presque avoir des lettres intimes de vous tant j'ai causé de vous tous avec Nicolas Mestchersky qui vous aime tous, mais il paraît que ce cher Alexandre est son favori.

Здравствуй, Николенька, душа моя. Мещерский хотелъ приписать къ письму, но пора отправить его, а княжна поручила мнѣ de présenter ses tendres respects à maman et de bien embrasser mes soeurs en disant mille amitiées aux jeunes gens. Прощайте всѣ, до свиданья! Mille choses bien tendres à mon oncle, ma tante et les Валуевъ.

Обнимаю Аркадія.

Венециа. $\frac{24}{12}$ Июня 37. Суббота.

Бываютъ непріятныя минуты въ путешествіи, милая маменька, такъ напр., сегодня взять я на завтрашній день мѣста въ дилижансѣ въ Верону, а, возвратившись домой, нашелъ человѣка своего Василія больного. Не говоря уже о томъ, что мнѣ непріятно было быѣхать безъ человѣка, но я не могу рѣшиться бросить его здѣсь, какъ старые туфли; съ другой-же стороны, по моимъ разсчетамъ, у меня денегъ достанетъ лишь на прїѣздъ въ Баденъ, а каждый день просрочки убавляетъ сумму и цѣна мѣста также пропадаетъ. Я сейчасъ послалъ за докторомъ, который нашелъ, que c'étais une congestion du sang vers la tête, прописалъ, что надоѣно, и обнадежилъ меня въ томъ, что, можетъ быть, и завтра пройдетъ—увидимъ, а между тѣмъ плохо. Вашего письма изъ Милана я еще не получалъ, а если не получу и завтра, то надоѣно будетъ ждать до Мюнхена.

Слава Богу, что до меня хоть стороной доходить отъ Васъ извѣстія, во Флоренціи, какъ я уже рассказывалъ Вамъ, черезъ Репнина, а здѣсь въ письмѣ Всеволожской къ сестрамъ говорять о Васъ. Въ темнотѣ боятся дѣти не оттого, что видѣть какое-нибудь страшилище, но оттого, что ничего не видѣть; такъ и въ теперешней неизвѣстности мнѣ грустно не отъ худыхъ извѣстій, но оттого, что ихъ нѣть совсѣмъ. Если-бы не эта черная точка на моемъ горизонте, то недѣля, проведенная мною въ Венеции, была-бы изъ самыхъ

радостныхъ и свѣтлыхъ въ моемъ странствованіи. Люди и природа— все мнѣ здѣсь улыбалось. Осиrotѣлое сердце нашло полу-родной кровъ, подъ которымъ оно радовалось, что живѣйшее чувство его— любовь къ Вамъ, дорогая маменька, и всѣмъ вамъ, мои милые,— находило сочувствіе. На порогъ Италіи, передъ разлукой съ ея дивнымъ небомъ и съ чудесами художествъ, я вспоминалъ мѣсяцы, проведенные въ ней, вспоминалъ съ умиленіемъ и тихою горестью, а она, какъ на прощаніе, лобзала меня своимъ теплымъ, душевистымъ зефиромъ, ослѣпляя яркимъ блескомъ раскаленнаго дня и упавала меня невыразимымъ сладострастiemъ полуденныхъ ночей! Прощаясь съ Швейцаріей, я думалъ, что не найду ничего, ей подобнаго, и помню, что въ письмѣ къ Вамъ величалъ ее своей любовницей, но теперь чувствую, что впечатлѣнія ея полиняли въ душѣ моей отъ яркихъ лучей Итальянскаго солнца, *du reste c'est dans l'ordre des choses, жена одна—Россія, любовница много и чѣмъ больше, тѣмъ лучше.* Въ любви моей къ Италіи есть также какое-то глубокое чувство жалости къ этой прекрасной и несчастной землѣ. Здѣсь, въ Венециі, еще живѣе контрастъ ея прежнихъ величій и настоящей ничтожности! Пусто и глухо! Народной жизни нѣть, литература молчігъ, центръ художествъ перешолъ къ иностранцамъ, все заснетъ, ангель истребитель замѣтилъ Италію знакомъ разрушенія, попы да Австрія клюютъ ея остатки. Вѣчная ей память!... Прощайте, милая маменька, до свиданія, надѣюсь, въ Мюнхенѣ.

Мюнхенъ. 29
17 Июня 1837. Четвертокъ.

Еще въ Венециі, въ день отѣзда, и здѣсь, при выходѣ изъ дилижанса, получилъ послѣ долгаго, тяжкаго ожиданія благодатныя письма Ваши и сестры, милая, дорогая маменька. Какъ жадно читалъ и перечитывалъ эти благословленныя строки, какъ послѣ долгой неизвѣстности мнѣ радостны были хотя и постарѣлые семейныя новости, и какія сладкія слезы навертывались на глаза при выраженіяхъ нѣжности, которыми полны строки Ваши, дорогая маменька, и милой, доброй Sophie! Но не всѣ впечатлѣнія были свѣтлы, такъ

напр.—какъ сжалось мое сердце при чтеніи грустной страницы во второмъ письмѣ 11-го Мая, гдѣ Вы жалуетесь на Ваше одиночество. О, сколько бы даль я, чтобъ перелетѣть въ Ваши объятія..., *du reste patience*, часъ свиданья недалекъ. Извѣстіе, сообщенное сестрой обѣ отъѣздѣ Катеньки осеню въ деревню на цѣлый годъ меня также огорчило глубоко; я свижусь съ ней только, чтобъ опять разстаться, и опять не полнымъ будетъ нашъ кругъ семейный. Вы жалѣете, что я не былъ въ Неаполѣ, и мнѣ больно обѣ этомъ думать, но какова холера! Она теперь тамъ свирѣпствуетъ болѣе, нежели когда-либо, по официальнымъ донесеніямъ умираютъ до 300 человѣкъ въ день. По слѣдующимъ письмамъ моимъ, Вы уже удостовѣрились, что я былъ очень доволенъ продолжительнымъ пребываніемъ моимъ въ Римѣ, и съ горестью выѣхалъ изъ него. На Ваши печальныя, деревенскія извѣстія отвѣщаю Вамъ просьбой сообщить мнѣ на всякий случай вѣрныя свѣдѣнія о селѣ Бортномъ, т. е. о количествѣ и качествѣ земли въ немъ и о способности почвы производить свеклу. Какъ уже говорилъ я Вамъ, Баденское Герцогство содержитъ много превосходно устроенныхъ заводовъ свекловичного сахара, въ немъ, слѣдовательно, и много мастеровъ этого искусства. Я постараюсь съ лучшими поговорить, и если Вы и обстоятельства благопріятны, съ Богомъ заведемъ заводъ и выпишемъ заморскаго искусника. Кстати о экономіи, поговоримте и о моей, которая вѣрно не въ лучшемъ положеніи, какъ и деревенская. Въ 1-мъ письмѣ Вы о посылкѣ денегъ не говорите ничего, но изо второго вижу я, что 2000 р. были мнѣ посланы въ Римъ; какъ уже Вамъ извѣстно, то письмо и вложенные въ него векселя пропали безъ вѣсти. Вы прибавляете, что остальную тысячу пошлете въ Баденъ. *Figurez vous mon supplice de Tantale*, въ карманѣ ни гроша, въ рукахъ вексель, а пользоваться имъ совсѣмъ, потому что я уже всѣ 3000 получилъ отъ Торлонія. Подумайте, милая маменька, что въ послѣдніе 4 мѣсяца изѣздила я около 3000 верстъ и на расходы вышло болѣе 2000 руб. *Ceci explique*, отчего у меня въ началѣ Іюля уже нѣть денегъ, которыхъ должны бы держаться до Сентября. Щѣлую ручку Вашу за внимательный подарокъ сочиненій Пушкина.

$\frac{30}{14}$ Июня. Пятница.

О, какой быстрый переходъ отъ теплыхъ ночей къ холоднымъ, отъ пѣсень Венеціанскихъ къ пиву и трубкѣ Нѣмецкимъ, отъ высокой и сладкой поэзіи Италіи къ грубой, тучной прозѣ Германской, или лучше сказать—Баварской... Но, какъ говорилъ блаженной памяти камерь-дinerъ нашъ Феодоръ: „я не хочу предвидѣть въ старинѣ“ и начну сначала, т. е. съ Венеціи, разсказывать Вамъ похожденія свои.

Во 1-хъ, болѣзнь человѣка моего очень счастливо кончилась, ему пустили кровь, давали лекарство ночью, и къ утру онъ уже былъ здоровъ, и 4-хъ дневная и 4-хъ ночная Ѣзда ему, слава Богу, никакого вреда не сдѣлала. Послѣдніе дни въ Венеціи провелъ я по обыкновенному, т. е. утромъ смотрѣли всѣ вмѣстѣ галлереи и церкви, вечеромъ плыли гулять. Въ Субботу обѣдалъ съ нами здѣшній Реггіні, извѣстный сочинитель премилыхъ баркаролль и другихъ маленькихъ вещей. Голоса у него почти совсѣмъ нѣть, но онъ поетъ съ такимъ жаромъ, его обыкновенно смѣшна фигура принимаетъ такое вдохновенное выраженіе, что мы всѣ слушали съ выражениемъ наслажденія, и авторъ такъ былъ тронутъ моимъ непрітворнымъ восторгомъ при одной изъ его мелодій, что подарилъ мнѣ ее на память. Его знаютъ Віельгорскіе. Въ тотъ-же день посѣтили мы лежащій на островѣ Армянскій монастырь Св. Лазаря. Всѣ монахи его ученыe и посвящаютъ себя воспитанію своихъ соотечественниковъ. Гостепріимный пріемъ ихъ настѣнно тронулъ. Разговоръ шелъ на 3-хъ языкахъ: по-итальянски, по-англійски и по-русски. Мещерскій въ запискѣ своей говоритъ Вамъ о эффектѣ, который произвело имя Карамзина. Они жаловались мнѣ на невозможность достать экземпляръ Исторіи Государства Россійскаго, которую желаютъ они перевести на Армянскій языкъ—я обѣщалъ имъ прислать на будущій годъ. Одинъ изъ нихъ (говорившій по-русски) подарилъ мнѣ на память краткую, имъ написанную по-армянски Русскую Исторію.—Воскресеніе, дилижансъ, или, лучше сказать, почтовая барка отходила въ 8 ч. вечера. Я успѣлъ, следовательно, еще отобѣдать у Мансуровой и нѣжно съ ними со всѣми проститься; они вѣдь, старые

и новые знакомые, были для меня милы, какъ нельзѧ болѣе, и я имъ отъ души благодаренъ. Мещерскій, отдавъ мнѣ приложенное при семъ письмецо къ Вамъ, милал маменька, посадилъ въ лодку, которая поплыла мимо ихъ трактира, и долго мнѣ съ балкона махали бѣлыми платками. Въ Местрѣ, мы перешли на твердую землю и пересѣли въ дилижансы; мнѣ удалось занять мѣсто въ переднемъ кабролетѣ, подлѣ меня сидѣлъ какой-то Французъ. Мнѣ спать не хотѣлось и во все время толковать я съ нимъ или, лучше сказать, толковалъ я ему про Россію: *pour un franÃ§ais ces idées n'étaient pas trop absurdes*, и онъ довольно хорошо понималъ меня.

Въ Шадову прѣѣхали мы въ 4-мъ часу утра. Кофейный домъ, самый пышный, который я гдѣ-либо встрѣчала, блесталъ свѣчами, и я ѿль въ немъ мороженое. Мы прїѣхали въ Верону на другой день утромъ въ 12-мъ часу и, не смотря на ужасный жаръ, съ горбатымъ чичероне отправился я смотрѣть амфитеатръ, который кажется игрушкой послѣ Римскаго Колисея, но гораздо лучше сохранился. Въ его аркадахъ лавки, а на ступеняхъ ограды, какъ и во время оно, садятся зрители, чтобы глядѣть не на кровавые бои гладіаторовъ, но на невинные фарсы труппы комедіантовъ. Позавтракавши въ какомъ-то дрянномъ кабакѣ, я немедленно взяла мѣста до Инспрука, и въ 3-мъ часу мы опять пустились въ дорогу. Насъ, т. е. путешественниковъ, было очень много, цѣлыхъ двѣ кареты, и уже рѣдко слыпались гармонические звуки Итальянскаго языка и вмѣсто его какой-то нечистый, уродливый Нѣмецкій діалектъ немилосердно царапалъ отвыкшія уши. Общество во всю дорогу до Мюнхена было самое незанимателное. Чортъ знаетъ, что за народъ єздить въ дилижансахъ! Женщины—все такія противныя или страшныя, мужчины косые, кривые, чающіе движенія воды. Безъ шутокъ, въ одно время, въ числѣ моихъ 7 спутниковъ было двое горбатыхъ, одинъ косой, одинъ хромой и одна глухонѣмая! *Vous voyez qu'elle était soignée, la sociéte*, не говоря уже о восковой старушкѣ, которая сидѣла напротивъ Василія и страшно качала головой, какъ у насъ качаютъ старушки только фарфоровыя на латкахъ Итальянцевъ. Бѣдный мой Василій, который не изъ самаго храбраго десятка, выпросилъ у кондуктора мѣсто въ другой каретѣ, замѣчая очень справедливо, что съ ней страшно съ сидѣть, словно съ смертью.

Я почти во все время, днемъ и ночью, сидѣль въ кабріолетѣ съ кондукторами, которые всѣ чувствуютъ ко мнѣ какую-то нѣжную симпатію и послѣ скораго знакомства осыпаютъ похвалами (*vouez lettre de Florence e. cet. e. cet.*). Дорога лежала во все время въ зеленой долинѣ, осѣненной зелеными-же стѣнами длинной горы, которыя постепенно возвышаются, чѣмъ дальше єдешь, и, наконецъ, въ окрестностяхъ Инспрука уже являются дикія, гранитныя скалы, на вершинахъ которыхъ блестятъ вѣчные снѣга. Среди долины течеть сперва широкая Адіжа, а потомъ мутный и шумный потокъ Эйзахъ, мельницы и разбросанные по уступамъ горы крестьянскіе домики оживляютъ картину, которая сперва мнѣ очень нравилась, но скоро утомила однообразiemъ. Тріентъ пробѣхали мы ночью и часто останавливались на дорогѣ, чтобы спускать пассажировъ и принимать новыхъ.

Въ Среду, часовъ въ 6 утра прїѣхали мы въ Инспрукъ, гдѣ я успѣль передъ отѣздомъ новаго дилижанса въ Мюнхенъ вымыться и переодѣться къ великой моей радости, потому что наканунѣ меня пыль ужасно отදлала.

Положеніе Инспрука и окрестности его прелестны! Но сколько разочарованій на дорогѣ! Во 1-хъ, зловѣща фигура неуклюжаго, грубаго нѣмецкаго почтальона, и къ тому-же Баварца, который слыветъ нѣмцемъ между нѣмцами, во 2-хъ, Ѵзда—тряхъ, тряхъ; ночью я принужденъ быть надѣть шинель! Вчера въ 6 ч. утра прїѣхали мы благополучно сюда, и я остановился въ трактирѣ Золотого Оленя. Оправившись отъ утомительной и длинной дороги, я вчера-же пошелъ бродить по городу и его достопримѣчательностямъ.

J'ai érgouvé un grand désappointement quant à l'extérieur de la ville.

Я думалъ найти красоты архитектурныя въ новыхъ королевскихъ улицахъ, а нашелъ только улицы Петербургскія, т. е. широкія съ высокими подъ нитку выровненными однообразными домами.

Вообще, такъ много площадей и гуляній, что дома теряются и городъ кажется пустыней. Проходя мимо бронзоваго обелиска, поставленнаго въ память погибшимъ въ 12 году 30.000 Баварцевъ, я гордо проворчалъ: „Знай нашихъ“! Надписи королевскаго сочиненія, *Auch Sie starben für die Befreiung des Vaterlandes*, и еще до сихъ (поръ?) никто не понялъ. Я осматривалъ картинную галлерею въ прекрасномъ

строеніи. Кроме нѣкоторыхъ превосходныхъ картинъ, особенно 3-хъ Мадоннъ Рафаэля, она довольно бѣдна Итальянскими школами, но въ ней много изъ Голландской и древне-Нѣмецкой, интересной не только въ историческомъ, но и въ чисто-художественномъ отношеніи. Вечеромъ былъ я въ оперѣ, гдѣ очень порядочно давали Моцартову *Zauber-Flotte*.

Въ боковой ложѣ сидѣли король и краля; когда вошли они, то публика имъ поклонилась и королева въ отвѣтъ сдѣлала самый смѣшной книксхенъ, который мнѣ когда-либо удавалось видѣть. Здѣсь въ трактире обѣдаю за многочисленнымъ *table d'hôte*, гдѣ не только иностранцы, но и много здѣшнихъ и въ томъ числѣ молодчики офицеры и сѣдовласые ирапорщики.

Не знаю, съ какой стати они вздумали вчера пить шампанское, выпили по бокалу и разгулялись мои нѣмчики съ рѣдкости, кричать, шумятъ, поютъ, однимъ словомъ—веселы такъ, какъ русскому съ двухъ бутылокъ не удалось бы быть. Каѳъ я Германіи не люблю, но Нѣмцы мнѣ часто надоѣдаются или, скорѣй, выводятъ изъ терпѣнія своимъ грошевизмомъ и претензіей на любезность и легкость, въ чемъ имъ Богъ отказалъ.

Нѣмцы мудры яко зміи и невинны яко голуби.—Правда, mais ils sont profondément ridicules, mais je suis assez Pétérbourgeois, pour que le ridicule en soci t  tue toute esp ce d'agr ement.—Я думаю остаться еще здѣсь до Воскресенья иѣхать черезъ Стутгартъ и Карльсруэ въ Баденъ.

Я писалъ сегодня Соллогубу, чтобъ онъ мнѣ сыскалъ квартиру.

Прощайте, милая и нѣжно возлюбленная маменька.

Крѣпко обнимаю Васъ и 1000 разъ цѣлую Ваши дорогія ручки. До свиданья.

А. К.

Je vous embrasse tendrement mes chers fr res et s eurs et toi surtout, ma bonne, mon excellente Sophie en te remerciant du fond de mon coeur pour le plaisir que m'ont caus  tes charmantes demiellettes et pour les expressions si vives de l'amiti  que tu me porte.

Quant   la remarque critique de mon oncle, dis-lui, je te prie, que je n'『tais pas le seul   porter des pistolets, et qu'  Rome cette

année si peu de personnes sortaient à pied la nuit et ceux, qui le fesaient étaient armés. De plus pendant les 6 dernières semaines de mon séjour il y a eu jusqu'à 5 assassinats, ce qui est assez respectable.

Je remercie Marie de son souvenir et je lui baise tendrement la main. Mille choses bien tendres à son mari à mon oncle et ma tante. Обнимаю Николочку и Аркадія и надеюсь, что Аничковская мизантропія не продолжится. До свиданья, все Вы милые! Нежный поклонъ Кл. Сергею Ивановичу. Mille choses à M-eur Thibaut.

Мюнхенъ. 19 ^{1 Июля}
1837. Суббота.

Вообразите себѣ мое удивленіе, милал маменька, когда вчера, гуляя по глиптотекѣ и любуясь ея статуями, оглянувшись, я увидалъ, кого—отгадайте—моего отставнаго Ахата Киршбаума въ томъ-же изношенномъ бархатномъ сюртукѣ, въ которомъ я его оставилъ. Онъ изъ дома досталъ себѣ денегъ и гуляетъ по свѣту самъ по себѣ. Мы другъ другу очень обрадовались и стали неразлучными.

Здѣшняя галлерея статуй такъ богата, что и послѣ Италии, послѣ Ватикана и трибуны Флорентійской ее можно видѣть съ большими интересомъ и удовольствіемъ. Я въ восхищениі отъ художескаго генія здѣшнаго короля и въ уваженіе этого почти простиль ему его политическіе грѣхи. Что судьба слѣпа—стараая правда; если бы онъ не родился подѣ престола cela aurait fait un mauvais roi de moins et un bon architecte de plus—первыхъ слишкомъ много, а вторыхъ мало.

Его новый дворецъ, въ которомъ нижнія залы посвящены древней Германской эпопеѣ Das Niebelungen Lied и гдѣ каждый геній—поэтъ имѣеть свою комнату, красенную фресками, коихъ предметы взяты изъ ихъ сочиненій—пантеонъ Германской словесности? Клопштокъ, Виландъ, Бюргеръ, Шиллеръ, Гёте—какъ будто усыновлены Баваріей, которая въ Мюнхенѣ является представительницей всей Германской славы. Живопись и многочисленные барельефы очень хороши. Вечеромъ ѿздили мы съ Киршбаумомъ по здѣшнему

Англійскому саду и, воротившись домой, просидѣли за чаемъ до 3-хъ часовъ въ живомъ разговорѣ: Петербургъ, Дерптъ и Италія неистощимые предметы! Сего дня опять провелъ я часа два въ глиптоекѣ, забѣжалъ въ нѣкоторыя церкви, взялъ мѣста въ дилижансѣ до Стутгардта и вечеромъ въ 6-мъ часу опять былъ на гуляніи, гдѣ играла музыка и гдѣ вся Мюнхенская публика sans distinction d'age ni de sexe тянула пиво и улыбалась съ радости. Ни на какомъ мѣстѣ на свѣтѣ не пьютъ пива съ такимъ бѣшенствомъ; охотники доходятъ до 20 кувшиповъ въ разъ! Отъ того-то Баварцы большею частью толсты, тучны и глупы. Прощайте, милая маменька, до свиданья въ Баденѣ!

Баденъ-Баденъ. 8 Іюля.
28 Іюня. 1837 г. Суббота.

Слава Богу, милая и добрая маменька, всѣ вы здоровы и новыя извѣстія, какъ и старыя, утѣшительны. Три письма отъ Васъ и Sophie, и одно отъ Саши ожидали меня здѣсь! Я прямо съ дилижанса на почту, съ почты къ Соллогубу, куда уже отнесли ихъ, отъ Соллогуба домой, гдѣ я читалъ и перечитывалъ эти благословенныя письма, отъ которыхъ у меня пылало лицо и часто слеза умиленія и благодарности къ Вамъ, милая, несравненная маменька, капала на бумагу. Какъ живо сочувствовалъ я Вамъ, когда Вы говорите о радостяхъ свиданья. О, конечно, эти блаженные минуты стоятъ всѣхъ роскошей Итальянского неба, всѣхъ прелестей пышной природы, и ожиданіе ихъ задушитъ въ сердцѣ ропотъ на возвращеніе. Вы удивляетесь, отчего я ранѣе не досталъ денегъ въ Римѣ, оттого, во 1-хъ, что я хотѣлъ переждать тамъ всѣ письма Ваши, а, во 2-хъ, мнѣ жалко было съ нимъ разставаться.

Въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ отъ 9-го Іюня Вы хвалите мой образъ жизни, но боитесь, чтобы совершенная свобода, которою я пользуюсь, не отучила бы меня отъ обязанностей общественной жизни, сдѣлавъ ихъ тягостными. Не бойтесь, милая маменька, я понимаю, что эта свобода—свобода дикая и что если она имѣеть свои прелести, то и общество, налагая узы, иногда и вознаграждаетъ

за потерю свободы. Не говорю уже о сладкихъ узахъ жизни семейной, дай мнѣ Богъ ихъ поскорѣе на себя возложитъ. Правда и то, что отъ общества скоро отвыкаешь, и у меня здѣсь первые дни голова шла кругомъ отъ знакомыхъ. Не возможно подобрать противоположности болѣе разительной между мою Итальянской жизнью и жизнью Баденской; почти безъ всякаго перехода попалъ я изъ одиночества въ толпу, изъ мечтаній и размыслений въ городскія сплетни и коммеражи, изъ посѣщеній галлерей и древностей въ гостинные визиты. Признаюсь, что первое впечатлѣніе не было въ пользу сихъ послѣднихъ. Уже эти сплетни! Вообразите себѣ, милая маменька, что я почти ни съ кѣмъ еще здѣсь не говорилъ, а ужъ зналъ съ первого дня, что всѣ мои почтенные земляки и землячки между собою въ тайной враждѣ, прикрываемой лициною общественной учтивости. Tout n'est que trouble et confusion... Но обѣ этомъ позже, спѣшу собраться съ памятю, чтобы дать Вамъ отчетъ въ моей біографіи въ прошлую недѣлю.—Я выѣхалъ изъ Мюнхена въ Воскресеніе въ 12 ч. Въ дилижансѣ со мной сидѣли Католическій попъ и Лютеранскій пасторъ изъ Москвы. Оба люди умные и разговорчивые, такъ что я не замѣтилъ, какъ мы къ вечеру доѣхали до Аугсбурга, гдѣ обѣдали.

Съ Московскимъ пасторомъ ѿхали мы до Стутгартта. Онъ человѣкъ ученый, авторъ, и мы во всю дорогу спорили почти до слезъ о Россіи. Онъ увѣрялъ, что нѣмецкое вліяніе не только полезно для насъ, но необходимо для благоденствія и образованія Россіи. Я его такъ загналъ своими доводами, громкимъ голосомъ и живостью чувствъ, что мой бѣдный пасторъ, замученный и разстроенный, просилъ меня перемѣнить предметъ.

Каковы нѣмцы, т. е. русскіе нѣмцы? Quelle pr esomption.

Въ Стутгартѣ прїѣхали мы въ Понедѣльникъ вечеромъ, и я воспользовался 3-хъ часовой остановкою, чтобы исполнить порученіе Мещерскаго и зайти къ русскому попу, который долженъ былъ ѿхать въ Бернѣ вѣнчать ихъ. Я засталъ его почти умирающимъ отъ нарыва въ горлѣ: кто ихъ вѣнчать будетъ—не знаю, mais il est de fait qu'ils ont du malheur. Въ 8 ч. сѣль я опять въ дилижансѣ, на другой день поутру уже былъ въ Карлсру, а въ 11-мъ часу въ Баденѣ.

Мнѣ казалось, что я уже во своясяхъ, такъ знакомы были мнѣ мѣста и лица бургевъ. Но какая противоположность между мертвю тишиною зимы и пестрою и шумною живостью Юльскаго Бадена.

Насладившись чтеніемъ писемъ, я отправился къ Смирновымъ, по дорогѣ зашелъ къ Долгорукимъ, гдѣ засталъ княгиню Ольгу въ томъ-же положеніи, какъ оставилъ. На дняхъ умеръ здѣсь скоропостижно бѣдный Рахмановъ, съ которымъ яѣхалъ на пароходѣ (отъ аневризма сердца), они родня и эта смерть подѣствовала на ея здоровье. Теперь она впрочемъ опять оправилась и оживилась. Александру Осиповну нашелъ я гораздо лучше, нежели надѣялся, послѣ претерпѣннаго ею горя и слѣдствія его—болѣзни. Мужъ много жалуется на свои страданія, *mais il est un peu malade imaginaire* и Гугертъ имъ доволенъ. Я съ ними обѣдалъ,ѣздилъ вечеромъ гулять съ Александ. Осип., и тѣ, которые насъ встрѣчали, значитель но улыбались...

...Бутурлипы и безчисленное количество другихъ русскихъ, мнѣ неизвѣстныхъ, не говоря уже о Смирновыхъ и другихъ Долгорукихъ, у кот. я завелъ главныя квартеры. Всѧ эта огромная колонія терзаема внутренними раздорами, и если Вы меня спросите, что причиною этихъ раздоровъ, то я скажу Вамъ, что все, потому что обо всемъ спорятъ. Началомъ всего зла было присутствіе Великаго Князя,—къ кому онъ станетъ чаще ходить, на ту и бросятся, мужья за женъ, друзья за тѣхъ и другихъ, и пошла потѣха. На беззащитныхъ нападаютъ храбрѣ и дружнѣе, и по этой причинѣ совсѣмъ было забыто Любовь Феодоровну; Велик. Кн. самъ давалъ примѣръ, ни разу не говоривши съ ней во всѣ время своего пребыванія здѣсь. Прибавьте ко всему этому присутствіе Киселевой, которая полька въ душѣ, съ русскими водится, а русскихъ ненавидитъ и со своими французами надѣяется, ея ссоры съ Полуектовой по случаю какой-то террасы, которую обѣ хотѣли завладѣть исключительно—и Вы легко себѣ представите, отчего у меня попала голова кругомъ, когда, еще полонъ тихими мечтами и внушенными свѣтлой Италіей, я попалъ въ эту

кутерьму. Вчера былъ день рожденія Государя и русскіе давали большой обѣдъ. Зачинщиками по старшинству были князья Гагаринъ и Долгорукій и Бутурлинъ. И тутъ не безъ смѣху. Эти господа, какъ взрослый дѣти, важно гуляли съ бумажкой и карандашемъ въ рукѣ, сочиняли *le menu et le cérémonial à observer* и, сходясь, живо спорили о томъ, какъ обѣдать въ трактирѣ? Надѣвать ли мужчинамъ звѣзды и ленты, а дамамъ вензеля и кокарды, или нѣть.

Честолюбивая партія взяла верхъ. Дамы явились въ шляпахъ, длинныхъ рукавахъ и вензеляхъ (!!), мушкины все въ орденахъ и бѣлыхъ галстукахъ, точно на свадьбу или крестины. Вашъ покорный слуга также, и по недостатку ордена—съ красной гвоздичкой въ петличкѣ. Представителями здѣшнаго Монарха были Баденскій бургомистръ (*le bottier du coin*) и квартальный, и надобно было видѣть гримасу Киселевой, которая въ качествѣ старшей по чину дамы должна была дать имъ руку и посадить послѣ себя. Обѣдъ былъ весьма хороши, шампанского вдоволь (*je n'ai pas encore comptencé ma cure*), и я сидѣть между Полуектовой и Графиней Борхъ, съ которою тутъ-же познакомился. *Nous avions un sujet tout trouvé, Ernest Штакельбергъ.* Скажите ему, что она сперва очень покраснѣла, но потомъ обошлась, а такъ какъ намъ обоимъ безпрестанно подливали, то къ концу обѣда мы стали очень откровенны.

Она очень хороша. По окончаніи обыкновенныхъ тостовъ за Царя и пр., вдругъ всталъ Бутурлинъ и провозгласилъ *à la gloire et à la puissance de la Russie, puisse-t-elle toujours prospérer à la honte et à l'éternelle confusion de ses ennemis!* Я крикнулъ ура! Но меня не поддержали. Киселева чуть не уронила рюмки и не пила. Вообще этотъ тостъ произвелъ эффектъ болѣшой, и вечеромъ на гуляніи мнѣ говорили про него иностранцы. Изъ Русскихъ иные хвалить, другіе бранять—я въ числѣ первыхъ и послѣ обѣда благодарили за него Бутурлина. Въ именины Государыни будетъ опять праздникъ—это очень хорошо, но и очень дорого, особенно-же для насъ *qui sommes de la foule* и которые только-что платятъ *sans qu'on leur en sache gré*. Здѣсь бываютъ балы разъ въ недѣлю, а маленькие вечера 4 раза, я былъ уже на двухъ; на послѣднемъ танцевала одна пара, а на нее смотрѣло человѣкъ десять. Англичане еще въ траурѣ, Русскіе, т. е. дамы, *regardent ces amusements*

publics du haut de leur superbe grandeur, такъ и некому. Всякій вечеръ мы собираемся у кого-нибудь изъ нашихъ (tout comme les Titoff de mon oncle à Paris) и большою частью, кромѣ играющихъ въ висть,—зѣваемъ вмѣстѣ. Однимъ словомъ, мои почтенные соотечественники и соотечественницы sont toujours et partout les m mes. Сердце и умъ радуются, когда они на мѣстѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ милой Александры Осиповны, которая по-дѣломъ сердится на Sophie за то, что она ей не отвѣтила. Третьяго дня прїѣхали, а вчера отсюда уѣхали Свишуновы. Она, бѣдная, больна и никого не принимала кромѣ меня, car par la gr ce de Dieu je suis devenu l'ami intime du m nage. Тисенгаузенъ (мнѣ всегда хочется смеяться, когда подумаю, что онъ женатъ) говорилъ мнѣ, что сестра его привезла мнѣ посылку, кажется, чай, cela ne pouvait arriver plus à propos, и я нѣжно цѣлую Ваши ручки за подарокъ. Передъ концомъ статья о здоровії: Гугерть меня сегодня въ 6 часовъ утра щупалъ стетоскопомъ, заставлялъ дышать и пр. и нашелъ, что грудь моя сдѣлала такие успѣхи, какихъ онъ и не ожидалъ: „едва замѣтны слѣды прежняго разстройства“. Это собственные слова его. Онъ обѣщаетъ мнѣ къ возвращенію совершиное выздоровленіе. Не помню, говорилъ-ли я Вамъ, что маленькой простудный кашель, бывшій у меня послѣднее время въ Италіи, уже давно совершино исчезъ. Онъ обѣщалъ мнѣ на днѧхъ изложить свои предписанія, и я Вамъ ихъ передамъ; между тѣмъ, къ моему горю, онъ хочетъ, чтобы я еще года два носиль на груди пластыри, которые теперь на ней. Онъ-же вручилъ мнѣ и вексель съ припиской отъ Васъ, и я хотя и не имѣль на то право, но взялъ по нему 1000 франковъ. По Римскимъ законамъ позволено голодному красть хлѣбъ, по Вашимъ, милая маменька,—безденежному брать деньги, особенно-же когда онѣ адрессованы на его имя. Je croyais у voir le doigt de la providence—можетъ быть, ошибся. Я замѣчаю, что письмо мое очень беспорядочно и къ тому-же однимъ днемъ опоздало; на колѣнахъ прошу прощенія, впередъ, право, не буду. Нѣжно и крѣпко прижимаю Васъ къ сердцу, пылающему любовью къ Вамъ, милая, милая маменька, и тысячу разъ цѣлую Ваши дорогія ручки. Прощайте, до свиданья!

А. К.

Je vous embrasse tendrement mes bons frères et mes chères soeurs. Chère Sophie je t'en veux pour prétendre m'aimer plus que je ne t'aime. Sur ce point seulement j'avoue la présomption, qu'on me reproche quelquefois, et je vous porte à tous le défi, mes bien-aimés frères et soeurs de me porter un sentiment que je ne saurais vous rendre. Je me sens assez de force et de reconnaissance dans le coeur pour vous chérir tous avec passion.

Милый Саша, на дняхъ буду отвѣтывать на твое письмо, которое, какъ всегда, заставило меня смѣяться сквозь слезы. Нѣжно обними нашего друга Аркадія и скажи, что благодарю его за приписку, которая впрочемъ не письмо; да и тебѣ не могу не замѣтить, что между послѣднимъ и предыдущимъ 3 мѣсяца разстоянія. Обнимаю le cher Nicolas и надѣюсь, что у него уже готова хорошенъкая сестрица.

Mille choses bien tendres aux Walouieffs, Машенька цѣлую ручки. Что-бъ стоило ей подарить письмомъ—а какъ обѣщала при разставанії!

Баденъ-Баденъ. 16 Іюля 1837. Воскресеніе.

Въ прошедшую Пятницу имѣль я счастье получить письмо Ваше отъ 17 Іюня с. г., милая, возлюбленная маменька, и сердце у меня замерло при мысли о горѣ, которое причинилъ я Вамъ описаніемъ своихъ бессмысленыхъ беспокойствъ. О, что бы дать я въ такія минуты, чтобы перенестись въ объятья Ваши и осушить слезы, текущія ради меня! То, что говорите Вы о своемъ житьѣ, милая маменька, могу я сказать теперь и про себя, и въ случаѣ если одно изъ писемъ моихъ пропадетъ, то и Вамъ беспокоиться нечего; я уже не рыскаю одинъ по большимъ дорогамъ, не ссорюсь ни съ какими драгунами, не бѣгаю при лунномъ свѣтѣ по опустѣлымъ стогнамъ—нѣть, я вѣчно въ обществѣ, на аллѣѣ или въ гостиной; поэзія, опасности, одиночество—совершенно исчезли изъ моего быта,—осталась общественная проза, и хотя я вовсе не нелюдимъ, но мнѣ все еще какъ-то трудно привыкнуть къ голосу и крику людскому, я, который въ послѣдніе 3 мѣсяца исключительно бесѣдовалъ лишь съ природою и искусствами. Часто среди поддѣльнаго веселія Баденского и его бездѣльной дѣятельности

вспоминаю я беззаботную мою Римскую жизнь, и сердце тоскует по ея тихимъ радостямъ, по ея внутреннимъ высокимъ наслажденіямъ! Но Богъ съ ними, минувшаго не воротишь, займемся настоящимъ и начнемъ съ главнаго, для Васъ особенно, милая маменька, съ лѣченія: *parlons de ma souffre, comme dit notre cher Gugert.* Я буду пить здѣшня горячія щелочныя воды, поутру, начиная съ 3-хъ стакановъ и увеличивая постепенно до безконечности, примѣшивая къ каждому стакану какую-то чистительную соль; 2) черезъ день брать теплые, соленые ванны; 3) по-старому вдыхать дехтарные пары и содержать при этомъ приличный діэтъ, т. е. не ъсть плодовъ, мало пить вина и много воды, и т. д. Какъ я уже сказалъ Вамъ, Гугертъ надѣется выслать меня отсюда совершенно здоровымъ. Я вообще этимъ предписаніямъ вѣрно слѣдую, только есть что-то въ Баденскомъ воздухѣ, что мѣшаетъ мнѣ рано вставать; а вотъ Вамъ ежедневныя мои занятія: встаю въ $7\frac{1}{2}$ часовъ, въ 8 взбираюсь на гору пить горячую воду и пью почти всегда одинъ, потому что прочіе не такъ лѣнивы; въ 9 схожу на гулянье, болтаюсь и болтаю, читаю газеты и въ 10 отправляюсь завтракать почти всегда не одинъ, или съ Соллогубомъ или съ Платоновымъ. Послѣ завтрака опять иду на гуляніе, въ рулетку, или дѣлаю визиты до купанья или до обѣда. Обѣдаю или въ трактире, или у Долгорукихъ, или всего чаще у Смирновыхъ; вечеромъ опять гулянье съ дамами или верховая поѣздка, день обыкновенно заключается чаемъ у Смирновыхъ; у нея бываютъ Княгиня Трубецкая, Bacourt (здѣшній французскій министръ, умный и любезный, отставной любовникъ герцогини Дино), Платоновъ и я. Прочіе всѣ собираются играть въ висть у Киселевой. Александра Осиповна весела, а какъ мила—всѣ знаютъ, и слѣдовательно не мудрено, что, хотя правило расходиться въ одиннадцатомъ часу, стрѣлка не далека отъ 12-ти, когда я берусь за шляпу и, усталый, иду домой, и мертвый сонъ меня непримѣтно переносить къ другому дню, совершенно похожему на предыдущій. Все бы ничего, если бы погода не вздумала хмуриться и небо обливать насъ безпрерывными дождями почти во всю эту недѣлю. Вчера я думалъ, что просто второй потопъ, *et que le bon Dieu avait oublié la promesse faite à Noé;* да и сегодня не многимъ лучше...

...На счетъ векселей сдѣлаю, какъ Вы говорите мнѣ, и спрошу у здѣшняго банкира, какъ мнѣ адресовать письмо къ Фульду, потому что на векселѣ его адресса нѣтъ. Современника прочесть дастъ мнѣ Алекс. Осип., но Васъ благодарю за намѣреніе.

Чай отъ граф. Паниной я получиль и, распивая его утромъ и вечеромъ, поминаю съ благодарностью Васъ, милая маменька.—Я сегодня еще подъ вліяніемъ вчерашняго бала, т. е. очень усталъ. Вообразите себѣ, что я отъ 9-ти часовъ до половины второго проплясалъ 5 вальсовъ, 3 галопа, 4 французскія кадрили и одну стоячую мазурку, и за такое блестящее поведеніе удостоенъ благодарности Г.Г. директоровъ-самозванцевъ и Г.Г-жъ директоршъ. Прибавьте къ этому, что я звалъ на танцы дамъ, начиная съ праваго фланга и закрывая глаза pour ne pas être attiré ou repoussé par la beauté ou la laideur des figures. Одну только мазурку и одинъ галопъ танцовала я для себя съ миленькой Борхъ, прочее все для общей пользы. Домъ, въ которомъ плясали, и окружной садъ были великолѣпно освѣщены, но фейерверкъ, четыре дня мокнувшій на дождѣ, совсѣмъ испортился и не удался. Княгиня Ольга Долгорукая протанцевала 2 французскія кадрили, что доказывается, что ей гораздо лучше. На балѣ была и графиня Разумовская *), въ тотъ-же самый день, больная, пріѣхавшая изъ Эмса. Всѣ Русскіе, богатые и бѣдные, заплатили требуемую сумму, а вѣрноподданные Русскіе-Нѣмцы всѣ отказались: Тизенгаузенъ, Медемъ и Мантейфель Ernest: на все готовы, только не на расходы. Пришедши домой около двухъ часовъ, я не знаю самъ, отчего долго не могъ спать, а распивая чай и пуская густые клубы дыма изъ длиннаго чубука, то радовался луной, невзначай выползашею изъ-за серебряныхъ облаковъ и озаряющею Баденскую долину, то съ живымъ интересомъ читалъ Jacques; романъ Занда, часто невѣроятный, но гдѣ во всемъ виденъ геній и пламенная душа сочинительницы. Сегодня, *comme de raison*, я всталъ поздно и воды не пилъ, и это не бѣда, потому что даже есть правило останавливаться иногда, чтобы воды были дѣйствительны. Для завтрашняго дня была назначена partie de plaisir, составленная, черть знаетъ, изъ какихъ народовъ, но

*) Графиня Марія Григорьевна, урожденная княжна Вяземская.

въ которой ъхала верхомъ и гр. Борхъ; очень некстати съ главнымъ зачинщикомъ, французомъ Desloges (сыномъ Демидова, женатымъ на 16-лѣтней, очень хорошенъкой француженкѣ), сдѣлался ударъ, и партія разстроена впредь до приказанія. Теперь два слова о моей наружности, которая потерпѣла нѣкоторыя перемѣны: къ концу пребыванія моего въ Римѣ я пересталъ бриться, сперва изъ лѣности, а потомъ бороду затѣялъ, и теперь бритвы не употребляю, и борода у меня почти въ вершокъ длины. Иные одобряютъ, другіе хулять, но въ числѣ первыхъ самъ я, и мой голосъ l'emporte. Волоса спереди не стрижены цѣлый годъ и потому такъ длинны, что когда я ихъ спускаю на лицо, то они его всего закрываютъ: при этомъ они содержатся въ отличномъ порядкѣ и устройствѣ *). Костюмъ скроменъ, но шляпа сѣралъ съ широкими полями; однимъ словомъ, если бы мнѣ въ этомъ видѣ перенестись въ Петербургъ, то сѣзжей бы мнѣ не миновать. Я хочу сдѣлать здѣсь свой портретъ, потому что Вы меня увидите уже порядочнымъ человѣкомъ. Сестра пишетъ мнѣ пріѣхать въ началѣ Сентября, я и радъ бы, да не знаю, можно-ли будетъ. Съ другой стороны, Смирновы зовутъ меня ъхать съ ними, и я самъ бы этого очень желалъ, если они не слишкомъ долго захотятъ остаться заграницей. Если я поѣду одинъ, то, конечно, надо будетъ отказаться отъ Берлина и отъ Дерпта, куда влекутъ меня и дорогая могила и воспоминанія первой молодости, и ъхать пароходомъ. Сухимъ путемъ мoggъ бы я влетѣть неожиданнымъ, а пароходъ приходитъ по Субботамъ. C'est un raffinement de bonheur que je cherche. Прощайте, милая и возлюбленная маменька, до той упоительной минуты прижимаю Васъ къ сердцу (мысленно), пылающему любовью и трепещущему при одной мысли свиданія. Два мѣсяца съ чѣмъ-то!... До свиданья, до свиданья! Милліонъ разъ цѣлую Ваши дорогія ручки.

А. Карамзинъ.

Je vous embrasse tendrement, mes chers frères et sœurs et je prie Dieu pour toi, chère Catherine, quant-à toi, j'espére qu'en ce moment tu n'as qu'a le remercier. Chère Sophie, ces jours ci j'â

*) Coiffure à la renaissance или moyen-age.

choisi une jolie montre à ton intention tu me laisseras garder la tienne et tu prendras celle-là n'est ce pas. Милымъ братъмъ, Сашъ и Володѣ, буду непремѣнно отвѣтать съ первой почтой. Цѣлую Николеньку и сестрицу его (?). Обнимаю Аркадія. Adieu mes bons, mes chers amis.

Mille choses bien tendres à mon oncle (malgré ses plisanteries Russes), à ma tante, et aux Walouieffs.

Баденъ. $\frac{25}{13}$ Июля 1837. Вторникъ.

Сегодня имѣль я счастье получить письмо Ваше отъ 2 (14) Іюля, милая и нѣжно возлюбленная маменька. О, какъ живо сочувствую я Вамъ, когда Вы говорите про свиданіе!

Какъ при этой головокружительной мысли кровь волною стремится къ сердцу и головѣ и лицо горитъ! Я не могу назвать это чувствомъ радостнымъ, нѣтъ, въ немъ слишкомъ много какого-то невольного, безотчетного страха, dans l'anticipation de tant de bonheur il y a une certaine angoisse. Но зачѣмъ углубляться въ психологическая разсужденія, il y a des dates, знаю, что мы теперь при концѣ Іюля, я знаю также, что къ концу Сентября, т. е. черезъ два мѣсяца я буду прижимать Васъ, дорогая маменька, и васъ всѣхъ, дорогие братья и сестры и друзья, въ горячія объятія, и сердце, усталое отъ долгаго одиночества, отъ отчужденія всего родного, сладко отдохнетъ въ нѣдрахъ любви семейной: я улыбнулся, милая маменька, читая о страхѣ Вашемъ, что Петербургъ мнѣ надоѣсть... Да какое мнѣ дѣло до Петербурга? Я ѿду къ Вамъ, трепещу при мысли о свиданіи съ Вами, а Петербургъ для меня—слово безъ значенія. Наслаждаясь лицезрѣніемъ тѣхъ, которыхъ ради мнѣ жизнь дорога—забуду про болота и сѣроѣ небо, или даже отъ полноты сердечной преобразятся они для меня въ земной рай. Жили бы мы въ вѣмѣстѣ въ какой-нибудь деревушкѣ, свиданіе было-бы не менѣе радостно, и поэтому у меня впереди только двѣ темныхъ точки: отъѣздъ Мещерскихъ и возможность стоянки въ Пелль. Дай Богъ, чтобы обошлось безъ этихъ бѣдъ. Какъ хорошо говоритъ Sophie въ

своей припискѣ: „Je ne sais pourquoi on se sent quelquefois si gai et si heureux de vivre! C'est qu'aime r est au fond de tout cela!“ Какъ давно я уже этого счастья не вкушалъ! Ради Бога, Саша, интригуй, чтобы намъ въ Пеллѣ не стоять, и напиши мнѣ объ этомъ: эта мысль меня часто очень мучить. На присланномъ дупликатѣ векселя я надписалъ, какъ сказано, и отдалъ здѣшнему банкиру, который перешлетъ его, куда слѣдуетъ, и въ будущемъ письмѣ надѣюсь дать Вамъ отвѣтъ. На счетъ человѣка своего не знаю, что дѣлать. Съ одной стороны, мнѣ скучно и жалко съ нимъ разставаться и братъ на возвратный путь новаго, а съ другой стороны, comme il est une espÃece de refugiÃ© politique, боюсь везти его dans la gueule du lion тѣмъ болѣе, что господинъ его, старшій сынъ Княгини Голицыной (католички), кажется, большая скотина.

27
15 Июля. Четвертокъ.

Мнѣ стыдно и совѣстно, милая маменька, писать число, которое двумя днями опоздало. Я это письмо долженъ былъ отправить третьего дня, а вмѣсто того оно еще сегодня не написано. Я извиняться не буду, извиненій въ этомъ быть не можетъ, и винюсь откровенно, обѣщаю Вамъ, что будущее отправится двумя днями ранѣе. Если бы Вы испытали или посмотрѣли, какъ искусно разсчитанъ на водахъ образъ жизни для бездѣлья, Вы бы поняли, отчего я неисправенъ. День летить, и думаешь—буду писать въ ночь, ночь приходить, и домой возвращаешься такимъ усталымъ и обезсиленнымъ (чему содѣствуетъ и самое лечение), что физическая природа береть верхъ и насильно бросаетъ васъ на постель, откуда на другой день рано поутру вѣсъ за ноги тащить неумолимый и неутомимый Василій.

Здоровье мое очень хорошо во всѣхъ отношеніяхъ, покуда продолжаю тотъ-же методъ лечения, о которомъ уже говорилъ Вамъ, чрезъ недѣлю начнутся души (douches) и морскія ванны (по 15 ф. каждая!), увы, увы!!—и—конецъ! Изъ того, что я говорилъ Вамъ о здѣшнемъ родѣ жизни, Вы вовсе не должны заключать, что мнѣ

скучно—напротивъ того, мнѣ, скорѣе, очень весело и страшилище скуча, извѣстная мнѣ только по наслышкѣ, не смѣла преступить порога моего.

Я благодарю Бога за свою организацію, мнѣ тяжелы одни переходы, а потомъ, какъ говорить пословица: свыкнется—слюбится. Послѣ шума и развлечений Парижскихъ мнѣ показалось грустнымъ Римское одиночество, а впослѣдствіи обязалъ я ему днями, которыхъ никогда не забуду. Мелочная здѣшняя суматоха меня сначала съ непривычки смущила; любезницаю, знакомлюсь, слушаю сплетни, иногда смѣюсь отъ доброго сердца, а иногда пожимаю плечами, танцуя, гуляю и мнѣ весело. Впрочемъ, *le genre ici est de s'enquoyer*: всѣ другъ другу жалуются на скучу, что, по моему мнѣнію, во 1-хъ, не утѣшно, а, во 2-хъ, вѣрнѣйший способъ и въ самомъ дѣлѣ надобѣсть другъ другу. Къ тому-же только дня три, что небо у насъ прояснилось, а во всю недѣлю шелъ непрерывный дождь и мы вязли въ грязи.—Что разсказать мнѣ Вамъ про жизнь мою? Происшествій никакихъ не бываетъ, впечатлѣній также, одинъ день какъ другой. Всякій вечеръ собираются у кого-нибудь, и всегда скучно; мужчины играютъ, дамы, измученные лекарствами, душами и пр.—зѣваютъ и чуть говорятъ—*aussi je me dispense de ces r閟unions tant que je reux*, и проводимъ вечера то у Алекс. Осип., а въ послѣднее время и у кн. Ильѣ (sic) Долгорукой. Она премилая женщина и трогательная терпѣливостью, съ которой переноситъ ужасные страданія; ея мужъ (*notre providence c. à d. nous autres artilleurs*) славный малый! Се que c'est que la vie de p閍kins! comme cela égalise les rangs. Пришло-ли бы мнѣ въ голову въ Петербургѣ сказать про начальника нашего Гл. Штаба, что онъ славный малый. Et ici c'est l'effet qu'il me fait. Просто, славный малый, какъ Соллогубъ да я.

Я прилежно посѣщаю и публичные балы, но довольствуюсь ролею зрителя. Я мнѣнія, что танцевать весело только въ томъ обществѣ ої l'on a un intérêt, а здѣсь мнѣ довольно занятія любоваться беззаконными танцами разноплеменныхъ плясуновъ, которые дуютъ сами по себѣ...

Баденъ. — ^{1 Августа}
^{19 Июля} 1837. Вторникъ.

Я сегодня не получилъ письма отъ Васъ, милая маменька, хотя я ожидалъ его съ большимъ нетерпѣніемъ, нежели когда-нибудь, потому что надѣялся прочесть въ немъ счастливое окончаніе Катенькина дѣла. Какъ ни хороши до сихъ поръ вѣсти Ваши о ней, но все какъ-то сердце не спокойно, покуда все не кончено. Я покуда живу да поживаю, припѣваючи, и каждое утро, вставая, разсчитываю, сколько дней отдѣляетъ меня отъ Васъ *et en attendant je jouis de mon reste, t. e. вдоволь наслаждаюсь независимостью и беззаботливостью настоящаго образа жизни, что впрочемъ вовсе не уменьшаетъ моего стремленія къ Вамъ.* Самою горькою минутою въ путешествіи была разлука, самою счастливою будетъ свиданіе, самыми живѣйшими наслажденіями на пути были письма отъ Васъ, которыя, какъ добрые геніи, прилетали изъ далекой стороны и чудеснымъ образомъ хоть на мигъ переносили меня въ кругъ, родной и любимый. Мнѣ кажется, что я теперь въ каждомъ письмѣ говорю о свиданіи, что-жъ дѣлать? Есть въ этомъ предметѣ какое-то невыразимое наслажденіе и, говоря о немъ, мнѣ кажется, что я приближаю счастливую минуту *et que je prend un à compte sur le bonheur qui m'attend.* Я эти дни еще болѣе обыкновенного таскался по разнымъ мѣстамъ, потому что не было Смирновыхъ, у которыхъ я проводилъ постоянно часть дня. Въ Субботу затѣяли *rique-pique* въ окрестностяхъ, и я попалъ въ него, почти нехотя. Графъ Разумовская, Киселева, Княгиня Гагарина и Радзивилль, съ мужьями, M-e Delmar, la C-sse de Bastard, Герцогъ Richelieu, Князь Robert de Monmorency, оба Долгорукіе, Графъ Армфельдъ и я. *Je vous fais cette longue nomenclature, чтобы дать Вамъ идею о нашемъ житьѣ-бытьѣ и о тѣхъ, съ которыми мы здѣсь водимся.* Cette partie de plaisir a fini comme toutes les autres, то есть мы подъ открытымъ небомъ Ѳли предурной обѣдъ, къ концу пошелъ дождь и мы укрылись въ дурномъ-же трактирѣ—но скучно не было, потому что шампанское расшевелило и кавалеровъ и дамъ, особенно Киселеву *qui est tout à fait mauvais sujet, играетъ, пьетъ и отъ всего сердца хохочетъ quand l'obscénité ajoute son gros sel à la plaisanterie.* Прочія дамы мало тѣшили публику: Князъ Радзи-

вилль хороша, но скучна до бесконечности, M-me Delmar (племянница Sir Sydney Smith) замужемъ за крещенымъ жидомъ, который держитъ большой домъ въ Парижѣ et fait la pluie et le beau-temps dans le noble faubourg, въ Парижѣ, отставная красавица. Красота прошла—пустота осталась. M-me de Bastard глядить только на своего любовника Робека, который, какъ двѣ капли воды, похожъ на денъщика, и т. д. Усталый, воротился я домой, чтобъ переодѣться и идти на балъ, но пошелъ такой дождь и заревѣла такая буря, что я заказалъ себѣ дома чай, заснула покуда на диванѣ, и когда проснулся, то свѣчка догорала на столѣ, чай холодный стоялъ предо мною, я посмотрѣлъ на часы—2 часа! Я перетащился на постель и проспалъ до утра—вотъ Вамъ Баденскій день съ его разноплемененою полузнакомою толпой, съ его утомительнымъ, безсмысленнымъ весельемъ и съ мертвымъ сномъ моей ночи! Въ Воскресенье мы всѣ провели вечеръ у Граф. Разумовской, игроки играли, а любезники, изъ коихъ первый есмь азъ, se battaient les flancs, чтобъ любезничать съ нелюбезными дамами—это все по-старому, но послушайте, что будетъ дальше: въ 11 час. отправились мы (т. е. съ Платоновымъ и Шереметевымъ) пить чай у меня. Пили и спорили до—страшно сказать—до половины пятаго!... Я уже изъ Парижа писалъ Вамъ о моихъ спорахъ съ Платоновымъ, который во всемъ мой противоположный полюсъ, что не мѣшаетъ мнѣ чувствовать къ нему большую симпатію.

Онъ ультра-торій par conviction, что я—Вы знаете, и съ нимъ какъ-то хорошо и основательно спорится.

Мы перебрали съ нимъ toutes les grandes questions sociales (style de journaux), вплели религию и философию и, основываясь на минувшемъ, каждый по своему устраивалъ будущее. Жаль, что не случилось стеноグラфа, который бы сохранилъ для потомства великія истины, которыя такъ исыпались изъ устъ нашихъ въ этотъ знаменитый вечеръ, но къ несчастію слушалъ нась одинъ бѣдный Шереметевъ, зѣвалъ, протиралъ глаза и изрѣдка отпускалъ une r  flexion analogique, comme le diplomate dont parle Bloudoff,

Вы не забыли, что я люблю споры (т. е. discussion, а не dispute), по-русски нѣть другого слова; потому что у насть и на дѣлѣ une discussion est toujours une dispute (и нахожу даже, что они

очень полезны и какъ-будто бы водяты на смотръ умственныхъ силы). Конечно, можно выбрать удобнѣйшее время тѣмъ болѣе, что мы во всю ночь мѣшиали спать моимъ сосѣдямъ—англичанкамъ Pigot, которая на другой день меня очень за это брали. Вчера послѣ бала провелъ я вечеръ у Полуектовой съ англичанками: меньшая изъ 6 сестеръ Pigot очень мила и умна. Сегодня обѣдалъ въ трактирѣ en partie carr e съ Шереметевымъ, графиней Разумовской и Киселевой, а вечеромъ неожиданно обрадовался пріѣзду Алекс. Осип., которую ожидалъ только завтра.

Она очень довольна Дюссельдорфомъ и своей поѣздкой, а я радъ ея радости, которая всегда въ ней доказываетъ ея здоровье, и еще болѣе радъ ея возвращенію. Я пиль у нихъ чай, и мы съ 8-и до 12 не умолкали и еще многое не досказали. Странно, что есть люди, съ которыми такъ часто видишься, такъ много говоришь, а, не смотря на то, всегда довольно темъ для разговора. *C'est qu'il y a deux esprits en nous, l'esprit de la t te, et l'esprit du coeur:* первый часто пустъ, а второй, который только для немногихъ, всегда неисчерпаемъ. Прощайте, милая маменька, до свиданья, авось еще завтра получу письмо.

3 Августа. Четвертокъ.

Напрасны были мои ожиданія, милая маменька, отъ Васъ письма неѣть; впрочемъ я не беспокоюсь, потому что мнѣ сегодня говорила Графиня Панина, что она получила письмо отъ сестры, въ которомъ упомянуто о Васъ всѣхъ. Вчера и сегодня были дни, какъ всегда, т. е. я обѣдалъ у Смирновыхъ, вечеромъ былъ на балѣ, а чай пиль у Полуектовой съ англичанками разными, между которыми есть три сестры-красавицы—Ellis, точно выпорхнувшія изъ Keepsake. Вчера въ придачу была ночь Итальянская, что здѣсь очень рѣдко. Чай пили на терассѣ, освѣщенной разноцвѣтными фонарями, и кромѣ англичанокъ была прелестная Граф. Борхъ, а несноснаго, грубаго и глупаго ея мужа не было.

Такихъ вечеровъ и такихъ ночей надобно бы побольше. Приводивъ домой всѣхъ дамъ, мы въ 12 часу еще зашли къ Смирновымъ пить чай во второй разъ и проболтать до 1-го.

Вчера-же уѣхала отсюда сумасшедшая Киселева, пересорившись и перебравшись со всѣми купцами до того, что въ дѣло вмѣшилась полиція и ей было на цѣлый день остановки. Оно бы ничего, но въ чужихъ краяхъ (т. е. русскихъ) терпѣть не могутъ, такія вещи досадны и, чертъ знаетъ, чего теперь уже не выдумали здѣсь французы и другіе. Разумовская чуть сегодня не умерла отъ индигестіи вслѣдствіе русского обѣда у Долгорукаго.

Вотъ Вамъ и всѣ Баденскія новости. Правда ли, что богачъ Шереметевъ женится на фрейлинѣ тогоже имени?

Чѣмъ болѣе я думаю о способѣ возвращенія, тѣмъ болѣе прихожу въ недоумѣніе. Мнѣ бы весьма хотѣлосьѣхать сухимъ путемъ, чтобы посѣтить на дорогѣ Дрезденъ, Берлинъ и Дерптъ,—но проѣхать въ дилижансѣ 2800 верстъ—ужасъ! но съ другой стороны возвращаться по несносному Ганноверу и сѣсть на пароходъ, можетъ быть, на цѣлую недѣлю—скучно. Не говорю уже о большой радости неожиданного свиданія, съ одной стороны, и о скучѣ Кронштадтской таможни, съ другой. О, если бы деньги! Кстати о нихъ и въ послѣдній разъ: справившись съ здѣшними счетами и разсчитавъ расходы на будущій мѣсяцъ, я удостовѣрился, что мнѣ невозможно будетъ выѣхать отсюда съ 1500 руб., потому что большая часть этихъ денегъ останется здѣсь. На особенной бумажкѣ выведены счеты. *Jettez un regard de commisération sur l'enfant prodigue et ses calculs,* и пришлите—сколько?... сколько злагоразсудите, помня при томъ, что это въ послѣдній разъ и что я Вамъ обѣщалъ, милая маменька, быть въ Петербургѣ совершенно порядочнымъ и экономнымъ человѣкомъ. Прощайте, милая и нѣжно возлюбленная маменька. Крѣпко прижимаю Васъ къ сердцу, преисполненному пламенной сыновней любви.

До свиданья.

Андрей К.

Записка о деньгахъ.

Всѣмъ и каждому извѣстно, que moins heureux que l'homme aux 40 *écus* я пріѣхалъ въ Баденъ avec 40 francs, и если бы про-видѣніе не приспало бы мнѣ, какъ нарочно, вексель въ 1000 рублей, я бы или умеръ съ голоду, или принужденъ былъ идти по міру.

То и другое весьма вредно для здоровья и вовсе не согласно съ цѣлью, съ которой я приѣхалъ сюда. Слѣдуетъ сказать, что этой 1000 не достаточно для двухмѣсячнаго житья здѣсь. Это явствуетъ изъ слѣдующаго простого исчислениі общихъ издержекъ, разсчитанныхъ по малому масштабу:

Квартира 2 мѣсяца	200	франковъ.
Человѣкъ	200	"
Царскіе праздники	200	"
Часы	200	"
Платья (т. е. новый сюртукъ и лѣтнія исподнія)	250	"
Обѣды въ трактирѣ, пикникъ	200	"
Верховыя поѣздки	100	"
Сапоги, перчатки, (шляпа 40 фр.) и проч. мелочь туалетная.	200	"
Ванны и души (douches).	200	"
Табакъ, сахаръ, кофій, сливки, аптека . .	200	"
Балы, мороженое, на водку и пр.	100	"
<hr/>		
Итого	2050	фр.

Если Вы къ этому прибавите еще хоть 300 франковъ непредвидѣнныхъ расходовъ, что въ два мѣсяца немнogo, получится въ итогѣ около 2400 фр. Qui de 1000 roubles paie 2400 reste... quoi? 1400 de dettes, est-ce clair? Comme disait le Duc de Broglie aux dÃ©putÃ©s de France.

Позвольте еще одно замѣчаніе: въ первые 7 мѣсяцевъ моего путешествія Вы издергали на меня около 11000 по Вашимъ-же счетамъ; съ тѣхъ поръ, т. е. съ новаго года, прошло еще 7 мѣсяцевъ, и я получилъ отъ Васъ только 7000.

Il en resulte qu'il y a grand progrès, особенно если вспомнить, что я въ это время изѣздилъ около 4000 верстъ.

Je vous embrasse tendrement mes chers frères et soeurs et toi mon bon Nicolas. Je ne veux pas écrire de l'autre coté et le temps presse. Нѣжно обнимаю васъ всѣхъ.

Баденъ. 11 Августа
30 Июля 1837. Пятница.

Я былъ вознагражденъ за тщетное ожиданіе письма отъ Васъ, милая и возлюбленная маменька, получивъ въ Понедѣльникъ запоздалое отъ 9 Іюля, а на другой день, т. е. во Вторникъ, послѣднее отъ 15 Іюля, въ которомъ содержится радостное извѣстіе о рожденіи милаго Сашки, котораго уже люблю и цѣлую, не видавши, однако жаль, что новый племянникъ—не племянница. Нѣжно за меня обнимите Катеньку, которая, надѣюсь, уже теперь на ногахъ, en dÃ©pit du nombre sacramental de 6 semaines exigÃ© par son Ã©tat. Ваши два послѣднія письма, писанныя въ обыкновенный недѣльный срокъ, а я получилъ ихъ въ одно время; новый примѣръ почтовой точности и новое доказательство, что весьма неблагоразумно беспокоиться отъ этого.

Какъ я сожалѣю о бѣдномъ Сашѣ, который въ продолженіи двухъ недѣль не могъ на минуту вырваться къ Вамъ! Бѣдный Саша! мнѣ какъ-то передъ нимъ совѣтно, что я не раздѣляю его трудовъ и похожденій: Иногда я боюсь, что испортился для военной службы и уже не буду въ силахъ сносить ея тягостей, что я пролежалъ бока въ чужихъ краяхъ... Но нѣть, только бы не разлучили настѣнъ съ братомъ, только хоть бы первый годъ стоять въ Петербургѣ, и я буду служить вѣрою и правдой на дежурствахъ и во внутреннихъ караулахъ. Я не понялъ, милая маменька, о какомъ героическомъ поступкѣ Неаполитанского короля Вы говорите? Здѣсь ни про что подобное не слыхать; да Неаполитанскій король и героизмъ, кажется, никогда въ одну дверь не входили. Вы не можете себѣ представить, какъ смѣшно и жалко мнѣ было читать въ послѣднемъ письмѣ, что у Васъ началась кислая земляника. Я готовъ былъ воскликнуть съ Французами 12 года: „Et les malheureux appellent cela une patrie!“ вспомнилъ que je suis du nombre, повѣсили уши и замолчали. Отъ всего сердца радуюсь, что Вы наконецъ повѣрили добрымъ извѣстіямъ о моемъ здоровіи, и кстати о немъ сообщу Вамъ нѣкоторыя перемѣны въ ходѣ леченія.

Я пью болѣе воды, кладу болѣе соли въ ванны и беру ихъ холоднѣе и наконецъ принялся за душъ. 5 минутъ душатъ меня въ спину, да 6 минутъ въ бока. Въ 1-й разъ я прыгалъ въ ваннѣ, во 2-й только охалъ, а въ 3-й былъ совершенно равнодушенъ.

Хотя я не испытывалъ отечественаго наказанія, но увѣренъ, что впечатлѣніе душа очень на него похоже. Съ благодарностью и смиреннымъ духомъ принимаю Ваши упреки и наставленія, нѣжно возлюбленная маменька, и увѣряю Васъ que je ne suis pas pr esomptueux; были времена дѣтства или первой молодости, тогда, можетъ быть, но теперь я знаю себя довольно хорошо pour me d efier de moi m eme plus qu'autrefois. Что же касается до неосторожности, признаюсь, что иногда бываю грѣшенъ. Впрочемъ, это важная вещь въ Россіи, а не здѣсь. Какъ не быть отношеніямъ, но я такъ напуганъ комеражами и пересказами, что боюсь и объ этихъ глупостяхъ говорить. Впрочемъ, если бы у меня было такое вѣчно пылающее сердце, какое Вы думаете, то давно бы ему надлежало превратиться въ золу, а оно, слава Богу, цѣло и могуще. Я себѣ воображаю, что оно фосфорического качества и при малѣйшемъ прикосновеніи женской красоты сіяетъ, но не горитъ; для воспламененія потребно чего-то болѣе; но уже какъ разъ загорится, тогда только держись—ce sera magnifique, нѣчто въ родѣ пламени фосфора, сожигаемаго въ чистомъ кислородѣ! Съ тѣхъ поръ, какъ я писаль Вамъ, все по-старому—балы à la salle de réunion, обѣды у Смирновыхъ, вечера у Разумовской и Полуектовой. Еще наѣхало много русскихъ: Свистуновы, парижскій Паленъ, Голицынъ Кутайсовскій. Наденъка опять похорошѣла, но между нами нѣть ни малѣйшаго отношенія: съ мужемъ мы друзья закадычные; безъ шутокъ, онъ мнѣ очень нравится et il me paraît que c'est r eciproque... Мочи нѣть писать, такая жара, что дышать невозможно, и моя комната на солнцѣ, какъ раскаленная печь.

Эта жара наступила вдругъ послѣ долгихъ дождей и оттого еще чувствительнѣе... Ночи—сладострастіе! напоминаютъ итальянскія. Третьяго дня гулялъ я съ Платоновымъ и мы смотрѣли, какъ одинъ за другимъ гасли огни въ Баденѣ; зашли домой и за живымъ споромъ просидѣли опять глубоко въ ночь. Какъ мнѣ жаль, что я не зналъ Платопова въ Петербургѣ! Вчера простились мы съ Графиней

Разумовской, которая отправилась въ Парижъ дожидаться тамъ отвѣта на спросъ.

Вечеромъ былъ концертъ, гдѣ 8-илѣтняя малютка прелестно играла на клавикордахъ самыя трудныя вариаціи Герца. Концерту (sic) присутствовалъ весь высокій дворъ.

Герцогиня съ дочерью (можетъ быть, нашею будущею императрицею, по крайней мѣрѣ такъ здѣсь говорять, она довольно дурна), штатсъ-дамы минувшаго вѣка, толстобрюхіе камергеры и т. д. Сего дня послѣ обѣда ѿду я верхомъ съ Полуектовой и графинею Борхъ.

Говориль-ли я Вамъ въ послѣднемъ письмѣ, что я съ большимъ интересомъ на дняхъ прочелъ Valérie de M-e Krudner? Не стыдясь скажу даже, что я плакалъ при концѣ... c'est très peu 19 siècle, je l'avoue et cependant cette naiveté de coeur m'a fait plaisir, ироническая улыбка нашего времени еще не изсушила его, и слава Богу!

Я очень сожалѣю, что Вы не увидите меня въ настоящемъ моемъ образѣ, весьма походящемъ на портреты 16-го столѣтія: длинные по бокамъ волоса, покрывающіе уши, окладистая бородка и сѣрая шляпа съ широкими полями, ce qui fait le désespoir de Smirnoff, который увѣряетъ, что я слишкомъ похожъ на Сенсимониста. На память вѣкамъ вообще и Вамъ, милая маменька, въ особенности, Соллогубъ нарисовалъ карандашомъ портретъ мой, довольно похожій; а жаль будетъ остричся и обриться! Вотъ, на чёмъ остановились теперь планы мои въ будущемъ, т. е. въ возвращеніи, потому что для меня все будущее сливается въ эту блаженную минуту.

Такъ какъ у меня экипажа нѣть, а я къ дилижансамъ питаю глубокую ненависть, то думаю сѣсть на пароходъ на Рейнѣ и безостановочно плыть до Роттердама (4 дня), оттуда черезъ Гагу (La Haye) въ Амстердамъ, пересѣсть опять на пароходъ до Гамбурга (2 дня) и тамъ, какъ извѣстно. Que vous en semble? Надѣюсь, милая маменька, что Вы уже въ отвѣтъ на предыдущее письмо мое прислали прибавочную сумму, о которой прошу, и въ этомъ случаѣ едва-ли уже отвѣтъ на сіе письмо застанеть меня здѣсь, если-же Вы настоящей и смиренной просьбы моей еще не исполнили, то мнѣ по неволѣ придется ждать здѣсь. Во всякомъ случаѣ пишите сюда, и я уже приму мѣры для доставленія письма, куда слѣдуетъ. Пусто письмо мое—что-жъ дѣлать? Повторю то-же, что говорилъ въ Италіи,

когда оно казалось мнѣ слишкомъ эгзасперованнымъ (exalté, exaspéré); какова жизнь, таковы и письма. Несмотря на то, что мы здѣсь въ самомъ центрѣ Европы, политическихъ новостей нѣть, да хоть бы и были, мало ими здѣсь занимаются, да хоть бы и занимались, то какъ о нихъ писать? Je me tiens en haleine, читая огромные листы des journaux-monstres и потомъ споря обо всемъ съ Платоновымъ. Живою обо мнѣ грамотою прежде меня самого будуть Бутурлины, которые ёдутъ отсюда, кажется, завтра. Впрочемъ, здѣсь я ихъ мало видалъ, сердце не лежитъ къ нимъ. Мы обществомъ взяли нѣсколько лотерейныхъ билетовъ въ Австрии; если одинъ изъ насъ выиграетъ, то на долю каждого придется около 500.000 фр., оно бы не худо для обзаведенія въ Петербургѣ. Мысль о покупкѣ верховой лошади ординарческой сокрушаєтъ меня. Прощайте, милая и дорогая маменька, нѣжно и крѣпко обнимаю Васъ и цѣлую безцѣнныя ручки.

Андрей К.

Je vous embrasse tendrement mes chers frères et soeurs et toi surtout ma bonne Catherine. Развѣ Саша не можетъ узнатъ навѣрное про постройку казармъ. Merci comme toujours pour ta délicieuse exactitude chère Sophie, а Саши, обнявши, нельзя не побранить, онъ черезъ-чуръ рѣдко пишеть. Lise aussi est tout à fait paresseuse. Нѣжно цѣлую Николеньку и Сашу № 2. Mille choses bien tendres à mon oncle, ma tante et les Walouieffs. Отъ души обнимаю Аркадія. Алексея Осипа, всегда, а Nadine surtout сегодня me chargent de mille amitiés pour vous tous.

Баденъ. ¹⁵
₃ Августа 1837. Вторникъ.

Вчера получилъ я маленькое письмо Ваше, милая маменька, отъ 22 Июля с. с., подкрайленное въ мелкомъ своемъ форматѣ запоздалыми Римскими, гдѣ мнѣ говорять: Христосъ Воскресе! Очень я радъ, что деньги нашлись, особенно въ ту минуту, когда я снова прибѣгаю къ Вашей щедрости: мнѣ много стоило предпослѣднее

письмо; одна мысль, что это уже послѣдняя моя просьба, что эти деньги послужатъ мнѣ летѣть въ Ваши объятія, а слѣдовательно и Вамъ радость принесутъ—подкрѣпляла меня. Впрочемъ, безъ приложеній при ономъ-же письмѣ записки (въ которой вспомнилъ, что пропущенъ докторскій расходъ), Вы должны были увѣритъся, что съ моей стороны мотовства нѣтъ. Благодарю Бога за добрая извѣстія, которыя Вы мнѣ даете о Катенкѣ, и поздравляю Васъ съ хорошей погодой. Мы ею похвастать не можемъ: днемъ жаръ несносный, а къ вечеру такія грозы и такие дожди, что таکъ и, крестившись и говоришь про себя: „ну, пришлось дожить до свѣтопреставленія!“ Очень Вы ошибочно разсуждаете о моей наружности; она вовсе не такая противная, какъ Вы себѣ воображаете, напротивъ того у меня теперь une de ces figures d'hommes qui arrêtent le regard et la pensée des passants. Какъ видно, что Вы пишете изъ Россіи de ce pays où les barbes sont impitoyablement proscriites, когда таکъ невыгодно о нихъ отзываетесь. Ici la barbe n'est l'enseigne de rien du tout, la porte qui peut la porter, и чисто и гладко обритое лицо мнѣ всегда напоминаетъ Папскихъ пѣвчихъ или нашихъ мѣняль. Въ подтвержденіе сказанного je cite les autorités, и довольно будетъ Александры Осиповны, которая торжественно одобрила мою прическу среднихъ вѣковъ и бороду à l'avenant.

Впрочемъ, Вы будете сами судить по портрету, нарисованному Соллогубомъ; а жаль будетъ на пароходѣ обриться и остричеся, очень жаль. Вы меня не поняли, милая маменька, когда думаете, что здѣсь скучно. Въ мои годы, окруженный товарищами и прекрасными женщинами, съ внутреннимъ благодатнымъ чувствомъ здоровья, котораго таکъ давно былъ я лишнъ, среди живописной природы было бы стыдно скучать. Я говорю, что у меня образъ жизни пустой: веселія и удовольствія довольно на настоящій мигъ, но уже въ стѣдующемъ изглаживается воспоминаніе. Въ одномъ отношеніи это хорошо: недѣли, проведенные въ Баденѣ, служатъ мнѣ переходомъ домой. Здѣсь мечты объ Италии и мечты о Васъ смыняются въ головѣ моей: я взбираюсь на сѣжныя вершины Швейцарскихъ горъ, то при лунномъ сияніи гляжу на дивный Колиссей, то на ухарской четвертѣй стремглавъ лечу по Царскосельской дорогѣ и, нежданній, соскаиваю у крыльца Грузинского дома! О! дай мнѣ Богъ доѣхать

и соскочить и прижать васъ всѣхъ къ пламенному сердцу, а тамъ уже все равно, j'aurai goûté la plus grande joie, qui puisse m'être réservée dans ce monde.—Неужели у Васъ Саша еще не былъ? Вы мнѣ ни слова про него не говорите.

$\frac{18}{6}$ Августа. Пятница.

Обратимся къ исторической части письма, которую, слѣдуя Вашимъ предписаніямъ, милая маменька, я никогда не пропускаю, не смотря на пустоту ея. Въ Пятницу вечеромъѣздила я верхомъ съ Полуектовой и графиней Борхъ: насы застала гроза, перепугала дамъ и лошадей, дождь промочилъ et cette malencontreuse promenade отбила у дамъ охоту попробовать снова. Въ Субботу, отобѣдавши у Смирновыхъ, я зашелъ къ Соллогубо-Свистуновымъ и до поздняго вечера не могъ выйти, потому что поднялась такая гроза, какихъ я рѣдко видалъ:

Грохотъ за грохотомъ, грохотъ могучій
Грозно по черному небу гремѣль.

Лаголовъ.

Очень странно, что въ календарѣ, напечатанномъ въ прошломъ столѣтіи, эта гроза предсказана. Несмотря на грозу, мы пошли на балъ, который на этотъ разъ былъ удостоенъ присутствіемъ здѣшнихъ монарховъ. За исключеніемъ меня, всѣ Русскіе представлялись еще при Великомъ Князѣ и пользуются особенной милостью и благоволеніемъ Ихъ Королевскихъ Высочествъ. Молодая Княжна галопируетъ противъ такта и прыгаетъ козою на французскихъ кадриляхъ, точно comme le comtûne des mortelles. По Высочайшей волѣ стали танцевать мазурку въ 12 паръ, ею предводительствовалъ Данте съ Графиней Борхъ. Я танцевалъ съ маленькой Hélène Соллогубъ (новою племянницею, которую недавно завелась Графиня); все шло хорошо, но зрители, или лучше сказать, усердные плясуны, противъ воли превращенные въ зрителей, недовольные своимъ бездѣйствіемъ и завоеваніемъ бала Русскими, сперва начали ворчать, потомъ шикать и наконецъ подняли шумъ и свистъ. Испуганный

директоръ сдѣдался конца фигуры и приказалъ музыкѣ перестать. Все это случилось въ присутствіи вышеупомянутыхъ Высокихъ Особъ и никого не удивило. Что-бы сдѣлали у насъ? Брр..., морозъ по кожѣ пробѣгаєтъ, страшно и подумать.

Воскресенье—скучный день въ Баденѣ: вонючіе и уродливые Нѣмецкіе мужики и крестьянки наполняютъ аллеи и общую залу, и теряешься въ пестрой ихъ толпѣ: издали еще можетъ быть живописно, но вблизи ужасно воняетъ. Я обѣдалъ у Соллогубихъ и послѣ обѣда ъѣздила со Свистуновыми верхомъ, въ прекрасную погоду, по прелестнымъ мѣстоположеніямъ. Какъ часто вспоминаю я тебя, милая Sophie; какъ бы мы скакали здѣсь вмѣстѣ! что за горы! что за лѣса! что за долины! Я не знаю мѣста, которое бы было окружено такими разнообразными и такими прелестными гуляніями, какъ Баденъ. Въ Понедѣльникъ обѣдалъ я у Смирновыхъ съ Гоголемъ, который принесъ читать намъ новое, еще неоконченное сочиненіе: это длинный юмористический романъ о Россії*). Это лучше всего до сихъ поръ писанного имъ, но ничего другого не смѣю сказать, потому что онъ читалъ намъ *sous le sceau du secret*. И кстати запаслись мы этимъ чтеніемъ, которое задержало насъ до поздняго вечера, потому что на небѣ и въ воздухѣ разыгралась такая чертовщина, которой ни сказкой не сказать, ни первомъ не написать. Громъ, дождь, вихри! Въ четверть часа, ручей, бѣжавшій подъ окнами, выступилъ изъ береговъ и залилъ всю дорогу, тельга со двора выплыла на улицу, нѣкоторые мосты снесло; умникъ Борхъ послалъ за почтовыми лошадьми! Когда мы въ 11 часовъ возвращались домой, то безоблачная луна смотрѣла на насъ съ радушною улыбкой и сыпала серебряныя искры на тихо текущій ручей, листья не колыхались и природа, какъ бы утомленная своимъ буйствомъ, покоялась въ сладкой дремотѣ. Съ того дня у насъ завелись ночи Итальянскія, и мы ими пользуемся для прогулокъ. Во Вторникъ княг. Трубецкая, Платоновъ и я обѣдали у Смирновыхъ—это вещь обыкновенная, но то необыкновенно, что хозяевъ дома не было. Пріѣхали на два дня Рибопьеры, и Смирновы *faisaient les honneurs de l'endroit* своимъ начальникамъ. Я не знаю, говорилъ ли я уже Вамъ, что здѣсь есть

*) „Мертвые Души“.

дряной театринко, который вздумалъ *ni plus ni moins que les Huguenots!* Досадно было слушать, какъ можно уродовать прекрасную музыку, но съ другой стороны я хохоталъ отъ всего сердца, гляди на тяжеловѣсный Нѣмецкій балетъ и на великолѣпный спектакль, имѣя еще въ свѣтлой памяти *le grand opéra...* Въ Среду много я болталъ съ маленьkimъ Рибопьеромъ *) (какъ онъ хорошъ!) про университетъ, про брата, про общій ихъ кругъ товарищей, и все скажанное имъ и онъ самъ мнѣ очень понравились. День окончился вечеромъ у Смирновыхъ и прогулкой при лунномъ свѣтѣ. Вчера поутру, съ 12 часовъ до $3\frac{1}{2}$ Ѣзилъ я верхомъ одинъ по новымъ мѣстамъ и проскасалъ верстъ 30. Если бы не утомительный жаръ, было бы прекрасно! что дальше Ѣдешь, все лучше да лучше. Конь и я измученные вернулись домой, и прямо съ него я съ наслажденiemъ погрузился въ прохладную ванну. Ванна хороша, но душа очень непріятна: $\frac{1}{4}$ часа точно огненнымъ колесомъ Ѣздятъ Вамъ по спинѣ и по ребрамъ такъ, что всѣ суставы хрустятъ. Гугерть увѣряетъ, что это очень полезно. Послѣ бала провелъ я вечеръ у Смирновыхъ, тамъ былъ и Завадовскій. Не испытавши, пельзя вообразить себѣ, какъ глупъ этотъ человѣкъ, и какъ въ придачу онъ смѣшонъ (*ridicule*) съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ Парижѣ. Во все время онъ не умолкалъ и не сказалъ ни одного путнаго слова. Сначала закрывалъ и себѣ ротъ платкомъ, чтобы скрывать смѣхъ, а наконецъ, чтобъ не видали зѣвоты, которая ужасно разобрала меня. Къ счастью, онъ ушелъ, и мы успѣли съ Александрой Осип. еще цѣлые полчаса посмѣяться надъ нимъ. За ночнымъ гулянiemъ вспоминали мы съ Алек. Осип. Василія Андреевича по случаю свѣтлой и прекрасной жены его.—О своемъ отъѣздѣ я отъ того говорю неясно, что самъ еще ничего положительного не знаю. Надѣюсь недѣли черезъ двѣ, получивши деньги, отправиться отсюда и черезъ мѣсяцъ обнять Васъ, болѣе ничего сказать не могу. Во всякомъ случаѣ, (т. е. предполагая, что выслана сумма, о которой прошу Васъ, милая маменька, и обѣ этомъ Вы лучше моего знаете) адресуйте мнѣ отвѣтъ на это письмо уже не сюда, но въ Любекъ *poste restante*,

*) Графъ Иванъ Александровичъ, женатый на кн. Софье Васильевне Трубецкой.

потому что отвѣты получаю я черезъ 25 дней, а тогда меня уже здѣсь не будетъ. Итакъ, этотъ отвѣтъ будетъ послѣднее Ваше письмо, мои же будете Вы получать обыкновеннымъ порядкомъ. Казармы въ Царскомъ Селѣ строятся не для нась, но для образцовой баттареи: эту горестную правду узналъ я отъ князя Долгорукаго. Дай намъ Богъ вмѣсть съ братомъ попасть лишь въ одну изъ двухъ первыхъ батарей, и то хорошо будетъ. Сегодня обѣдаю я у Полуектовой, которая хочетъ препоручить мнѣ везти съ собою въ Россію сына ея: мы будемъ про это говорить. Прощайте, милая и нѣжно возлюбленная маменька, отъ всего сердца прижимаю Вась въ свои объятія и тысячу разъ цѣлую Ваши ручки. До счастливаго, до близкаго свиданія!

Андрей К.

Je vous embrasse tendrement mes chiers fr eres et soeurs, Alexandre, Woldemar, Pierre, Sophie, Catherine et Lise. Я виноватъ передъ братьями, что не пишу, да и они не правы, особенно Саша, что такъ долго молчатъ. Съ Мая мѣсяца ни словечка отъ Саши! а тотъ годъ—кажды двѣ недѣли. Нѣжно цѣлую Николенку и новорожденнаго. Mille choses tendres à mon oncle, ma tante et aux Walouieffs. Отъ души обнимаю Аркадія. Саша, запоздалое письмо твое заставило меня отъ души хохотать, особенно l'article Stroganoff. До свиданья всѣ!

Баденъ. ²⁴
12 Августа 1837. Четвертокъ.

Въ Понедѣльникъ получилъ я маленькое письмецо Ваше, милал и добрая маменька, и, увидавши на первой страницѣ, что Вы беспокоитесь, не получалъ отъ меня извѣстій, съ нетерпѣніемъ посмотрѣлъ на послѣднюю страницу, гдѣ съ радостью увидалъ, что письмо пришло и что Вы довольны. Если съ одной стороны извѣстія о здоровіи милой Катеньки меня радуютъ, то съ другой мысль о скромѣ отѣвѣздѣ и долгой отлучкѣ ея затѣмняетъ радость свиданія. Неужели, если бы я не воротился къ 26 Сентябрю, она бы не дождалась меня и не отложила отѣвѣзда своего?... ce n'est qu'une supposition, ибо

я непремѣнно буду въ первой половинѣ Сентября по старому стилю, т. е. недѣли черезъ четыре. Еще новая кручина, Вы пишите, милая маменька, что Саша ѿдетъ на 28 дней въ деревню и ѿдетъ въ половинѣ Августа, слѣдовательно я его не застану. О, если бы могъ онъ ускорить возвращеніе свое!

До сего дня была у насъ прекрасная погода, даже слишкомъ хороша, потому что днемъ былъ жаръ нестерпимый, но за то ночи—Итальянскія. Сегодня первый осенний день—холодно, туманно и тонкій едва примѣтный дождь впивается въ платье, въ жилахъ пробѣгаешь влага и морозъ и пахнетъ отечествомъ! Ничто не удается на бѣломъ свѣтѣ! Я Вамъ уже давно говорю про луну. Вотъ, мы и рѣшились въ Воскресенье воспользоваться ею, чтобы любоваться при свѣтѣ ея развалинами старого замка, стоящаго на высокой горѣ, откуда видна вся Баденская долина, городъ, окружныя горы, а на другой сторонѣ, вдали, серебряною нитью извивается Рейнъ, и высоты Вожевъ *) (во Франціи) теряются въ облакахъ и смѣшиваются съ ними. Это все бываетъ днемъ, *comme de raison*, но мы надѣялись на луну, а она причудница измѣнила намъ, задернула облаками лсный ликъ и только изрѣдка, и смѣясь надъ нами, кидала серебристый лучъ на отдаленную вершину какой-нибудь горы или золотила край блуждающаго облака. Несмотря на неудачу, мы вовсе не унывали и весело провели время. Въ восемь часовъ отправились мы (т. е. Полуектова съ дщерьми, M-r Ellis съ женою и тремя дочками-красавицами, графиня Борхъ съ мужемъ и сестрою, Свистуновъ и 2 Miss Pigot). Въ отсутствіе луны смотрѣли мы съ огромной вышины главной башни на таинственный всеобъемлющий мракъ прекрасной и теплой ночи и на отдаленные молніи, которые ярко сверкали по черному небу, потомъ пили скверный чай на томъ мѣстѣ, гдѣ во время оно звенѣли рыцарскія шпоры и на веселомъ пиру звучали серебряные бокалы. Мы сошли съ горы пѣшкомъ во тьму кромѣшную, и я успѣлъ еще забѣжать къ Смирновымъ, которые, слава Богу, не имѣютъ привычки ложиться спать съ курами, что въ Баденѣ всеобщій обычай. Въ Понедѣльникъ былъ у Полуектовой музикальный вечеръ; какой-то Эмиліані славно игралъ на скрипкѣ,

*) Les Vosges.

а тонкая и уродливая англичанка пѣла трясущимся голосомъ Итальянскія аріи, что причинило всѣмъ присутствующимъ не мало удовольствія. Смирновыхъ не было, потому что они отправились въ Страсбургъ и пробыли тамъ два дня, въ продолженіе которыхъ я шатался безпріютнымъ сиротою. Въ Среду на прощаніе обѣдали я у Шабера съ княземъ Ильею Долгорукимъ, и онъ обѣщалъ мнѣ написать, кому слѣдуетъ, чтобы брата и меня на этотъ годъ оставили бы въ Петербургѣ. Онъ отправился съ женою въ Boulogne для свиданія съ Потоцкой.

Пятница $\frac{25}{13}$ Августа.

Вчера вышелъ я изъ дома въ 8 час. утра и воротился только на время, нужное, чтобы написать полторы страницы, а то весь день до 1-го часа таскался, самъ не знаю гдѣ и зачѣмъ. У меня идутъ большие споры съ Полуектовой. Я уже говорилъ Вамъ, что она предложила мнѣ везти въ Россію ея сына и везти въ его коляскѣ. Я согласился съ радостью, но признаюсь, что согласился ради коляски. Теперь-же она вздумала коляски не давать: „ппустъ-де ёдетъ за мною пустая коляска, чтобы, когда мнѣ не захочется, въ жаркій день, ёхать въ каретѣ, я бы могла пересѣсть въ нее“. Какова царица! Съ какой-же стати мнѣ теперь идти въ гувернери, не говоря уже о томъ, что въ это званіе неприлично вступать гвардіи офицеру. Да гдѣ-же это видано, чтобы въ гувернери шли даромъ, такъ изъ удовольствія? А радѣбы я теперь отказаться, да совѣстно. А каково мнѣ нянчиться пѣлыхъ двѣ недѣли съ 17-и лѣтнимъ черномазымъ юношемъ, который, конечно, добрый малый, но глупъ и скученъ до крайности! Avec cela, que je dois m'observer, et forcément rester vertueux et moral au milieu des sÃ©ductions de Hambourg et ct. Чертъ побери! Обидно! Съ другой стороны c'est flatteur, и я могу сказать про себя съ гордою улыбкой добродѣтели la mÃ¨re lui confie et son fils et sa fille*). Очень пріятно и просторно теперь русскимъ

*⁴) Historique, car je fais des cavalcades tout seul avec M-elle Catherine, et je jure, que jamais idée coupable ne m'est entrée en tête... „C'est bien malin, disent les jaloux, ce moyen avec M-elle Catherine“.

въ Европѣ! Въ Парижъ Ѣхать—новое, наистрожайшее запрещеніе; въ Италии—холера, да по послѣднимъ извѣстіямъ бунтъ въ Неаполь, въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ—холера, куда ни бросься, вездѣ бѣда. Вотъ и Смирновы отложили поѣздку въ Берлинъ и отправляются пароходомъ и будуть въ Петербургѣ гораздо ранѣе, нежели предполагали. Завтра оставляютъ они Баденъ и Ѣдутъ въ Дрезденъ. Какъ скоро получу я деньги, то постѣду примѣру ихъ, *j'ai dans toute sa force la fièvre du départ.* Скоро опустѣетъ Баденъ—Платоновъ остается только до моего отѣзда, Соллогубъ Ѣдетъ, вѣроятно, со мною, Свистуновы также, съ Дантеами простился я вчера... Останутся только или самые больные или безденежные, какъ напр. здѣшняя моя тетушка (меня всѣ величаютъ здѣсь ея племянникомъ, какъ я ни отрекаюсь) Полуектова, графиня Соллогубъ, которая безпрестанно говорить о огромныхъ своихъ имѣніяхъ и о маиоратствѣ, которое хочетъ устроить для Льва, между тѣмъ какъ сама сидить на мели отъ безденежья, а Льву нечѣмъ расплатиться съ портнымъ—слабость человѣческая! Я примѣчу, что въ этомъ письмѣ сатирическій тонъ, что рѣдко со мною бываетъ, *et pour ne pas perdre cette bonne occasion,* прибавлю два слова о Наденѣкѣ Свистуновой: вообразите себѣ, что я теперь понять не могу, какъ и о чёмъ я съ ней говорилъ во время оно. Она напоминаетъ мнѣ китайскіе фейерверки, которые забавляли наше дѣтство, пока горитъ свѣчка, то они блестятъ всѣми радужными цветами, погаснетъ свѣчка, и передъ вами бумага, гдѣ съ трудомъ отыщешь блѣдные оттѣнки намазанной краски... И у нея горѣлъ огарокъ кокетства, *on a mis dessus l'éteignoir du mariage,* и—все пропало: она хороша, какъ прежде, но очень скучна, чего прежде не было. Мужъ мнѣ полюбился, онъ любезенъ и веселъ. Въ чужихъ краяхъ я со многими познакомился, но что важнѣе, я съ однимъ подружился—это съ Платоновымъ. Чѣмъ болѣе вижу его, чѣмъ болѣе знаю, тѣмъ болѣе цѣню, тѣмъ сильнѣе меня влечеть къ нему. Странно, на чёмъ основаны симпатіи? Отчего, увидавши его въ первый разъ, во мнѣ что-то на ухо шепнуло про него доброе слово? Наши характеры во многомъ не схожи; взглядъ на предметы не только различенъ, но даже совершенно противуположенъ: я довѣрчивъ, люблю людей и свѣтлыми глазами гляжу на Божій міръ и на будущее; онъ скрытенъ, отказался отъ братства съ

человѣчествомъ, и подъ личною общественной веселости въ немъ кроется глубокая печаль. C'est un homme fort, il n'a pas cÃ©dÃ© sans combattre, il s'est battu contre le destin, mais se voyant le plus faible, il a dÃ©posÃ© les armes, il s'est rÃ©signÃ©. Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что я Вамъ такъ говорю о незнакомомъ: я еще подъ вліяніемъ проведенного съ нимъ вечера: j'ai vu les larmes, que honteux de sa faiblesse il cherchait Ã dÃ©vorer; и мнѣ не стыдно сказать, что и у меня онѣ градомъ покатились. Спрашивается теперь, отчего, живши 20 лѣтъ въ одномъ городѣ, мы никогда не встрѣчались? Отчего судьба мимоходомъ свела насть на чужой сторонѣ какъ-бы только, чтобъ огорчить разлукой... Отчего, отчего! завѣтное слово, которое ежеминутно вырывается изъ вѣчно бодрствующей души и на которое неумолимая неизвѣстность отвѣтствуетъ лишь таинственнымъ молчаніемъ.—Довольно! Приближается часъ, когда я полечу въ ваши объятія, мои возлюбленные, пора обнять Васъ, нора отдохнуть среди вашего круга. Когда я вижу несчастнаго, безроднаго, то, соболѣзнуя его горю и тоскливому одиночеству, я съ чувствомъ благодарности обращаюсь къ Провидѣнію, которое благословило меня Вами, безцѣнная маменька, вами, браты и сестры. Лишь бы Вы— не счастье меня не тронеть и съ презрѣніемъ и гордостью гляну я на терновникъ, которымъ усѣянъ земной путь! Въ концѣ будущей недѣли надѣюсь оставить Баденъ, недѣля дороги до Гамбурга, для 4 отдыха и остановки, 16 (4) Сентября отправляется пароходъ; на это письмо Вы не отвѣтайте! Прощайте, милая, всѣми душевными силами любимая маменька, обнимаю Васъ и цѣлую нѣжно, нѣжно Ваши ручки. До свиданья!

А. К.

Обнимаю васъ братскимъ объятіемъ, Catherine, Sophie, Lise, Alexandre, Woldemar et Pierre, каждого равно нѣжно и крѣпко. Катенька, поцѣлуй за меня Николенку и Саму и напомни первому о большомъ дядѣ, чтобы онъ при прїездѣ узнавъ бы его. До свиданья!

Письмо П. Я. ЧААДАЕВА Князю Н. А. Вяземскому.

(Изъ Остафьевского Архива Князей Вяземскихъ).

Басманная, 29 апреля 1848 года. Спасибо, любезнѣйшій Князь, за Ваше милое письмо. Дѣло Кавелина постараемся сами устроить, а Васъ все-таки благодаримъ за Ваше участіе. Съ Вашимъ суждѣніемъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ я не совершенно согласенъ, хоть вирочемъ Вы во многомъ и правы. Что мы умны, въ томъ никакого иѣть сомнѣнія, но, чтобъ въ умѣ нашемъ вовсе не было проку, съ этимъ никакъ не могу согласиться. Неужто надобно непремѣнно дѣлать дѣла, чтобы дѣлать дѣло? Конечно, можно дѣлать и то и другое, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мысль, и не выраженная еще въ жизни, не могла быть вещь очень дѣльная. Настанетъ время, она явится и тамъ. Развѣ люди живутъ въ однихъ только департаментахъ да канцеляріяхъ? Вы скажете, что мысли наши не только не проявляются въ жизни, но и не высказываются на бумагѣ. Что дѣлать? Знать, грамотка намъ не далась. Но зато, если-бъ Вы послушали наши толки! Нѣть такого современного и несовременного вопроса, котораго бы не рѣшили, и все это въ честь и во славу святой Руси. Повѣрьте, въ нашихъ толкахъ очень много толку. Миръ всплеснетъ руками, когда все это явится на свѣтъ дневный. Но поговоримъ лучше о дѣлѣ, и Вамъ и намъ общемъ. У Васъ, слышно, радуются книгою Гоголя *), а у насть ею очень недовольны. Это, я думаю, происходитъ оттого, что мы болѣе Васъ были пристрастны къ автору. Онъ нась немножко обманулъ, вотъ почему мы на него сердимся. Что касается до меня, то мнѣ кажется, что всего любопытнѣе въ этомъ случаѣ не самъ Гоголь, а то, что его такимъ сотворило, какимъ онъ намъ теперь представился. Какъ Вы хотите, чтобъ въ наше надменное время геніальный человѣкъ, закуренный ладаномъ со всѣхъ сторонъ, не зазнался, чтобъ голова у него не закружилась. Это просто невозможно. Мы нынче такъ довольны

*) „Переписка съ друзьями“.

всѣмъ своимъ роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство общаго самодовольства невольно переносится къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Если народъ русскій выше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то само собой разумѣется, что и всякий даровитый русскій человѣкъ выше всѣхъ даровитыхъ людей другихъ народовъ. У народовъ, у которыхъ народное чванство было искони въ обычай, гдѣ оно въ крови, гдѣ оно вещь поплая, такого рода явленія рѣдки, потому что оно тамъ на умъ высокой никакого дѣйствія имѣть уже не можетъ; у насъ же эта слабость вдругъ развернулась неожиданнымъ образомъ такъ, что всѣхъ застала врасплохъ, и умныхъ и глупыхъ: мудрено ли, что и люди умные отъ нея дурѣютъ? Недостатки книги Гоголя принадлежать не ему, а тѣмъ, которые его превозносили до безумія, которые преклонялись предъ нимъ, какъ предъ высшимъ проявленіемъ русскаго духа, которые ожидали отъ него какого-то преображенія русскаго слова, которые налагали на него какое-то всемирное значеніе; достоинства же ея принадлежать ему самому. Смиреніе, сколь его есть въ его книгѣ, есть плодъ того нового направленія, которое онъ себѣ далъ, гордость ему привита его друзьями. Это онъ самъ говорить въ письмѣ своемъ къ Князю Львову, на дняхъ мною читанномъ. Разумѣется, онъ родился не вовсе безъ гордости, но все-таки главная бѣда произошла отъ его поклонниковъ. Я говорю въ особенности о его Московскихъ поклонникахъ. Но знаете ли Вы, откуда взялось у насъ въ Москвѣ это безусловное поклоненіе даровитому писателю? Оно произошло оттого, что намъ въ Москвѣ сталъ нуженъ человѣкъ, котораго бы мы могли поставить на раду съ великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ, и выше всѣхъ прочихъ писателей настоящаго и прошлаго времени. Это странно, но это сущая правда. Этихъ поклонниковъ я знаю коротко; я ихъ люблю и уважаю: они люди умные, люди хороши, но имъ надобно во что бы то ни стало возвысить нашу скромную богомольную Русь надъ всѣми странами въ мірѣ; имъ непремѣнно надобно себя и другихъ въ томъ увѣрить, что мы призваны быть какими-то наставниками народовъ. Вотъ и нашелся на первый случай такой маленький наставникъ; вотъ они и стали ему про это твердить на разные голоса и вслухъ и на ухо; а онъ,

какъ простодушный, довѣрчивый поэтъ, имъ и повѣрилъ. Къ счастью его и къ счастью русскаго слова въ немъ таился зародышъ этой самой гордости, которую такъ удачно въ немъ развили ихъ хваленія. Хваленіями ихъ онъ пресыпался, но къ самимъ этимъ людямъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго уваженія, это я знаю отъ него самого, и Вы можете въ томъ увѣриться изъ письма его къ Погодину. Отъ этого родилось въ немъ какое-то беспокойное чувство къ самому себѣ, усиленное сначала его болѣзненнымъ состояніемъ, а потомъ новымъ направленіемъ, имъ принятымъ. У насть въ Москвѣ многіе думаютъ, что это направленіе ему дано такъ-называемъ западомъ, страною, где онъ пребываетъ, и іезуитами, къ которымъ его очень добросердечно причисляютъ. На этой счастливой мысли остановился нашъ замысловатый пріятель въ Московской газетѣ и, вѣроятно, разовьетъ ее въ слѣдующемъ письмѣ съ обычнымъ своимъ остротоуміемъ, но іезуитство такъ, какъ его разумѣютъ эти господа, существуетъ въ сердцѣ человѣческомъ, за нимъ не нужно ходить въ чужбину, его вездѣ можно найти и даже въ тѣхъ самихъ людяхъ, которые его въ немъ укоряютъ. Оно состоить въ томъ, чтобы пользоваться всѣми возможными средствами для достижения своей цѣли, а это видано вездѣ. Для этого не только не нужно быть іезуитомъ, но и не нужно вѣрить въ Бога. Въ Гоголь его вовсе нѣть. Онъ слишкомъ спѣсивъ, слишкомъ простодушенъ, слишкомъ откровененъ, откровененъ даже до цинизма, однимъ словомъ онъ слишкомъ неловокъ, чтобы быть іезуитомъ. Нѣкоторые изъ его хулителей особенно отличаются своею ловкостью, искусствомъ промышлять всѣмъ, что имъ ни попадется подъ руку, и въ этомъ отношеніи они совершенные іезуиты. Онъ больше ничего, какъ даровитый писатель, котораго черезъ мѣру возвеличили, который попалъ на новый путь и не знаетъ, какъ съ нимъ сладить. Но все-таки онъ тотъ же самый геніальный человѣкъ, какой и прежде былъ, и все-таки онъ и въ томъ болѣзненному состояніи души, въ которомъ теперь находится, выше всѣхъ своихъ хулителей, и когда захочетъ, то сокрушить ихъ однимъ словомъ и размечеть, какъ былѣ непотребное.

Эти строки были написаны до получения Вашей книжечки. Съ тѣхъ поръ бытъ я боленъ и не могъ писать, а потомъ не писалъ по другимъ причинамъ. Благодарю за присылку. Не стану перена-

чинять письма, а скажу Вамъ въ двухъ словахъ, какъ съумѣю, свое мнѣніе о Вашей статьѣ. Вамъ, вѣроятно, уже известно, что на нее здѣсь очень гнѣваются. Разумѣется, въ этомъ гнѣвѣ не участвую я. Я увѣренъ, что, если бы не выставили всѣхъ недостатковъ книги, или не довольно на нихъ обратили вниманія, то это потому, что Вамъ до нихъ не было дѣла, что они и безъ того достаточно были выставлены другими. Вамъ, кажется, всего болѣе хотѣлось показать ея важность и необходимость оборота, происшедшаго въ мысляхъ автора, и это, по моему мнѣнію, Вы исполнили прекрасно. Что теперь ни скажутъ о Вашей статьѣ, она останется въ памяти читающихъ и мыслящихъ людей, какъ самое честное слово, произнесенное объ этой книгѣ. Все то, что ни было сказано о ней другими, исполнено какой-то странной злобы противъ автора. Ему какъ-будто не могутъ простить, что, веселивши насъ столько времени, ему вздумалось разъ поговорить съ нами не въ шутку, что съ нимъ случилось то, что ежечасно случается съ другими людьми, менѣе известными, въ кругу обыкновенной жизни, и что онъ осмѣлился намъ про это разсказать по вѣковѣчному обычай писателей, питающихъ сознаніе своего значенія. Позабываютъ, что писатель, особенно писатель столь извѣстный, не частный человѣкъ; что скрыть ему свои новыя задушевныя чувства было невозможно и не должно, и что все дѣло состоитъ въ томъ, какъ онъ ихъ выразилъ; позабываютъ, что подъ нѣкоторыхъ страницъ, слабыхъ, мелкихъ и даже виновныхъ, есть въ этой книгѣ страницы красоты изумительной, страницы такія, что, читая ихъ, радуешься и гордишься, что говоришь на томъ языкѣ, на которомъ такія вещи говорятся. Вы одни съ любовью относитесь къ книгѣ и авторѣ. Спасибо Вамъ. День ото дня источникъ любви болѣе и болѣе у насъ изсякаетъ, по крайней мѣрѣ въ мірѣ печатномъ. Итакъ, спасибо Вамъ еще разъ. На меня находитъ невыразимая грусть, когда я вижу всю эту злобу, возникшую противъ любимаго писателя, доставившаго намъ столько слезныхъ радостей, за то только, что онъ пересталъ на насъ тѣшить и съ чувствомъ скорби и убѣженія исповѣдуется предъ нами и старается по силамъ намъ сказать доброе и поучительное слово. Все, что мнѣ бы желалось Вамъ сказать, Вы уже сами сказали несравненно лучше, нежели какъ бы мнѣ удалось то выразить, особенно на языкѣ, которымъ столь бессильно владѣю.

Но одно, о чёмъ уже говорилъ въ первыхъ своихъ строкахъ, Вы, кажется, упустили изъ виду, а именно высокомѣрный тонъ нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ. Я уже сказаць, какому вліянію приписынаю этотъ тонъ, но нельзя и самого Гоголя въ немъ оправдать, особенно при томъ стремлениі, которое въ его книгѣ обнаруживается. Это вещь, по моему мнѣнію, очень важная. Мы искони были люди смиренные и умы смиренные. Такъ воспитала насть наша церковь. Горе намъ, если мы измѣнимъ ея мудрому ученію; ему обязаны мы своими лучшими народными свойствами, своимъ величиемъ, своимъ значеніемъ въ мірѣ. Къ сожалѣнію, новое направленіе избраннѣйшихъ умовъ нашихъ именно къ тому клонится, и нельзя не признаться, что и нашъ милый Гоголь, тотъ самый, который столь рѣзко выказалъ памъ нашу грѣшную сторону, этому вліянію подчинился. Пути наши не тѣ, по которымъ идуть другіе народы. Мы, конечно, достигнемъ всего того, изъ чего они бываютъ, но по сіе время мы столь мало еще содѣствовали къ общему дѣлу человѣческому, что безумно намъ величаться предъ старшими братьями нашими. Они не лучше насть, но они опытнѣе насть. Ваша дѣловая Петербургская жизнь заглушаетъ Васъ; Вамъ не слышно, что творится на землѣ русской. Прислушайтесь къ глаголамъ нашимъ; они Вамъ повѣдаютъ дивныя вещи. Въ первой половинѣ Вашей статьи Вы сказали нѣсколько умныхъ словъ о нашей новоизобрѣтенной народности, но ни слова не упомянули о томъ, что мы невидимо стремимся къ искаженію народнаго характера. Помыслите объ этомъ, не повѣрите, до какой степени личности людей въ нашемъ краю измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ мы облеклись этой народною гордынею, невѣдомой отцамъ нашимъ. Вотъ, что меня всего болѣе поразило въ книгѣ Гоголя, и чего Вы, кажется, не замѣтили. Во всемъ прочемъ я съ Вами заодно. Поклонитесь Тютчеву, скажите ему, что я ожидаю отвѣта на свое письмо, а что литографа здѣсь нѣть. Княгинѣ мое глубокое почтеніе, сыну Вашему une bonne poignée de main, а Васъ прошу сохранить ко мнѣ Ваше благорасположеніе и вѣрить моей сердечной преданности.

Петръ Чадаевъ.

Неизданное стихотворение А. С. Хомякова

о ПЕТЕРБУРГЕ,

изъ АЛЬБОМА Софии Николаевны Карамзиной.

(Сообщено Графиней Екатериной Петровной Клейнмихель,
рожд. Княжной Мещерской).

To be in Petersburg with a soul and
a heart is solitude indeed.

Voyage inédit.

Et je vis une ville où tout était pierre:
les maisons, les arbres et les habitants.

Voyage d'Abdul Fared le vagabond.

Здесь, где гранитная пустыня
Гордится мертвой красотой,—
Для сердца чистого святыни
Есть мирный кровъ, любимый мной.
Тамъ дружества привѣтъ радушный
И умъ, въ согласіи съ душой,
И чувству разговоръ послушный
Отрадной дышутъ теплотой.
Такъ въ нѣдрахъ степи раскаленной
Среди губительныхъ песковъ
Отрадны оазисъ зеленый,
И пальмы тѣнь, и ключъ студеный
И пѣснь щастливыхъ пастуховъ.

А. Хомяковъ.

С. Петерб. 1832 г.

Князь П. А. Вяземский.

Автобіографическое введеніе.

(Полное собраніе сочиненій Князя П. А. Вяземскаго. Томъ I, 1810—1827 г. Издание Графа С. Д. Шереметева. С.-Петербургъ, 1878, стр. I—LX).

Вѣроятно, никто болѣе меня не удивится появленію въ печати полнаго собранія всего написаннаго мною въ прозѣ, въ теченіи шестидесятилѣтія и болѣе. Это уже не въ чужомъ, а въ собственномъ пиру похмѣлье. Впрочемъ, голова моя, кажется, крѣпка: чернилами до-пьяна я никогда не упивался.

Въ наше скороспѣлое и торопливое время такое позднее появленіе довольно любопытно. У насъ издаются книги только-что вчера дописанныя; листы высохнуть еще не успѣли: кажется, не только у насъ, но и вездѣ, иные издаютъ книги, которыя только завтра напишутся, а пока спѣшать издать въ свѣтъ пробные листы. Что до меня касается, слѣдуетъ еще замѣтить, что предлагаемое нынѣ собраніе сочиненій моихъ предпринято не по моему почину и, такъ-сказать, отъ меня заочно. Благопріятели предложили, а я согласился. Какъ и почему согласился я, читателямъ и публикѣ знать въ подробности не нужно. Это дѣло домашнее. Впрочемъ, не одинъ разъ друзья мои убѣждали меня собрать и издать себя. Кажется, и постороннія лица, и даже літературные недоброжелатели мои, удивлялись, съ примѣсью пѣкотораго сожалѣнія, что нѣтъ меня на книжномъ рынке. Дѣло въ томъ: въ старое время, то-есть когда былъ я молодъ, было мнѣ просто не до того. Жизнь сама по себѣ выходила скоропечатными листками. Типографія была тутъ въ сторонѣ, была не при чемъ. Вообще я себя расточалъ, а оглядываться и собирать себя не думалъ. Да-же, когда дѣятельность літературы

нашой начала сходить съ пути, по которому я слѣдовалъ, и приняла
пное направлениe, на вызовъ издать написанное мною и разбросан-
ное по журналамъ, отвѣчалъ я: „теперь поздно и рано“. Поздно—
потому, что желѣзо остыло, а должно ковать желѣзо, пока оно го-
рячо, то-есть, пока участіе читателей еще живо и сочувственно,
пока не развлеклось оно новыми именами, новыми пріемами. Рано—
потому, что не настала еще пора, когда старое такъ состарится,
что можетъ показаться новымъ и молодымъ. По неизмѣнному житей-
скому порядку и круговорашенію, такъ бываетъ во многомъ: жизнь
и исторія на лицо—онъ засвидѣтельствуютъ правду этихъ словъ.
Легко можетъ статься, что многое изъ нынѣ животрепещущаго и
господствующаго не переживетъ вѣка и дня своего. Другое, нынѣ
старое и забытое, можетъ очнуться позднѣе. Оно будетъ источникомъ
добропровѣстныхъ изысканій, училищемъ, въ которомъ новая поколѣ-
нія могутъ почерпать если не уроки, не образцы, то преданія, не-
лишенныя занимателности и цѣнности не только для новаго, на-
стоящаго, но и для будущаго. Слова: прошедшее, настоящее, буду-
щее—имѣютъ значеніе условное и переносное. Всякое настоящее
было когда-то будущимъ, и это будущее обратится въ прошедшее.
Иное старое можетъ оставаться въ сторонѣ и въ забвеніи; но тутъ
нѣть еще доказательства, что оно устарѣло; оно только вышло изъ
употребленія. Это такъ, но запросъ на него можетъ возродиться.
Антикваріи, продавцы старой мебели, старой утвари также удачно
торгуютъ старьемъ, какъ и сосѣдная съ ними лавка сбываетъ свой
свѣжій и по послѣднему требованію изготовленный товаръ. Одно
здѣсь условіе: старое должно имѣть свою внутреннюю и вѣсовую,
или художественную цѣнность. Въ такомъ товарѣ есть большая,
неувѣдаемая живучесть. Отлагая въ сторону стыдливую скромность
и не подвергая себя упрекамъ въ излишней гордости, полагаю, что
предлагаемый здѣсь товаръ не лишенъ, въ нѣкоторой степени, того
и другого свойства. Слѣдовательно, и моя рѣчь впереди. Стоить
только дождаться удобнаго часа, а онъ пробѣть уже безъ меня, но
пробѣть. Впрочемъ, нѣкогда и я имѣть свой часъ, и часы били
еще съ трезвономъ и курантиками. Поздняя старость имѣть право
говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ. Старикъ въ собственныхъ глазахъ
своихъ уже не я, а онъ. Въ такихъ условіяхъ выхожу предъ

общественное судилище. Доволенъ буду я и малочисленнымъ одобри-
тельныйнымъ вниманіемъ нѣкоторыхъ читателей; равнодушенъ буду,—
по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется, пока я еще въ кулисахъ и на
сцену не вышелъ,—къ строгимъ приговорамъ другихъ судей, тѣмъ
болѣе, что этотъ судъ будетъ что-то въ родѣ посмертнаго суда. Меня
вполнѣ живаго онъ уже не застигнетъ. На долгомъ вѣку моемъ быть
я обстрѣлянъ и крупными похвалами и крупною бранью. Всего было
довольно. Выдержалъ я испытаніе и заговора молчанія, кото-
рый устроили противъ меня. Я былъ отпѣтъ: кругомъ могилы моей,
въ которую меня живаго зарыли, глубокое молчаніе. Что же? Все
ничего. Не раздобрѣлъ, не раздулся я отъ первыхъ, не похудѣлъ—
отъ другихъ. Натура одарила меня болѣшою живучестью и тѣлесною
и внутреннею. Это, можетъ-быть, досадно противникамъ моимъ. Прошу
у нихъ въ томъ прощенія, но дѣлать мнѣ нечего. Я здоровъ своимъ
здоровьемъ и боленъ своими болѣзнями. Чужie не могутъ придать
мнѣ здоровья, не могутъ со стороны привить мнѣ и недуги. Зло-
качественная повѣтряя и наитія безсильны надо мною.

Какъ бы то ни было, вотъ являюсь я весь на лицо. Былъ
старый чиновникъ; онъ прошелъ долголѣтнее служеніе и получилъ
заслуженные имъ знаки отличія. Но онъ не носилъ на себѣ этихъ
знаковъ, не развѣшивалъ ихъ на шеѣ и груди своей. Онъ держалъ
ихъ за образомъ, предъ которымъ теплилась неугасимая лампада.
Онъ берегъ эти кресты на день погребенія своего. Безъ суевѣрія и
страха, сдается иногда и мнѣ, что я выступаю съ литературными
регаліями своими на прощаніе съ авторскою жизнью и со всякою
другою. Эти регаліи улягутся на подушкахъ, которыхъ будутъ сопро-
вождать мой гробъ. Миръ имъ и мнѣ... Скажу, что Карамзинъ ска-
залъ въ надгробной надписи, въ 1792 году, въ годъ рождения моего;
это также живая старина:

Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра.

Я вѣрую въ утро и воскресеніе мертвыхъ, слѣдовательно, и въ
свое.

I.

Заговоривъ о себѣ немножко, хочется поговорить еще болѣе. Чернила соблазнительны. Они имѣютъ нечто общее съ виномъ, чтобы не сказать съ кровью. Пьяница можетъ на некоторое время наложить на себя трезвое попеніе; но попадись на языкъ его капля вина, онъ снова предается запою. Такъ первая капля крови дѣйствуетъ на некоторыхъ звѣрей, къ сожалѣнію, и на некоторыхъ людей. Эта капля пробуждаетъ свойственную имъ кровожадность. Не даромъ говорилъ Фридрихъ Великій, что въ каждомъ человѣкѣ таится тигръ. Ему вѣрить можно. Онъ, въ свое время, былъ и великий проливатель крови и великий проливатель чернилъ. Радуюсь, что судьба поставила меня въ возможность подражать ему только въ послѣднемъ отношеніи.

Вотъ въ чемъ дѣло. Полное изданіе сочиненій писателя есть, такъ-сказать, и выставка жизни его. Къ выставкамъ прилагаются обыкновенно указатели и пояснительные каталоги. Такъ хочется поступить и мнѣ. Къ выставкѣ моей считаю не лишнимъ приложить некоторые отмѣтки и комментаріи. Это будетъ родъ авторской исповѣди: смѣсь свидѣтельства о рождениіи, литературного формуларного списка и предсмертнаго духовнаго завѣщенія. Самъ не знаю, что изъ всего этого выйдетъ. Но что-нибудь да выйдетъ. Дамъ волю памяти своей и старческой болтливости.

II.

Съ тѣхъ поръ, что помню себя, во мнѣ проявлялись и копошились какіе-то безсознательные зародыши литературные и авторскіе. Напримѣръ, во время оно, Московскія Вѣдомости выходили два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ. Я всегда караулилъ появленіе ихъ въ домѣ нашемъ и съ жадностію кидался

на нихъ. Но искалъ я не политическихъ извѣстій, а стихотвореній, которыя въ нихъ изрѣдка печатались. Болѣе всего привлекали меня объявленія книгопродавцевъ о выходящихъ книгахъ. Читалъ я эти объявленія съ любопытствомъ и благоговѣніемъ, тѣмъ болѣе, что объявленія писались тогда витѣвато и кудряво. Бывали еще объявленія отъ переводчиковъ, которые предостерегали совмѣстниковъ своихъ, чтобы они не брались за переводъ такого-то романа, потому что онъ уже переводится и скоро поступить въ продажу: эти объявленія заставляли трепетать мое сердце. Я завидывалъ счастливцамъ, которые переводятъ. Должно сознаться, что не одни книжная оповѣщенія обращали дѣтское вниманіе мое. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ зачитывался я и прейс-курантовъ виноторговцевъ, особенно нравились мнѣ поэтическія прозванія нѣкоторыхъ винъ, напримѣръ, *Lacryma-Christi* и другія, равно благозвучныя. Тутъ, можетъ-быть, пробуждалась и звенѣла моя поэтическая струна, а можетъ-быть просто, но все-таки поэтически, отзывалось предвкусіе, или предчувствіе, что нѣкогда буду и я съ пріятелями моими, Денисомъ Давыдовымъ и графомъ Михаиломъ Вѣльгорскимъ, неравнодушнымъ цѣнителемъ благороднаго сока виноградныхъ кистей. За давностію времени, не берусь рѣшить, кто тогда бралъ верхъ надо мною: Аполлонъ или Вакхъ. Помнится мнѣ, что еще прежде находилъ я удовольствіе и даже наслажденіе въ первоначальномъ ученіи по складамъ. Сочетаніе азбучныхъ буквъ въ одинъ звукъ ласкало мой музыкальный слухъ. Вообще, дѣтская память моя очень чутка. За послѣдующіе годы она слабѣе и безотвѣтнѣе. Помню какъ дѣдка мой, Lapierre, сѣкалъ меня, четырехъ- или пятилѣтняго мальчика, бритвеннымъ ремнемъ въ Нижегородскомъ генераль-губернаторскомъ домѣ. Лѣтъ тридцать спустя, если не болѣе, заходилъ я въ этотъ домъ, и, кажется, узнавалъ комнату, въ которой совершилась акземкуція надо мною, и припоминалъ ее вовсе безъ злопамятства. Да, милостивые государи, меня сѣкали ремнемъ, и послѣ нѣсколько разъ сѣкали розгами, однажды и собственными руками отца моего, за персикъ, который я тайно присвоилъ себѣ и сѣялъ. Впрочемъ, не за лакомство свое было я наказанъ, а за ложь, то-есть за то, что не хотѣлъ признаться въ проступкѣ своемъ. Мнѣ было тогда лѣтъ восемь или девять. Не помню, плакалъ ли я подъ розгами, но помню

слезы на глазахъ отца. Сознаюсь въ томъ и убѣжденъ я, что эти наказанія нисколько не унизили характера моего. О наказаніяхъ много нынѣ толкуютъ, но не доходятъ до того заключенія, что почти всѣ наказанія свойства болѣе или менѣе физическаго или тѣлеснаго. Содержаніе въ тюрьмѣ, ограниченіе пищи, приневоливаніе къ работамъ: развѣ все это нравственныя наказанія? Нѣтъ, это тѣ же розги, бичующія тѣло. Странныя понятія и умозаключенія нашихъ филантроповъ. Они допускаютъ нравственныя наказанія: униженіе, пристыженіе самолюбія и достоинства человѣка, гласное, публичное посрамленіе, ощельмованіе человѣка; но крѣпко стоять за неприкосновенность тѣла: спины его и другихъ частей. Но развѣ тѣло почетнѣе и выше нравственныхъ и духовныхъ свойствъ человѣка? Сколько несостоятельности, неблагородзумія, противорѣчій въ человѣческихъ понятіяхъ и соображеніяхъ! Какъ много суемыслия и суеверій въ иныхъ principioахъ, въ такъ-называемыхъ системахъ и ученіяхъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ средняго разряда тѣлесныя наказанія торжественно отмѣнены. Это событіе празднуютъ, какъ погашеніе огней инквизиціи въ Испаніи, или взятіе и разрушеніе Бастилии въ Парижѣ. Не спорю, что, можетъ-быть, бывали, даже и положительно бывали, злоупотребленія въ правѣ и обычая подвергать учениковъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что эти злоупотребленія бывали рѣдки: бывали прискорбными исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Впрочемъ, вспыльчивый, заносчивый, раздражительный, несправедливый учитель и наставникъ могутъ, и невооруженные розгами, пагубно дѣйствовать на учениковъ, вѣбранныхъ заботливости ихъ. Могутъ они оскорблять ихъ и зарождать въ нихъ чувства непокорства и злобы однимъ обиднымъ словомъ, однимъ суровымъ и беспощаднымъ обращеніемъ съ этимъ чуткимъ, впечатлительнымъ и часто злопамятнымъ возрастомъ. Но за то нынѣ при новыхъ порядкахъ, за шалость, которая, въ доброе старое время, вызвала бы на шалуна домашнюю, семейную, патріархальную расправу, въувѣренности, по русской поговоркѣ, что до свадьбы заживеть, нынѣ, вместо розогъ, и за неимѣніемъ другихъ подъ руками средствъ, отрока-шалуна выгоняютъ и исключаютъ изъ заведенія, то-есть разомъ губить его настоящее и будущее его. Родители, отдавая дѣтей своихъ въ училища, въ правѣ предполагать, что эти

заведенія не только учебныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспитательныя и образовательныя. Они, такъ-сказать, передаютъ начальству заведенія обязанности и права свои въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ. Какой добросовѣтный и благоразумный, не говорю уже чадолюбивый и нѣжный, отецъ рѣшится за шалость, и даже за проступокъ, выгнать сына своего изъ родительского дома и бросить его на улицу? Такимъ поступкомъ доказалъ бы онъ, что не умѣеть быть отцемъ и не достоинъ быть отцемъ. На то и дѣти и отроки, на то и обязательное попеченіе о нихъ, чтобы мѣрами нѣжной и неусыпной наблюдательности и строгаго взысканія развивать въ отрочествѣ зародыши и отрасли всего хорошаго и отсѣкать—безъ каламбура—худые и пагубные отпрыски и нарости. Само собою разумѣется, что о жестокости въ наказаніяхъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Такая жестокость, явно уличенная, должна быть строго преслѣдуема и караема закономъ, какъ въ домашнемъ, такъ и во внѣдомашнемъ воспитаніи, подобно тому, какъ взыскивается закономъ за всякое умышленное насилиство, илиувѣчье, нанесенное другому. Въ краткое и, откровенно сознаю, почти безполезное пребываніе мое по министерству просвѣщенія, я всегда, по возможности, протестовалъ противъ подобныхъ изгнаній изъ учебныхъ заведеній. Чтобы не приписывали мнѣ болѣе того, что я дѣйствительно думаю, нужнымъ считаю договорить, что вовсе не выставляю себя присяжнымъ защитникомъ розогъ. Не полагаю, что въ нихъ заключается единственно спасительное пособіе воспитанія; но также не полагаю, чтобы совершенная отмѣна ихъ была вполнѣ плодотворная мѣра. Разумѣется, послѣ отмѣны ихъ, мудрено и, можетъ-быть, опасно возвратиться къ нимъ. Но человѣческий родъ такъ созданъ, что для многихъ и во всѣхъ возрастахъ страхъ наказанія нуженъ. Если достаточно было бы благодѣтельной силы слова, чтобы человѣка вполнѣ пріучить къ одному доброму и отучить отъ всякаго зла, то, кажется, лучше евангелія уже ничего придумать нельзя. Но и оно не всѣхъ направляетъ и не всѣхъ исправляетъ, а потому позволю себѣ сказать въ заключеніе, что педагогіи и нынѣ не слѣдуетъ, по этому вопросу, отдохнуть на лаврахъ своихъ и притулившихся розгахъ. Сей вопросъ, какъ говорится, остается пока еще открытымъ. Многое можно сказать за и многое противъ.

Вообще, въ дѣтствѣ моемъ учился я лѣниво и разсѣянно. Во мнѣ не было никакого прилежанія и постѣ мало было усидчивости. Въ умѣ моемъ нѣть свойства устойчивости. Мой отецъ, вѣроятно, замѣтившій этотъ умственный недостатокъ, хотѣлъ одолѣть его и подчинить дисциплинѣ математического ученія. Хотѣлъ уговорить меня, такъ-сказать выпрямить и отрезвить въ умственной гимнастикѣ цифръ. Но усилия его были напрасны. Я не поддавался. Математика въ дѣтствѣ и отрочествѣ моемъ была мнѣ пугаломъ. Позднѣе, осталась она для меня тарабарскою грамотою. Не смотря на то, многіе изъ зреѣлыхъ годовъ жизни моей провелъ я по вѣдомству цифирному: то по дѣламъ виѣшней торговли, то по управлѣнію государственнымъ заемнымъ банкомъ; по счастію ни тутъ, ни тамъ при мнѣ обмолвки въ итогахъ не было. Богъ охраняетъ невинность. Такія встрѣчаются въ жизни противорѣчія и несоответственности. Родитель мой хотѣлъ сдѣлать изъ меня математика, судьба сдѣлала меня стихотворцемъ, не говорю: поэтомъ, ради страха іудейскаго и изъуваженія къ критикамъ моимъ, которые заключили, что я не совсѣмъ поэтъ, или совсѣмъ не поэтъ. Кажется, они то же говорятъ и о Дмитревѣ. Это меня утѣшаетъ. Кстати, о немъ. Онъ, бывало, говорилъ, шутя, что Аполлонъ внушилъ мнѣ страсть къ стихамъ на зло отцу моему и въ отмщеніе однофамильцу нашему, екатерининскому кн. Вяземскому, за то, что онъ престѣдовалъ Державина. Отца огорчала моя разсѣянность или развлекательность; она была еще сильнѣе лѣни моей. Впрочемъ, это была, можетъ-быть, одна виѣшняя лѣнь, которая закрывала мою внутреннюю дѣятельность. Отецъ упрекалъ меня, что когда я возьму книгу въ руки, то начну читать ее безъ разбора, то съ середины, то съ конца, и поэтому безъ толка и безъ пользы. Замѣчаніе его должно быть справедливо, потому что и позднѣе читалъ я болѣе урывками. Въ жизни моей я очень многое прочелъ, но мало дочиталъ. И нынѣ у меня нерѣдко двѣ-три книги перебиваются одна другую. Вообще, я довольно смѣтливъ: изъ нѣсколькихъ страницъ постигаю сущность книги и часто отрываюсь отъ пищи, не дождавшись насыщенія. Такъ можно обращаться съ романами, особенно съ нашими, и вообще съ книгами легкаго содержанія. Съ другими книгами подобное обращеніе невыгодно. Но я всегда предпочитаю занятіе труду. Это также—погрѣшность

и недостатокъ. Безъ труда ни до чого положительно и обстоятельно не дойдешь. Есть древняя поговорка: „Смертный, скользи, а не напирай“. Эта поговорка эпикурейская. Болѣе строгая и глубокая мудрость, напротивъ, предписываетъ: напирай! Постоянныи напоръ одолѣваетъ препятствія, а на каждомъ пути, предстоящемъ человѣку, препятствія встрѣчаются. Вообще, могу сказать о школьніомъ возрастѣ своемъ и о послѣдовавшихъ возрастахъ, что я зналъ и знаю многое, чего можно было бы и не знать, а многое не знаю, чѣмъ знать необходимо. Если не ошибаюсь, этотъ недостатокъ правильной экономіи, эта неуридица нерѣдко встрѣчаются въ общей нынѣшней образованности. Предметы знанія до безконечности умногосложились, а едава ли трудолюбіе усилилось соразмѣрно съ ними.

Въ дѣтствѣ моемъ, вѣроятно, быль я не серьѣзное дитя, а скорѣе нѣсколько угрюмое. Ловкости, удальства, рѣзвости во мнѣ не было. Старикъ Pingot, нашъ танцмейстеръ, говаривалъ, что я мѣшокъ. Не помню, чтобы я когда-нибудь съ увлеченіемъ предавался дѣтскимъ играмъ. Братьевъ у меня не было, слѣдовательно, въ домѣ я былъ довольно одиночка. Дядѣкъ моему, Никитѣ, который впослѣдствіи сдѣлался ужаснымъ пьяницей и забавлялъ Жуковскаго, любилъ я передавать осколки изъ разговоровъ, подслушанныхъ мною у отца моего. Вѣроятно, ни дядька, ни я не понимали толково и хорошо этихъ выдержекъ. Но, можетъ-быть, и тутъ уже прорывались нѣкоторые намеки на свойственную мнѣ наблюдательность и на развитіе способностей моихъ въ упражненіяхъ литературнаго сыщика и обще-житейскаго сплетника.

Отецъ былъ со мною взыскателенъ и строгъ. Я болѣе боялся, нежели любилъ его. Любовь моя и уваженіе къ нему были, такъ-сказать, чувствомъ и плодомъ посмертнаго. Я былъ вообще неуступчивъ и парадоксаленъ. Однажды замѣтили мнѣ за обѣдомъ, что я сѣѣлъ много хлѣба и много выпилъ воды. На это возразилъ я, что остаются еще при мнѣ крохи хлѣба и что графинъ не совершенно опустѣлъ. Отецъ приказалъ оставить для завтрашняго дня на прокормленіе и потребленіе мое то, чѣмъ называлъ я остатками. Быль я довольно трусливъ и, вѣроятно, уже и тогда нервическаго сложенія. Отецъ хотѣлъ побѣдить во мнѣ и этотъ недостатокъ. Меня заставляли одного барахтаться въ Остафьевскомъ пруду, съ тѣмъ,

чтобы выучился я плавать. Лѣтомъ, въ темную ночь, посыпали меня одного въ рощу. Разумѣется, на всякий случай, слѣдили за мною, но тогда я этого не зналъ.

Между тѣмъ, отношенія мои къ отцу не всегда бывали такъ натянуты и строги. Помню, что онъ часто смеялся моимъ дѣтскимъ устнымъ выходкамъ. Вѣроятно, были и онѣ проблески нѣкоторой стороны будущаго авторства. Рѣчь моя была иногда довольно бойка и оригинальна. Помню, что изъ многочисленныхъ посѣтителей дома нашего, умѣйшіе, напримѣръ, князь Бѣлосельскій, Нелединскій, графъ Левъ Разумовскій, князь Яковъ Лобановъ, обращались ко мнѣ, вызывая на какую-нибудь шутку или дѣтскую остроту. Выше спазалъ я, что учился плохо въ дѣтской комнатѣ; но за то рано началъ я практическое ученіе въ салонѣ нашемъ: мѣтко вслушивался я въ разговоры, которые раздавались вокругъ меня. Въ этомъ отношеніи домъ нашъ былъ для меня живою школою. Разумѣется, многаго изъ разговоровъ не понималъ я, иное попималъ криво. Но все же кое-что схватывалъ. Такимъ образомъ мой умъ могъ развиться довольно рано, хотя и не совсѣмъ правильно.

Также рано началъ я писать стихи и, здѣсь можно сказать, совсѣмъ неправильно. Первоначальные стихи мои были французскіе. Видно, что эта способность моя была гласно признаваема и дѣма. При подаркѣ на новый годъ карманной книжки отцу съ тремя портретами нашими вызвали меня приложить стихи къ этому подпесенію. Замѣтимъ мимоходомъ, что эти портреты писаны были графомъ Ксавье де-Местромъ, известнымы послѣ авторомъ „Путешествія кругомъ комнаты моей“, „Сибирячки“ и другихъ сочиненій, исполненныхъ дарованія и оригинальной прелести. Тогда жилъ (онъ) въ Москвѣ эмигрантомъ и занимался живописью для снисканія средствъ къ существованію..

Въ 1805 году написалъ и французскіе стихи на смерть Нельсона. Нечего и говорить, что все это было болѣе или менѣе безграмотно. Но червякъ стихотворства уже шевелился во мнѣ. Правильно, или, по крайней мѣрѣ, правильнѣе сталъ я писать гораздо позднѣе. Едва ли не со времени сближенія моего съ Жуковскимъ. Послѣ слышалъ я отъ прежнихъ учителей своихъ, что я казался совершенно тупымъ и будто отсутствующимъ при преподаваніи ихъ;

но если когда-нибудь, въ урокѣ или въ книжкѣ, приводились стихи или рѣчь заходила о чёмъ-то баснословномъ и поэтическомъ, то вниманіе мое внезапно просыпалось и сосредоточивалось. Лицо мое просияетъ, и я становлюсь совершенно другимъ мальчикомъ.

Впервые слышанныя мною оды Ломоносова приводили меня въ упоеніе. Не вникалъ я въ ихъ смыслъ, но съ трепетомъ заслушивался я стройныхъ и звучныхъ ихъ волнъ. Отъ Державина быть я безъ ума. Коротко знакомый Карамзину, Ив. Сем. Набоковъ, газетный цензоръ при Московскому Почтамтѣ, быть часто жертвою моей державиноманіи. При удобномъ случаѣ, то и дѣло отпускаль я ему строфы изъ поэмъ Державина. Разъ онъ не вытерпѣль и сказалъ мнѣ: вы удивительно напоминаете мнѣ пріятеля моего, который ужасно надоѣдалъ мнѣ Державинымъ. Монологи и сцены изъ трагедій Расина и Вольтера, которые мнѣ давали выучивать наизусть, были для меня и прежде не уроками, а наслажденіемъ. И теперь еще слышится мнѣ, какъ декламировать я тираду изъ Альзиры: „Mânes de mon amant“ и прочее.

Но не одни князья поэзіи: Ломоносовъ, Державинъ, Расинъ, Вольтеръ, покорили меня могуществу своему. Сознаюсь, что бывалъ я въ плѣну и у князя Шаликова. съ которымъ, впрочемъ, были мы и послѣ хорошими пріятелями. Была въ отрочествѣ моемъ пора, когда вкусить я отъ Плодовъ свободныхъ чувствованій: подъ этимъ названіемъ изданы были въ свѣтъ молодыя сочиненія Шаликова, собраніе разныхъ сентиментальныхъ и пастушескихъ статей. Однажды съ профессоромъ Рейсомъ, у которого я жилъ по назначенію отца моего, ходили мы на Воробьевы-Горы. Тутъ встрѣтился я съ крестьяниномъ, и подъ сантиментальнымъ наитіемъ Шаликова, началъ я говорить крестьянину о прелестяхъ природы, о счастіи жить на материнскомъ лонѣ ея и такъ далѣе. Собесѣдникъ мой, не вкусившій плодовъ, которыми я обкушался, пучиль глаза свои на меня и ничего не отвѣчалъ. Наконецъ, спросилъ я его: доволенъ ли онъ участію своею? Отвѣчалъ: доволенъ. Спросилъ я его: не хотѣлъ ли бы онъ быть бариномъ? Отвѣчалъ онъ: нѣть, барство мнѣ не нужно. Тутъ я не выдержалъ: вынулъ изъ кармана пяти-рублевую синюю ассигнацію, единственный капиталъ, которымъ я владѣлъ въ то время, и отдалъ ее крестьянину. Долго радовался

я впечатлѣнію, которое оставила во мнѣ эта прогулка à la Chalikof. Была у меня полоса Сумароковская; это было время военное: захотѣлось мнѣ испытать силы мои на лирической трубѣ, но не по слѣдамъ Ломоносова, а Сумарокова. Вотъ и началъ я:

Воспой, о Муза, пѣснь высоку
И въ струны лиры ударяй,
Воспой враговъ ты суматоху
И славу Россовъ возглашай.

Я очень дорожилъ словомъ суматоха. Мнѣ казалось, что тутъ есть какой-то отзывъ своевольной и, такъ-сказать, фамиліарной поэзіи Сумарокова въ противоположность съ поэзіею Ломоносова, нѣсколько чопорною и официальную; а, можетъ быть, и просто увлѣкала меня нѣкоторая аналогія въ звукахъ: Сумароковъ, суматоха. Впрочемъ, я и нынѣ не отрекаюсь отъ Сумарокова. Почитаю его однимъ изъ умнѣйшихъ и живѣйшихъ писателей нашихъ. Пушкинъ говоривалъ, что онъ вѣрнѣе зналъ Русскій языкъ и свободнѣе владѣлъ имъ, чѣмъ Ломоносовъ.

Если рѣчь дошла до исповѣди въ грѣхахъ юности или, правильнѣе, отрочества моего, то нужно упомянуть, что первая эпиграмма моя, или будто эпиграмма, пала на долю Мерзлякова. И вотъ по какому поводу. По опредѣленіи моемъ въ домъ профессора Рейса (зять известного и домового врача нашего Керестури) приглашены были для преподаванія мнѣ наукъ лучшіе профессоры блестящаго періода Московскаго Университета: Буле, Рейнгардтъ и другіе. Въ числѣ ихъ долженъ былъ быть и Мерзляковъ. Нѣмецкіе профессоры добросовѣстно и аккуратно проливали на меня лучи познаній своихъ. Одинъ Мерзляковъ оставался при обѣщаніяхъ. Наконецъ, отирали меня къ нему, чтобы развѣдать о причинѣ упорнаго отсутствія его. Не засталъ я его дома. Мало знакомый тогда съ Русскими эпистолярными приличіями, оставилъ я ему записку, которая такъ начиналась: Господинъ Мерзляковъ, прошу васъ etc. На другой день университетскій сторожъ принесъ мнѣ на грязномъ лоскутѣ бумаги записку, приблизительно такого содержанія: „Господинъ Вяземскій, я не школьній учитель, готовый ходить въ домъ къ какому-нибудь Нѣмцу, чтобы давать вамъ уроки“.

Записка огласилась. Нѣмецкіе профессоры взволновались. Кажется, даже сдѣланъ быль выговоръ Мерзлякову отъ имени Михаила Никитича Муравьевъ, тогдашняго куратора Университета Московскаго. Съ моей стороны амбиція была тоже затронута, и вотъ чѣмъ она разразилась. Скажемъ напередъ, что Мерзляковъ въ то время подписывалъ стихотворенія свои, печатаемыя въ *Вѣстнике Европы*, слѣдующими буквами Мрзк, или чѣмъ-то подобнымъ.

Разговоръ.

Ты, знаешь ли, мой другъ, кто мѣрзкій сочинитель?
Какіе пустяки! Онъ школьній лишь учитель.
Да, кто-жъ тебѣ сіе сказать?
Въ письмѣ онъ самъ мнѣ написалъ.

Эпиграмма безграмотная! Но она имѣла большой успѣхъ въ кругу Нѣмецкой профессуры. А товарищъ мой по ученію, какой-то Челищевъ—не знаю, что съ нимъ сдѣгалось—добрый малый, но вовсе не эпиграмматической, сказалъ мнѣ, что я собаку съѣлъ. Замѣтимъ мимоходомъ, хотя и не безъ хвастовства, что Жуковскій сказалъ мнѣ однажды, разумѣется, гораздо позднѣе, что я съѣлъ цѣлую свору собакъ. Впрочемъ, какова ни есть моя эпиграмма, она была мой первый шагъ, mon premier coup de feu, на поприщѣ, на которомъ я впослѣдствіи перестрѣливался болѣе или менѣе удачно.

Однажды навсегда, обязашь я объяснить читателю, что въ разсказахъ моихъ не всегда держусь хронологическаго порядка. Хронология—паука чиселъ, а я, какъ уже известно, плохой счетоговорецъ. Выбрасываю изъ мѣшка, что попадется. Подбираю воспоминанія свои болѣе по мастиямъ. Если будетъ у меня біографъ, пусть онъ потрудится сводить и группировать года мои, какъ слѣдуетъ. А работать на него и за него не намѣренъ. Иной умъ плотно переплетенъ въ одну книгу: страницы въ строгомъ порядке сѣдуютъ одна за другою. Другіе умы худо переплетены, сшиты на живую нитку, страницы перемѣшаны. Мой умъ состоять изъ летучихъ листковъ.

Теперь прошу читателя повернуть нѣсколько обратно. Въ дѣтской, или отроческой жизни моей совершился крутой поворотъ.

Было уже сказано, что мой отецъ былъ вообще недоволенъ мною, особенно учениемъ моимъ. Не ему въ укоръ, не себѣ въ оправданіе, а для соблюденія истины, скажу, что мое учение, ни въ какомъ случаѣ, не могло быть успѣшно, потому что оно не было правильно. Отецъ былъ человѣкъ большого ума и высокой, по тому времени, образованности. Когда воспоминаю о немъ, почти всегда вижу его въ вольтеровскомъ креслѣ съ книгою въ рукѣ.

Само-собою разумѣется, что онъ хотѣлъ и изъ меня сдѣлать человѣка просвѣщенаго. Не знаю, какъ и чѣмъ объяснить себѣ, но выборы наставниковъ, гувернеровъ, учителей моихъ были вообще неудачны. Не въ деньгахъ было дѣло. Отецъ имѣлъ порядочное состояніе и денегъ на воспитаніе дѣтей своихъ жалѣть бы не сталъ. Много переѣвало при мнѣ Французы, Нѣмцы, Англичанѣ; но ни одинъ изъ нихъ не былъ способенъ пріучить меня къ учению, а это главное въ дѣлѣ первоначального воспитанія. О Русскихъ наставникахъ и думать было нечего. Ихъ не было,—не знаю, много ли ихъ теперь. Надобно было ловить иностранцевъ наудачу. Припоминается мнѣ одинъ дядька, Нѣмецъ, который долженъ быть наблюдать за мною и учить меня Нѣмецкому языку. Тогда въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду, бывъ большой трактиръ, известный подъ именемъ Цареградскій. Это было, по нынѣшнимъ понятіямъ, родъ кофейной, куда стекались иностранцы, въ особенности учителя, родъ биржи, рынка, куда приходили нанимать домашнихъ учителей. Мой Нѣмецъ выговаривалъ себѣ, между прочими условіями, позволеніе отлучаться вечеромъ часа на два. Эти часы были посвящены цареградскому сборному мѣсту. Возвращался онъ оттуда всегда болѣе или менѣе на-весель. Отецъ, окруженный пріятелями и посѣтителями и увлеченный живостью разговора, того замѣтить не могъ. Но дѣти чутки, и вообще наставниковъ своихъ не любятъ. Кто-то изъ домашнихъ посѣтителей спросилъ меня: какъ доволенъ я новымъ наставникомъ своимъ? Il cultive volontiers la vigne du Seigneur,—отвѣчалъ я. Вѣроятно, подслушавъ я это выраженіе гдѣ-нибудь на лету и употребилъ его кстати. Мой отвѣтъ имѣлъ большой успѣхъ. Однажды менторъ мой возвратился грузинѣ обыкновенного. Я подошелъ къ нему, и спросилъ: какъ сказать по-нѣмецки—вонять.—Stinken. А зачѣмъ спрашиваете вы это?—продолжалъ онъ.—Чтобы

сказать вамъ: Sie stinken nach *vino*. Неправильны были слова мои, но попали они въ цѣль. На дерзость мою дядька жаловался отцу. Мне было крѣпкое родительское головомытье, ио и ментора выгнали изъ дома.

Всѣ эти обстоятельства вразумили родителя моего, что домашнее, одиночное воспитаніе для меня не годится. Въ Москвѣ учебныхъ общественныхъ заведеній въ почетѣ не было. Не знаю, какъ и чрезъ кого, отецъ вошелъ въ спошениѣ съ іезуитскимъ заведеніемъ въ Петербургѣ. Однажды, это было лѣтомъ, въ селѣ нашемъ Остафьевѣ, отецъ вызываетъ меня къ себѣ. Нашелъ я его на террасѣ, выдающейся въ садъ. Передъ нимъ былъ столъ, на столѣ бумага, чернильница и перья. Довольно суроно, но видимо и грустно озабоченный, приказалъ онъ мнѣ сѣсть и писать подъ диктовку его. Диктовалъ онъ на Французскомъ языкѣ. Въ импровизаціи своей—онъ мастеръ былъ говорить и большой діалектизъ—изложилъ онъ картину моего воспитанія, не отвѣчающаго желаніямъ его; безпощадно вычислялъ всѣ недостатки и погрѣшности мои. Обвинительный актъ ничего не пропустилъ и былъ полновѣсенъ. Между прочимъ отецъ упоминалъ, какъ доволенъ онъ дочерьми своими, которыя утѣшаютъ и радуютъ старость его, тогда, какъ я....

Тутъ умиленіе и слезы не дали ему возможности продолжать. Онъ отпустилъ меня, и приказалъ мнѣ переписать набѣло продиктованное имъ.

Скажу откровенно. Я не былъ растроганъ этою сценою. Вѣроятно, казалось мнѣ, что судъ и приговоръ, надо мною произнесенные, были слишкомъ строги. Я какъ-будто чувствовалъ, что не я одинъ виноватъ въ неудовлетворительныхъ послѣдствіяхъ воспитанія моего. Тогда былъ при мнѣ наставникомъ и преподавателемъ Французъ Дандилли, и, кажется, съ нѣкоторыми притязаніями на родственное свойство съ извѣстнымъ духовнымъ писателемъ Arnaud d'Andilly. Но, какъ бы то ни было, ни въ нравственномъ, ни въ ученомъ и учебномъ складѣ своемъ не отвѣчалъ онъ требованіямъ и условіямъ званія своего. Онъ былъ не глупый Французъ, добродушный, южній, очень веселый, забавный краснобай; въ домѣ нашемъ былъ онъ всѣми любимъ. Послѣ того завелъ онъ въ Москвѣ Французскую книжную лавку. До конца жизни его оставался я съ

нимъ въ короткихъ и пріятельскихъ сношенияхъ. Гораздо позднѣе прочтеніе этой бумаги пробуждало во мнѣ умиленіе и сожалѣніе, что я не въ радость былъ отцу моему.

Вскорѣ послѣ наказной граматы, отецъ мой, не смотря на лѣта свои, немощи и особенно домосѣдныя привычки, самъ отвѣзъ меня въ Петербургъ. Я былъ помѣщенъ въ іезуитскій пансионъ. Послѣ предварительного и лѣгкаго испытанія опредѣленъ былъ я во второй классъ, то-есть средній. Въ этомъ классѣ товарищи были всѣ, болѣе или менѣе, ровесниками моими. Это было по ученію. Но вскорѣ отношенія и сношенія мои связались гораздо тѣснѣе съ воспитанниками старшаго класса. Всѣ были они старше меня; иные опереживали меня четырьмя и пятью годами. Они возвысили меня до себя и обходились со мною, какъ съ ровнѣю. Тогда это меня радовало, но я не сознавался и самолюбіе мое не обольщалось. Но теперь не могу не заключить, что, стало-быть, въ то время я чегонибудь да уже стоиль. Стало-быть, въ характерѣ моемъ, въ умѣ были до нѣкоторой степени развиты привлекательныя свойства, которыя сближали меня съ старшимъ поколѣніемъ. Нынѣ съ умиленіемъ приношу дань благодарности этимъ товарищамъ, которые прирѣли меня. Но едва ли не надъ однѣми могилами раздается голосъ моей признательности. Смерть всѣхъ ихъ перебрала. Но крайней мѣрѣ, не знаю, где отыскать мнѣ живого товарища. Но память о нихъ и о той счастливой порѣ жизни еще жива во мнѣ.

Вызовемъ нѣкоторыя имена изъ этой приснопамятной для меня дружины, изъ этого разсадника, въ которомъ развивались и созрѣвали будущія силы. Юшковъ, уже и тогда ваятель, или рѣзчикъ, но изъ бумаги и изъ карто, будущій охотникъ до лошадей и знатокъ; онъ искусно и изящно вырѣзывалъ статныхъ и породистыхъ лошадей, которымъ (sic) любовались мы и даже промышляли, пуская ихъ между собою въ продажу и обмѣну. Челищевъ, смуглый, черноволосо-кудрявый, котораго прозвали мы цыганомъ. Пріятная симпатическая личность. Брусиловъ, будущій герой многихъ не писанныхъ, но осуществившихся романовъ. Энгельгардтъ, Обресковъ, Сѣверинъ, Смирновъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчалъ я послѣ по пути жизни и всегда сходились мы, какъ нѣкогда бывшіе товарищи, бывшіе рекрутскіе одпокашники. Съ одними разрознила насъ смерть,

съ другими—жизнь. Съ однимъ Сѣверинымъ отроческое товарищество, по благопріятному стечению обстоятельствъ, обратилось въ крѣпкое и до конца неизмѣнное дружество. Въ пансионѣ онъ прекрасно учился и былъ поведенія образцового. Одаренный отличными способностями, онъ и тогда уже обѣщалъ быть правильнымъ, осторожнымъ и оглядливымъ дипломатомъ. Энгельгардтъ,—онъ впослѣдствіи хорошо и всенародно былъ знакомъ Петербургу. Расточительный богачъ, не пренебрегающій веселіями жизни, крупный игрокъ, впрочемъ, кажется, на вѣку своемъ болѣе проигравшій, нежели выигравшій, построитель въ Петербургѣ дома, сбивающагося, немножко на Парижскій Пале-Рояль, со своими публичными увеселеніями, кофейнями, ресторанами. Построеніе этого дома было событіемъ въ общественной жизни столицы. Пушкинъ очень любилъ Энгельгардта за то, что онъ охотно игралъ въ карты, и за то, что очень удачно игралъ словами. Острыя выходки и забавные куплеты его ходили по городу: и въ пансионѣ еще промышлялъ онъ этимъ, между прочимъ, и на мой счетъ, какъ говорится. Тотчасъ по водвореніи моемъ привѣтствовалъ онъ меня слѣдующимъ куплетомъ:

Mon Prince,
De quelle province?
—Coucou,
De Moscou.

Можно представить себѣ, съ какимъ единогласіемъ весь пансионскій людъ подхватилъ этотъ куплетъ. Мнѣ прохода не давали: преслѣдовали меня, встрѣчали и провожали этою импровизациею. Одно время воспитанники забавлялись пусканіемъ мыльныхъ пузырей. Сѣверинъ былъ всегда довольно худощавъ, а тогда и ростомъ малъ. Онъ проходилъ по двору, когда слеталъ одинъ изъ этихъ пузырей. „Посторонись!“ закричалъ ему кто-то со второго этажа. Энгельгардтъ не пропустилъ случая и сказалъ:

О, день, счастливый день, въ который
Котенокъ смерти избѣжалъ,
Когда пузырь полетѣлъ свой скорый
На малой точкѣ основалъ.

Съверинъ и въ пансионѣ прозванъ былъ котенкомъ, какъ-бы въ предсказаніе того, что въ Арзамасѣ будетъ онъ значиться Рѣзвыи Котъ. Позднѣе Энгельгардтъ забавно и удачно пародировалъ строфи Онѣгина о знаменитой танцовщицѣ Истоминой. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ картежнике:

Тщедушный и полу воздушный,
Тузу козырному послушный etc.

Алексѣй Обресковъ, старшій сынъ генерала Михаила Алексѣевича. Судя по впечатлѣніямъ моимъ и дальнимъ воспоминаніямъ, заключаю, что онъ носилъ въ себѣ залоги блестящаго будущаго. Въ натурѣ его было что-то благородное, мыслящее и степенное. Но этимъ задаткамъ не дано было вполнѣ развиться и созрѣть. Не много лѣтъ, по выходѣ изъ пансиона, былъ онъ смертельно раненъ на приступѣ Рущука. Кажется, былъ онъ адъютантомъ при молодомъ предводителѣ войскъ нашихъ, графѣ Каменскомъ, котораго также преждевременная смерть похитила съ поприща богатаго многими надеждами, не обратившимися въ此刻ія. Мнѣ разсказывали, что, умирая отъ ранъ своихъ, Обресковъ полу-шути, полу-грустно, часто твердилъ: ну, милый Алексѣй Михайловичъ, какъ думаешь, останешься ли ты живъ, или нетъ? Жизнь, еще мало имѣ испытанная, жизнь только-что разцвѣтающая и не дожившая до терпѣй, разумѣется, улыбалась ему и обольщала его. Въ щуточной предсмертной бесѣдѣ его съ самимъ собою отзывается и звучитъ пота силы характера и себялюбивой скорби.

Другой товарищъ нашъ, Смирновъ, встрѣтилъ также молодую смерть на этомъ злополучномъ приступѣ. Милый образъ его возбуждаетъ во мнѣ особенно сочувственное и умилительное воспоминаніе. Все было въ немъ привлекательно: красивая наружность, выразительные глаза, въ лицѣ свѣжесть и румянецъ цвѣтущей молодости, стройный, статный ростъ, золотистаго оттенка волосы. Внутреннія качества превышали внѣшнія: любезный нравъ, радушная откровенность, чистая и возвышенная душа, цѣломудрѣ и какое-то нравственное благоуханіе вѣяло отъ него. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ чистѣйшее существо изъ многолюднаго нашего кружка. Былъ онъ веселаго настроенія, но и мечтательенъ съ поэтическимъ оттенкомъ.

Онъ влюбленъ былъ въ поэзію Оссіана, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ кавалергардскій мундиръ. Любимою мечтою его, задушевнымъ желаніемъ было опредѣлиться въ этотъ полкъ тотчасъ по выходѣ изъ пансіона. Съ глазами зависти смотрѣлъ онъ на молодого, красиваго Чернышева, впослѣдствіи князя и военнаго министра, котораго встрѣчали мы въ Аничковской церкви, куда ходили мы по воскресеньямъ и праздникамъ. Смирновъ имѣлъ склонность къ рисованію. Въ свободные отъ уроковъ часы любилъ онъ рисовать сцены изъ оссіановскихъ поэмъ. Но Фингалы и другіе герои, плывущіе въ облакахъ съ арфою въ рукѣ, были всегда и обязательно облечены въ полную кавалергардскую амуницію. Онъ съ первого раза полюбилъ меня нѣжною и руководительною любовію старшаго брата. Я также полюбилъ его съ нѣжностію, но и подчиненостію. Наставленія, предостереженія его носили отпечатокъ чистой нравственности, заботливости и дружества. Изъ него, безъ сомнѣнія, вышелъ бы замѣчательный человѣкъ, образецъ всего чистаго и прекраснаго, въ сфере нравственной и житейской дѣятельности. Собственно для меня былъ бы онъ другимъ Жуковскимъ. Лучшей и вѣрнѣйшей похвали, сердечнѣйшихъ поминокъ о немъ придумать не могу, какъ сближеніемъ имени его съ именемъ для меня дорогимъ и незабвеннымъ.

Въ этой средѣ избранныхъ товарищѣ умъ мой и вообще настроеніе мое развивались и созрѣвали не по годамъ, можетъ быть, въ некоторомъ отношеніи, даже слишкомъ рано. Но это, кажется, такъ въ Русской натурѣ: или безплодіе, или скороспѣлки. Литтература, особенно Русская, была не чужда этому кружку. Пушкина еще не было, Жуковскаго еще почти не было, Крылова также. Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ были нашими любимыми руководителями и просвѣтителями. Я былъ еще профанъ, или новичокъ-слушникъ въ этой области. Многіе изъ товарищѣ знали наизусть лучшія строфы Державина, басни, а еще болѣе сказки Дмитріева. Все это пробуждало мои литературныя наклонности. Внѣшніе голоса доходили также до нашихъ монастырскихъ келій. По воскресеньямъ и большими праздниками воспитанники отпускались къ роднымъ и къ лицамъ, известнымъ начальству нашему. У меня въ Петербургѣ близкихъ родственниковъ не было. По большей части оставался я, подобно другимъ безроднымъ товарищамъ, дома. Въ утѣшеніе водили

нась въ близкій Лѣтній-Садѣ. Лѣтомъ, ректоръ, патеръ Чижъ, кото-
рый особенно любилъ и какъ-то отличалъ меня, иногда бралъ меня
и на дачу, въ семейство Голландскаго купца, который имѣлъ мага-
зинъ въ домѣ, принадлежавшемъ Римской церкви. Тамъ, кромѣ осо-
баго и лакомаго угощенія, забавлялся я игрою въ кегли. Вечеромъ,
когда возвращались домой счастливцы, которые провели день въ
семейномъ кругу, или въ большомъ свѣтѣ, вѣстямъ и разсказамъ не
было конца. Къ нимъ я жадно прислушивался. Зародыши будущаго
мірянина и свѣтскаго человѣка пробуждались во мнѣ. Это также
было нѣчто въ родѣ школы житейской и литературной. Дѣти и
отроки вообще чутки и зорки. Напримѣръ, мы изъ оконъ подмѣтили,
что въ извѣстный часъ, почти ежедневно, Императоръ проѣзжалъ
верхомъ по переулку вдоль дома нашего. На встрѣчу, какъ по
зведеному порядку, выѣзжала карета. И лошадь Государя и карета,
въ которой сидѣла красавая дама, останавливались другъ предъ
другомъ. По-видимому, на нѣсколько минутъ, завязывался разговоръ.
Разумѣется, все это подглядывали мы осторожно и тайкомъ. Тогда
не были еще въ ходу историческіе романы. Валтеръ-Скоттъ не про-
ложилъ имъ еще пути въ литературѣ. Но мы, какъ-то самоучкою,
дошли до понятія, что могутъ быть историческіе и державные
романы.

Здѣсь прощусь съ товарищами веселаго возраста жизни моей.
Мы вмѣстѣ разѣбѣтали. Такая пора оставляетъ по себѣ въ сердечной
памяти глубоко грустное, но и сладостное впечатлѣніе. Скажу съ
Гёте и Жуковскимъ:

Не говори съ тоской: ихъ нѣть!
А съ благодарностю: были.

Простишись съ друзьями, не могу воздержаться отъ сердечной
потребности помянуть также добрымъ словомъ и теплое гнѣздо,
которое нѣкогда нась собрало и пріютило. И здѣсь, вѣроятно, тѣшу
я себя одного, да и то съ какимъ-то самоотверженіемъ. Здѣсь всту-
паю на жгучую почву, но я давпо опаленъ и обстрѣленъ. Огня не
боюсь. Знаю, что въ настоящее время іезуиты не въ чести, не только
на Западѣ, но и у насть, вѣроятно болѣе изъ подражанія. Мы
довольно склонны развертывать зонтики свои (на нашемъ богатомъ

языкъ нѣтъ, между прочимъ, слова *parapluie*, *Regenschirm*), когда идеть дождь, напримѣръ, въ Парижѣ. Пословица говорить: лежачаго не бываютъ. Кажется, тѣмъ паче не слѣдовало бы бить отсутствующаго, или даже не бывалаго, а мы все-таки бьемъ по пустому мѣсту. Не пускаюсь въ отысканіе и въ изслѣдованіе іезуитскихъ дѣйствій и вліяній на Римскомъ церковномъ Западѣ. Это не мое дѣло. Но спрошу: гдѣ у насъ эти пугала, эти опасные и грозные іезуиты, которые, какъ тѣни и призраки, пробѣгаютъ еще по страницамъ печати нашей? Гдѣ, за рѣдкими, совершенно личными исключеніями, искать ихъ въ послѣднемъ столѣтіи исторіи нашей? Гдѣ вредная для государственного объединенія нашего обращенія, или совращенія съ пути православія единовѣрцевъ нашихъ? Когда и были они, то много ли ихъ? Скажемъ: за глаза нѣсколько десятковъ, считая въ нихъ и женщинъ. Стоитъ ли изъ этого горячиться и бить въ набатъ, какъ при пожарѣ, или нашествіи непріятеля? Стбить ли говорить и писать обѣ этомъ? Это капля въ морѣ, или капля, выцѣженная изъ моря. А сколько пролито было чернилъ ради этой капли. Въ числѣ ихъ были и умныя и бойкія, но на какой конецъ? Мудрено объяснить. Не вступалась за отщепенцевъ, не берусь оправдывать ихъ. Готовъ я согласиться, что нѣкоторые отреклись отъ Церкви по легкомыслію, по певѣдѣнію сущности Церкви нашей; другіе, если можно употребить подобное выраженіе въ такомъ случаѣ, обратились по модѣ. Знаю женщинъ, которые оримлянились, когда было повѣтріе на обращеніе, и возвратились въ лоно православной церкви, когда повѣтріе и мода миновалися!

Но въ ихъ числѣ есть и люди, которые поступили по совѣсти, особенно изъ тѣхъ, которые послѣ посвятили себя духовной и монашеской жизни. Есть и такие въ средѣ отпадшихъ братьевъ нашихъ. Религіозная совѣсть имѣетъ свои тайны, которая легко и неодуманно оцѣнивать и въ особенности порочить нельзя. Во всякомъ случаѣ не дѣло христіански-евангельское закидывать каменьями и отпадшихъ и блуждающихъ братьевъ. Молитесь за нихъ, если вамъ ихъ жаль, но не поносите ихъ. Остроумія и перуновъ вашихъ не расточайте на нихъ.

Вообще нельзя не замѣтить, что у насъ бываютъ охотники создавать предъ собою и предъ обществомъ чудовищная страшилица, чтобы доставить себѣ удовольствіе ратовать противъ цихъ и приты-

катъ ихъ своими спасительными перьями. Эта способность пугать и напугивать бываетъ иногда очень забавна, но бываетъ часто и вредна. Въ такомъ настроеніи духа противорѣчія неизбѣжны. Высокомѣріе и малодушіе, трусливость и задорливость сталкиваются на каждомъ шагу. То ставить Россію такъ высоко, что она виѣ всѣхъ возможныхъ покушеній на нее, то уже такъ низко, что она, тщедушная, разлетится въ прахъ, при малѣйшемъ враждебномъ дуновеніи. Мы уже не говоримъ, что врага шапками закидаемъ, но еще думаемъ, что можемъ Европу закидать словами. Въ политикѣ и литературѣ анахронизмы приводятъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Пожалуй, найдутся у насъ публицисты, которые начнутъ пугать насъ набѣгами Печенѣговъ. По мнѣ іезуиты у насъ тѣ же Печенѣги.

Но, послѣ долгаго отступленія, пора возвратиться мнѣ къ своимъ собственнымъ іезуитамъ. Эти іезуиты, начиная отъ ректора, патера Чижка, были—по крайней мѣрѣ, въ мое, или наше время—просвѣщенные, внимательные и добросовѣстные наставники. Уровень преподаванія ихъ былъ возвышенъ. Желавши учиться хорошо и основательно имѣли всѣ способы къ тому и хорошо обучились; примѣромъ служить, между прочимъ, Сѣверинъ. Обращеніе наставниковъ съ воспитанниками было не излишне строгое: болѣе родительское, семейное. Допускалась нѣкоторая свобода мнѣній и рѣчи. Однажды кто-то сказалъ, во время класса, что изъ всѣхъ іезуитовъ любить онъ наиболѣе Грессета. Извѣстно, что этотъ Французскій поэтъ принадлежалъ іезуитскому ордену и вышелъ изъ него. Шутка остряка была и принята шуткою. Меня товарищи также вызывали на подобныя выходки. „Вяземскій, отпусти bon mot“,—говаривали мнѣ. Моихъ тогдашихъ *bons mots* я, по совѣсти, не помню. Но упоминаю о томъ мимоходомъ: видно, и тогда уже промышлялъ я этою устною литературою, которую такъ любезно приписывалъ мнѣ графъ Орловъ-Давыдовъ, въ привѣтствіи своемъ на пятидесятилѣтнемъ моемъ юбилѣѣ. Въ числѣ воспитанниковъ былъ я далеко не изъ лучшихъ; но, не знаю почему, былъ однимъ изъ числа любимѣйшихъ духовнымъ начальствомъ. Со всѣмъ тѣмъ могу сказать утвердительно и добросовѣстно, что никогда не слыхалъ я ни слова, никогда не замѣчалъ малѣйшаго намека, которые могли бы указать, что меня или другихъ желали переманить на свою сторону. Никогда

не было попытки внушить, что Римская Церковь выше и душепасительней Православной. А умъ мой и тогда былъ уже настолько догадливъ, что онъ понялъ бы самые извилистые и хитрые подступы. Никакого различія не было въ обращеніи съ воспитанниками обоихъ исповѣданій. Паписты не пользовались предъ нами никакими прерогативами и льготами. Въ костель нась не водили. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ бывали мы въ Русской церкви. Великимъ постомъ мы говѣли, какъ слѣдуетъ. Правда, въ теченіе года держались мы не Русскихъ постныхъ дней, то-есть не середы и пятницы; а Римскихъ. По пятницамъ и субботамъ угощали нась католическимъ пощеніемъ: говядины не было за общею трапезою. Но эта желудочная пропаганда, кажется, не могла имѣть большаго вліянія на умы и религіозныя чувства наши. Такъ было въ мое время. Не отвѣчаю за то, что могло быть послѣ. Говорили позднѣе, что іезуиты завербовали въ свою вѣру молодого воспитанника князя Голицына, и къ тому же племянника князя Александра Николаевича, оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Если оно такъ, то нельзя не сознаться, что пресловутая іезуитская хитрость и пронырливость на этотъ разъ ужасно опростоволосилась. Выборъ ихъ былъ очень неудаченъ. Какъ бы то ни было, это совращеніе, дѣйствительное или мнимое, послужило отчасти паденію и изгнанію іезуитскаго ордена изъ Россіи. Не тѣмъ будь онъ помянуть, пріятель нашъ, Александръ Тургеневъ, былъ однимъ изъ дѣятельныхъ орудій сего почти государственного переворота, de ce соуп d'état à la Pombal. Изгнаніе ихъ, или похищеніе въ ночное время, сопровождалось довольно крутыми, и вовсе ненужными полицейскими мѣрами. Краткое правленіе императора Александра I отступило въ этомъ случаѣ отъ легальности, а чѣмъ необходимѣе бывають мѣры строгости, тѣмъ болѣе при исполненіи онъхъ требуется бдительное и точное соблюденіе легальности, то-есть законности. Поспѣшность насилия, заносящая страсть не совмѣстимы съ закономъ. Не смотря на дружбу свою къ Тургеневу, Карамзинъ не одобрялъ вообще ни этой мѣры, ни пріемовъ, съ которыми она совершилась. Консервативный Карамзинъ былъ въ этомъ случаѣ либеральнѣе пріятеля своего, либерала Тургенева. По выходѣ изъ пансиона былъ я въ перепискѣ съ патеромъ Чижемъ.

Этимъ заключается періодъ отрочества моего. Здѣсь разстаюсь и съ іезуитами. Гораздо позднѣе встрѣчался я на Востокѣ съ нѣкоторыми личностями, принадлежавшими ордену. Всегда удивлялся я ихъ дѣятельности и самоотверженію. Разбросанные по-одиночкѣ, въ мѣстахъ пустынныхъ, въ Арабскихъ бѣдныхъ селеніяхъ, преподаватели Евангелія и грамотности, бодро и плодотворно носили они свой крестъ и совершили трудный подвигъ. Римская церковь можетъ быть властолюбива; но этихъ отдѣльныхъ миссионеровъ и апостоловъ христіанства обвинять въ властолюбіи нельзя. Они самоотверженные и безкорыстные послушники. Забавно же обвинять ихъ въ томъ, что преподаютъ они Римское законоученіе, а не православное. Между тѣмъ, найдутся люди, которые ставить имъ и это въ преступленіе, и за это ненавидятъ ихъ. Не забываютъ ли они въ пылу православія своего, что Евангеліе писано для всѣхъ народовъ, для всѣхъ христианъ, а не въ пользу того или другого вѣроисповѣданія и прихода.

III.

Изъ учебнаго паломничества возвратился я въ Москву, въ родительскій домъ—еще отрокомъ по возрасту, но почти уже молодымъ человѣкомъ по выправкѣ и развитію. Должно прибавить, что изъ іезуитскаго пансиона перешелъ я, не на долгое время, въ пансионъ, учрежденный въ Петербургѣ при новообразованномъ педагогическомъ институтѣ. Это, кажется, было созданіе Ник. Ник. Новосильцова. Директоромъ заведенія былъ Энгельбахъ. Тамъ встрѣтился я съ нѣкоторыми товарищами, также перебѣжчиками изъ-подъ іезуитскаго кровя. Не хочу и не могу сказать ничего худаго о моемъ тамъ пребываніи; но не могу сказать и ничего особенно хорошаго. Учебный и умственный уровень заведенія былъ вообще ниже іезуитскаго, какъ по преподавателямъ, такъ и въ отношеніи къ ученикамъ. Помню только одного учителя Французскаго языка, Брошье. Онъ умѣлъ, какъ Французъ, придавать урокамъ свою оживленіе и разнообразіе: онъ былъ съ нами разговорчивъ. Для одного изъ такихъ уроковъ перевелъ я статью Карамзина подъ именемъ Деревня. Въ одномъ мѣстѣ говорить онъ, что предпочитаетъ картины при-

роды картинамъ великихъ живописцевъ.—„Если такъ,—сказалъ мнѣ Брошье,—и если у родственника вашего есть такія картины, то попросите его мнѣ ихъ отдать: я ихъ предпочитаю природѣ“. Въ 1806 г. Карамзинъ прислалъ мнѣ изъ Москвы, уже какъ питомцу музъ, стихотвореніе свое: Пѣснь воиновъ. Эта присыпка меня очень возвысила въ глазахъ моихъ товарищѣй. „Ces vers sont-ils bien ronflants?“—спросилъ меня Брошье. Тутъ высказался и Французъ и литераторъ и щекотливый Французъ-патріотъ. Гораздо позднѣе этотъ Брошье былъ хорошо извѣстенъ Петербургу, особенно посѣщавшимъ графа Алексѣя Федоровича Орлова, у котораго онъ былъ близкимъ и домашнимъ человѣкомъ: вѣроятно, также по пансіонскимъ преданіямъ учебнаго заведенія аббата Николя.

Въ новой моей ученической средѣ, я также не по чину и не по возрасту вращался съ поколѣніемъ, меня опередившимъ. Не знаю, какъ это случилось, но я познакомился и сблизился съ нѣкоторыми изъ педагогическихъ студентовъ. Мы жили съ ними на одномъ дворѣ, но совершенно отдѣльно. Въ памяти моей сохранился одинъ изъ нихъ, по имени Бобриковъ, или что-то на это похожее. Помнится мнѣ, принадлежалъ онъ, хотя и съ побочной стороны, семейству графа Бобринскаго. Онъ познакомилъ меня съ стихотвореніями Французскаго поэта Парни, котораго элегіи впослѣдствіи были такъ вѣрно и такъ нѣжно переданы Батюшковымъ на Русскомъ языкѣ. Помню, что по этому поводу прозвалъ я бѣднаго Батюшкова въ шуточномъ посланіи:

Пѣвецъ чужихъ Элеоноръ.

Домой возвратился я благополучно; хотя со времени отсутствія моего отецъ не очень имѣлъ поводъ утѣшать себя вѣстями объ успѣхахъ моихъ по наукамъ и о моемъ поведеніи, принять былъ я имъ ласково, и вообще семействомъ нѣжно и радостно. Упомянулъ я о поведеніи своемъ: благодаря Бога, ничего особенно порочнаго не было; но были шалости и предосудительная уклоненія. Въ пребываніи моемъ во второмъ пансіонѣ, пользовался я большою и чрезмѣрною свободою въ вакантные дни: ходилъ я одинъ въ театръ, въ маскарады. По преданію, а не по памяти, знаю, что однажды въ театрѣ я очень шумѣлъ и бурлилъ,—изъ чего и для чего, сказать не умѣю. Но пріятельница отца моего Екат. Влад. Апраксина подмѣтила это

изъ ложи своей и донесла отцу. Можетъ-быть, вслѣдствіе этого, и вызвали меня обратно въ Москву.

Какъ извѣстно, родительскій домъ былъ однимъ изъ гостепріимнѣйшихъ. Гости его принадлежали болѣе или менѣе къ разряду людей образованныхъ и разговорчивыхъ, въ смыслѣ и значеніи разговора дѣльного, просвѣщенаго и пріятнаго. Подобные дома вывелись или выводятся не только у насъ, но вообще и во всей Европѣ. Жаль: такие дома были практическою и дополнительною школою для молодежи. Въ этой атмосфѣрѣ было много образовательной жизни и силы, много было и литературнаго. Худо вѣрю въ литературу, которая рождается и сосредоточивается въ самой себѣ,—внѣ большихъ житейскихъ теченій. Что ни говори о такъ-называемыхъ салонахъ, но они бываютъ нерѣдко произрастительными и плодотворными почвами. Блестящая и многознаменательная Французская литература послѣдней половины 18-го столѣтія разцвѣла и созрѣла на этой почвѣ. Какъ бы то ни было, въ подобной умственной средѣ понятія и наклонности мои еще болѣе развились. Въ домѣ отцовскомъ женскій элементъ господствовалъ наравнѣ съ мужскимъ. Тутъ, въ сфере умственного соревнованія, проглядывало между двумя полами истинное равноправіе, которое женщины ищутъ нынѣ въ химическихъ лабораторіяхъ, въ фельшерскихъ и анатомическихъ театрахъ.

Разумѣется, женскій элементъ, который нашелъ я въ домѣ нашемъ, не праздно отозвался во мнѣ и въ молодомъ и впечатлительномъ сердцѣ моемъ. Впрочемъ, по домашнимъ преданіямъ, рано началь я быть Сердечкинымъ: именно Сердечкины мѣ—въ смыслѣ болѣе платонической, нежели материальной любви. Такъ вообще было со мною и послѣ, и всегда. Но вотъ дѣтская легенда моя. Когдаѣхали мы въ Нижній-Новгородъ, куда отецъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, не задолго до кончины Императрицы, мы на дорогѣ гдѣ-то и у кого-то остановились переночевать. Въ домѣ была дочка, которая, такъ гласить преданіе,—очень мнѣ понравилась и за которую я весь вечеръ ухаживалъ. Было мнѣ тогда года четыре. На другой день,—когда семейство наше собралось въ дальнѣйший путь, ищутъ меня, а меня нѣтъ. Наконецъ отыскиваютъ гдѣ-то подъ диваномъ, куда залѣзъ и запрятался я, чтобы не разставаться съ маленькимъ моимъ кумирчикомъ. Не ясно помню этотъ романническій

эпизодъ, по домашніе удостовѣряли въ правдивости его. Кстати скажешь: *se non è vero, è ben trovato*. По системѣ вѣроятностей и правдоподобій, и судя а *posteriori*, готовъ я согласиться, что оно такъ и было. Послѣ такихъ раннихъ и съ продолженіями впредь романическихъ приключеній на дѣлѣ, какъ не пришло мнѣ никогда въ голову написать вымышенный романъ? Подите, объясните. Впрочемъ, я очень взыскателенъ и не легко удовлетворяю по части романовъ. На всемъ вѣку своемъ едва ли шесть прочиталъ я съ полнымъ удовольствиемъ и никогда не признавалъ въ себѣ силъ и достаточнаго дарованія, чтобы пополнить это число седьмымъ. Удачно и вполнѣ удовлетворительно, то-есть упоительно, написанный романъ, есть, по мнѣ, самое увлекательное и потрясающее чтеніе. Это почти событие въ жизни. Съ подобнымъ романомъ сживаешься, не только во время чтенія, но живешь имъ долго и послѣ чтенія. Романы второстепенные, второй руки, плоды одной дѣятельной и рутинной посредственности, эти плоды могутъ быть болѣе или менѣе лакомы, судя по вкусамъ; но съ дерева не срываю ихъ и за столомъ до нихъ не дотрогиваюсь.

Со вступленіемъ Карамзина въ семейство наше—Русскій литературный оттѣнокъ смѣшался въ домѣ нашемъ съ Французскимъ колоритомъ, который до него преодолѣвалъ. По возвращеніи изъ пансіона, нашелъ я у насъ Дмитріева, Василія Львовича Пушкина, юношу Жуковскаго и другихъ писателей. Пушкинъ, еще до отѣзда своего, уже отдавшій перомъ Дмитріева отчетъ въ путевыхъ впечатлѣніяхъ своихъ, только что возвратился тогда изъ Парижа. Парижемъ отъ него такъ и вѣяло. Одѣть онъ былъ съ Парижской иголочки съ головы до ногъ. Прическа *à la Titus*, уложенная, умащенная древнимъ масломъ, *huile antique*. Въ простодушномъ самохвалствѣ даваль онъ дамамъ обнюхивать голову свою. Не умѣю опредѣлить: смотрѣлъ ли я на него съ благоговѣніемъ и завистью, или съ оттѣнкомъ насыщливости. Вѣроятно, было и то и другое. Но могъ ли я думать тогда, что, спустя нѣсколько годовъ, будемъ мы на ты и въ самой короткой дружеской связи? Дмитріевъ говоривалъ о немъ, что онъ кончить тѣмъ, что будетъ друженъ съ однimi грудными младенцами, потому что чѣмъ болѣе старѣеть, тѣмъ все болѣе сближается съ новѣйшими поколѣніями. Грѣшно было бы мнѣ поминать его

слегка, а паче того насмѣшиливо. Онъ былъ пріятный, вовсе не дюжинный стихотворецъ. Добръ онъ былъ до безконечности, до смѣшнаго; но этотъ смѣхъ ему не въ укоръ. Дмитріевъ вѣрно изобразилъ его въ шутливомъ стихотвореніи своемъ, говоря за него: я право добръ, готовъ сердечно обнять весь свѣтъ *). Меня любилъ онъ съ особеною нѣжностію, могу сказать, съ балующею слабостью. Зять его, Солнцевъ, говорилъ, что сердечная привязанности его дѣлятся на три степени: первая—сестра его Анна Львовна, вторая—Вяземскій, третья—однобортный фракъ, который выкроилъ онъ изъ старого сюртука, по новомодному покрою фрака, привезенного въ Москву Павломъ Ржевскимъ.

Не знаю, почему въ эту списокъ просится одинъ Машковъ, маленький, горбатый. Казалось мнѣ, что отецъ очень охотно разговаривалъ съ нимъ; но въ моихъ глазахъ, вѣроятно, горбъ его былъ главнымъ attraction. Впрочемъ, помнится мнѣ, что онъ былъ дядя поэта Майкова, однако можетъ-быть и ошибаюсь.

Въ ряду литературной молодежи, былъ тутъ и новичекъ, кото-
раго отличили отецъ мой и Карамзинъ. Онъ даже запросто обѣ-
давалъ у насъ: въ то время это было исключеніе. Въ старину обѣ-
давали семейно, а ужинали въ гостиныхъ съ гостями. Ужинъ былъ
завершеніе,увѣнчаніе заботливаго дня; послѣужинный разговоръ
былъ свободнѣе и могъ быть продолжительнѣе разговора послѣ
обѣденного. Теперь сѣѣзжаются за пять минутъ до обѣда и обыкно-
венно разѣзжаются послѣ кофе. Выгоды и прелести общежитія и
разговорчивости отъ этого страдаютъ. Имени новичка нашего въ
точности не помню, чуть не Башнякъ-ли? можетъ быть, потомокъ
Саратовскаго коменданта, съ которымъ возился и боролся Державинъ
во время пугачевщины. Какъ бы то ни было, онъ занимался есте-
ственными науками, въ особенности монографіею наука. Вѣроятно,
въ нынѣшнее время занимался бы онъ и потрошениемъ лягушекъ.
Закончу смотрѣ и перекличку свою замѣткою довольно забавною,
замѣткою совершенно семейною и домашнею. Сестра моя, впослѣд-
ствіи жена князя Алексѣя Григорьевича Щербатова,—Жуковскій
посвятилъ памяти ея нѣсколько трогательныхъ стиховъ въ II в цѣ

*) Таковъ смыслъ; самыхъ стиховъ въ точности не припомню.

въ станѣ Русскихъ воиновъ,—сестра моя, старшая меня тремя годами, и я были вовсе не довольны водвореніемъ Карамзина въ наше семейство. Въ настѣ таилась глухая оппозиція противъ этого брака: дѣтскія сочувствія наши были на сторонѣ армейскаго маіора, помнится, Струкова, который былъ несчастнымъ соперникомъ Карамзина. Онъ былъ къ намъ внимателенъ и ласковъ; вѣроятно, онъ заискивалъ нашъ союзъ цѣною субсидій: гостинцами и конфектами. Карамзинъ не обращалъ вниманія на союзниковъ. Забавно, что когда бракъ былъ уже рѣшенъ, мы съ сестрою изливали грусть свою стихами самого Карамзина. Вечеромъ ходили мы по длинному коридору и вполголоса, съ сжатымъ сердцемъ и слезами на глазахъ, отъ лица Струкова, мурлыкали:

Кто могъ любить такъ страстно,
Какъ я любилъ тебя?
Но я взыхалъ напрасно,
Томилъ, крушилъ себя.

Увы, насильно милымъ
Не будешь никому...

Такимъ образомъ вооружались мы противъ Карамзина собственнымъ его оружіемъ. Но у настѣ, дѣтей, велись съ нимъ и другіе счеты, и по другой причинѣ грызлись у настѣ зубы на него: именно зубы. Въ тѣ рѣдкіе вечера, когда салоны наши не переполнялись посѣтителями, а было два-три человѣка, иногда и никого, отецъ оставлялъ настѣ, дѣтей, ужинать съ собою, обыкновенно въ одиннадцатомъ часу. Понятно, что эти дни дорого цѣнились нами. Не знаю, по какому случаю и по какимъ соображеніямъ, Карамзинъ бывалъ гостемъ нашимъ именно въ эти исключительные дни. Отецъ былъ великій устный слѣдователь по вопросамъ метафизическимъ и политическимъ; сказывали мнѣ, бывалъ онъ иногда и очень парадоксальный, но и блестящій спорщикъ. Бесѣды и пренія его съ Карамзінымъ длились безъ конца. Въ ожиданіи вождѣннаго ужина мы дремали въ сосѣдней комнатѣ, а ужинъ былъ все отлагаемъ позднѣе и позднѣе. Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ говоривалъ, что когда отецъ мой, въ жару спора, нанижетъ себѣ на пальцы нѣсколько соленыхъ крендельковъ, которые подавались закускою при водкѣ, то

бѣда: ужинъ непремѣнно успѣть остыть. Онъ же говорилъ: къ Вяземскому на ужинъ никогда не опоздаешь; поваръ его только въ полночь ходитъ закупать провизію. Эти домашніе запоздалые ужины худо располагали насть къ Карамзину. Мы дѣтскимъ чутьемъ угадывали, что отецъ не разговорился бы такъ долго съ маіоромъ Струковымъ. По этому гувернеръ мой, Французъ Дандилля, прозвалъ Карамзина: monsieur minuit et demi; долго въ дѣтской нашей ходиль онъ подъ этимъ прозвищемъ. Впрочемъ, кажется, онъ нѣсколько задобрилъ меня, подаривъ первыи часы, которыми пришлось мнѣ щеголять. Для молодого человѣка всего нужнѣе умѣть узнать время,— сказалъ онъ, вручая мнѣ свой подарокъ.

IV.

Съ водворенiemъ Карамзина въ наше семейство, письменныя наклонности мои долго не пользовались поощренiemъ его. Я былъ между двухъ огней: отецъ хотѣлъ видѣть во мнѣ математика; Карамзинъ боялся увидѣть во мнѣ плохаго стихотворца. Онъ часто пугаль меня этою участью. Берегитесь, говориваль онъ: нѣть никого жалче и смѣшище худаго писачки и риемоплета. Первые опыты мои таилъ я отъ него, какъ и другія проказы грѣшной юности моей. Уже позднѣе, и именно въ 1816 году, примирился онъ съ метроманіею мою. Александръ Тургеневъ давалъ въ Петербургѣ вечеръ въ честь его. Всѣ Арзамасцы были на лицо: были литераторы и другаго лагеря. Хозяинъ вызвалъ меня прочесть кое-что изъ моихъ стихотвореній. Выслушавъ ихъ, Карамзинъ сказалъ мнѣ: „Теперь уже не буду отклонять васъ отъ стихотворства. Пишите съ Богомъ“. На этомъ вечерѣ познакомился я съ Крыловымъ. Онъ также былъ одинъ изъ благопривѣтливыхъ слушателей и просилъ меня повторить чтеніе одного изъ стихотвореній, которое наиболѣе понравилось ему. Эти два знака отличія, полученные мною на полѣ битвы, порадовали меня и польстили самолюбію моему. Они же порѣшили и, такъ-сказать, узаконили участъ мою. О, радость! о, радость! о, восторгъ! и я, и я, пить!—могъ сказать я съ простодушнымъ Василіемъ Львовичемъ. Жребій брошенъ. Съ того дня призналъ я и себя

сочинителемъ. И пошла писать!—то-есть: пиши пропало! скажетъ одинъ изъ моихъ строгихъ критиковъ.—Можетъ быть, оно и такъ, но есть еще другая поговорка: что напишешь перомъ, не вырубишь топоромъ. И вотъ почему, въ добрый или худой часъ,—все едино, появляюсь я на печатной скамье подсудимаго предъ судилищемъ почтеннѣйшей публики.

V.

Жуковскій, мой благосклонный, но, когда нужно, и строгій судья, сказалъ, что могу присвоить себѣ стихъ Буало: *Et mon vers, bien ou mal, dit toujours quelque chose.* Кажется, можно приблизительно перевести на Русскій языкъ сей стихъ слѣдующимъ образомъ:

И стихъ мой, такъ иль сякъ, а что-нибудь да скажетъ.

Нечего и говорить, что ни Жуковскій не величалъ меня, ни я себя не величалъ знаменитымъ Французскимъ сатирикомъ. Но я думаю, что опредѣленіе Жуковскаго довольно вѣрно. Оно мнѣ въ похвалу и въ укоръ. Заявляю здѣсь сказанное мною однажды навсегда. Нынѣ сужу себя и говорю о себѣ, какъ о постороннемъ. И въ самомъ дѣлѣ, не въ сторонѣ ли я отъ самого себя послѣ всего такъ долго пережитаго мною? Было кѣмъ-то сказано, что человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ долженъ быть самъ врачемъ своимъ, то-есть знать сложеніе свое, temperamentъ свой, знать, въ гигиеническомъ отношеніи, что можетъ быть ему полезно, что вредно. То же можно применить и къ нравственному распознанію себя. Въ нѣкоторомъ возрастѣ человѣкъ лучшій свой судія, если, впрочемъ, не одержимъ онъ неизлѣчимою болѣзнью самообольщенія. Человѣкъ уже на покой, или на послѣднемъ поворотѣ жизни, долженъ и можетъ смотрѣть безъ лицепріятія на дѣла своихъ давнѣ минувшихъ лѣтъ. Эти дѣла для него уже преданья старины глубокой. Онъ вслушивается въ нихъ, а пересочинить ихъ не можетъ.

Возвратимся къ сказанному Жуковскимъ. Весь вопросъ здѣсь заключается въ томъ, чего болѣе: *du bien ou du mal*, болѣе ли сказано такъ, или болѣе сякъ. Но я плохой математикъ: итоговъ выводить не буду. Предоставляю этотъ трудъ журнальнымъ бухгалте-

рамъ. Самъ же скажу, что должно быть довольно того и другаго. Въ стихахъ и въ прозѣ у меня много неровностей—и нельзя имъ не быть. Я никогда не писать прилежно, постоянно; никогда не изучалъ я систематически языка нашего. Какъ пѣвцы-самоучки, писаль я болѣе по слуху. Писаль я болѣе урывками, подъ вдохновенiemъ или подъ осязанiemъ мысли и чувства. Писаль я, когда что-нибудь внутреннее или внѣшнее за-живо задирало меня, когда мнѣ именно хотѣлось сказать или высказать что-нибудь, такъ или сякъ, опять все равно. Натура моя довольно живучая и произрастильная, но не трудолюбивая; напротивъ, трудъ пугаетъ ее, она сжимается подъ давленiemъ его. А что ни говори, трудъ есть родникъ, двигатель всякаго положительного успѣха и возможнаго усовершенствованія. Безъ терпѣнія, труда быть не можетъ. Бюффонъ сказалъ и доказалъ, что терпѣніе есть одно изъ главныхъ свойствъ генія. Если такъ, то какъ далекъ я, Боже мой, отъ геніальности. У меня литература была всегда животрепещущаю склонностью, болѣе зазывомъ, нежели призваніемъ. Если и было это призваніе, то охотно сознаюсь, что я не выдержалъ, не вполнѣ оправдалъ его. Никогда, или такъ рѣдко, что не стѣбѣтъ упоминать того, не вель я жизни литературной, какъ вели ее, напримѣръ, Жуковскій, Пушкинъ. О Карамзинѣ уже не говорю: онъ былъ воплощенный трудъ, воплощенное терпѣніе. Я болѣе предавался теченію жизни: сперва молодости, съ увлеченіями ея; позднѣе болѣе или менѣе сухимъ обязанностямъ службы, личнымъ заботамъ, горькимъ испытаніямъ жизни, частымъ и вынужденнымъ странничествамъ. Къ тому же, нечего таить, какая-то врожденная беспечность, просто лѣнь, никогда не допускали пера быть постояннou принадлежностью руки моей. А перо взыскательно: оно требуетъ прилежнаго ухода за собою; безъ этого оно непослушно и ртачиво. При этомъ пріятели мои еще дивились, что могъ я столько написать при своей развлеченнной жизни, могли бы они сказать и отвлеченной; много изъ жизни моей пошло и на внутреннія, созерцательныя и мечтательныя думы. Много прожилъ я жизнью одинокою, жизнью про себя. Знаю, языкъ мой не всегда правиленъ; не довольно внимательно и строго покоряюсь законамъ его. Увлекаюсь не желаніемъ, а скорѣе безсознательною потребностью сказать иначе, чѣмъ сказали бы другie. Это можетъ

быть достоинствомъ, но можетъ быть и погрѣшностью, быть силою, но и немощью. Александръ Тургеневъ, въ одномъ письмѣ изъ напечатанныхъ по смерти его, очень невыгодно и съ какою-то досадою отзыается объ этомъ наездничествѣ пера моего. Въ укоризнѣ его есть доля правды; но Тургеневъ въ литературѣ принадлежалъ пуританской школѣ, которой между пами главнымъ представителемъ былъ Блудовъ. Сознаюсь, я отъ нѣкоторыхъ неологизмовъ въ словахъ и въ слогѣ не прочь. Разнообразіе и разнозвучіе, въ мѣру и съ чутьемъ, нужны и цѣну свою имѣютъ. Также и Карамзинъ, въ письмѣ къ Дмитріеву, говоритъ, что должно выдрать бы мнѣ уши за переводъ мой рѣчи, произнесенной императоромъ Александромъ на Варшавскомъ сеймѣ; разумѣется, обвиненіе падаетъ на неправильность языка. Здѣсь есть нѣкоторый поводъ къ оправданію. Не вся рѣчь переведена мною. Новосильцовъ, около полночи, прислалъ въ канцелярію Французскій подлинникъ для немедленного перевода его на Русскій языкъ. Многія слова политическаго значенія, выраженія чисто-конституціонныя были нововведеніями въ Русскомъ изложеніи. Надобно было надъ нѣкоторыми призадумываться. Для скорости, мы разобрали рѣчъ по клоцкамъ и раздѣлили ихъ между собою, чиновниками канцеляріи. Каждый переводилъ, какъ умѣлъ. Но я остался какъ-то офиціальнымъ и отвѣтственнымъ переводчикомъ рѣчи. Государь былъ переводомъ доволенъ; на обѣдѣ у князя Заіончека Государь милостиво благодарилъ меня за переводъ. Кстати скажу, что и послѣ былъ я въ канцеляріи Новосильцова главнымъ дѣйствующимъ лицомъ по редакціонной Русской части. Были труды гораздо важнѣе перевода сеймовой рѣчи. Въ канцеляріи былъ у насъ юристъ и публицистъ, французъ Deschamps. Ему Новосильцовъ передавалъ соображенія и мысли свои: французъ, набившій руку себѣ во Франції въ изготавленіи и редакції подобныхъ проектовъ, писалъ ихъ, такъ-сказать, прямо набѣло. Переливка этихъ работъ въ Русскія формы наложена была на меня. Въ одинъ изъ прїѣздовъ моихъ въ Петербургъ изъ Варшавы императоръ удостоилъ меня особенною послѣбѣденною аудіенціею въ Каменноостровскомъ дворцѣ. Съ полчаса, если не болѣе, изволилъ говорить онъ о трудахъ нашихъ по канцеляріи Новосильцова, о воззрѣніяхъ своихъ на Польшу и на другія политическія события и соображенія.

Тутъ косвенно были, или по крайней мѣрѣ такъ казалось мнѣ, маленькие, не буквально выраженные, но понятные намеки на противоположныя мысли Карамзина. Напримѣръ, Государемъ было сказано: „*Quelques uns pensent, que les désordres dont nous sommes parfois témoins, sont inhérents aux idées libérales: tandis qu'ils ne sont que des abus de ces idées et de ces principes*“ . Государь говорилъ также о предположеніяхъ своихъ въ отношеніи къ будущему государственному устройству Россіи. Говорилъ онъ все время по-французски: рѣчь его была стройна, плавна и отличалась изящностью и ясностью; день, ознаменованный этимъ разговоромъ, остается историческимъ днемъ въ жизни моей. Переводъ словъ: *constitution* и *liberal*—словами: государственное уложеніе и законъ о свободный, принадлежать самому Государю. При концѣ аудіенціи могъ я, между прочимъ, убѣдиться въ умѣніи Государя, или, лучше сказать, въ прирожденной ему способности, часто малозначащимъ словомъ польстить человѣку и порадовать его личною и привѣтливою внимательностью.

Я пріѣхалъ изъ Варшавы чрезъ Ригу. Песчаная, утомительная, продолжительная Ѣзда отъ Митавы вывела меня изъ терпѣнія. Я былъ золъ на себя и на дорогу, которую выбралъ. Въ Ригѣ хотѣли обратить вниманіе мое на картину города, Двины, моста, сплошь, какъ перилами, окаймленного коммерческими судами. Но я ничего ни слышать, ни видѣть не хотѣлъ; въ отмщеніе Митавскимъ пескамъ, я крѣпко зажмурилъ глаза: такъ и проѣхалъ. Видно, Карамзинъ рассказалъ Государю эту выходку эксцентрическую. Отпуская меня, Императоръ, съ своею ласковою и выразительною улыбкою, спросилъ меня: а что, вы и теперь пойдете на Ригу?

Забылъ я сказать, что Новосильцовъ имѣлъ намѣреніе отправить меня прямо къ Государю съ изготовленною работою нашей, для объясненій по редакціи, если Государь потребовалъ бы ихъ. Но канцелярскія интриги этому помѣшили. Уже позднѣе, и то совершенно случайно, довелось мнѣ имѣть вышеупомянутую бесѣду, для меня достопамятную. Но нѣтъ медали, у которой не было бы своей обратной стороны. Гдѣ-нибудь и когда-нибудь, если Богъ дастъ, расскажу, какъ благоволительное обращеніе Государя со мною, ни по лѣтамъ моимъ, ни по официальному служебному положенію

моему, не имѣвшимъ на то права, обратилось позднѣе въ неудовольствие на меня.

Впрочемъ, скажу заранѣе, что тутъ было много моей вины, то-есть недосмотрительности, неосторожности, а еще болѣе виноваты были въ томъ постороннія вліянія и неблагопріятныя обстоятельства. Государь не могъ поступить иначе: онъ долженъ былъ вызвать меня изъ Варшавы; но въ то же время велѣль онъ сказать мнѣ чрезъ Карамзина, что всякая другая служба остается для меня вполнѣ открытою.

VI.

Вышесказанное мною вообще относится до пребыванія моего въ Варшавѣ и до нѣкоторыхъ обстоятельствъ, вытекающихъ изъ этого пребыванія. Хочется мнѣ нѣсколько остановиться на этомъ и опредѣлить Варшавскій періодъ жизни моей, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ довольно важное вліяніе и на многіе послѣдовавшіе за нимъ годы. Къ тому же, не было онъ чуждъ и литературной дѣятельности моей. По распущеніи Московскаго ополченія, оставался я въ Москвѣ въ службѣ, не въ службѣ, въ отставкѣ, не въ отставкѣ, а причисленнымъ по-прежнему къ межевой канцеляріи, или, вѣрнѣе сказать, не отчисленнымъ отъ нея. Начальникъ сей канцеляріи, сенаторъ Обресковъ, при которомъ я служилъ, умеръ въ 1814 году. Время было не до канцелярскихъ строгихъ порядковъ и взысканій; но я не думалъ выяснить свое служебное положеніе: ни служба, ни начальство не заботились обо мнѣ. Наступилъ 1817 годъ. Пріѣхалъ въ Москву генералъ, Мих. Мих. Бородинъ, въ свое время блестящій воинъ на поляхъ сраженій и равно блестящее лицо въ салонахъ обѣихъ столицъ. Въ дѣствѣ моемъ заглядывался я на него и любовался красivoю и мужественною наружностью и отличающейся отъ другихъ изящною и щегольскою осанкою. Онъ былъ одинъ изъ ближайшихъ пріятелей отца моего, который, шутя, прозвалъ его Неаполитанскимъ королемъ, по поводу предводительства его Русскими войсками въ Неаполь въ царствованіе Императора Павла. Замѣтилъ уже кстати и мимоходомъ, что отецъ прозвалъ вмѣстѣ съ

нимъ Польскимъ королемъ и извѣстнаго въ царствованіе Екатерины II Корсакова, который очень дорожилъ орденомъ Польскаго Бѣлаго Орла и никогда не снималъ его съ себя. Отецъ мой говоривалъ, что ему очень пріятно и лестно играть у себя дома въ бостонѣ съ двумя величествами. По пріѣздѣ въ Москву Бороздинъ отыскалъ меня и очень обласкалъ, какъ сына пріятеля своего. Онъ дружески укорялъ меня въ тунеядствѣ моемъ и говорилъ, что въ молодыхъ лѣтахъ сыну Андрея Ивановича стыдно быть баклуши и быть какимъ-то Митрофанушкою, недорослемъ въ обществѣ. Къ тому же времени пріѣхалъ изъ Варшавы и Новосильцовъ, вызванный Государемъ, который тогда со всѣмъ Дворомъ имѣлъ пребываніе въ Москвѣ. Бороздинъ былъ пріятелемъ и Новосильцова. Вѣроятно, говорилъ онъ ему обо мнѣ; однажды пригласилъ онъ меня обѣдать съ Новосильцовыми, представилъ и, такъ-сказать безъ особенныхъ предварительныхъ объясненій со мною, передалъ меня ему на руки. Новосильцовъ благосклонно принялъ меня: участъ моя была рѣшена, если не противъ воли моей, то, такъ-сказать, почти мимо воли моей, но однако же не безъ признательности къ участію, принятому во мнѣ старымъ пріятелемъ отца. При разставаніи моемъ съ Москвою и беззаботною жизнью мою написалъ я стихотвореніе: „Прощаніе съ халатомъ“, которое было тогда же напечатано въ журналѣ Сынъ Отечества и имѣло нѣкоторый успѣхъ. До Варшавы зналъ я почти одну Москву: въ Петербургъ наѣзжалъ я только на короткое время, за границею же не бывалъ. Варшава, тогда блестящая, не только мѣрная, но и празднующая перерожденіе свое, повѣяла на меня незнакомымъ, новымъ воздухомъ. Я скоро и легко акклиматизировался, да иначе и быть не могло. Починъ мой въ Варшавѣ былъ самый благопріятный. Въ Новосильцовѣ нашелъ я начальника, котораго лучше и придумать нельзя, начальника, чуждаго вся资料 начальствованія. Съ первыхъ дней пріѣзда моего, я сдѣлался у него домашнимъ; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до дня отѣзда моего, эти отношенія ни на одинъ день, ни на одну минуту не измѣнялись. Даже и послѣ, когда увѣдомилъ онъ меня, по Высочайшему повелѣнію, что не долженъ и не могу я возвращаться въ Варшаву, официальное письмо его запечатлѣно было чувствомъ благороднаго положенія его ко мнѣ. Государь, въ то же самое время пріѣхавшій изъ

Москвы для открытия первого Польского сейма, былъ ко мнѣ отмѣнно внимателенъ и милостивъ. Онъ даже изволилъ удостоить жену и меня своимъ Августѣйшимъ посѣщеніемъ. Правда, сказали мнѣ тогда, что царское посѣщеніе относится вообще къ хозяинѣ дома, а не къ хозяину, который, какъ отцы при крестинахъ дѣтей своихъ, долженъ блестать отсутствиемъ своимъ; но безсознательное нарушение мое придворного этикета и приличія сошло благополучно. Государь былъ очень весель и разговорчивъ. Между прочимъ изволилъ онъ спросить меня: прочелъ ли я Исторію Карамзина, которая только-что вышла въ печати. На мой отвѣтъ, что еще не успѣлъ я прочесть, Государь, съ видомъ какого-то самодовольства, сказалъ мнѣ: „А я прочелъ ее съ начала до конца“. Еще до Варшавы Государь явилъ намъ знакъ благоволенія своего. Дорогою, гдѣ-то въ Царствѣ Польскомъ, обогналъ онъ насъ, узналъ, келья коляскѣ своей остановиться и вышелъ изъ нея, на встрѣчу къ намъ, также вышедшими изъ кареты. Государь былъ бодръ, свѣжъ и тщательно и красиво убранъ и одѣтъ, какъ будто бы выходилъ изъ уборной комнаты своей въ Зимнемъ дворцѣ. Я ѿхалъ больной, чуть ли не въ халатѣ, не мытый, не бритый, неряшливый. Дорогою, передъ тѣмъ, пролежалъ я, больной простудою и колотьемъ въ боку и въ груди, въ какомъ-то мѣстечкѣ; въ немъ не было никакихъ пособій и помощи: ни доктора, ни хорошей воды, ни бѣлаго хлѣба, ни уксуса. Какъ-то уже дни три, или четыре спустя, гродненскій губернаторъ, узнавъ о болѣзни моей, прислать намъ бѣлый хлѣбъ, лимоны и другіе припасы и спадобья. На другой день прѣѣзда нашего въ Варшаву Государь изволилъ прислать намъ фельдѣгера осведомиться о здоровью моемъ. Онъ же увѣдомилъ и Новосильцова, что новый чиновникъ его єдетъ къ нему больной. Для людей, опасающихся начинать и предпринимать что-нибудь въ понедѣльникъ, замѣчу, что мой примѣръ можетъ подкуренить ихъ суевѣре. Въ Москвѣ все было уже готово къ нашему отѣѣзу въ Варшаву. Но теща моя, П. Ю. Кологривова, давала балъ въ воскресенье въ честь Государя и царской фамиліи. Неловко было уѣхать до бала. А между тѣмъ скорый отѣѣздъ Государя и предварительный отѣѣздъ свиты его угрожали намъ препятствіями и частыми и долгими остановками по почтовому тракту. Я самъ питаю нѣкоторое почтительное отвращеніе въ отношеніи къ понедѣльнику. Такимъ обра-

зомъ дѣтей нашихъ отправилъ я впередъ въ воскресенье, чтобы застраховать ихъ отъ худаго наитія понедѣльничаго глаза, а самъ предалъ себя на волю Божію и рѣшилъ, что мы выѣдемъ тотчасъ послѣ бала, то-есть на разсвѣтъ понедѣльника. Такъ и было. Этотъ крутой переворотъ изъ бальныхъ платьевъ въ дорожныя, изъ блеска многолюднаго праздника въ дорожную повозку внушилъ мнѣ тутъ же стихотвореніе, Ухабъ, которое, помнится, напечатано въ Сынѣ Отечества. Начинается оно такъ:

Надъ кѣмъ судьбина не шутила,
И кто проказать ея не рабъ?
Слѣпая приговоръ скрѣпила,
И съ бала я попалъ въ ухабъ.

Въ ухабѣ, сидя какъ въ берлогѣ,
Я на досугѣ разсуждалъ.
И въ жизни, какъ и на дорогѣ,
Ухабовъ много насчитаљ.

Далѣе не помню.

Но возвратимся къ зловѣщему понедѣльнику. Не только крѣпко захворалъ я дорогою, но въ Несвижѣ, гдѣ ночевали мы, нась совершенно обокрали: платья, нѣсколько тысяч рублей, лежавшихъ въ мѣшкѣ, и разные другіе предметы дорожные, или хозяйственныя, которые везли мы въ Варшаву, все было до чиста прибраено и похищено. Чтобы имѣть возможностьѣѣхать далѣе, жена должна была заложить, для вырученія нѣкоторой суммы, разныя свои кольца, серьги и цѣнныя вещи. По счастію, догнала нась И. С. Тимирязевъ,— тогда адъютантъ великаго князя Константина Павловича, и, сжалась надъ бѣдствіемъ нашимъ, ссудилъ нась двумя тысячами рублей. Avis au lecteur. Вотъ, что значить пускаться въ путь въ понедѣльникъ.

Приѣздъ Государя въ Варшаву еще болѣе оживилъ ее. Поляки впечатлительны: на нихъ сильно и горячо отражается и радость, и горе; свита Императора была многолюдна и блестательна; князь Волконскій, графъ Уваровъ, Милорадовичъ, Остерманъ, князь Меншиковъ, генералъ Потемкинъ, любимецъ Семеновскаго полка и гвардіи, графъ Чернышовъ и многія другія, болѣе или менѣе извѣстныя, военные лица; по части гражданской графъ Каподистріа

сь двумя своими правыми руками: графомъ Матушевичемъ и Сѣверинымъ; государственный секретарь Марченко съ Арзамасцемъ Жихаревымъ. Всѣ съѣхались, болѣе или менѣе, доброжелательными и вѣжливыми гостями; даже и не совершенно сочувствующіе возрожденію Польши увлекались новостью и блестящею обстановкою зрелица. Предъ ними, какъ и предо всѣми, ставилась и разыгрывалась новая драма. На военныхъ же особенно отсвѣчивались славные дни недавнихъ побѣдъ и вступленія въ Парижъ Побѣдителя.

VII.

Но пора спуститься съ временнаго подножія человѣка полу-политического, куда попалъ я, на смиренный участокъ, которымъ надѣленъ я въ области литературной.

Странное дѣло: очень люблю и высоко цѣню пѣвучесть чужихъ стиховъ, а самъ въ стихахъ своихъ никакъ не гонюсь за этой пѣвучестью. Никогда не пожертвую звукъ мыслию мою. Въ стихѣ моемъ хочу сказать то, что сказать хочу: о ушахъ близняго не забочусь и не помышляю. Не помышляю и о томъ, что многое не ладить со стихами: стихи, или поэзія всего не выдерживаютъ. Коровы бываютъ и очень красивыя: но сѣдло имъ нейдетъ. Мысль, стихомъ осѣданная, можетъ никуда не годиться. Мое упрямство, мое насилиствованіе придаютъ иногда стихамъ моимъ прозаическую вялость, иногда вычурность. Когда Вѣльгорскій просилъ у меня стиховъ, чтобы положить ихъ на музыку, онъ всегда прибавлялъ: только, ради Бога, не умничай; мысли мнѣ не нужны, мысли на ноты не переводятся. Вѣльгорскій именно въ цѣль попалъ. Въ стихахъ моихъ я нерѣдко умствую и умничаю. Между тѣмъ полагаю, что если есть и должна быть поэзія звуковъ и красокъ, то можетъ быть и поэзія мысли. Всѣ эти свойства, или недостатки побудили Пушкина въ тайныхъ замѣткахъ своихъ, обвинить меня въ какофоніи: ужъ не слишкомъ-ли? Вотъ отмѣтка его: „Читалъ сегодня посланіе кн. Вяземскаго (видно онъ сердитъ, что величаетъ меня княжествомъ) къ Жуковскому (напечатанное въ Сынѣ Отечества 1821 года). Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость; но что за звуки! Кому

быль Фебъ изъ Русскихъ ласковъ,—неожиданная риома Херасковъ не примиряет меня съ такой какофоніей^{**}).

Воля Пушкина, за благозвучность стиховъ своихъ не стою, но и нынѣ не слышу какофоніи въ помянутыхъ стихахъ. А вотъ въ чёмъ дѣло: Пушкина разсердилъ и огорчилъ я другимъ стихомъ изъ этого посланія, а именно тѣмъ, въ которомъ говорю, что языкъ нашъ риомами бѣденъ.—Какъ хватило въ тебѣ духа, сказалъ онъ мнѣ, сдѣлать такое признаніе? Оскорблѣніе Русскому языку принималъ онъ за оскорблѣніе, лично ему нанесенное. Въ нѣкоторомъ отношеніи былъ онъ правъ, какъ одинъ изъ высшихъ представителей, если не высшій, этого языка: оно такъ. Но правъ и я. Въ доказательство, укажу на самого Пушкина и на Жуковскаго, которые позднѣе все болѣе и болѣе стали писать бѣлыми стихами. Русская риома и у этихъ богачей обносилась и затерлась. Впрочемъ, не сержусь на Пушкина за посмертный приговоръ. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость; Пушкинъ порочить звуки мои, но щедро восхвалять меня за другія свойства: не остаюсь въ накладѣ.

Малозвучность и другіе недостатки стиха моего могутъ объясниться слѣдующимъ. Я никогда не пишу стиховъ моихъ, а сказываю ихъ въ протулкахъ моихъ; это не вполнѣ импровизація, а что-то подобное тому, импровизація съ урывками, съ остановками. Въ этой пассивной стихотворческой гимнастикѣ бываютъ промахи и неправильныя движения. Постѣ выпрямлю ихъ, говорю себѣ,—и иду далѣе, а когда окончательно кладу надуманное на бумагу, бываетъ уже поздно; поправить, выпрямить не удается: поправить лѣнъ, да и жаръ простыль. Мало заботясь о нихъ, отпускаю стихи мои на Божій свѣтъ, какъ родились они, съ своими хорошими примѣтами, если таковыя есть, съ своими калѣчностями, когда таковыя окажутся.

Что говорю о стихахъ своихъ, могу вообще сказать и о прозѣ своей. И тутъ и тамъ замѣтень недостатокъ отдѣлки, оконченности. Не продаю товара лицомъ. Не обѣдливаю товара, а выдаю его сырьемъ, какъ Богъ послалъ.

^{**) Прим. Хочу-ль сказать, къ кому былъ Фебъ изъ Русскихъ ласковъ?}

Державинъ рвется въ стихъ, а втащится Херасковъ.

Это переводъ стиховъ Буало: *La raison dit Virgile et la rime Quinault.*

Скажу и здесь: если Карамзинъ и Пушкинъ бывали ко мнѣ строги, то порою бывали и милостивы. Они нерѣдко сочувствовали плодамъ лера моего, драли меня за уши, но гладили и по головкѣ, одобряли, поощряли меня. То же скажу о Дмитріевѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, Баратынскомъ, Дашковѣ, Блудовѣ. Могу сказать, что я избалованъ былъ, какъ строгими замѣчаніями ихъ, такъ и похвальными отзывами. Въ самой строгой критикѣ, когда она основательна и смѣтлива, можетъ быть слышна нота сочувствія.

VIII.

Повѣрять ли мнѣ, или неѣть, но утверждаю, что собственно для публики я никогда не писалъ. Когда я съ перомъ въ руکѣ, она мнѣ и въ голову не приходитъ. Впрочемъ, публика дѣлится на два разряда, а именно читающихъ и читателей. Тутъ почти та же разница, что между пишущими и писателями. Нечего и говорить, что въ томъ и другомъ случаѣ большинство на сторонѣ первыхъ. Признаюсь, во многомъ я не прочь отъ меньшинства; разумѣется, и числительная сила большинства имѣть достоинство свое. Напримѣръ, гораздо выгоднѣе имѣть при себѣ тысячу рублей, нежели десять. Но едва ли не будетъ пріятнѣе имѣть за себя десять умныхъ людей, нежели тысячу глупцовъ. Впрочемъ, о вкусахъ спорить нечего. Я и не спорю.

При такомъ настроеніи моемъ, само собою разумѣется, что я никогда не подъискивался, не старался угодить прихотямъ и увлечениямъ читающей публики. Не ставилъ себѣ въ обязанность задобривать ее. Въ этомъ отношеніи за мною никакого художества, никакого сочинительства не бывало. Преимущественно писалъ я всегда для себя, а потомъ уже для тѣснаго кружка избранныхъ; въ нихъ не послѣднее мѣсто занимали мои избраницы. Критикой и похвалиами ихъ бывалъ я равно доволенъ. Первою я часто пользовался съ повиновеніемъ; часто, а не всегда, другими радовался, а иногда гордился. На критику печатную обращалъ я вообще мало вниманія, съ нею не совѣтовался, ей не вѣрилъ. Это невѣріе крѣпко держится во мнѣ и нынѣ. Впрочемъ, настоящей критики, за рѣдкими исключеніями, у насъ не было; неѣть ея и теперь. Теперь еще менѣе, нежели

прежде. Каченовские, Сенковские, Булгарины далеко не были святыми критики; но все же была въ нихъ нѣкоторая литературная основа. Они кое-чему обучились, кое-что прочитали.

Въ старину, то-есть въ нашу молодость, выражение: залихватской, залихватское было въ общемъ употребленіи, преимущественно въ простопародіи и на офицерскомъ языке. Нынѣ оно сдѣлалось заштатнымъ, какъ иные города, нѣкогда цветущіе и довольно многолюдные. Слово свое время выжило, но сущность его осталась. Она легко можетъ быть примѣнена къ литературѣ, и особенно къ критикѣ.—„Да ты самъ тому виноватъ, сказалъ бы мнѣ Александръ Тургеневъ,—ты самъ даль тому примѣръ въ Телеграфѣ“.—Можетъ быть, скажу я. Но известно, что послѣдователи худаго примѣра всегда еще ухудшаютъ его. Шалопайство пера гуляетъ по страницамъ журналовъ. Правда, есть и глубокомысленная, или головоломная критика, но попробуй ее—и провалишься.

Иной, напримѣръ, ничему не учился, сдѣлался самоучкою невѣжества своего. Но въ умѣ, въ замашкахъ мысли его была какая-то бойкость и Русская смѣтливость; онъ кое-что угадывалъ. Но оставленное имъ по себѣ потомство наслѣдовало отъ него одно обширное невѣдѣніе; блестящія же качества его ускользнули отъ наслѣдниковъ. Вліяніе ложной школы, ложнаго авторитета утверждается въ обществѣ съ неимовѣрною скоростью и крѣпостью, какъ вліяніе прилипчивой болѣзни. У насъ, напримѣръ, встрѣчаешь людей не безъ ума, не безъ дарованія и вообще европейской образованности, которые, не запинаясь, не заикаясь, ставятъ имъ подобного литературнаго выскочки рядомъ съ именемъ Пушкина, а можетъ быть еще готовы признать превосходство первого надъ послѣднимъ, по благотворному вліянію, которое тотъ и другой оказали на ходъ литературы нашей. Что прикажете дѣлать въ виду подобной ереси? Впрочемъ, плоды ея очевидны и поразительны.

Сказанное мною—не сѣтованія оскорблнаго самолюбія, не придирики злопамятства. На моемъ долгомъ вѣку всего было довольно. И я жилъ въ счастливой Аркадіи, и меня хвалили, и мнѣ кланялись журналы, и меня называли печатно остроумнѣйшимъ писателемъ. И мало-ли еще какія бывали величанія. Меня и очень брали. Все это дѣло житейское и бывалое. Скажу и я съ Пушкинымъ:

E sempre bene, господа!

Огъ журнальныхъ похвалъ не раздувался я; отъ браней не худѣлъ. Позднѣе настала пора заговора молчанія. Критически печать меня заживо похоронила; не потрудилась даже выставить надгробную надпись. Что же, почему и этому не быть? Мертвые срама не имутъ.

Les absents n'ont pas toujours tort, сказалъ я когда-то: *mais ce sont les présents qui ont souvent tort.* Особенно въ такую глухую пору, когда между отсутствующими числится: Дмитріевъ, Батюшковъ, Жуковскій, Баратынскій и нѣкоторые другіе; когда Карамзинъ и Пушкинъ едва-ли уже не откланиваются предъ читающею публикою. Да Господи Боже мой! какъ быль бы я глупъ, если не умѣлъ бы цѣнить свое достохвальное исключеніе; могу только сказать съ смиреніемъ и благодарностью, что не по заслугамъ моимъ такая честь мнѣ оказывается.

Для полноты автобіографическихъ замѣтокъ, считаю не лишнимъ сказать и слѣдующее. Стороною доходили до меня слухи, что въ нѣкоторой залихватской печати хожу я подъ разными прозвищами забавными и насмѣшиливыми. Честью удостовѣряю, что эти выстрѣлы въ меня остались промахами для меня. Не имѣлъ я и не имѣю понятія о нихъ. Мнѣ даже прислали за границу для показа одну подобную статью. Такъ и лежитъ она у меня по сію пору недочитанная. Любопытство мое притупилось. Въ старину любилъ я гардѣвать въ чистомъ полѣ, предъ непріятелями своими, нынѣ и эта охота отпала; да и прежде не самолюбіе дѣйствовало во мнѣ, а какая-то задорливость. Баратынскій говоривалъ о мнѣ, что въ моихъ полемическихъ стычкахъ напоминаю я ему старыхъ нашихъ баръ, напримѣръ, Алексія Орлова, который любилъ выходить съ чернью на кулачной бой.

Если еще и нынѣ случается мнѣ тряхнуть стариною, то, право, не въ защиту свою, а просто отъ того, что приходится не въ терпежъ, когда наши политические репортеры слишкомъ зарапортуются, или наши питомцы сороковыхъ годовъ, какак-то эгира, внесенная въ нашу литературную хронологію, слишкомъ заговорятся. Да, пожалуй, найдутся добрые люди, которые скажутъ, что въ словахъ моихъ сквозить сѣтованія литературного крѣпостника, жалѣющаго о блаженныхъ временахъ цензуры. Нисколько. Хотя довольно долго

промышлилъ я дѣлами цензуры, хотя въ проѣздѣ мой чрезъ Берлинъ одна изъ нашихъ заграничныхъ непризнаваемыхъ (тѣосопиie) знаменитостей, проходя мимо меня, и пробормотала про себя: „вотъ идетъ наша Русская цензура“, но я до цензуры не безусловный охотникъ. Не безусловный поклонникъ и безусловныхъ льготъ свободной печати. Впрочемъ, желаю имъ здравствовать и процвѣтать, но съ тѣмъ, чтобы этотъ цвѣтъ приносилъ зрѣлые и здоровые плоды. Не слѣдуетъ забывать, что льготы, дарованныя печати, не всегда еще открываютъ путь истиннымъ успѣхамъ литературы. Бываетъ и такъ, что они только развязываютъ руки самонадѣяннымъ посредственостямъ.

За границею получаю нѣсколько Русскихъ газетъ и журналовъ, но, признаюсь, мало читаю ихъ, а выписзываю для очистки совѣсти. Жизнь такъ коротка, а мой остатокъ и такъ еще окорочень, что берегу время свое на чтеніе болѣе полезное и пріятное. Можеть быть, вслѣдствіе того я и виноватъ предъ журналами и газетами нашими и пропускаю безсознательно многія сокровища, которыхъ въ нихъ таятся. Но на ловца звѣрь бѣжитъ: какъ-то попадаю я чаще на слѣдъ краснаго звѣря политической или литературной безтактности, незнанія первыхъ элементарныхъ правилъ литературнаго благоприличія; скажемъ откровенно однимъ словомъ, на глупость, или на безсовѣстную неправду.

Нѣть сомнѣнія, что и нынѣ есть въ литеатурѣ нашей почетныя личности, которыхъ уважаю и мнѣніемъ которыхъ дорожу. Виолѣ призываю и цѣню ихъ судъ, всегда готовъ совѣтваться съ ними и покоряться совѣтамъ ихъ. Но не менѣе того, я какъ-то одинокъ въ современной литеатурѣ нашей. Нѣть уже прежнихъ спутниковъ моихъ, ровесниковъ, такъ-сказать, единовѣрцевъ. Нѣть того полнаго сочувствія, которое развилось и окрѣпло на родной почвѣ товарищества, общихъ привычекъ, понятій, склонностей, направленій. Теперь, когда напишу что-нибудь, чѣмъ я самъ доволенъ и что кажется мнѣ удачно, не чувствуя потребности, увлеченія прочесть сгоряча написанное мною друзьямъ моимъ. Этихъ друзей уже нѣть. Мнѣ, и радуясь собою, грустно радоваться одиноко. Не могу бѣжать къ Батюшкову, Жуковскому, Пушкину, чтобы подѣлиться съ ними свѣжимъ, только-что созревшимъ, только что сорваннымъ съ вѣтки плодомъ моей мысли, моего вдохновенія. Опѣнка ихъ была бы и

мою окончательною оценкою; одобрение ихъ было бы освященіемъ моей радости. Это одиночество, можетъ быть, и есть поводъ къ нѣкоторому охлажденію къ самому себѣ, и, можетъ быть, къ малому сочувствію, и часто равнодушію къ тому, что у насъ пишется.

IX.

Выше было уже сказано, что я вообще писалъ не усидчиво, а болѣе урывками. Въ литературной жизни моей были только два периода довольно постоянной дѣятельности, а именно, когда я участвовалъ въ изданіи журнала *Телеграфъ* и когда писалъ біографію фонъ-Визина. Обѣ дѣятельности были почти случайныя. Одна обязана холерѣ, другая вотъ какимъ обстоятельствамъ. Полевой былъ въ то время еще литераторомъ *in partibus infidelium*. Едва-ли не противъ меня были обращены первыя дѣйствія его. По крайней мѣрѣ ему приписывали довольно бранное посланіе на имя мое, напечатанное въ *Вѣстнике Европы*, въ отвѣтъ на мое извѣстное, и также не слишкомъ вѣжливое, посланіе Каченовскому. Какъ бы то ни было, Полевой со мной познакомился и бывалъ у меня по утрамъ. Однажды засталъ онъ у меня графа Михаила Вѣльгорского. Рѣчь зашла о журналистикѣ. Вѣльгорский спросилъ Полеваго, что онъ дѣлаетъ теперь.—Да покамѣсть ничего,—отвѣчалъ онъ. Зачѣмъ не приметесь вы издавать журналъ? продолжалъ графъ. Тотъ благоразумно отнѣкивался за недостаткомъ средствъ и другихъ приготовительныхъ пособій. Юноша былъ тогда скроменъ и застѣнчивъ. Вѣльгорский настаивалъ и преслѣдовалъ мысль свою; онъ указалъ на меня, что я и пріятели мои не откажутся содѣйствовать ему въ предпріятіи его, и такъ далѣе;—дѣло было рѣшено. Вотъ какъ, въ кабинетѣ дома моего, въ Чернышевомъ переулкѣ, зачато было дитя, которое постѣ падѣло много шума на бѣломъ свѣтѣ. Я закабалилъ себя *Телеграфомъ*. Почти въ одно время закабалилъ себя Пушкинъ Московскому *Вѣстнику*. Но онъ скоро вышелъ изъ кабалы, а я втерся и вѣрнулся въ свою всѣми помышленіями и всѣмъ тѣломъ. Журнальная дѣятельность была по мнѣ. Пушкинъ и Мицкѣвичъ увѣряли, что я рожденъ

памфлетеромъ, открылось бы только поприще. Иная книжка Телеграфа была на половину наполнена мною, или материалами, которые сообщалъ я въ журналъ.

Журналъ удался: отъ него пахло новизною. Многое изъ напечатанного въ немъ входить нынѣ въ собрание сочиненій моихъ. Но, вѣроятно, не все. За давностью не упомню всего. Своихъ не познаше. Сначала медовые мѣсяцы сожигали моего съ Полевымъ или благополучно, работа кипѣла. Не было недостатка въ досадѣ, зависти и браны прочихъ журналовъ. Все это было по мнѣ; все подстрекало, подбивало меня. Я стоялъ на боевой стѣнѣ, стрѣляя изъ всѣхъ орудій, партизанилъ, наѣздничалъ и подъ собственнымъ именемъ, и подъ разными заимствованными именами и буквами. Журнальный сыщикъ все ловилъ на лету. Потѣха да и только. Но послѣ издатель началъ дѣлать попытки по своему усмотрѣнію: печаталъ статью, изъявляя мнѣнія, которыхъ выходили совершенно въ разрѣзъ съ моимъ, прибавлю—не въ отношеніи политическомъ и либеральномъ,—нѣть, просто въ личномъ и чисто литературномъ. Мнѣ это не понравилось, и я отказался отъ сотрудничества. Впрочемъ, можетъ быть, и Полевой радъ былъ моему отказу. Журналъ довольно окрѣпъ, участія моего было уже не нужно, а между тѣмъ, по условію, долженъ былъ я получить половину чистой выручки. Журналиstu и человѣку коммерческому легко было расчесть, что лучше не дѣлить барыша, а вполнѣ оставить его за собою. Что же? Полевой былъ правъ, и я нисколько не виню его. Былъ правъ и я. Литтературная совѣсть моя не уступчива, а щекотлива и брезглива. Не умѣеть она мирволовить и входить въ примирительныя сдѣлки. Жуковскій, а особенно Пушкинъ оказывали въ этомъ отношеніи болѣе снисходительности и терпимости. Я былъ и остался строгимъ пуританиномъ.

При перебѣздахъ въ Петербургъ на житѣе принималъ я участіе въ литтературной газетѣ Дельвига, позднѣе въ Современникѣ Пушкина. Но дѣятельность моя тутъ и тамъ далека была отъ прежней моей телеграфической дѣятельности.

Надѣ Москвою въ 1831 г. грянула холера. Передъ тѣмъ проѣзжалъ я, или говоря служебнымъ языкомъ, былъ откомандированъ въ Москву графомъ Канкринымъ для устройства первой промышленной выставки въ Москвѣ.

Появленіе холеры въ столицѣ застало меня въ подмосковной, въ селѣ Остафьевѣ. Часть семейства моего въ немъ жила. Нужно было, безъ отлагательства, рѣшиться на одну изъ двухъ предстоящихъ мѣръ: оставаться въ деревнѣ, или сейчасъ перебраться съ дѣтьми въ городъ. Чрезъ нѣсколько часовъ Москва должна быть охвачена: по дорогамъ учреждены карантины. Въ Москвѣ уже гнѣздились болѣзни, но въ ней были все врачи и пособія и удобства, чтобы по возможности бороться съ нею. Въ деревнѣ ея не было, могла она и не быть. Но въ случаѣ вторженія мы были бы совершенно безоружны противъ врага. Отвѣтственность, лежавшая на мнѣ, какъ на отцѣ семейства, была тяжелая, и, признаюсь, не по силамъ моимъ. Вообще я не человѣкъ скорыхъ и окончательныхъ решений. Въ борьбѣ съ жизнью я болѣе Фабій Кункаторъ, болѣе свойства выжидательного. Здѣсь же отвѣливать, мѣшкать было нечего. Я рѣшился оставаться въ деревнѣ. Богъ меня надоумилъ и благословилъ рѣшеніе мое. Первое время заточенія было тяжкое. Всегда ожидаю скорѣе худаго, нежели надѣюсь на хорошее. Мало по малу мы обжились въ своеѣ карантинѣ. Для развлеченія моего, пришла мнѣ счастливая мысль. Давно задумалъ я заняться біографіею фонъ-Визина. Нѣсколько страницъ было уже написано; матеріаловъ подъ рукою было довольно. Вспомнилъ я о нихъ, принялъся за работу, и она закипѣла. Подъ бокомъ у меня была бібліотека обширная, иностранная и Русская. Она была для меня богатою житницѣю. За работу принялъся я не съ пустыми руками: пересмотрѣлъ, перебралъ, перечиталъ многіе десятки книгъ историческихъ и литературныхъ. Тутъ на опытѣ убѣдился я въ пользу и правдивости ученія, что все во всемъ (*tout et dans tout*). Все въ мірѣ, часто незамѣтно, но болѣе или менѣе связывается и держится между собою. Ни въ физическомъ, ни въ нравственно-человѣческомъ мірозданіи нѣть пустыхъ мѣстъ. Все послѣдовательно и соотвѣтственно занято. Нерѣдко одно слово, одно имя, одно малѣйшее событие можетъ васъ увлечь въ разнообразныя и далекія изысканія. Такъ было и со мною. Много историческихъ сочиненій перебралъ я по поводу фонъ-Визина, прочиталъ я, или пробѣжалъ почти всю старую Русскую словесность, между прочимъ едва ли не всего Сумарокова. Прочиталъ я даже болѣе половины многотомнаго собранія Россійскаго Театра. Подвигъ, скажу, Геркулесовскій,

болѣе—Бенедиктинскій. Иногда изъ цѣлой книги извлекаю я двѣ-три строки, два-три слова, нужные мнѣ для одной повѣрки, для одной замѣтки. Тредьяковскій и Фридрикъ Великій, въ своихъ историческихъ запискахъ, были мнѣ равно полезны. По возможности, все писанное мною было обдумано и провѣreno. Терпѣніе и трудъ мой были вознаграждаемы сознаніемъ, что поступаю добросовѣстно. Никогда письменная работа, ни прежде, ни послѣ, не была для меня такъ увлекательна, какъ настоящая, на которую навела меня холера. Работалъ и писалъ я прилежно, усидчиво, по цѣлымъ часамъ до обѣда, вечеромъ за полночь.

Уже при послѣднихъ издыханіяхъ холеры навѣстилъ меня въ Остадьевѣ Пушкинъ. Разумѣется, не отпустилъ я его отъ себя безъ прочтенія всего написанного мною. Онъ слушалъ меня съ живымъ сочувствіемъ пріятеля, и судилъ о трудахъ моемъ съ авторитетомъ писателя опытнаго и критика мѣткаго, строгаго и свѣтлаго. Вообще болѣе хвалилъ онъ, нежели критиковалъ. Между прочимъ находилъ онъ, что я слишкомъ живо нападаю на фонъ-Визина за мнѣнія его о Французахъ, и слишкомъ горячо отстаиваю Французскихъ писателей. При всей просвѣщенной независимости ума Пушкина, въ немъ иногда пробивалась патріотическая щекотливость и ревность въ отношеніи суда его надъ чужестранными писателями. Этого чувства я не знаю. Какъ бы то ни было, день, проведенный у меня Пушкинымъ, былъ для меня праздничнымъ днемъ. Скромный работникъ, получилъ я отъ мастера-хозяина одобреніе, то есть лучшую награду за свой трудъ.

Книга, написанная мною, долго пролежала у меня. Для полноты автобіографического очерка своего, скажу о ней еще нѣсколько словъ. Я уже замѣтилъ, что однажды написанное мною не что иное, какъ отрѣзанный ломоть. Оно уже не входить въ составъ жизни моей, не живая часть меня. Отпадшіе листья не принадлежать уже дереву, которое породило и воскорамило ихъ. Вотъ что вывело фонъ-Визина моего на бѣлый свѣтъ. Въ отсутствія, пногда довольно продолжительныя, директоровъ, я управлялъ департаментомъ виѣшней торговли; при немъ издавалась К оммерческая газета и была типографія. По старому ремеслу обращалъ я на нихъ особенное вниманіе. Управляющій типографіею былъ человѣкъ, знающій свое дѣло и

усердный къ нему. Онъ часто просилъ меня дать ему что-нибудь моего на станки его. Я вспомнилъ о спящей царевнѣ своей, то-есть о рукописи, и отдалъ ее въ типографію. Фонъ-Визинъ былъ напечатанъ, помнится мнѣ, въ числѣ шести или осьми сотъ экземпляровъ. Отданы были они на руки книгопродавцамъ. Кажется, изданіе разошлось. На мою долю выручка пала, много сказать, экземпляровъ на сто, прочие какъ-то улетучились. *Habent sua fata libelli*, особенно мои. Книга разошлась, но какъ-то молча. По крайней мѣрѣ не случалось мнѣ встрѣтить въ журналахъ общей оценки ея, изслѣдований по существу. Были однѣ случайныя отмѣтки о нѣкоторыхъ частностяхъ. Бывали изъ нея и заимствованія, но тоже не гласныя. Меня также обходили молча. А, казалось бы, книга открывала поле для критики мыслящей и дѣльной. Если не была она литературное событие, то все-же была любопытная и довольно серьезная попытка. Впрочемъ, молчанію о ней были и свои законныя причины. Бранить книгу было какъ-то не ловко: брали мало поддавалась она. Не за что было ухватиться. Хвалить ее также не подобало. Въ это время литературные фонды мои значительно понизились на журнальной биржѣ, и не мои одни; другіе капитальные дома, не то что моя фирма средней руки, были мало по малу подорваны, и довѣріе къ нимъ было поколеблено. Видите ли въ чемъ дѣло: я тогда уже пересталъ слыть либераломъ, а по сознанію Бѣлинского, главного основателя, пророка и законодателя новаго вѣрованія, вся суть литературы заключается въ либерализмѣ. Мы, можетъ быть, по-своему и оставались либералами, но либерализмъ нашъ былъ старого покрова. Нашъ заключался въ правилахъ и чувствахъ, а не въ жаргонѣ (*jargon*), то-есть не въ какомъ-то условномъ искусственномъ, поддѣльномъ нарѣчіи. Какъ бы то ни было, обо мнѣ молчали.

Одинъ Гоголь открыто подалъ голосъ за меня, но и то не совсѣмъ удачно, то-есть не въ мѣру. Гоголь, хотя и Малороссъ, то-есть человѣкъ осторожный и себѣ на умѣ, бывалъ подъ чась чистокровный Великороссъ, то-есть кидался въ крайности:

О Россъ, о родъ велиcodушный,
О твердо-каменная грудь!

(Державинъ).

Мы любимъ идти на-проломъ и на-удалую. Запой есть не только особенно свойственная Русскому человѣку физическая болѣзнь, она и нравственная. Мы почти все дѣлаемъ запоемъ, и дурное и хорошее. Проспавшись и отрезвившись, мы не отвѣчаемъ за сказанное и сдѣланное нами въ припадкѣ своемъ. Такъ обыкновенно судять и присяжные засѣдатели въ уголовныхъ дѣлахъ, предаваемыхъ суждѣнію ихъ.

Вотъ слова Гоголя: „Изъ поэтовъ времени Пушкина отдѣлился князь Вяземскій. Хотя онъ началъ писать гораздо прежде Пушкина, но такъ какъ его полное развитіе было при немъ, то упомянемъ о немъ здѣсь. Въ князь Вяземскомъ—противоположность Языкову. Сколько въ томъ поражаетъ нищета мыслей, столько въ этомъ обиліе ихъ. Стихъ употребленъ у него, какъ первое попавшееся орудіе: никакой наружной отдѣлки его, никакого также сосредоточенія и округленія мысли, затѣмъ чтобы выставить ее читателю, какъ драгоценность. Онъ не художникъ и не заботится обо всемъ этомъ. Его стихотворенія—импровизаціи, хотя для такихъ импровизаций нужно имѣть слишкомъ много всякихъ даровъ и слишкомъ приготовленную голову. Въ немъ собралось обиліе необыкновенное всѣхъ качествъ: наглядка, наблюдательность, неожиданность выводовъ, чувство, умъ, остроуміе, веселость и даже грусть; каждое стихотвореніе его—пестрый фараонъ всего вмѣстѣ. Онъ не поэтъ по образованію: судьба, надѣливши его всѣми дарами, дала ему какъ-бы въ придачу талантъ поэта, затѣмъ чтобы составить изъ него что-то полное. Въ его книгѣ, Біографія фонъ-Визина, обнаружилось еще виднѣе обиліе всѣхъ даровъ, въ немъ заключенныхъ. Тамъ слышенъ въ одно и то же время политикъ, философъ, тонкій опѣнщикъ и критикъ, положительный государственный человѣкъ и даже опытный вѣдатель практической стороны жизни, словомъ—всѣ тѣ качества, которыя должны заключать въ себѣ глубокій историкъ въ значеніи высшемъ, и если бы такимъ же перомъ, какимъ начертана біографія фонъ-Визина, написано было все царствованіе Екатерины, то можно сказать почти наизѣрно, что подобнаго по достоинству исторического сочиненія не представила бы намъ Европа. Но отсутствіе большаго и полнаго труда есть болѣзнь князя Вяземскаго, и это слышится въ самыхъ его стихотвореніяхъ. Въ нихъ замѣтно отсутствіе внутренняго гармо-

ническаго согласованій въ частяхъ, слышенъ разладъ: слово не сочтaloсь со словомъ, стихъ со стихомъ, возлъ крѣпкаго и твердаго стиха, какого нѣть ни у одного поэта, помѣщается другой, ничѣмъ на него не похожий; то вдругъ защемить онъ чѣмъ-то вырваннымъ живьемъ изъ самаго сердца, то вдругъ оттолкнетъ отъ себя звукомъ, почти чуждымъ сердцу; слышна несобранность въ себя, неполная жизнь своими силами; слышится на днѣ всего что-то придавленное и угнетенное. Участь человѣка, одареннаго способностями разнообразными и очутившагося безъ такого дѣла, которое бы заняло всѣ до единой его способности, тяжелѣе участи послѣдняго бѣдняка. Только тотъ трудъ, который заставляетъ цѣликомъ всего человѣка обратиться къ себѣ и уйти въ себя, есть нашъ избавитель. На немъ только, какъ говорить поэтъ:

Душа прямится, крѣпнетъ воля,
И наша собственная доля
Опредѣляется виднѣй“.

(Полн. собр. сочин. Н. В. Гоголя. Москва. 1862. III, стр. 459—461).

Уфъ! Задыхаюсь и изнемогаю и отъ похвалъ, которыя пагромоздилъ на меня Гоголь, и отъ протяжности періода, въ которомъ онъ, однимъ духомъ, сколотилъ всѣ эти похвалы. Вотъ куда слѣдовали бы точки и двоеточія, которыхъ требовалъ отъ меня Дмитріевъ. Выпискою нашую хотѣли мы указать на преувеличеніе, которымъ увлекался авторъ. Мы сердечно благодарны ему за лестный отзывъ его обо мнѣ и о трудахъ моемъ. Если сбavitъ и на половину все то, что имъ сказано, то и тогда еще будетъ съ меня избыточно довольно. Но разберемъ критически эти похвалы.

Во-первыхъ, какую можно опредѣлить равномѣрность между бiографiей честнаго человѣка, и исторіею долгаго и славнаго царствованія великой государыни?

Во-вторыхъ, положимъ, что исторія, написанная мною, была бы удовлетворительна, почему ничего подобнаго, подостоинству, историческаго сочиненія не представила бы намъ Европа? Вотъ здѣсь наталкиваемся мы на Великороссійское самонхвальство. Обыкновенно, въ смиреніи мытише воды, ниже травы; въ высокомѣріи мы выше кедра ливанскаго,

Писать исторію, даже романъ, мнѣ никогда въ голову не приходило. Однажды, по кончинѣ Пушкина, Императоръ Николай, въ благоволительномъ разговорѣ со мною, спросилъ меня: не возьмусь ли я продолжать трудъ Пушкина относительно исторіи Петра Великаго? Съ благодарностью, но и съ сознаніемъ способностей и недостатковъ своихъ, отклонилъ я милостивое и лестное предложеніе.

Въ томъ же мѣстѣ, Гоголь послѣ большихъ похвалъ не скupится и на укоризны. Между прочимъ говоритъ онъ: „отсутствіе большаго и полнаго труда есть болѣзнь князя Вяземскаго“. Съ этимъ приговоромъ я совершенно согласенъ, но съ оговоркою. Полно, болѣзнь ли это?—развѣ недостатокъ. И когда сей недостатокъ сознаваемъ самимъ человѣкомъ, и гляди на другихъ, не затѣваетъ онъ труда выше силь своихъ, то эта мнимая болѣзнь есть, напротивъ, признакъ здравья, а недостатокъ есть сила здравомыслія. Лучше казаться больнымъ, а быть здоровымъ, нежели казаться здоровымъ, а на дѣлѣ оказаться больнымъ.

X.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ изданіи всего написаннаго мною въ прозѣ. О стихотвореніяхъ рѣчь впереди. Первый вопросъ заключается въ томъ: всего ли меня печатать, или только выборку изъ меня? Съ своей стороны я болѣе держался послѣднаго соображенія. Но благопріятели мои, которые приняли на себя трудъ собрать во-едино разбросанное стадо мое, порѣшили иначе. Покоряюсь волѣ ихъ. Изданіе нѣкоторыхъ стихотвореній моихъ подъ названіемъ „Въ дорогѣ и дома“ совершилось также безъ прямаго, или исключительного участія моего. Оно составлено по почину и главному распоряженію покойнаго Лонгинова. Я былъ тогда за границею, по болѣзни моей; и признаюсь, оставался довольно равнодушенъ къ исходу этого предпріятія. Вполнѣ благодаренъ я ему за трудъ, добросовѣстно и съ умѣніемъ имъ исполненный; но скажу откровенно, что я не совершенно согласенъ съ нимъ относительно выбора его изъ моихъ стихотвореній. Иного не внесъ бы я въ избранное собраніе, другое, какъ, напримѣръ (исчисляю ихъ по

памяти): У и в н і е, Ч е р в ї й с н ъ г ъ, П о с л а н і е к ъ Д е н і с у
Д а в ы д о в у и н ъ к о т о р ы я д р у г і я с т и х о т в о р е н і я , по с о ч у с т в і о м о е м у ,
и м ъ л и б ы б о л ъ е п р а в а на п е р е п е ч а т а н і е , н е ж е л и д р у г і я , п о п а в ш і я с я
в ъ к н и г у .

О нынѣшнихъ добродѣюющихъ издателяхъ моихъ скажу, что они, можетъ быть, и правы, издавая и предавая меня на судъ читателей цѣликомъ. Литтературная жизнь писателя есть также своего рода жизнь человѣка. „Еже писахъ, писахъ“: что прожилъ, то прожилъ. Выходи на этотъ судъ, каковъ ты ни есть. Судья, то-есть читатель и критикъ, присудятъ сами, что должно тутъ пойти на правую сторону, что ошую; я же тутъ при рѣшеніи суда и приговорѣ остаюсь ни при чемъ. Впрочемъ, меня будутъ судить заднимъ числомъ, по большей части не меня настоящаго, а меня нѣкогда бывшаго. Со всѣмъ тѣмъ скажу откровенно и безъ лицепріятія, что собраніе сочиненій моихъ имѣтъ нѣкоторое законное основаніе, sa raison d'etre. Я все-таки, хорошо или худо, былъ человѣкомъ литтературнымъ, ничего изъ человѣчески-литтературного не было мнѣ чуждо. Изъ классического образованія своего помню изрѣченіе: Homo sum...»

Насъ на Руси немного. Пробѣловъ оставлять не подобаетъ. Какъ уже сказалъ я: въ природѣ пустыхъ мѣстъ нѣть, и все во всемъ, слѣдовательно есть мѣсто и мнѣ.

Кажется, довольно откровенно говорилъ я о своихъ писательскихъ недостаткахъ. Да позволено мнѣ будетъ быть присяжными стряпчими за себя и выставить то, что признаю добрыми качествами своими.

Начну съ того, что отыскиваю въ себѣ собственное, коренное, родовое; ничего не перенималъ я, никому раболѣпно не слѣдовалъ. Скажу съ Французомъ: рюмка моя маленькая, но пью изъ своей рюмки; а что рюмка моя не порожняя, тому свидѣтель Пушкинъ. Онъ гдѣ-то сказалъ, что я одинъ изъ тѣхъ, которые охотнѣе вызываютъ его на споръ. Слѣдовательно, есть во мнѣ чѣмъ отспориваться. Пушкинъ не наткнулся бы на пустое. Споры наши были большою частью литтературные. Въ политическихъ вопросахъ мы вообще сходились: развѣ бывало иногда разномысліе въ такъ-называемыхъ чисто Русскихъ вопросахъ. Онъ, хотя вовсе не славянофиль, примы-

каль нерѣдко къ понятіямъ, сочувствіямъ, умоврѣніямъ, особенно отвращеніямъ замкнутой въ самой себѣ Россіи и вообще держался понятій международныхъ, узаконившихся у насъ вслѣдствіе преобразованія древней Россіи въ новую, совершившагося по почину и богатырской волѣ и силѣ Петра. И мнѣ иногда хотѣлось сказать Пушкину съ Александромъ Тургеневымъ: „да сѣѣди, голубчикъ, хоть въ Іюбекъ“.

Есть у меня свойство, которое можно назвать погрѣшностью, но можно назвать его и избыткомъ. Я держусь послѣдняго определенія. Въ статьяхъ моихъ, вообще во всемъ, что пишу, встрѣчается много вводныхъ подробностей, отступленій отъ прямаго текста, замѣчается какая-то птичья, наборная, подробная, нерѣдко мозаическая работа. Я какъ-будто боюсь не успѣть другой разъ высказать все, что у меня на умѣ: не вѣрю въ завтрашній день и спѣшу сегодня же высыпать весь мой мѣшокъ. Это, разумѣется, вредит общему построенію и единству изложенія моего; но за то оно придаетъ сытность содержанію. Кормлю гостя моего разнородностью пищи, по крайней мѣрѣ не держу его на сухояденіи.

Позволяю себѣ неологизмы, то есть прибавленія къ словарю Россійской Академіи; но, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ кажется, вольности мои не произвольны, а вытекаютъ обыкновенно изъ самаго состава и наказа языка. Напримѣръ,—и за примѣромъ идти не далеко—за нѣсколько строкъ предъ симъ употребилъ я слово сытность, котораго нѣть въ нашихъ словаряхъ, даже у Даля, а этому слову слѣдуетъ быть, потому что есть слово сытный. Сытость имѣть другое значеніе: сытность можетъ произвести сытость—то-есть что-то въ родѣ пресыщенія. Я полагаю, что почти всѣ прилагательныя наши могутъ быть преобразуемы въ существительныя нарицательныя. Почему изъ слова прекрасное не сдѣлать намъ слово прекрасность, какъ мы изъ будущее вывели будущность; прекрасность выражаетъ свойство красоты. И такъ далѣе. Есть неологизмы и чужесловія, которые просятся въ нашъ языкъ или, скорѣе, на которые напрашивается нашъ языкъ. Смѣшно, изъ какого-то педантизма или патріотизма, не оказывать имъ гостепріимства; мы все полагаемъ, что нашъ языкъ очень богатъ;—согласенъ, но во многомъ онъ и очень бѣденъ.

Разумѣется, хозяину должно умѣть выбирать гостей своихъ, а не растворять дверей настежь предъ всякимъ сбродомъ, какъ то бываетъ часто у нашихъ писателей.

Умъ мой былъ воспитанъ и образованъ во Французской школѣ. Я учился и другимъ иностраннымъ языкамъ, занимался по временамъ Нѣмецкою, Англійскою, Италіянскою літтературою, но все это были, болѣе или менѣе, случайныя знакомства. Связь моя укрѣпилась съ одною Французскою літтературою, особенно минувшаго столѣтія. Это, кажется, сильно отозвалось во мнѣ. Вообще я не полиглотъ, не Мезофантъ, съ которымъ былъ я знакомъ въ Римѣ и который писалъ мнѣ Русскіе стихи. Но при всемъ моемъ Французскомъ отпечаткѣ, сохранилъ или пріобрѣлъ я много и Русскаго закала. Простонародныя слова и выраженія попадались мнѣ подъ перо, и нерѣдко, кажется, довольно удачно. Впрочемъ, за простонародіемъ никогда и не гонялся, никогда не искалъ я образовать школу изъ него. Этотъ Русскій ключъ, который пробивался во мнѣ изъ-подъ Французской насыпи, можетъ быть, родовой, наследственной. Родитель мой также былъ питомцемъ и представителемъ Французской образованности. Между тѣмъ, Жуковскій говорилъ мнѣ, что онъ всегда удивлялся ловкости и снаровки, съ которою въ разговорѣ переводилъ онъ на Русскую рѣчь мысль, видимымъ образомъ, сложившуюся въ умѣ его по-французски. Впрочемъ, я много прочелъ Русскихъ книгъ. Когда Жуковскій готовилъ изданіе Образцовъхъ сочиненій, я много помогалъ ему и перерылъ цѣлую кипу Русскихъ книгъ, особенно старого времени, если не древнихъ. Но, кажется, и въ самомъ умѣ моемъ есть какой-то Русский сгѣбъ и складъ. Эта смѣесь Французского съ Нижегородскимъ, надъ которойю смѣялся Чапкій, имѣеть, можетъ быть, свою и хорошую сторону.

Говоря выше о своихъ занятіяхъ филологическихъ, забыть я сказатъ, что въ разныя времена первой молодости моей изучалъ я и Латинскій языкъ и Римскую літтературу, особенно Овидія и Горация. Въ старыхъ бумагахъ моихъ отыскиваю цѣлые страницы, исписанныя мною на Латинскомъ языке. Но латынь не далась мнѣ, не укрѣпилась за мною, какъ вообще не укрѣпляется она за нами, Русскими. У насъ нѣтъ ни исторической, ни народной почвы для латыниства. Въ пасть на європѣ нѣтъ ничего латинскаго, ничего того,

что людямъ прирождено на западъ и на югъ. Разумѣется, не протестую противъ изученія классическихъ языковъ; хочу только пріѣромъ своимъ отмѣтить, что, за весьма рѣдкими исключеніями, ученіе это легко испаряется изъ насъ, потому что оно мало примѣнно къ дѣйствительности. Впрочемъ, былъ такой случай, что меня всесарадно провозгласили и классикомъ. Разскажу его, въ надеждѣ, что онъ позабавить нѣкоторыхъ читателей, утомившихся моими частыми отступленіями. Однажды пріѣхалъ я въ свою костромскую вотчину, въ извѣстное въ краю торговое и промышленное село Красное. Въ воскресенье, по совершенніи обѣдни, священникъ сказалъ мнѣ въ церкви привѣтственную рѣчъ. Говорилъ онъ съ жаромъ, народъ слушалъ съ благоговѣніемъ. Выхваляя мои гражданскія и помѣщицкие доблести, продолжалъ онъ, указывая на меня: „Вы не знаете еще, какого барина Богъ вамъ далъ; такъ знайте же, православные братья: онъ Русскій Горацій, Русскій Катуль, Русскій Марціалъ!“ При каждомъ изъ этихъ именъ, народъ отвѣщивалъ мнѣ низкіе поклоны и чуть-ли не совершалъ знаменіе креста. Можно себѣ представить, каково было слушать мнѣ и какую рожу дѣлалъ я при этой выставкѣ и пыткѣ.

Подъ конецъ—маленькая исповѣдь: перечитавъ написанное мною выше, вижу, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отзываюсь и сужу я иногда довольно и, можетъ быть, излишне рѣзко. Сознаюсь и каюсь. Каюсь-то каюсь, но не исправляюсь. Такъ бываетъ и со многими покаяніями. Настоящая статья, какъ уже сказано, есть что-то въ родѣ отчета за минувшее мое: родъ предсмертнаго духовнаго завѣщенія. Предъ смертью лукавить грѣшно и смѣшно; ни въ мѣшкѣ, ни въ могилѣ шила не утаишь. Умолчанія и упущенія здѣсь неумѣстны; не хочу казаться хуже, чѣмъ я есть, но не хочу казаться и лучше; также не желаю никого оскорбить, но не желаю и задобревать. Человѣкъ, хотя нѣсколько принадлежащий общественной дѣятельности на томъ, или другомъ поприщѣ, подлежитъ сть своими хорошими и худыми качествами общественному суду: онъ его достояніе и собственность. До поры и до времени не каждый въ правѣ, не каждый имѣетъ уполномочіе касаться до этой собственности. Но самому можно распоряжаться собственностью своею, распоряжаться самимъ собою.

Былъ у меня пріятель, даже другъ: остались мы друзьями до конца; нынѣ уже нѣть его на свѣтѣ. Онъ жилъ за границею. Императоръ Николай бывалъ иногда недоволенъ грѣхами языка моего, и давалъ мнѣ это чувствовать. Пріятель мой зналъ это; между тѣмъ портретъ мой висѣлъ въ кабинетѣ его, который Государь долженъ былъ занять въ одну изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ. Какъ тутъ быть? Оставить ли обличительный портретъ, какъ опѣ есть, или, для большей осторожности, снять его на время со стѣны? Наконецъ, храбро и великодушно рѣшился онъ на первое. Позднѣе говорилъ онъ женѣ моей, что хотѣлъ оказать себя предъ Государемъ въ полной обстановкѣ своей, и выгодной и неблагопріятной. Подобно и я: оставляю на стѣнѣ портретъ мой, во весь ростъ; ничего не утаиваю изъ него, ничего въ немъ не поправляю. Какъ я есмь, какъ онъ есть, такъ и будетъ онъ друзьямъ и благоволителямъ на память, другимъ на судъ и порицаніе.

ДВА ШУТЛИВЫЯ СТИХОТВОРНЫЯ ПОСЛАНИЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

(Изъ Остафьевского Архива Князей Вяземскихъ).

I

Князь Петръ, жилецъ Московской!
Рука твоя легка,
Пожалуй сертука!
Твой сельскій другъ Жуковскій
Обнову хочеть сшить.
Но ахъ, не можно быть
(Вѣдь тѣло тяжко бремя)
Въ одно, мой милый, время
Въ столицѣ и въ Орлѣ.
Онъ за сто верстъ въ селѣ.
Есть муга—нѣть портнова!
Л надобна обнова.
И такъ пусть твой сертукъ,
Сіятельный мой другъ,
Для Кроля или Грея
Послужитъ образцомъ.
Портной столичный—фея!
Владѣетъ утюгомъ,
И ножницѣ оstryхъ силой,
И нитокъ колдовствомъ—
И будеть съ сертукомъ
Твой стиходѣй унылой,
Л старый мой сертукъ

Ужъ выбился изъ руѣ;
 И много превращенья,
 Несчастный претерпѣлъ;
 Подъ щеткою кряхтѣлъ;
 А сколько же мученья
 Отъ злова голика!
 Пытали какъ злодѣя!
 Ну право, нѣть жалчѣе
 На свѣтѣ сертука.
 И такъ ни чутъ не диво:
 Отставки просить онъ,
 Служилъ онъ не лѣниво,
 И честно награжденъ
 Заплатами за службу!
 А ты—не въ службу, въ дружбу—
 Для образца, мой другъ,
 Пожалуй безъ росписи
 Подателю записки
 Твой княжескій сертукъ!

Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ Москвѣ, на Кисловкѣ, въ домѣ Смирнова, въ приходѣ Іоанна Милостиваго.

II *)

Мой милый другъ!
 Знать, недосугъ
 Писать къ друзьямъ,
 Присталъ къ мужьямъ
 И съ высока,
 Какъ съ чердака,
 На бѣдняковъ,
 Холостяковъ,

*) Это стихотвореніе было вложено въ одно изъ писемъ В. А. Жуковскаго къ Князю П. А. Вяземскому, женившемуся въ 1811 году.

Смѣясь, глядишь
 И говоришь:
 „Вы дураки!
 Какъ челноки
 Игрою волнъ!
 Мой тихой чолнъ
 Нашполъ пріютъ.
 Старинный плутъ
 Эротъ слѣпой
 Быль кормщикъ мой,
 Шумълъ Борей
 И, нась, злодѣй,
 Сожрать грозилъ;
 Но Вѣрой *) быль
 Отъ бурь, друзы,
 Избавленъ я!
 Теперь мнѣ смѣхъ!
 Гляжу на всѣхъ
 Изъ уголка;
 Мнѣ жизнь легка!
 Вамъ тяжкій грузъ!
 Безъ милыхъ узъ
 Что жизнь для нась!...“
 Ну! въ добрый часъ!
 Радъ отъ души,
 Да напиши,
 Что, мужемъ ставъ,
 Ты прежній нравъ
 Сбереігъ друзьямъ!
 Вѣдь по годамъ,
 Не по часамъ,
 Друзья ростуть;

*) Разумѣется, Княгиня Вѣра Феодоровна Вяземская, рожд. Княжна Гагарина, дочь Прасковыи Юрьевны Кологриковой, рожд. Кн. Трубецкой, по первому мужу Кн. Гагариной.

Нусть Леля-плутъ,
 (То-есть Эротъ)
 Свое возмѣтъ!
 Но часть и намъ
 Оставь друзъямъ!
 Апухтинъ правъ!
 Вѣдь бѣсь лукавъ:
 Онъ всѣмъ вертитъ:
 И твой піить
 Лекенемъ сталъ!
 Въ Орлѣ игралъ
 Въ Филинѣ онъ,
 И былъ смѣшонъ.
 Подъ парикомъ,
 Какъ подъ шатромъ,
 На двухъ ногахъ,
 Какъ на клюкахъ,
 Онъ въ первый разъ
 Для трехъ сотъ глазъ
 (Хоть и не радъ)
 Былъ адвокатъ.
 За то ужъ онъ
 Не селадонъ;
 Роль волокить
 Ему не лѣстить.
 Апухтинъ вралъ,
 Когда сказалъ,
 Что милый взоръ,
 Какъ хитрый воръ,
 Изъ подтишка
 У чудака
 Полсердца скожъ!
 Свидѣтель Богъ,
 Что это ложь!
 Не дѣлай рожь!
 Я не въ Орлѣ,

Живу въ селѣ,
 Земномъ раю,
 И жизнь мою,
 Въ трудѣ, во снѣ
 И въ тишинѣ,
 Талсь, веду
 И только жду,
 Чтобъ стукнулъ въ дверь
 Плѣшивый звѣрь
 Съ большой косой
 И гаркнулъ: стой!
 Оконченъ путь!
 Пора заснуть
 И добра ночь!
 Вотъ я! точь, въ точь!
 Ты хочешь знать,
 Позволю-ль ждать
 Меня зимой
 Или весной
 Въ Москву?—Отвѣтъ
 Короткій: нѣтъ!

П И С Ъ М А

В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ Кн. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

по случаю смерти его старшей дочери, Марии Петровны Валуевой.

Подлинники хранятся въ Остафьевскомъ Архивѣ Кн. Вяземскихъ.

3 (15) апрѣля [1849 года Баденъ-Баденъ].

Христосъ воскресе! вотъ весь мой отвѣтъ на твоё письмо, полученное мною нынче по возвращеніи домой изъ церкви. Дай намъ Богъ, тебѣ и мнѣ, дойти до той высоты, на которой стоять душа, признающая это слово во всемъ его смыслѣ *), съ полнымъ соотвѣтствующимъ ему чувствомъ. Это было бы вѣнецъ жизни. Прилагаю къ моему Христіанскому привѣту письмо, давно уже написанное (меня Плетнєвъ увѣдомилъ о нашемъ горѣ); я медлилъ посыпать его, не размышенія были тебѣ нужны, а плачь вмѣстѣ съ тобою—но самого себя послать къ тебѣ мнѣ было не можно.—Благодарю тебя за твоё письмо и за передачу мнѣ твоей скорби. Эта тихая смерть, къ которой послѣднее время жизнь такъ расположила и подготовила душу ея и которая принята была такъ смиренно, своимъ трогательнымъ характеромъ должна умилять твоё отеческое сердце. Тебѣ эта смерть досталась во всемъ ужасѣ неожиданности; а для нея эта неожиданная минута вся была занята святынею приготовленія *). И вдругъ все стало покойно. Объ ея послѣдней минутѣ и о томъ, что она теперь, можешь думать съ умиленіемъ, съ отрадой, съ благодарностью за нее къ принявшему ее Отцу. А для тебя, если

*.) Въ рукописи подчеркнуто.

только можно тебѣ уважать какое-нибудь земное добро въ немъ самомъ, а не въ его отношеніи къ высшему (въ этомъ отношеніи всякое истинное земное добро неизмѣнно и непроходимо), то обрати глаза па сына. Когда я получилъ коню съ письма его къ тебѣ (въ которомъ онъ просить соизволенія на женитьбу), я за тебя поблагодарилъ Бога. Какая награда тебѣ за твои отеческія страданія въ томъ сокровищѣ прекрасной души, которое получишь ты въ этомъ письмѣ. Я тогда же это письмо отправилъ къ тестю Павла, къ добруму Беку, чтобы познакомить его съ новымъ сыномъ, заступившимъ мѣсто его родного: этотъ добрый, почтенный старикъ въ сѣхъ своихъ дѣтей потерялъ. Да сохранить для тебя милость Божія этого сына: онъ будетъ твою радостію, достойною любящей души твоей. А онѣ всѣ три милыя пристроены къ мѣсту и обѣ стороны жизни для тебя населены; пустыни для тебя нѣть и здѣсь, и за гробомъ. Это вѣрно. Во всемъ этомъ есть какой-то отеческій намекъ, скрытый въ глубинѣ души отъ всего житейскаго, и тамъ часть отъ часу болѣе обрабатывать главное, мысль о Богѣ;—часть отъ часу съ нею сроднѣться, часть отъ часу жить съ нею уединеннѣе, независимѣе отъ того, что шумить и гудить кругомъ этого душевнаго пріюта. Таково таинство земныхъ страданій. Оно отворяетъ намъ входъ въ святую святыхъ души нашей; ихъ голось есть Херувимская пѣснь жизни; въ немъ раздается намъ великое слово: „всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе“... И этотъ голось слышнѣе, когда кладемъ въ землю нашихъ милыхъ; за болѣе явственное слышаніе этого слова мы должны благодарить ихъ смерть: они заснули, они спокойны въ своихъ могилахъ; но они намъ оставили это милое, ихъ въ нашемъ сердцѣ воскрешающее убѣжденіе, что они живы; самая о нихъ скорбь есть, такъ-сказать, благодарность имъ за то умилѣніе, которымъ не можетъ не наполняться сердце при мысли о той тишинѣ, которая ихъ окружаетъ, и о той вѣрѣ, которую ихъ временное отсутствіе должно влиять душу *), милое наслѣдство ими оставленное и такое благо, какого бы и сама тревожная жизнь ихъ не могла бы дать намъ. Правда, такое чувство не можетъ быть постоянно въ насть—оглянешься кругомъ, пусто. Но что оно есть непреложная истина—этого для насть достаточно.

*) Такъ въ подлинникѣ.

Нынче отнесли вѣночъ на гробъ Надины *); отъ меня и отъ моихъ, съ нашимъ привѣтомъ: „Христосъ воскресе!“ Мы сами не могли пойти на кладбище; погода весьма дурна. Но въ первый свѣтлый весенний день всѣ вмѣстѣ пойдемъ навѣстить нашу родную. И отнесемъ другой вѣночъ, который будетъ сплетенъ мою дочерью. Гробница въ порядке; я велѣлъ ее вычистить; кругомъ камня посадили immergrüne (Pervenche); могъ ли я подумать, когда видѣлъ Надину въ Баденѣ, что мнѣ суждено привести дочь мою на ея гробъ?—Прости, другъ. Скажи отъ меня „Христосъ воскресе“ Княгинѣ. Я хотѣлъ было совѣтовать тебѣ пріѣхать навѣстить меня, но вы собираетесь на встрѣчу къ Павлу. Благослови Богъ путь твой.

[1849 г. изъ Баденъ-Бадена].

Я получилъ отъ Плетнева письмо, въ которомъ онъ меня уведомляетъ о нашемъ несчастіи, мои милые Вяземскіе. Какое дополненіе къ твоему веселому, милому письму, которымъ ты такъ меня порадовалъ, и въ какую минуту получилъ ты мой веселый на это письмо отголосокъ. Я видѣлъ вчера здѣсь Столыпиныхъ, которые получили отъ графини Нессельроде извѣстіе объ этомъ новомъ твоемъ бѣдствіи. Она описываетъ твои слезы и говоритъ о болѣзни Княгини, которая, однако, уже миновала. Такимъ образомъ, я вѣчно о тебѣ знаю, мой бѣдный; но я желалъ бы слышать твой голосъ и получить отъ тебя свою долю твоего горя. Въ такое время я болѣе имѣю права на твои письма, и тебѣ должно быть отрадно свалить на мое плечо нѣсколько отъ твоего груза. Дѣло не въ утѣшении; мы столько пожили съ тобою на свѣтѣ, что всякое утѣшение должно намъ казаться ребяческою игрушкою; для болѣзней тѣлесныхъ есть микстуры, пластыри и операции. Для болѣзней сердца одно испѣленіе мысль, и мысль о Богѣ или, чтобы сказать еще опредѣленіе и точнѣе, о Христѣ Спасителѣ. Чѣмъ глубже въ темноту жизни, тѣмъ виднѣе становится это отеческое лицо, тѣмъ ощущительнѣе эти простертыя къ тебѣ руки, призывающія тебя къ теплому, пріютному,

*) Княжна Надежда Петровна Вяземская.

отеческому сердцу. Я знаю, какъ твое бѣдное сердце теперь плачетъ; я бы желалъ слышать его крикъ и принять его въ мое сердце (которое однако по натурѣ своей менѣе твоего одарено благодатію страданія и состраданія); въ веселые дни можно обойтись безъ дружбы; но во дни черные она званый гость. Ниши ко мнѣ. Будемъ вмѣстѣ бесѣдоватъ объ этомъ новомъ благѣ души, о твоемъ горѣ. Первый его актъ, конвульсивный, материальный кончился; наступилъ второй актъ: смутный, болѣзненный, можетъ быть ропущющей мысли; третій—зalѣчительный, долженъ быть чистая мысль или, что все равно, Богъ. До этой мысли непремѣнно договоришься, когда будешь говорить объ ней безъ упорного произвольного отрицанія. Эта мысль не есть ни утѣшеніе, ни восторгъ—мы не всесильны ни произвольно чувствовать, ни произвольно восхищаться; она не есть даже и вѣра—и вѣры мы произвольно имѣть не можемъ. Хотя вѣра, однако, принадлежитъ исключительно свободной волѣ (волѣ, а не произволу, то-есть вольному принятію, а не вольному взятію).—И вѣру и восторги чувства даетъ Богъ. Что же эта мысль? На что она можетъ служить? все и на все. Это есть твердая база, твердое основаніе души, на которомъ она стоитъ, не шатаясь. Эта мысль есть не иное что, какъ живой Богъ, не отрицаемый душою; она распадается на двѣ мысли; одна относительно къ Нему: ты живъ; другая относительно къ намъ: да будетъ Твоя воля. Наше здѣсь назначеніе и верховное благо состоить въ признаніи этой воли Божіей; но въ то же время и въ признаніи ея неисповѣдимости. Что бы мы были безъ этого верховнаго блага посреди этой жизни, неимѣющіе никакого собственнаго смысла; посреди этихъ страданій, которыхъ тѣмъ болѣе ощутительны, чѣмъ способнѣе душа любить и мыслить (какъ твоя душа)? Или не постигая нашихъ бѣствий, ты бы приписывалъ ихъ слѣпой Силѣ, властующей механически всѣхъ созданіемъ и напицю Судбою—въ такомъ случаѣ наше терпѣніе было бы не иное что, какъ механическая безнадежность въ присутствіи ненасытнаго, необходимаго Бѣствія — надменная сила стоиковъ, или беспечная, скотская чувственность эпикурейцевъ, или просто тупоуміе и безжизненная одеревенѣлость толпы, рабски согбенной подъ желѣзнымъ прутомъ фатума, машины, одинъ разъ навсегда, неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно для чего заведенной.

Въ такомъ случаѣ самымъ высокимъ и самымъ естественнымъ атомъ жизни было бы самоубийство.—Или мы бы старались понимать наши страданія и извлекать изъ этого яснаго понятія о ихъ необходимости, справедливости и всегда добрыхъ слѣдствіяхъ ихъ наше понятіе о Божіемъ Промыслѣ. Такое напрасное усиліе ума нашего произвело бы дѣйствие совсѣмъ противное: оно бы уничтожило нашу довѣренность къ Промыслу. Ни съ Богомъ, ни съ собою лицемѣрить нельзя. Наши страданія рѣдко бываютъ для насъ понятны и въ причинахъ своихъ, и въ цѣли своей и въ своихъ послѣдствіяхъ. И не на этомъ понятіи непонятнаго должны мы основывать нашу довѣренность къ Промыслу Божію. Не потому мы должны называть Его благимъ, что понимаемъ ясно Его благость въ Ея на насъ дѣйствіяхъ. Мы должны покорствовать Богу потому, что онъ Богъ (не Богъ пантегистовъ, а Богъ живой, на всякому атомѣ своего созданія вѣсъ присутствующій, во всякое мгновеніе своей вѣчности), Богъ, и слѣдственно благъ, и благъ во всемъ, какъ въ ощущительномъ, ясномъ для насъ добрѣ, которое мы сами добромъ называемъ, такъ и въ неощущительномъ, непонятномъ для насъ добрѣ, которое мы ошибочно называемъ зломъ. Въ такой безусловной понятности нѣть колебанія; она не есть плата Богу, по таксѣ, не есть мѣна нашего смиренія на его милость, она есть смиренная, любящая, покоряющая умъ и волю вѣра, что Онъ существуетъ, и что мы въ его рукѣ: какая-то удивительно цѣлящая душу сила заключается въ этой безусловной покорности предъ этой волею, въ которой мы видимъ живое всемогущество; это не стоицизмъ, хвастливо опирающійся на свою независимую силу и на гордое презрѣніе судьбы—безотрадный обманъ нашего самолюбія. Это не рабское преданіе себя во власть необходимости, уничтожающее всякое достоинство человѣческое.—Это есть верховная свобода, верховное величіе, мы становимся содѣйствователями самого Бога; мы говоримъ со Святымъ Августиномъ (?*): Богъ всегда исполняетъ мою волю, ибо моя воля есть всегда Его воля.—Да будетъ Твоя воля. Въ этомъ словѣ вся наука жизни—Альфа и Омега. Счастливъ тотъ, кто по своей особенной высокой натурѣ произносить это слово съ глубокимъ ощущеніемъ его блаженства, съ убѣжденіемъ,

*) Такъ въ рукописи.

что тогъ, къ кому онъ обращается, соприсутственъ, близко, слышить и отвѣтствуетъ. Но и для того, кто не имѣеть благодати такого чувства, (котораго мы ни дать себѣ, ни отнять у себя произвольно не можемъ), великое утѣшеніе или, по крайней мѣрѣ, великая душевная опора заключается въ самомъ смыслѣ этого слова. Никому не дано постигнуть вполнѣ цѣли нашихъ страданій; но каждый можетъ постигнуть (уже однимъ математическимъ умомъ), что они отъ Бога. Но Богъ всемогущъ—следовательно, источникъ одного только блага. Наше дѣло только въ знаніи, что все Его воля, и что эта воля есть благо. Понимать ее мы не можемъ и не должны заботиться о невозможномъ. Принимать ее безъ толкованія и ропота съ смиренною покорностію, вотъ наше единое на потребу. Какъ принимать? Съ чувствомъ, съ любовью, съ благодарностью. Нѣтъ, это не въ нашей волѣ—это дается, принимается, а не берется. Но принимать должно. Какъ же? Какъ принимается всякая математическая аксиома. Разница только та, что всякая математическая аксиома есть нѣчто мертвое, составляющее основаніе міра механическаго, основанное на грубомъ законѣ очевидности, тогда какъ аксиома вѣры основана на живомъ законѣ смиренія, то-есть нашей свободной воли, покоряющей разсудокъ высшему, имъ не постигаемому и именно потому верховно истинному. Да будетъ Твоя воля—(первая аксиома, извлекаемая изъ главной аксиомы, на которой все основано: Богъ существуетъ)—какъ бы это слово ни было произносимо, съ вѣрою ли и вслѣдствіе вѣры съ блаженнымъ утѣшениемъ? Съ простымъ ли, холоднымъ успокоеніемъ покоряющагося ума?—все произноси его, произноси упрямо, хотя бы съ тою же безчувственностью, съ какою произноши дважды два четыре: это живая аксиома, сама по себѣ жила, изъ нея, наконецъ, выйдетъ и живой таящійся въ ней Богъ. Когда выйдетъ? Если не здѣсь выйдетъ, то на это есть цѣлая вѣчность. Только не отрицай произвольно. Отрицаніе есть Богоубийство для насть на всю вѣчность Вѣры, той вѣры, которая проникаетъ всю душу и ее преобразуетъ, мы сами себѣ дать не можемъ.—Кто этого не испыталъ! И тѣ, кои болѣе испытали, которыхъ душа сдѣлалась святынищемъ вѣры и черезъ нее проникнулись святостію. Теперь вѣру мы можемъ получить только отъ Бога; но въ то же время она есть самый самобытный актъ нашей свободной

воли; если мы своею силою дать ее себѣ не можемъ, то и никакая воля, кромѣ нашей, не можетъ ее насильственно дать намъ; Одинъ Богъ—но и Онъ ее не дасть безъ нашего свободнаго принятія; Онъ, создатель нашей свободы, чтить въ насъ свое созданіе. Но если мы не властны имѣть вѣры по желанію, то мы властны всегда не отрицать, то-есть не отвергать гордостію ума то, что для него непостижимо, мы властны смирять его передъ святынею непостижимою, и это смиреніе магнитною силою своею притягиваетъ къ нашей душѣ руку дарователя. Если еще не вѣришь—не отрицай и дожидайся пришествія этой живой вѣры на границѣ презрѣнія къ уму человѣческому. Когда Онъ, могущій дарователь, переведеть тебя за эту границу—кто знаетъ? но вѣрно то, что самъ ты за нее переступишь, и не иначе можешьъ переступить, какъ если всегда, произвольно будешьъ держать руку на готовѣ, чтобы ее подать Ему, когда Его рука къ ней протянется. И всего чаще передъ тѣмъ, какъ увидишь глазами эту протянутую къ тебѣ руку, посыаетъ Онъ своихъ вѣстниковъ, которые въ то-же время и приготовляютъ напу дорогу, и эти вѣстники имѣютъ свѣтло-ужасный образъ страданія. Они-то устилаютъ дорогу для бѣднаго отца могильными камнями его дочерей, припѣвая тихо: „блажени плачущіе, понеже они утѣшились“. Мой милый, все это я писалъ къ тебѣ, не имѣя надежды чѣмъ-нибудь тебя утѣшить. Не отъ меня тебѣ будетъ утѣшеніе (если только слово утѣшеніе здѣсь у мѣста); и не земная утѣшенія тебѣ нужна. Земная утѣшенія то же, что убаюкивающая пѣсня кормилицы, которую она старается усыпить плачуЩаго, неугомоннаго ребенка. Въ наши лѣта подобная колыбельная утѣшенія, можно сказать, неприличны. Одно можетъ быть утѣшеніемъ вѣрнѣмъ (или правильнѣе сказать—наполнѣмъ вдругъ запустѣвшей души)—мысль о Богѣ. Блаженъ тотъ, въ комъ эта строгая мысль есть въ то же время и живое, любящее чувство и глубокая, всю душу проницающая вѣра (то-есть Богъ-Христосъ); но эта вѣра уже замѣчается—тайно въ мысли о Богѣ. Онъ самъ изъ мысли выведеть вѣру; только не противъся Ему отпирать двери (не отрицай произвольно); и всего чаще отпираетъ Онъ эти двери ключемъ бѣдствія. Я видѣлъ это въ другихъ, мнѣ близкихъ и вполнѣ чувствовалъ все величіе видѣннаго, то-есть узнанія Бога въ образѣ бѣдствія. Минуты бѣдствія—великія минуты.

Это Фаворъ, на который трудно всходить; но напоминаютъ вмѣстѣ преображеніе Спасителя. Самъ за себя я боюсь бѣдствія, ибо не знаю, есть ли въ душѣ моей столько силъ, чтобы его поднять на плечи и подъ нимъ не пасть; но я вѣрю божественности бѣдствія. Думаю, что въ твоей душѣ силы несравненно болѣе, нежели въ моей; твоя душа, не зная теплоты, прошла въ этомъ отношеніи цѣлый курсъ гимнастики; она добрая пашня, хорошо взрытая острымъ плугомъ для посѣва. Прости. Обнимаю тебя братскимъ, любящимъ тебя сердцемъ. Обними за меня твою бѣдную жену: пособи Богъ ея материнскому сердцу. Напиши ко мнѣ поскорѣе, я думаю, что теперь намъ бы надобно начать вести постоянную переписку. Пойдемъ рука въ руку къ недалекой уже для насъ границѣ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЦЪ, МѢСТЬ и ПРЕДМЕТОВЪ

въ XX книгѣ.

А.

Аббать: Лакордеръ—119; Николь—201.
Abdul Fared le vagabond—176.
Аввакумъ протоиопъ—15, 41, 42, 44.
Августинъ святый—243.
Августовъ мавзолей—97.
Августъ II Польскій Король—51.
Ave Maria—103.
Аврора, фреска Гверчино—111.
Австрійскіе: канцеляріи—131; курьеръ—
106; мундиры—127, 129; посолъ Лю-
довъ—82; таможня—128.
Австрия—52, 131, 134, 161.
Автобіографическое введеніе къ пол-
ному собранію сочиненій Князя П. А.
Вяземскаго—177.
Автографы—18—20, 25, 27, 49.
Агаєюшка—40, 48.
Адика, рѣка—138.
Академія: въ Венеціи—131, 132; Рос-
сійская—230.
Акацатова—97, 106.
Акилина (Анісія) Гавrilovna, боярская
дочь, игуменья въ обители Меланій—
45.
Alba-longa—122.
Албанезка—109.
Albani villa—80, 82.
Albano—78, 98, 99, 121.

Александра Феодоровна Императрица—
144.
Alexandrine княжна Трубецкая—103,
123, 124, 129.
Александръ: III Александровичъ, Импе-
раторъ—1, 2; Ивановичъ Тургеневъ—
63, 72, 82, 86, 90, 91, 102, 199, 206,
209, 218, 230; Николаевичъ Голицынъ.
Князь, Оберъ-прокуроръ Св. Сино-
да—199; Николаевичъ Карамзинъ—
58, 62, 63, 71, 74, 80, 90, 99, 104,
105, 112, 133, 141, 146, 150, 158,
161, 163, 166, 170; I Павловичъ,
Императоръ—131, 196, 199, 299—213;
Сергѣевичъ Пушкинъ—75, 94, 135,
193, 195, 208, 215—217, 219—
222, 224, 228, 230; Торлонія—66.
Алексѣевский монастырь—16.
Алексѣй: Ивановичъ Соболевскій—4;
Михайловичъ Обресковъ—194; Про-
кофьевичъ Соковнинъ—19; Феодоро-
вичъ графъ Орловъ—201, 220.
„Алфавитный указатель фамилій и
лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ
книгахъ“ П. И. Иванова—41.
Альбанскія: горы—121; озеро—100,
121, 122.
Альвира—187.
Альтшай, деревня—52.
Амосова Анна—14, 27, 34, 35, 40, 44, 47.

- Амстердамъ—160.
 Анафомена Венера—110.
 Анастасія Петровна, княжна Урусова—
 15, 21—25, 27—48.
 Ангелы—5, 129.
 Англичане—62, 65, 72, 75, 104, 110,
 126, 127, 130, 155, 190.
 Англійські: література—231; садъ въ
 Мюнхенѣ—141.
 d'Andilly Arnaud, духовный писатель—
 191.
 Андрей: Ивановичъ, Князь Вяземскій—
 181, 182, 184, 187, 190—192, 201,
 202, 204—206, 211, 212, 231;
 Ивановъ Эверлаговъ—9—13; Мат-
 вієвичъ Салтыковъ, стольникъ—41;
 Николаевичъ Карамзинъ—57, 62, 70—
 72, 89, 94, 156; Николаевичъ Му-
 равьевъ—63.
 Anecdotes de la cour de Russie—50.
 S-t Ange chateau—65, 66, 73.
 Анисья—14, 23, 44, 45.
 Аничковская: мизантропія—140; цер-
 ковъ—195.
 Анна: Амосова—14, 27, 34, 35, 40, 44,
 47; Ioannovna Імператрица—55, 56.
 Антоній—74.
 Антонінська колонна—87.
 Апокалипсіє, книга—29.
 Аполлонъ: —69, 181; Бельведерскій—
 110.
 Апостолы: —7, 11, 65; Павель—66, 73;
 Петръ—64, 66, 73.
 Апіненікія горы—59, 123, 126.
 Аираксины: Андрей Матвієвичъ, столь-
 никъ—41; Екатерина Владиміровна,
 графіня—201.
 Апухтинъ—237.
 Арабекія селенія—200.
 Arendt—83.
 Арзамасцы—194, 206, 215.
 Арзамасъ, литературное общество—194.
 Аркадія счастливал—218.
 Арки Септимія Севера и Тита—74, 79.
 Армфельдъ графъ—153.
 Армянскій монастырь св.Лазаря—136.
 Арно: рѣка—58; трактиръ—123.
 Arnaud d'Andilly, духовный писатель—
 191.
 Артисты русскіе въ Римѣ—97, 118.
 Архангель Михаїль, картина Гвидо
 Рени—74.
 Архивъ: Московскій Министерства
 Юстиції—9, 14; Остафьевскій Князей
 Вяземскихъ—50, 55, 56, 234, 239;
 села Михайлівского Графовъ Шере-
 метевыхъ—49.
 Архітекторъ Ефимовъ—98, 103.
 Архіерей греческій—130.
 Аугсбургъ—142.
 Ахатъ Киршбаумъ—140.
- Б.**
- del Babuino via—59, 65.
 Баварія—136, 138.
 Баварські: горы—167; королева—139,
 163; король—139, 140, 163.
 Баварцы—138, 141.
 Баденські: бургомістръ—144; велико-
 княжество (герцогство)—80, 135; ве-
 селье—146; воздухъ—147; день—154;
 долина—148, 167.
 Баденъ-Баденъ—66, 70, 72, 82, 84,
 94, 96, 103, 117, 120, 121, 125, 132,
 133, 135, 139, 141, 142, 143, 146,
 147, 150, 153, 156, 158, 159, 162,
 164, 169, 170, 239, 241.
 Bacourt, французскій министръ—147.
 Балабины—78, 103, 110, 111, 113.
 Баламенштьєръ—60, 64.
 Бани: Дюклетіана—74; Тита—81; Ка-
 ракалы—88.
 Баратынскій, поэтъ—217, 219.
 Баркаролы—128, 131, 136.
 Барромейські острова—70.
 Басманная улица—171.
 Басъ Цеселлі—101.
 Bastard de C-sse—153, 154.
 Бастилі разрушеніе—182.
 Батюшковъ, поэтъ—201, 217, 219, 220.
 Башня: въ Баденѣ—167; въ Остії—92.
 Беверлей графъ—79.
 Бекъ—240.
 Белла—58.
 Бельведерскій Аполлонъ, торсь—110.
 Бенедиктинцы—224.
 Берлинъ—70, 149, 156, 168, 220.
 Бернъ—96, 130, 142.
 Бестужевъ, русскій посланникъ—51, 56.

- Бироновская эпоха**—50.
Биронъ—50, 56.
Biénaîme, скульпторъ—75.
Біографія Фонь-Вазіна, Князя П. А. Вяземского—221, 223—226.
Блудовъ (Bloudoff)—154, 209, 217.
Бобриковъ, студентъ—201.
Бобринскій графъ—201.
Богоматерь—3, 11—13, 23, 26, 43, 66, 74, 81, 87, 103, 107, 122, 123, 131.
Богоявление день—37, 47.
Болонская школа живописи—127.
Болонья—70, 123, 125—128.
Бонапартъ Люцианъ—98.
Borghèse вилла—75.
Боргезъ князь—66, 75, 76, 80, 103.
Борджіа Цезарь, Командоръ Мальтийскаго Ордена—89, 90.
Борей—236.
Борисъ—14, 23, 32, 43, 45; Ивановичъ Морозовъ—43, 46.
Боровская тюрьма—14, 16, 17.
Бородинъ генералъ Михаилъ Михайловичъ—211, 212.
Бортное, село—80, 135.
Борхъ: графиня—144, 148, 149, 155, 160, 163, 167; графъ—155, 164, 167.
Бошиакъ—204.
Бояринъ: Одоевскій князь Яковъ Никитичъ—9; Стрешневъ Тихонъ Никитичъ—12, 13; Черкаскій князь Михаилъ Яковлевичъ—9, 10; Черкаскій князь Яковъ Куденеговитъ—10, 13; Переиметевъ Петръ Васильевичъ Большой—49; Переиметевъ Феодоръ Ивановичъ—9.
Брента—129.
Бреславль—52, 53.
de Broglie дuc—157.
Брошье, учитель французскаго языка—200, 201.
Брусиловъ—192.
Брюловъ—103.
Буало, французскій сатирикъ—207, 216.
Булгаринъ—218.
Буле, профессоръ—188.
Boulogne—168.
Bulwer—79.
Бунденъ, Прусскій министръ—72, 85, 86, 91, 98, 104, 113.
Бурбоны—68.
Бурманы—68.
Бутурлины: 60—63, 65, 67, 68, 71, 73—76, 78, 79, 81, 106, 143, 144, 161; Петръ Петровичъ—60.
Бюргеръ—140.
Buschings Magazin für die neue Historie und Geographie—50.
Бѣликовъ Дмитрій Никаноровичъ, протоієрей—2.
Бѣлинскій Виссаріонъ Григорьевичъ—225.
Бѣлосельские: княгиня—69; князь—186.

В.

- Вахъ**—69, 110, 181.
Valentini—117.
Valérie de M-me Krudner—160.
Валуевы:—71, 76, 90, 99, 105, 111, 125, 133, 146, 150, 161, 166; Марія Петровна—125, 140, 146, 239.
Вальтеръ-Скоттъ—196.
Вандаль—72.
Варвара статуя—111.
Varette кн. Репнина—103.
Варшава—209, 211—213.
Варшавскій сеймъ—209.
Василій: Андреевичъ Жуковскій—63, 71, 76, 82, 90, 94, 99, 105, 165, 185, 186, 189, 195, 196, 203, 204, 207, 208, 215—217, 219, 220, 222, 231, 234, 235, 239; Григорьевичъ Семеновъ, думный дьякъ—49; Ивановичъ Шуйскій—3, 98, 99; Кирилловичъ Тредьяковскій—224; Львовичъ Пушкинъ—203, 206; Михайловичъ Черкаскій князь—10; Петровичъ Головинъ—41; Петровичъ Урусовъ князь—15, 20, 21, 23, 24, 27, 29—33, 35—38, 40, 41; служитель Карамзина А. Н.—92, 111, 123, 133, 136; Феодоровичъ Салтыковъ, стольникъ—41.
Васильчикова княгиня—78.
Ватиканскія: капелла—60; статуи—109.
Ватиканъ—60, 66, 69, 78, 110, 140.
Везувій—95.
Веласкъ—79.
Великіе Князья—62, 66, 68, 75, 82, 104, 106, 143, 163, 214.

- Великий Постъ**—29, 45.
Великорусскія черты характера—225, 227.
Венера:—69, 74; Анадіомена—110; Кановы—123.
Венеціанске: дворецъ—85, 87; поѣды—130; пѣсни—136; республика—131; тюрьмы—127, 131; школа живописи—131.
Венеція—70, 84, 124, 127—131, 133, 134, 136.
Верона—132, 133, 137.
Версальскій кабинетъ—51.
Via Sacra—87.
Фонтъ-Визинъ—221, 223—225.
Вицандъ—140.
Виллы: Albani—80, 82; англичанина Mills—75, 115; Borghese—75; Doria Pamphili—74; Людовизи (Ludovisi)—107; Мутти (Muti)—119, 122; Реппинихъ—114; Тускуль—98; Фарнезовъ—75; Цеселія Басса—101; Цицерона—98.
Винопитіе—21, 38, 41, 69, 139, 141, 181, 190, 191, 226.
Witerbe—59.
Виссаріонъ Григорьевич Вѣлинскій—225.
Virgille—216.
Владиміръ: Володя, Woldemar—63, 71, 90, 120, 125, 150, 166, 170; Ивановичъ Герье—50; Мономахъ—98; Святой—98.
Вознесеніе Богоматери, картина Тициана—131.
Vosges, Вожи, Вогезы—167.
Волконская княгиня:—124; жена министра—106; Зинаида—75, 94, 97, 118, 119.
Волконскій князъ—214..
della Volle театръ—78.
Волынскій—55.
Вольтеръ—89, 187.
Воробьевы горы—187.
Ворота Себастіанскія—101.
Воскъ—31.
Востокъ—200.
Всеволожская—129, 133.
Всѣмъ скорбящимъ радость, икона Божіей Матери—11.
- Voyage: d'Abdul Fared le vagabond**—176; in  dit—176.
„Въ дорогѣ и дома“, собраніе стихотвореній Кн. П. А. Вяземскаго—228.
Высоцкій Николай Гавrilovich—19, 48.
Вѣльгорскіе графы:—136; Михаилъ—181, 215, 221.
Вѣра старая—20, 21, 23, 24, 28, 30, 31, 33, 35, 43.
о Вѣрѣ книга—19, 45.
Вѣстникъ Европы, журналъ—189, 221.
Вяземскіе князья:—50, 55, 56, 68, 71, 76, 90, 98, 99, 105, 111, 116, 125, 133, 140, 145, 150, 161, 166, 184; Андрей Иванович—181, 182, 184, 187, 190—192, 201, 202, 204—206, 211, 212, 231; Павель Петрович—175, 240, 241; Петръ Андреевичъ—94, 125, 171, 177, 198, 204, 215, 226, 228, 234, 235, 239.
Вяземскія княгини: 90, 98, 99, 105, 111, 116, 125, 133, 140, 150, 161, 166; Вѣра Феодоровна—175, 236.
Вяземскія княжны:—184; Марія Григорьевна, замужемъ графиня Разумовская—148; Марія Петровна—125 (см. Валуевы); Надежда Петровна—241; Прасковья Петровна—61, 62, 94.

Г.

- Гавриловна**—14, 32, 45.
Гага (la Haye)—160.
Гагарины: княгиня—153; Прасковья Юрьевна—236; княжна, Вѣра Феодоровна—236; кнізъ—144, 153.
Газетный цензоръ—187.
Газеты—56, 77, 88, 173, 180, 181, 220, 224.
Гамбургъ, Hamburg—50, 160, 168, 170.
Ганноверъ—156.
Garcia M-lle—80.
Гверчино—111.
Гвидо Рени—74, 82, 127.
Генуэзскій трактирщикъ—57.
Генуя—59, 66, 82, 94.
Genzano—119.
Германікъ—123.

- Германія**—80, 91, 111, 112, 119, 128, 136, 139.
Германська: література—140; эпопея *Das Niebelungen Lied*—140.
Гермогенъ патріархъ Московскій, см. **Ермогенъ.**
Герцогнія: (Баденська) — 160; Діно—147.
Герцогъ: de Broglie—157; Кунцъ—66.
Герцъ, композиторъ—160.
Герє Владімір Іванович—50.
Гѣте—140, 196.
Geschichte Ernst Iohann v. Biron—50.
Guide de Murrées—110.
Гілленборгъ графъ—51, 55.
Глінотека Мюнхенська—140, 141.
Глѣбъ Іванович Морозовъ—43.
Гоголь Николай Васильевичъ—94, 101, 113, 114, 119, 164, 171—173, 175, 225—228.
Голицины: княгиня, католичка — 151; княгиня Ксения (Евдокія) Івановна—44; княжна Марія Борисовна—9; князь Александръ Николаевичъ—199; Кугайсовскій—159; князь—69, 76, 77, 89, 97, 98, 109, 199.
Голландське: купецъ въ Петербургѣ—196; школа живописи—139.
Головинъ Василій Петровичъ, стольникъ—41.
Гомеръ—172.
Gondolfo Castel—100.
Гондолы—127—129, 131.
Горацій—231, 232.
Горнъ графъ—50, 51.
Города: *Alba-longa* — 122; Амстердамъ—160; Аугсбургъ—142; Баден-Бадень—66, 70, 72, 82, 84, 94, 96, 103, 117, 120, 121, 125, 132, 133, 135, 139, 141—143, 146, 147, 150, 153, 156, 158, 159, 162, 164, 169, 170, 239, 241; Берлинъ—70, 149, 156, 168, 220; Бернъ—96, 130, 142; Болонья—70, 123, 125—128; Боровскъ—15, 16; Бреславль—52, 53; Булонь—168; Варшава—209, 211—213; Венеція—70, 84, 124, 127—131, 133, 134, 136; Верона—132; *Viterbe* — 59; Гага—160; Гамбургъ—50, 160, 168, 170; Генуя—59, 66, 82, 94; Дерптъ—141, 149, 156; Дрезденъ—54, 156, 168, 169; Женева—94; Инспруєтъ—132, 137, 138; Карлсруэ—139, 142; Константинополь—53; Ливорно—70, 82, 84, 94, 95, 122; Лондонъ—50, 55; Любекъ—104, 165, 230; Міланъ—70, 76, 84, 117, 120, 124, 130—132; Мітава—210; Москва—3, 6, 9, 10, 12, 13, 16, 17, 34, 35, 43, 45, 47, 142, 172, 173, 186, 190, 191, 200, 204, 211, 212, 222, 223, 227, 238; Мюнхенъ—70, 76, 84, 131, 132, 134, 137, 140—142; Наумбургъ — 53, 55; Неаполь — 66, 69, 70, 78, 82, 83, 84, 89, 94—96, 102, 116, 135, 211; Нейштадель—52; Несвіжъ—214; Нижній Новгородъ—94, 202; Ницца—77, 82—84, 91, 98, 103, 106; Орелъ—234, 237; Остія—92; Падуя — 127, 129, 137; Парижъ—50, 57, 59, 63, 66, 67, 71, 72, 77, 83, 94, 98, 102, 106, 112, 121, 145, 154, 160, 165, 168, 182, 197, 203, 215; Петербургъ—45, 66, 75, 104, 106, 117, 118, 123, 141, 149, 156, 158, 161, 168, 176, 191—193, 195, 200, 201, 206, 209, 212, 222; Пиза—59; Рига—50, 210; Римъ—57, 59, 61, 62, 66—68, 70—73, 75—79, 81, 83—85, 87, 89—91, 93—96, 98, 99, 102, 104—106, 112, 113, 115, 117, 119—123, 125, 135, 139, 141, 149, 150, 231; Ровіго—129; Роттердамъ—160; Рутукъ—194; Сибирськіе—9, 11, 13; *Sienne*—58, 59; Стоктольмъ—53, 55, 56; Стразбургъ — 106, 167; Студгардъ—139, 141, 142; Тобольскъ—9—12; Тріентъ—132, 138; Туринъ—77; Флоренція—58, 70, 83, 117, 120, 123, 124, 126, 133, 138; Франкфуртъ—50; Эмсъ—58, 97, 124, 148.
Горы:—97, 100, 104, 124, 138; Албанскія—121; Апеннінскія—59, 123; Баварскія—167; Везувій—95; Вогезы (*Vosges*)—167; *Cavo*—100, 121; *Mario*—91; *Pincio*—76, 103, 109; Швейцарскія—59, 162; Фаворъ—246.
Готическія церкви—74.
Грамота Великаго Государя—9—11, 13.

- Грамотка** — 29.
- Графини:** Апраксина Екатерина Влади-
мировна — 201; de Bastard — 153, 154;
Борхъ — 144, 148, 149, 155, 160, 163,
167; Диверь — 97; Клейнмихель Екате-
рина Петровна — 176; Нессельроде —
241; Орлова — 78; Панина — 148, 155;
Потоцкая — 98, 168; Разумовская Марія
Григорьевна — 148; Толстая Марія
Николаевна — 57; Чини — 66; Шува-
лова — 98.
- Графы:** Армфельдъ — 153; Беверлей —
79; Блудовъ — 154, 209, 217; Бобрик-
скій — 201; Борхъ — 155, 164, 167;
Вельгорскій — 137, Вельгорский Михаилъ —
181, 215, 221; Гильденборгъ —
51; Горнъ — 50, 51; Итальянскій — 114;
Каменскій — 194; Канкринъ — 222;
Каподистрій — 214; Матушевичъ — 215;
Орловъ Алексѣй Федоровичъ — 201,
220; Орловъ Михаилъ — 78; Орловъ-
Давыдовъ — 198; Паленъ — 159; Чер-
нышевъ — 214; Шафгочъ — 52; Шере-
метевъ Сергій Димитріевичъ — 177.
- Грацій** трехъ группы — 59.
- Грей — 234.
- Греки — 130.
- Грессетъ, французскій поэтъ — 198.
- Греція, Grèce — 81.
- Греческая церковь въ Венеціи — 130.
- Grotta-Ferrata — 100, 101, 114.
- Грузинскій домикъ — 162.
- Грюнбергъ — 52.
- Гутертъ, Gugert, докторъ — 124, 143,
145, 147, 165.
- Густавъ: — 89; Шведскій король — 50.
les Huguenots, опера — 164.
- Гюго Викторъ — 127.
- Д.**
- Давидъ: — 78; царь и пророкъ — 11, 40.
- Давыдовъ: Денись — 181, 229; Орловъ
графъ — 198.
- Далай-Лама — 64.
- Дандили, французъ, наставникъ Князя
П. А. Вяземского — 191, 206.
- Данилова Марія Герасимовна — 15, 16.
- Дантесъ — 163, 169.
- Дантъ — 172.
- Дашковъ — 217.
- Днина, рѣка — 210.
- Дворецъ:** дожей, герцогскій дворецъ —
127, 128, 131; Каменоостровскій —
209; повый въ Мюнхенѣ — 140. Дворцы
Императорскіе въ Римѣ — 115.
- Двуперстный крестъ — 20, 24.
- Dévéline M-г — 99.
- Дельвигъ — 222.
- Delmar M-ме — 153, 154.
- Desloges, сынъ Демидова — 149.
- Демидовъ — 149.
- Денись Давыдовъ — 181.
- Деньги — 32, 35, 37, 50, 51, 54, 55, 65,
76, 80, 84, 86, 93, 95, 99, 100, 102,
105, 117, 121, 125, 131, 135, 140,
145, 148, 151, 156, 157, 160, 161,
162, 165, 187, 190, 214, 222.
- Деревия:** Альтшау — 52; статья Н. М.
Карамзина — 200.
- Державинъ Гаврій Романовичъ — 184,
187, 195, 204, 216, 225.
- Деригъ — 141, 149, 156.
- Deschamps, юристъ и публицистъ — 209.
- Диверь графиня — 97.
- Дилжансъ — 52, 53, 84, 122, 126, 132,
134, 136, 141, 142, 156, 160.
- Димитрій Никаноровичъ Бѣликовъ, про-
тоіерей — 2.
- Дино, герцогиня — 147.
- Дюкленъ — 74.
- Дмитріевъ, поэтъ — 184, 195, 203, 209,
217, 218.
- Долгорукіе:** княгиня — 152; княгиня
Ольга — 143, 148; князь Сергій Гри-
горьевичъ — 55; князь Илья — 152, 168;
князья — 55, 143, 147, 153, 156, 166.
- Долгоруковы, князья — 15.
- Домашній бытъ русскихъ царицъ И. Е.
Забѣлина — 17, 43.
- Доминikanъ — 92, 114, 127.
- Doria: — 69; Pamphili вилла — 74.
- Дорога:** Неаполитанская — 100; Рим-
ская — 101.
- Дорю(?) — 128.
- Драгуны папские — 113, 118, 122, 123.
- Дрезденъ — 54, 156, 168, 169.
- Духовъ день — 130.

Дьякъ: Кобяковъ Иванъ—12; Кузминъ—16; думный Василій Григорьевичъ Семеновъ—49.
Duc de Broglie—157.

Е.

Евангелие—65, 94, 200.

Евгений Онѣгинъ—194.

Евдокія: Ксения Ивановна княгиня Голицына—44; Петровна княжна Урусова—15, 21—25, 27—48; Прокофьевна княгиня Урусова—14—48; Феодоровна, княгиня Одоевская—9.

Европа—1, 66, 95, 131, 161, 168, 198, 202, 226, 227.

Екатерина: Андреевна Карамзина—57; II Великая Императрица—212, 226, 227; Владимировна графиня Апраксина—201; Николаевна Карамзина—63, 71, 76, 82, 90, 99, 105, 106, 135, 149, 153, 158, 161, 162, 166, 170; Петровна графиня Клейнмихель—176.

Екатерининскій: Институтъ—103; князь Вяземскій—184.

Елизавета Николаевна Карамзина—63, 76, 82, 90, 161, 166, 170.

Ellis—155, 167.

Ермогенъ св. патріархъ—3, 4.

Ernest: Мантейфель—148; Штакельбергъ—144.

Ernst Johann v. Biron—50.

d'Espagna piazza—65.

Ефимовъ, художникъ—98, 103.

Еремъ Сиринъ—29.

Ж.

Jacques, романъ Жоржъ-Зандъ—148.

Женева—94.

Жидовскій кварталъ въ Римѣ—103.

Житія: боярни Ф. П. Морозовой—15, 43; святыхъ—4.

Жихаревъ „Арзамасецъ“—215.

Жоржъ-Зандъ—148.

Жуковскій Василій Андреевичъ—63, 71, 76, 82, 90, 94, 99, 105, 165, 185, 186, 189, 195, 196, 203, 204, 207, 208, 215—217, 219, 220, 222, 231, 234, 235, 239.

Журналы:—154, 161, 218, 220, 225; Вѣстникъ Европы—189, 221; Московский Вѣстникъ—221; Русский Вѣстникъ—50; Современникъ—148, 222; Сынъ Отечества—212, 214, 215; Телефрафъ—218, 221; Чтецъ въ Московскомъ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія—3.

З.

Забѣлинъ Иванъ Егоровичъ—17, 43.

Завадовскій—165.

Заговоръ: Цыглера—19; Шуйского—98, 99.

Зайончекъ князъ—209.

Зандъ-Жоржъ—148.

Западъ—196, 197, 232. См. Европа.

Зинаида княгиня Волконская—75, 94, 97, 118, 119.

„Значеніе женщины въ исторіи возникновенія раскола“ Смирнова—45.

Золотой: домъ Нерона—81; Олень, трактиръ—138.

И.

Ивановна—14, 24, 25, 40, 44, 48.

Ивановъ П. И.—41.

Иванушка—14, 23, 43.

Иванъ:—32, 34, 45; Александровичъ графъ Рибопьеръ—165; Алексѣевичъ, царь—56; Андреевичъ князъ Голицынъ—45; Андреевичъ Крыловъ—195, 206; Глѣбовичъ Морозовъ—43, 47; Егоровичъ Забѣлинъ—17, 43; Кобяковъ, дьякъ—12; Семеновичъ Набоковъ—187; Степановичъ Салтыковъ, стольникъ—41.

Игуменъ Сергій—42.

Иконы:—4, 16, 46. Иконы Божіей Матери—87, 101; Всѣмъ скорбящимъ радость—11; Казанская—3; Тихвинская—23, 43.

Императорскіе дворцы въ Римѣ—115.

Императоры: Римскіе—74, 79, 81, 88, 97; Русскіе: Александръ III Александровичъ—1, 2; Александръ I Павловичъ—131, 196, 199, 209—213; Николай I Павловичъ—144, 228, 233; Павелъ Петровичъ—211.

- Императрицы** Русскія—160, 202; Александра Феодоровна—144; Анна Іоанновна—55, 56; Екатерина II Алексѣевна—212, 226.
- Ингрии**—58.
- Индульгенціи**—61.
- Инквизиція** въ Испаніи—182.
- Инспрукъ**—132, 137, 138.
- Институтъ** Екатерининскій—103.
- Испанія**—94, 102, 182.
- Истомина** танцовщица—194.
- Исторія**:—50, 90, 98, 103, 136; Государства Россійскаго Н. М. Карамзина—136, 213; Петра Великаго—228.
- Италія**—58, 62, 86, 91, 107, 113, 114, 115, 123, 134, 136, 140, 141, 143, 145, 160, 162, 168.
- Итальянскіе**: аріи—167; графъ—115; жизнь—142; зелень—128; литература—231; лѣто—119; небо—84, 134, 141; ночь—155, 164, 167; пьесы—82; романы—86; священникъ—107; случай—89, 101, 107, 111, 116—118; театры—78; художественная школа—139; церкви—60; энтузіазмъ—109.
- Итальянцы**-Римляне—116, 137.
- I.**
- Ianus Quadrifons**—79.
- Іезуїтскій**: монастырь—122; пансионъ въ Петербургѣ—192, 200; Орденъ въ Россіи—199.
- Іезуїтство**—173.
- Іезуїты**—173, 197—200.
- Іоанна Милостиваго** церковь въ Москвѣ—235.
- Іовъ** патріархъ—4.
- I promessi sposi** Манзони—85.
- K.**
- Кавелинъ**—171.
- Cavo Monte**—100, 121.
- Казанская икона** Божіей Матери—3.
- Каменоостровскій дворецъ**—209.
- Каменскій** графъ—194.
- La Campagna**, Campagne de Rome—59, 81.
- Сандрі д'Одільо** (Капітолій)—67.
- Канкринъ** графъ—222.
- Канова**, скульпторъ—62, 110, 123.
- Кануны**—23, 32.
- Капеллы**:—96; Ватикана—60; Сикстинская—60.
- Капитанъ Мерьать**, писатель—123.
- Капітолій**—67, 87, 91, 104.
- Каподистріа** графъ—214.
- Канранікъ**—68.
- Капуцинскій** монастырь—100, 124.
- Капуцины**—92, 106, 107, 109.
- Каракалла**—88.
- Карамзины**: Александръ Николаевичъ—58, 62, 63, 71, 74, 80, 90, 99, 104, 105, 112, 133, 141, 146, 150, 158, 161, 163, 166, 170; Андрей Николаевичъ—57, 62, 70, 71, 72, 89, 94, 156; Екатерина Андреевна—57; Екатерина Николаевна—63, 71, 76, 82, 90, 99, 105, 106, 135, 149, 153, 158, 161, 162, 166, 170; Елизавета Николаевна—63, 76, 82, 90, 161, 166, 170; Николай Михайловичъ—136, 179, 187, 195, 199, 200, 201, 203—206, 208—211, 213, 217, 219; Николенька (Соко)—63, 81, 82, 90, 96, 99, 105, 111, 116, 120, 133, 140, 146, 150, 157, 166, 170; Софія Николаевна—58, 62, 63, 71, 76, 80, 82, 85, 90, 91, 99, 111, 116, 134, 139, 141, 145, 149, 150, 161, 166, 170, 176.
- Карантинъ**—70, 82, 84, 94—96, 223.
- Кардиналы**—64, 72, 82, 97.
- Карлсруэ**—139, 142.
- Карль XII**, Шведскій король—50, 51.
- Картинны**—66, 69, 74, 75, 77, 78, 80—82, 98, 99, 103, 107, 109, 115, 123, 127, 131, 138—140, 201.
- Castel Gondolfo**—100.
- Кастея**, Французскій посолъ—51.
- Катакомбы** св. Себастіана—88.
- Катилина**—73.
- Католицизмъ**—61, 65, 68, 98, 151, 196, 199, 200.
- Катулль**—232.
- Каченовскій**—218, 221.
- Кашино**—125.
- Квиріналъ**—74.

- Кейзерлингъ**, русскій посланникъ—54, 55.
- Керестури**, врачъ—188.
- Quinault**—216.
- Кипарисовая вѣтка**—62, 71.
- Кипренскій**—98.
- Кирилль Иерусалимскій**—29, 44.
- Киршбаумъ**—71, 140.
- Киселева**—143, 144, 147, 153, 155.
- Кисловка**, улица—235.
- Клейнмихель** графиня Екатерина Петровна—176.
- Clement Rossette**—105.
- Клонштокъ**—140.
- Книги**: —9, 16, 40, 47, 171, 172, 174, 175, 177, 181, 184, 186, 190, 222, 225, 229, 231; боярскія—41; родословная—15, 45; „старыя“, старообрядческій—29, 33, 44—46.
- Княгини**: Бѣлосельская—69; Васильчикова—78; Волконская—106, 124; Волконская Зинаида—75, 94, 97, 118, 119; Вяземская—90, 98, 99, 105, 111, 116, 125, 133, 140, 150, 161, 166, 241, 246; Вяземская Вѣра Феодоровна—175, 236; Гагарина—153; Гагарина Прасковья Юрьевна—236; Голицыца—151; Голицына Ксентій (Евдокія) Ивановна—44; Долгорукая—152; Долгорукая Ольга—143, 148; Одоевская Евдокія Феодоровна—9; см. **Репинны**; Трубецкая—147, 164; Урусова Евдокія Прокофьевна—14—48; Черкасскія Мареа Борисовна—9, Мареа Яковлевна—9—12.
- Княжны**: Вяземская Марія Григорьевна—148; Вяземская Марія Петровна—125; Вяземская Надежда Петровна—241; Вяземская Прасковья Петровна—61, 62, 94; Гагарина Вѣра Феодоровна—236; Голицына Мареа Борисовна—9; Одоевская Мареа Яковлевна—9; Трубецкая *Alexandrine*—103, 123, 124, 129, Прасковья Юрьевна—236, Софья Васильевна—165; Урусова Анастасія и Евдокія Петровны—15, 21—25, 27—48.
- Князья**: Боргезъ—66, 75, 76, 80, 103; Бѣлосельскій—186; Волконскій—214; Вяземскіе—50, 55, 56, 68, 71, 76, 90, 94, 98, 99, 105, 111, 116, 125, 133, 140, 145, 150, 161, 166, 171, 175, 177, 181, 182, 184, 187, 190—192, 198, 201, 202, 204—206, 211, 212, 226, 228, 231, 234, 235, 239, 241; Гагаринъ—144, 153; Голицыны—45, 69, 76, 77, 89, 97, 98, 109, 159, 199; Долгорукіе—55, 143, 147, 152, 153, 156, 166, 168; Долгоруковы—15; Лобановы Ростовскіе—45, 186, 205; Меншиковъ—214; Мещерскіе—83, 89, 96, 102, 124, 129, 133, 136, 137, 142, 150; Monmorency de Robert—153; Одоевскіе—9, 94; Piombini—110; Радзивіль—153; Трубецкой—83, 96; Урусовы—15, 20, 21, 23—25, 27, 29—38, 40, 41, 43, 45—48; Черкаскіе—9—13; Шаликовъ—187; Щербатовъ—204.
- Кобяковъ** Иванъ, дьякъ—12.
- Колисей**—62, 74, 86—88, 91, 106, 107, 113, 114, 118, 137.
- Кологривова** Прасковья Юрьевна—213, 236.
- Колодезь Самаритянки**—81.
- Colo di Rienzi**—79.
- Colonna**—69.
- Колонны**: Автонинская—87; Собора св. Марка—130; Троянская—74; Форума—92.
- Командоръ Мальтийскаго Ордена Цезарь** Борджіа—89, 90.
- Комбурлей** М-те—60, 61.
- Коммерческая газета**—224.
- Константинополь**—53.
- Константи́нъ**: —74; Павловичъ Великий Князь—214.
- Conti M-lle**—110.
- Королева** Баварская—139, 163.
- Короли**: Баварский—139, 140, 163; Неаполитанский—158, 211, 212; Польский—212; Польский Август II—51; Пруссій Фридрихъ Великий—180, 224; Сардинскій—98; Французские Бурбоны—68, Людовикъ XV—50, 51; Шведскіе Густавъ—50, Карлъ XII—50, 51.
- Corpus Domini**, процессія—14.
- Корсаковъ**—212.
- Corsini palazzo**—74.

- Corsó**—87.
„Косенъкій“—60, 67.
Костромская вотчина кн. П. А. Вяземского, село Красное—232.
Красное село кн. П. А. Вяземского—232.
Кремлевские соборы—132.
Крестовый поезд—39.
Крестъ двуперстный—20, 24.
Кривцовъ—57, 62, 65, 68—70, 77, 86, 89, 91, 92, 96—98, 116—118, 121—123.
Кроль—234.
Кронштадтская таможня—150.
Крыловъ Иванъ Андреевичъ—195, 206.
Krudner M-e—160.
Ксавье де Местръ—186.
Ксения: Гавриловна, сестра боярской дочери—45; Голицына княгиня—14, 32, 45; Ивановна, дворовая—44.
Кузмищевъ дьякъ—16.
Кунцъ Герцогъ—66.
Кутлеръ—52—54.
Кутюръеръ—53—55.
- Л.**
- Лаголовъ**—163.
Св. Лазаря Армянскій монастырь—136.
Лакордеръ аббатъ—119.
Лаокоона статуя—69, 78, 110.
Lapierre, лѣдка князя П. А. Вяземского—181.
Левицкій—53, 54.
Левъ: Разумовскій графъ—186; Соллогубъ—79, 82, 84—88, 90, 103, 169.
Лекенъ—237.
Лещинскій Станиславъ—51.
Ливорно—70, 82, 84, 94, 95, 122.
Лизъ M-me—61.
Литература—177, 195, 202, 203, 209, 223, 231.
Литта—66, 68, 77, 86.
Лобановъ Ростовскій князь:—45; Яковъ Ивановичъ—186, 205.
Ломбардія—128.
Ломоносовъ Михаилъ Васильевичъ—187, 188.
Лонгиновъ—228.
Лондонъ—50, 55.
- Лотошино, село**—71.
Лошадиные игры ginochi di cavalli—97.
Львовъ князь—172.
Львовъ статуи—67.
Любекъ—104, 165, 230.
Любовь см. **Полуектова.**
Людовизи (Ludovisi) вилла—107, 110, 111.
Людовикъ XV, французскій король—51.
Людольфъ (Ludolphe)—68, 70, 77, 82, 84; M-me—72.
Люціанъ Бонапартъ—98.
Люцовъ Австрійскій посолъ—82, 85.
Лѣствица (лѣсенка)—17, 33, 46.
Лѣствица Святая (Scala Santa)—81.
Лѣтній садъ—196.
- М.**
- Мавзолей Августовъ**—97.
Мавра—32, 46.
Madonna:—101, 139; di Foligno—66; della Seggiola—123; del Tutto—122.
Майеръ, секретарь Пруссійскаго посольства—113.
Майковъ, поэтъ—204.
Mac-Dowell M-me—85, 86.
Мальтійскаго ордена Командоръ Цезарь Борджіа—89, 90.
Мамертинскія темницы—73.
Манзони—85.
Мансуровы—62, 69, 124, 129, 136.
Мантейфель Ernest—148.
Manstein—50.
Маремъяна Феодоровна—44.
Марини—100, 101.
Marino Faliero—131.
Mario Monte—91.
Марія: Герасимовна Данилова—15, 16; Григорьевна графиня Разумовская, урожденная княжна Вяземская—148; Николаевна графиня Толстая—57; Негровна Валуева—111, 125, 140, 146, 239.
Марка св. Соборъ—129, 130.
Марковъ, русскій живописецъ въ Римѣ—99.
Маротть—74.
Марсово поле въ Римѣ—91.
Марціаль—232.

- Marchese di Roma vecchia**, Торлонія—79.
Марченко, государственный секретарь—215.
Мареа: Борисовна княгиня Черкасская, урожд. княжна Голицына—9; Яковлевна княгиня Черкасская, урожд. княжна Одоевская—9, 10, 12.
Materialien zu der Russ. Gesch.—50.
„Материалы“ Н. И. Субботина—15, 42, 44.
Матушевич графъ—215.
Машковъ, дядя поэта Майкова—204.
Медемъ—148.
Меафантъ, полиглотъ—231.
Меланія—45, 46.
Memolres sur la Russie—50.
Мендизабаль—102.
Меншиковъ князь—214.
Мерзляковъ, поэтъ—188, 189.
„Мертвые Души“ Гоголя—164.
Мерьятъ Капитанъ—123.
Местръ—137.
 де **Местръ** Ксавье—186.
Метелла Цецілій—79.
Мещерскіе: княжна Екатерина Петровна, замужемъ графиня Клейнмихель—176; князь Николай—83, 89, 96, 102, 124, 129, 133; князья:—124, 136, 137, 142, 150.
Мікель Анджело—67.
Міланъ—70, 76, 84, 117, 120, 124, 130—132.
Mills, англичанинъ—75, 115.
Милорадовичъ—214.
Міністерство Народного Просвѣщенія—183.
Мітава—210.
„Мітрафанушка“—212.
Михаіль: Алексіевичъ Обресковъ, генераль—194; Архангель, картина Гвидо Рени—74; Вильгорский графъ—181, 215, 221; Михайловичъ Бороздинъ, генераль—211, 212; Никитичъ Муравьевъ, кураторъ Московского Университета—189; Орловъ графъ—78; Павловичъ Великий Князь—106; Петровичъ Погодинъ—173; Яковлевичъ Черкасский князь, бояринъ—9—12.
Михайлівське село—49.
Мицкевичъ, поэтъ—221.
Могилы—62, 63, 94, 241.
Мозаїки—62, 129, 130.
Молитви:—3, 4, 8, 17, 40, 46, 95, 96, 103; ноцная—33.
Монастыри:—73; Алексіевскій—16; Армянскій св. Лазаря—136; Іезуїтскій—122; Капуцинскій—100, 124; Печерскій—16, 43; Французскій—100.
Монахи—42, 89, 92, 103, 112, 136.
Моіахини—71, 72.
de Montrouencу prince Robert—153.
Мономахъ Владміръ—98.
Monte: Cavo—100, 121; Mario—91; Pincio—76, 103, 109.
Montechi e Copuletti, пьеса—93.
Монументы—62.
Море—70, 84, 93, 97, 127, 132.
Морозовы:—47; Борисъ Иванович—43, 46; Глебъ Иванович—43; Иванъ Глебовичъ—43, 47; Феодосія Прокопьевна, боярина—14, 15, 17, 43, 44, 46.
Mortemart de:—77; М-ме—68, 72, 86.
Москва—3, 6, 9, 10, 12, 13, 16, 17, 34, 35, 43, 45, 47, 142, 172, 173, 186, 190, 191, 200, 204, 211, 212, 222, 223, 227, 238.
Московскіе: Архивъ Министерства Юстиції—9, 14; Вѣдомости—180, 181; Вѣстникъ—221; газета—173; графъ Орловъ Михаіль—78; католіческій попъ и лютеранскій пасторъ—142; Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія—3; ополченіе—211; Патріархъ св. Ермогенъ—3, 4; поклонники Н. В. Гоголя—172; почтамтъ—187; столъ—9, 10; Університетъ—188, 189; царство—3.
Мостъ вадоховъ—128.
Моцартъ—139.
Музей:—113; въ Капітолії dei Conservatori—67; Румянцовскій—3.
Муравьевъ: Андрей Николаевичъ—63; Михаіл Никитичъ кураторъ Московскаго Университета—189.
„Муромецкій“ союз А. Н. Карамзина—88.
Муті вілла, villa Muti—119, 122.

- Мученики**—81.
Мюнхенъ, Munich—70, 76, 84, 131, 132, 134, 137, 138, 140—142.
Мърка роста Иисуса Христа—81.
- Н.**
- Набоковъ** Иванъ Семенович—187.
Надежда: Петровна княжна Вяземская—241; Наденька Свистунова—159.
Naples см. **Неаполь**.
Настасья, Настасьюшка см. **Анастасия**.
Наталья Николаевна Пушкина—71.
Наумбургъ—53, 55.
Неаполитанскіе: дорога—100; король—158, 211, 212; нарѣчіе—86.
Неаполь (Naples)—66, 69, 70, 78, 82—84, 89, 94—96, 102, 116, 135, 211.
Невинности статуя—76.
Нейштадель—52.
Неклюдовы—111.
Нелединскій—186.
Нельсонъ—186.
Nemi, озеро—122.
Нероновская терраса—116.
Неронъ—81.
Несвижъ—214.
Нессельроде графиня—241.
Das Niebelungen Lied—140.
Нижегородскій Генераль-губернаторскій домъ—181; съ Нижегородскимъ смѣсь Французскаго—231.
Нижній Новгородъ—94, 202.
Никита, дядька князя П. А. Вяземскаго—185.
Николай: Васильевичъ Гоголь—94, 101, 113, 114, 119, 164, 171—173, 175, 225—228; Гавриловичъ Высоцкій—19, 48; Мещерскій князь—82, 89, 96, 102, 124, 129, 133; Михайловичъ Карамзинъ—136, 179, 187, 195, 199, 200, 201, 203—206, 208—211, 213, 217, 219; Николаевичъ Новосильцовъ—200; Павловичъ Императоръ—144, 228, 233.
Николь аббатъ—201.
Нимфа—79.
Ницца—77, 82—84, 91, 98, 103, 106.
Нищенство—70.
- Новосильцовъ**:—209, 212, 213; Николай Николаевичъ—200.
Новый годъ—40, 48.
Новыя: пѣни—20; вѣра—21.
Ной (Noé), праотецъ—147.
Нощная молитва—33.
Нумы роща—79.
Нѣмецкіе: балетъ—165; литература—231; профессора Московскаго Университета—188, 189; школа живописи—139.
Нѣмцы:—1, 78, 113, 138, 139, 164, 190; русскіе—142, 148.
- О.**
- Обелискъ**:—138; на площади св. Петра—89, 109.
Обитель Мелани—45, 46.
„Образцовый сочиненія“ В. А. Жуковскаго—231.
Образъ, см. **иконы**.
Обресковъ: Алексѣй Михайловичъ—192, 194; Михаилъ Алексѣевичъ, генералъ—194; сенаторъ—211.
Общество: Московское Любителей Духовнаго Просвѣщенія—3; Ревнителѣй Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память Императора Александра III—1.
Овербекъ, художникъ—103.
Овидій—231.
Одежда—16, 17, 30, 54, 55, 59, 61, 66, 69, 85, 89, 94, 96, 101, 103, 105, 107, 109, 112, 115, 127, 129, 138, 140, 144, 157, 195, 203, 204.
Odescalchi кардиналь—72.
Одоевскіе: княгиня Евдокія Феодоровна—9; княжна Марея Яковлевна—9; князь: В. Ф.—94; Яковъ Никитичъ—9.
Озера: Альбанское—100, 121, 122; Миланскія—132; Nemi—122.
Ольга княгиня Долгорукая—143, 148.
„Онѣгінъ Евгений“ А. С. Пушкина—194.
Опера—80, 139, 164.
Орель, городъ—234, 237.
Орловы: графиня—78; графъ Алексѣй Феодоровичъ—201, 220; графъ Миха-

- ицъ—72; Орловъ-Давыдовъ графъ—198.
- О**снова въ Швеціи, статья В. И. Герье—50.
- Оссацъ**—195.
- Осташево**, село—50, 66, 68, 191, 223, 224.
- Осташевскій**: Архивъ Князей Вяземскихъ—50, 55, 56, 234, 239; прудъ—185.
- Остреманъ**—55, 56, 214.
- Остя**—92.
- Острова**: Барромейские—70; около Венеции—132.
- Hotel de Russie** въ Римѣ—59.
- Отписка**—12, 13.
- „**Охотный рядъ**“ въ Москвѣ—110.
- II.**
- Павель**: апостолъ—66, 73; Петровичъ Вяземскій—240, 241; Петровичъ Императоръ—211; подъячій—16.
- Падуя**, Падова, Padoue—127, 129, 137.
- Palacorda**, театръ—86.
- Палатинскій ходъ**, Палатинъ—75, 115.
- Palazzo**: Corsini—74; Pitti—123; della Farnesina—74.
- Паленъ** графъ—159.
- Пале-Рояль**—193.
- Памфлеты**—56.
- Память, тва**—9, 40, 48.
- Панина** графиня—148, 155.
- Пантонъ**—80.
- Папа Римскій**—60, 61, 62, 64, 65, 68, 69, 94, 114, 127.
- Папскіе**: правительство—59, 118; цѣнѣ—162.
- Парижскіе**: Пале-рояль—193; Паленъ графъ—159; развлеченія—152.
- Парижъ**—50, 57, 59, 63, 66, 67, 71, 72, 77, 83, 94, 98, 102, 106, 112, 121, 145, 154, 160, 165, 168, 182, 197, 203, 215.
- Парни**, Французскій поэтъ—201.
- Пасхи** св. столъ—81.
- Патріархи**: Ермогенъ—3, 4; Іовъ—4; Питиримъ—16.
- Рейгоннет**, сынъ министра—58.
- Пелла**—150.
- Pellico Silvio**—131.
- „**Первый снѣгъ**“, стихотвореніе Кн. П. А. Вяземскаго—229.
- Переписка съ друзьями**, Н. В. Гоголя—171, 172.
- Перстень**—55.
- Peruggini**, композиторъ—136.
- Петербургскіе**: жизнь—175; кабинетъ—51; крѣпость—131; суматоха праздничная—96; улицы—138.
- Петербургъ**—45, 66, 75, 104, 106, 117, 118, 123, 141, 149, 156, 158, 161, 168, 176, 191—193, 195, 200, 201, 206, 209, 212, 222.
- Петербургцы**—139.
- Петра**: Великаго Исторія—228; Святаго площадь въ Римѣ—89, 109, 114, соборъ въ Римѣ—60—62, 64, 69, 73, 89, 101, 106.
- Петровъ день**—16.
- Петръ**: Алексѣевичъ, Императоръ—228, 230, Царь—9, 10, 13; Андреевичъ Вяземскій князь—94, 125; апостоль—64, 66, 73; Васильевичъ Большой Шереметевъ, бояринъ—49; Ивановичъ—65, 99; Михайловичъ Черкаскій князь, стольникъ—9—13; Петровичъ Бутурлинъ—60; Семеновичъ Урусовъ князь—15, 23—25, 29, 32—34, 38, 43; Яковлевичъ Чаадаевъ—171, 175.
- Печать**—9.
- Печеньги**—198.
- Печерскій** монастырь—16, 43.
- Piazza**: del Popolo—65, 109, 113; di Spagna—65, 88, 107.
- Pigot**, англичанки—155, 167.
- Низа**—59.
- Низскій Соборъ**—59.
- Пилигримы**—60, 109.
- Pingot**, танцмейстеръ—185.
- Pincio Monte**—76, 103, 109.
- Pionibini** князь—110.
- Пирлингъ**, Pierling M-r—117, 121.
- Писаніе Священное**—23, 25, 29, 30. См. Евангелие.
- Пистолеты**—53, 70, 89, 95, 139.
- Письма**—9, 14, 15, 17—19, 29, 35, 40—49, 54, 57—60, 63, 64, 68, 70, 71, 74, 76, 77, 80, 83, 86, 89, 91, 94, 96, 98, 99, 102, 105, 106, 112,

- 114, 116—118, 120, 132—135, 137—139, 141, 145, 146, 148, 150, 151, 153, 155, 158, 160—163, 165, 166, 169, 171—175, 188, 209, 239—241.
Патиримъ патріархъ—16.
Pitti palazzo—123.
Платки—37, 55.
Платоновъ—147, 154, 159, 161, 164, 169.
Плетневъ—239, 241.
„Плоды свободныхъ чувствованій“ князя Шаликова—187.
Площади: св. Марка—130; св. Петра—89, 109, 114; del Popolo—65, 109, 113, di Spagna—65, 88, 107.
По, рѣка—128.
Повѣсти: о явленіи Казанской иконы Божіей Матери—3; Н. В. Гоголя—119.
Ногодинъ Михаилъ Петровичъ—173.
Подъячій Павелъ—16.
Полата приказная—12.
Полевой, журналистъ—221, 222.
Poletika M-eur—105.
Полное собрание сочиненій: Князя П. А. Вяземскаго—177; Н. В. Гоголя—227.
Полотенце—32.
Полуектовы:—166, 168; Catherine—168; Любовь Феодоровна—143, 144, 155, 159, 160, 163, 166, 167.
Польскіе: король—212; король Августъ II—51; орденъ Бѣлого Орла—212; сеймъ—213.
Польша—51, 209, 213, 215.
Поляки—3, 214.
Rombal—199.
Номиевскія комнаты—77.
Помпей—95.
il ponte dei Sospiri—128.
del Popolo piazza—65, 109, 113.
Понъ крестовый—39; см. священники.
Портреты—98, 123, 149, 160, 162, 186, 233.
Посланія: протопопа Аввакума къ царю Сергию—42, къ Маремьянѣ Феодоровнѣ—44; стихотворныя: В. А. Жуковскаго къ князю П. А. Вяземскому—234—238; Кн. П. А. Вяземскаго къ Денису Давыдову—229, къ Жуковскому—215, къ Каченовскому—221.
Посланники: австрійскій Люцовъ—82, 85; русскіе: Бестужевъ—51, 56; Долгорукій князь Сергій Григорьевич—55; Кейзерлингъ—54, 55.
Поэты: Великій—29; въ іезуитскомъ пансионѣ—199.
Потемкинъ, генераль—214.
Потоцкая графиня—98, 168.
Правила—40.
Православные: вѣра—4, 6, 200; царь—3, 6; церковь—1, 197, 199.
Прасковія: Петровна княжна Вяземская—61, 62, 94; Юрьевна Кологрикова—213, 236.
Преображенскій приказъ—14, 19.
Приказная полата—12.
Приказы: Преображенскій—14, 19; Сибирскій—9.
Прокопій Соковнинъ—14, 23, 44.
Промышла, выставка въ Москвѣ—222.
Prosperl Monsignor—65, 66, 68, 69, 78, 82, 88, 89, 109.
Протоіерей Димитрій Никанорович Бѣликовъ—2.
Протопопъ Аввакумъ—15, 41, 42, 44.
Процессы—60, 61, 64, 92, 114, 118.
Прощаніе съ халатомъ, стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго—212.
Прусскіе: король Фридрихъ Великій—180, 224; министр Бунценъ—72, 85, 86, 91, 92, 98, 104, 113.
Пугачевщина—204.
Pulcinella sergente раугоzo—86.
„Путешествіе кругомъ комнаты моей“ Ксавье де Местра—186.
Пушкины: Александръ Сергеевичъ.—75, 94, 135, 193, 195, 208, 215—222, 224, 228—230; Анна Львовна—204; Василій Львовичъ—203, 204, 206; Наталія Николаевна—71.
Пьеръ, родственникъ А. Н. Карамзина—63, 82, 90, 92, 99, 129, 166, 170.
„Нѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, В. А. Жуковскаго—204, 205.
Нѣне:—27, 97, 109, 128, 130—132, 136, 167, 208; новое—20.
„Пѣнь воиновъ“, стихотвореніе Н. М. Карамзина—201.

P.

Радивіль князя — 153, 154.
 Радикофани — 59.
 Раевская — 97.
 „Разговоръ“, стихотворение князя П. А. Вяземского — 189.
 Ра(о)врдъ — 9, 12, 13.
 Разумовская графиня Марія Григорьевна — 148, 153—156, 159, 160.
 Разумовский графъ Левъ — 186.
 Расинъ — 187.
Rattlin the Reesfrer, романъ Капитана Мербата — 123.
 Рафаэль — 59, 66, 74, 78, 81, 123, 127, 139.
 Рахмановъ — 143.
 Рейнгардтъ, профессоръ — 188.
 Рейнъ — 79.
 Рейнъ, рѣка — 160, 167.
 Рейсь, профессоръ — 187, 188.
 Ремъ — 74.
 Рени Гвидо — 74, 82, 127.
 Репинны князья: — 78, 97, 101, 103, 106, 108, 109, 113, 114, 119, 120, 122, 123, 133; Varette — 103.
 Республика Римская — 100.
 Ржевский Павелъ — 204.
 Рибопьеры графы: — 164; Иванъ Александровичъ — 165; Софія Васильевна — 165.
 Рига — 50, 210.
 Римлянка Mlle Conti — 110.
 Римские: дорога — 101; древности — 128; жизнь — 147; законоученіе — 200; законы — 145; исторія — 90; литература — 231; ночь — 96; одиночество — 152; окрестности — 85, 90, 115, 128; письма — 161; письма А. Н. Карамзина — 57, 117; постыдные дни — 199; стѣны — 81; церковный парадъ — 92; церковь — 196, 197, 199, 200.
 Римъ — 57, 59, 61, 62, 66—68, 70—73, 75—79, 81, 83—85, 87, 89—91, 93—96, 98, 99, 102, 104—106, 112, 113, 115, 117, 119—123, 125, 135, 139, 141, 149, 150, 231.
Rizzati, докторъ — 124.
 Ріенци — 67, 79.
 Робекъ — 154.

Robert de Monmorency prince — 153.
 Ровиго — 129.
 Рогнеда — 98.
 Родословная книга — 15, 45.
 Ромуль — 74, 79.
 Rossetti Аркадій — 63, 71, 80, 90, 99, 105, 111, 116, 125, 133, 140, 146, 150, 161, 166.
Rossette Clement — 105.
 Россійские: Академія — 230; Феатръ — 223.
 Россія — 1, 3, 9, 10, 50—52, 56, 59, 80, 128, 134, 137, 141, 144, 159, 164, 166, 168, 198, 199, 210, 230.
 Россовъ слава — 188.
 Ростовскій Лобановъ князъ — 45.
 Роттердамъ — 160.
Rocher de Cancale — 77.
 Роща Нуны — 79.
 Рукописи — 3, 9, 10, 14, 18—20, 25—27, 42, 47, 49, 52, 55, 239, 240, 243.
 Румянцовскій Музей — 3.
 Русскіе: артисты въ Римѣ — 97, 118; Богъ — 84; вопросы — 229; газеты и журналы — 220; духъ — 172, 231; исторія — 98, 136; литература — 195, 203, 209, 223; люди — 3, 130, 142, 143, 147, 148, 163, 216, 225, 226, 231; народъ — 2, 172; plaisanteries — 150; посланники — 51, 54, 55; посольскій домъ въ Стокгольмѣ — 56; посольство въ Римѣ — 118; постыдные дни — 199; рѣчъ — 231; священники — 94, 142, 232; сердце — 130; слово — 173; смѣтильность — 218; стихи — 231; художники въ Римѣ — 103; цензура — 220; языкъ — 54, 74, 100, 119, 136, 188, 197, 201, 207—209, 216, 230, 231.
 Русь — 1, 3, 84, 171, 172, 229.
 Рущукъ — 194.
 „Рѣзвый котъ“ Арзамасское прозвище Сѣверина — 194.
 Рѣки: Адижа — 138; Арно — 58; Двина — 210; По — 128; Тибръ — 66, 92, 93; Эйзахъ — 138.
 Рѣчи — 1, 12, 209.

C.

Сабля — 52, 53, 55.
du S-t Sacrement le jour — 109.

- Саксонія**—52.
Саксонський генераль-прокуроръ Фогель—54.
Салтыковы стольники, Василій Феодоровичъ и Иванъ Стешавичъ—41.
Самаританки колодезь—81.
Сансевино—130.
Саратовскій комендантъ Башникъ—204.
Сардинскій король—98.
Сахарный заводъ—80, 135.
Саша, Сашка, членънникъ А. Н. Карамзина—158, 161, 166, 170.
Свистуновы:—145, 163, 164, 167, 169; Наденька, Nadine—159, 161, 169.
Свѣтлое Христово Воскресеніе—64, 94, 95.
Свѣчинъ—124.
Священники: греческіе—130; итальянскій—100, 107; католическій—142, 196; лютеранскій—142; русскіе—94, 142, 232.
Священное Писаніе—23, 25, 29, 30. См. евангеліе.
Себастіанскія ворота—101.
Себастіанъ Св.—88.
Сеймы: Варшавскій—209; Польскій—213; Шведскій—51.
Села: Бортное—80, 135; Красное—232; Лотошино—71; Михайловское—49; Осташево—50, 66, 68, 191, 223, 224.
Семеновскій полкъ—214.
Семеновъ Василій Григорьевичъ, думный дьялъкъ—49.
Сенаторскій дворецъ въ Римѣ—67.
Сенатъ Римскій—67.
Сенковскій—218.
Сень-Севренъ французскій дипломатъ—51.
Сень-Симонъ—77, 160.
Сентимій Северь—74, 79.
Сергій, Сергій: Григорьевичъ Князь Долгорукій—55; Димитріевичъ Графъ Шереметевъ—177; Ивановичъ—140; игуменъ—42; Сергіевичъ—83, 91.
Сибирскіе: воевода, бояринъ князь Михаилъ Яковлевичъ Черкаскій—9, 10; воеводство—9; города—9; приказъ—9.
Сибирь—9, 10, 55.
„Сибірічка“ Ксавье де Местра—186.
Sydney Smith—154.
Slenne—58, 59.
Сикстинская капелла—60.
Силенъ—110.
Silvio Pellico—131.
Синклерь, маіоръ, Шведскій политический агентъ—50, 52—56.
Scala Santa—81.
Scalinata—65.
Смирнова домъ въ Москвѣ—235.
Смирновъ:—192, 194, 195; изслѣдователь раскола—45.
Смирновы:—67, 143, 148, 149, 153, 155, 163—165, 167, 168; Александра Осиповна—94, 143, 145, 147, 148, 152, 155, 161, 162, 165; Н. В.—57, 142, 163.
Smith Sydney—154.
Смѣсь Французскаго съ Нижегородскимъ—231.
Соболевскій Алексѣй Ивановичъ—4.
Соборы: въ Grotta-Ferrata—114; въ Сиенѣ(Sienne)—58, 59; Кремлевские—132; Пизскій—59; св. Марка въ Венеци—129, 130, 132; св. Петра въ Римѣ—60—62, 64, 69, 73, 89, 101, 105.
Современникъ, журналъ—148, 222.
Соковнины: Алексѣй Прокофьевичъ—19; Анисы—44; Евдокія Прокофьевна—15; Прокофій—44; Феодосія Прокофьевна—15; см. **Морозовы, Урусовы.**
Соллогубы:—58, 63, 71, 75—77, 79, 81, 82, 89, 90, 103, 139, 141, 147, 152, 160, 162, 163, 169; графиня—71, 73, 75, 78, 80, 82, 84, 85, 87, 90, 163, 164; Hélène—163; Левъ—79, 82, 84—88, 90, 103, 169.
Солница, зять В. Л. Пушкина—204.
Сонеты—109.
Софья: Васильевна княжна Трубецкая, замужемъ Графиня Рибоцерь—165; Николаевна Карамзина—58, 62, 63, 71, 76, 80, 82, 85, 90, 91, 99, 111, 116, 134, 139, 141, 146, 149, 150, 161, 166, 170, 176.
Справедливости статуя—62.
Станиславъ Лещинскій—51.
Старая вѣра—20, 21, 23, 24, 28, 30, 31, 33, 35, 43.
„Старина и Новизна“ историческій сборникъ Общества Ревнителей Рус-

- ского Просвѣщенія въ память Императора Александра III—57.
- Статуи:**—59, 75, 77, 78, 82, 107, 111, 140; Аполлона—69; Бельведерскаго Аполлона—110; Вакха—110; Варвара—111; Ватиканскія—69, 109; Венеры Анадіомены—110; Венеры Кановы—123; Лаокоона—69, 78, 110; львовъ—67; Невинности—75; Силена—110; Справедливости—62; торс—110; Христіанскаго Рима—67.
- Статья:** кн. П. А. Вяземскаго—174; Н. М. Карамзина „Деревня“—200.
- Степанида** Даниловна Строгонова, замужемъ княгиня Урусова—15.
- Стихотворенія**—176, 179, 181, 186—189, 193—196, 201, 204—207, 212, 214—216, 218, 222, 225—229, 234—238.
- Стокгольмъ**—53, 55, 56.
- Столбцы**—9, 10, 14, 18, 19, 42.
- Столъ** св. Пасхи—81.
- Столыпины**—241.
- Стольники:** Апраксинъ Андрей Матвеевич—41; Головинъ Василий Петрович—41; Салтыковы Василий Феодорович и Иванъ Степанович—41; Урусовъ князь Василий Петрович—41; Черкаскій князь Петръ Михайлович—9, 10; Эверлаковъ Андрей Иванович—9—13.
- Стразбургъ**—106, 167.
- Стрешневъ Тихонъ Никитичъ, бояринъ**—12, 13.
- Строгонова Степанида** Даниловна, замужемъ княгиня Урусова—15.
- Струковъ**, армейскій маюրъ—205, 206.
- Стрѣльцы**—15.
- Стутгартъ**—139, 141, 142.
- Субботинъ Н. И.**—15.
- Сумароковъ А. П.**, поэтъ—188, 223.
- „Сынъ Отечества“, журналъ—212, 214, 215.
- Сѣверинъ**—192—194, 198, 215.
- T.**
- Табакерка**—55.
- Таможни:** Австрійская — 128; Кронштадтская—150.
- Танцы**—67, 68, 72, 75, 82, 86, 115, 144, 148, 152, 163, 164.
- Тацитъ**—81.
- Творенія** св. Гермогена, патріарха Московскаго—3.
- Театры**—78, 80, 82, 85, 86, 91, 92, 93, 109, 139, 164, 201.
- „Телеграфъ“, журналъ—218, 221, 222.
- Темницы:** Альбы—122; Венеціанская—127, 131; Мамертинскій—73.
- Тенерани**—74.
- Термы**—81.
- Thibaut M-eur**—90, 140.
- Тибръ, рѣка**—66, 92, 93.
- Тиволи**—74—76, 83.
- Тизенгаузенъ**—59, 145, 148.
- Тимирязевъ И. С.**—214.
- Le tyran de Padone**, пьеса Гюго—127.
- Титовы (les Titoff)**—145.
- Титъ, римскій императоръ**—74, 81.
- Тихвинская икона Божіей Матери**—23, 43.
- Тихонъ Никитичъ Стрешневъ, бояринъ**—12, 13.
- Тиціанъ**—131.
- Тобольскъ**—9—12.
- Толстая** графиня Марія Николаевна—57.
- Торвальденъ**—74, 75.
- Torlonia:**—65, 66, 79, 117, 121, 135; Александръ—66.
- Торезъ** Бельведерскій—110.
- Тоскана**—123.
- Тосканскій консулъ**—95.
- Трактиръ**—58, 59, 65, 77, 88, 92, 98, 100, 121—123, 129, 137—139, 144, 147, 153, 157, 190.
- Transtevere**—114.
- Тредьяковскій** Василий Кириллович—224.
- Трентъ**—132, 138.
- Троянская колонна**—75.
- Трубецкіе:** княгиня—147, 164; княжны: *Alexandrine*—103, 123, 124, 129; Прасковья Юрьевна—213; Софья Васильевна—165; князь—83, 96.
- Тургеневъ Александръ Иванович**—63, 72, 82, 86, 90, 91, 102, 199, 206, 209, 218, 230.
- Туринъ**—77.

Турція—51, 52.
 Тускуль, Tusculum—98, 119.
 Тушинскій воръ—3.
 Тюремы:—182; Боровская 14—17. См. темницы.
 Тютчевъ—175.

У.

Уваровъ графъ—214.
 Указъ Великаго Государя—9, 12.
 Улицы:—82, 87, 108, 127; del Babuino—59, 65; Басманная—171; жидовскій кварталъ въ Римѣ—103; Кисловка—235; Чернышевъ переулокъ—221.
 Умовеніе погъ пашою—60.
 Университетъ:—165; Московскій—188.
 „Уныніе“, стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго—229.
 Урусовы: Анастасія Петровна княжна—15, 21—25, 27—48; Василій Петровичъ князъ—15, 20, 21, 23, 24, 27, 29—33, 35—38, 40, 41, 43, 45, 47, 48; Евдокія Петровна княжна—15, 21—25, 27—48; Евдокія Прокофьевна княгиня (урожденная Соковнина)—14—48; Пётр Семеновичъ князъ—15, 23—25, 29, 32—34, 38, 43, 45, 46, 48; Степанида Даниловна, княгиня—15.
 „Ухабъ“, стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго—214.

Ф.

Fallero Marino—131.
 Fared Abdul le vagabond—176.
 della Farnesina palazzo—74.
 Фарнезовъ вилла и сады—75.
 Фебъ—216.
 Фема кардиналъ—82.
 Феррара—127, 128.
 Fiesole—124.
 Филиппъ—237.
 Философы—62.
 Фингаль—195.
 Фламандская школа—82.
 Флорентійская трибуна—140.
 Флоренція, Florence—58, 70, 83, 117, 120, 123, 124, 126, 133, 138.

Фогель, саксонскій Генераль-прокуроръ—54.
 Forum Romanum—69, 73, 87, 91, 92.
 Франкфуртъ—50.
 Франціканы—92.
 Франція—1, 50—52, 91, 157, 167, 209.
 Французскіе: дипломатъ Сенъ-Севрелъ—51; книжная лавка въ Москвѣ—191; колорить въ домѣ кн. Вяземскихъ—203, 231; король Людовикъ XV—51; литература—202, 231; министръ Ва-скурт—147; монастырь—100; партія въ Швеціи—51, 56; писатели—224; посолъ Кастия—51; языкъ—52, 85, 191, 200, 209.
 Французы—104, 126, 127, 132, 137, 143, 149, 158, 190, 191, 200, 201, 206, 209, 224, 229.
 Фраскати, Frascati—97, 100, 101, 114, 119.
 Фрески—59, 66, 78, 81, 111, 114, 140.
 Фридрихъ Великий—180, 221.
 Фузино—129.
 Фульдъ—148.
 Fumelino—92, 93.

Х.

Херасковъ—216.
 Холера—84, 94—96, 116, 135, 168, 223.
 Холмъ Палатинскій—75.
 Хомяковъ А. С.—176.
 Храмы языческіе—74, 100 (Юпитера), 122 (Jovis Latialis).
 Христина Шведская—74.
 Художники русскіе въ Римѣ—98.

Ц.

Цареградскій трактиръ въ Москвѣ—190.
 Цари:—49; Василій Шуйскій—3; Давидъ пророкъ—11, 40; Иванъ Алексѣевичъ—56; Пётръ Алексѣевичъ—9, 10; православный—3, 6.
 Царицы—17.
 Царское Село—166.
 Царскосельская дорога—162.
 Царства: Московское—3; Польское—213.

Zauber-Flotte Моцарта—139.
Цвѣтникъ, книга—33, 46.
Цезарь Борджа, Командоръ Мальтийскаго ордена—89, 90.
Цензоръ газетный—187.
Цензура русская—220.
Церкви: —4; Аничковская—195; готическая—74; греческая въ Венеции—130; S-t Etienne le Rond—81; S-t Giovani di Laterano—81; Итальянская—60, 74, 86, 96, 98, 107; Ioanna Milostivago въ Москвѣ—235; Madonna del Tutto—122; S. Maria Maggiore—81; S. Marie des Anges—74; S. Marie sur Minerve—73; Мюнхенская—141; надь подземной темницей апостоловъ Петра и Павла—74; св. Петра in Alontoria—74; Петербургская—74.
Церковь: Православная—1, 175, 199; Римская—196, 197, 199, 200.
Цесарскій дворецъ—75.
Цеселлій Бассъ—101.
Цепилій Мстелла—79.
Цепилія Рафаэля—127.
Циркъ Ромула—79.
Цицероновская вилла—98.
Цыглера заговоръ—19.

Ч.

Чаадаевъ Петъръ Яковлевичъ—171, 175.
Чацкій—231.
Челищевъ—189, 192.
Черкасские: княгини: Мареа Борисовна—9; Мареа Яковлевна—9, 10, 12; князья: Василій Михайловичъ—10; Михаилъ Яковлевичъ—9—13; Петъръ Михайловичъ—9—13; Яковъ Куденетовичъ—10, 13.
Черногорцы—130.
Чернышевъ: —195; графъ—214; перепулокъ—221.
Четки—17.
Civitavecchia—122.
Чизъ патерь—196, 199.
Чини (Сії) графиня—66.
“Членія Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія”, журналъ—3.
Чума—82.

III.

III., авторъ—56.
Шаберъ—168.
Шаликовъ князь—187.
“Шапки”—Шведская партія—51.
Шатеръ Государскій—49.
Шафгочъ графъ—52.
Шведские: короли Густавъ—50, Карлъ XII—50, 51; политический агентъ майоръ Синклерь—50, 52—56; политическая партія—51; сеймъ—51; словоі—51; Христини—74.
Швейцарія—59, 67, 121, 127, 134, 162.
Швейцарцы—64.
Швеція—50, 51, 53, 56.
Шекспиръ—172.
Шереметевы: —154—156; бояринъ Петръ Васильевичъ Большой—49; бояринъ Оеодоръ Ивановичъ—9; Графъ Сергій Дмитріевичъ—177.
Шиллеръ—128, 140.
Chiara—69.
“Шляхи”—Шведская партія—51.
Schmidt Phiseldek—50.
Шнага—55.
Шпаугенъ—70.
Шпоры—61, 167.
Штакельбергъ—62, 66, 67, 69, 77, 97, 98; Эрнестъ—144.
Шувалова графиня—98.
Шуйский Василій—98, 99; царь—3.

III.

Щербатовъ князь, Алексѣй Григорьевичъ—204.

Э.

Эверлаковъ Андрей Ивановъ, стольникъ—9—13.
Эйзахъ—138.
Элеонора—201.
Эміліана, скрипачъ—167.
Эмель—58, 97, 124, 148.
Энгельбахъ, директоръ пансиона—200.
Энгельгардъ—192, 193.
Энейда—66.
Эпикурейская поговорка—185.

Эротъ — 236.

Этруски скіни — 124.

Ю.

Юдиевъ — 42.

Юпитера храмъ — 100, 122.

Юшковъ — 192.

Я.

Языковъ, поэтъ — 226.

Языкъ: англійскій — 136; армянскій — 136; греческій — 65; італьянскій — 68, 85, 110, 123, 136, 137; класичесkie — 231; латинскій — 54, 65, 231; нѣмецкій — 137, 190, 191; русскій — 54, 74, 100, 119, 136, 188, 197, 201,

207 — 209, 216, 230, 231; французскій — 52, 85, 191, 200, 209.

Яковъ: Ивановичъ Лобановъ князъ — 186, 205; Никитичъ Одоевскій князъ — 9; Куденетовичъ Черкаскій князъ — 10, 13.

Ѳ.

Ѳаворъ — 246.

Ѳеодора (Ѳеодосія Прокофьевна Морозова) — 15.

Ѳеодоръ: Ивановичъ Шереметевъ, бояринъ — 9; камерь-дінеръ Карамзіныхъ — 136.

Ѳеодосія Прокофьевна Морозова, боярыня — 14, 15, 17, 43, 44.

Ѳоміна недѣля — 16.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Речь, сказанная протоиереем Д. Н. Быликовым предъ панахидою 26-го февраля 1915 года въ Обществѣ Ревнителей Русского Исторического Просвѣщенія въ память Императора Александра III	1— 2
Две молитвы святѣйшаго патріарха Ермогена Московскаго и всея Русіи. Сообщено А. И. Соболевскимъ. Предисловіе 3—4 стр., молитва первая 4—7 стр., молитва вторая 8 стр.	3— 8
Письмо царя Петра Алексѣевича Сибирскому воеводѣ, боярину князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому.	9— 13
Переписка княгини Е. П. Урусовой съ своими дѣтьми. Сообщено Н. Г. Высоцкимъ. Предисловіе 14—19 стр., письма княгини Е. П. Урусовой 20—40 стр., примѣчанія 41—48 стр.	14— 48
Собственноручное письмо боярина Петра Васильевича Большого Шереметева къ думному дьяку Василию Григорьевичу Семенову. 30 февраля 1679 года	49
Убийство Синклера. Эпизодъ Бироновской эпохи; 1739 г. Отрывокъ изъ Остафьевскаго Архива князей Вяземскихъ 50—55 стр., замѣтка * * 55—56 стр., замѣтка Ш. 56 стр.	50— 56
Римскія письма А. Н. Карамзина къ своей матери Екатеринѣ Андреевнѣ. Сообщено графиней М. Н. Толстой	57—170
Письмо П. Я. Чаадаева князю П. А. Вяземскому	171—175
Неизданное стихотвореніе А. С. Хомякова о Петербургѣ. Изъ альбома Софіи Николаевны Карамзиной. Сообщено графиней Е. П. Клейнмихель.	176
Князь П. А. Вяземскій. Автобіографическое введеніе. Изъ Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго, изд. граffомъ С. Д. Шереметевымъ, т. I.	177—233
Два шутливыхъ стихотворныхъ посланія В. А. Жуковскаго князю П. А. Вяземскому. Первое посланіе 234—235 стр., второе посланіе 235—238 стр.	234—238
Письма В. А. Жуковскаго князю П. А. Вяземскому по случаю смерти его старшей дочери, Маріи Петровны Валуевой. Первое письмо 239—241 стр., второе письмо 241—246 стр.	239—246
Указатель,	247—266

На странице 9, строка 5 сн., въ первомъ примѣчаніи слѣдуетъ читать внучкѣ княгини Евдокіи Феодоровны вместо княгини Евдокіи Феодоровны.

Издания Общества Ревнителей русского исторического просвещения въ память Императора Александра III.

- 1) Сборникъ «Старина и Повизна». 1—18 книги. Цена 2 р. каждой книги, для членовъ Общества по 1 р.*
- 2) I выпускъ. «Завѣтъ Цара-Миротворца» Рѣчь протоиеряя П. А. Смирнова, произнесенная 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собрании Общества. Издание бесплатное.
- 3) II выпускъ. 1) Рѣчь гр. С. Д. Шереметева, 2) Стихотворение А. Н. Майкова; 3) Стихотворение гр. А. А. Голенищева-Кутузова, произнесенные 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собрании Общества. Издание бесплатное.
- 4) III выпускъ. Врачи Кирѣенские, Жизнь и труды ихъ. Валерій Лисковскаго. Цена 80 к., для членовъ Общества 40 к.
- 5) IV выпускъ. Биографія генерала Котляревскаго. Соч. гр. Саллогуба. Цена 1 р., для членовъ Общества 50 к.
- 6) V выпускъ. Крестильщикъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Постолкова. Его жизнь и деятельность. Исторический отчетъ П. С. Балаша. Цена 40 к., для членовъ Общества 25 к.
- 7) VI выпускъ. Рѣчь Предсѣдателя Общества, произнесенная въ засѣданіи Совета 21 марта 1902 г., въ двадцатый день по кончинѣ Дмитрия Сергеевича Симонова. Издание бесплатное.
- 8) VII выпускъ. Рѣчь Предсѣдателя Общества, произнесенная въ засѣданіи Совета 12 мая 1902 г. по поводу кончины Сергея Александровича Рачинскаго. Издание бесплатное.
- 9) VIII выпускъ. С. А. Рачинскій; съ портретомъ И. М. Рорбова. Цена 30 к.
- 10) IX выпускъ. Памяти А. Рачинскаго, у 2 мая 1902 г. Валерій Лисковскаго. Цена 20 к.
- 11) Талесъ. Сборникъ С. А. Рачинскаго. Съ приложениемъ портрета А. С. Хомякова. Цена 1 р., 50 к., для членовъ Общества 1 р.
- 12) Бесѣды о древней русской литературѣ И. П. Хрущева. Цена 1 р. 25 к., для членовъ Общества 65 к.
- 13) Переводы. Выпукъ. I. «Константинополь». Соч. Ф. Марлона. Крауфордъ. Переводъ съ англ. пр. Е. Н. Шереметевой, подъ редакціе проф. Чомяковскаго. Цена 50 к., для членовъ Общества 25 к.
- 14) X выпускъ. Мейнекова. Историческая драма въ 3 действия въ стихахъ. Соч. В. Л. Величко. Съ портретомъ Мейнекова. Цена 1 р., для членовъ Общества 50 к.
- 15) XI выпускъ. Война и миръ (1805—1812). Съ историч. точки зрѣнія и по воспроизведенію современника. По поводу соч. пр. Л. Н. Толстого «Война и миръ». А. С. Норова. Цена 50 к., для членовъ Общества 25 к.
- 16) Собрание народныхъ рассказовъ А. И. Катенкиной-Стиковой. Цена 70 к., для членовъ Общества 30 к. (уступка).
- 17) XII выпускъ. Рѣчь Предсѣдателя, произнесенная 27 декабря 1904 г., въ годовомъ общемъ Собрании Общества. Издание бесплатное.

* Члены Общества могутъ получать по установленной ценѣ лишь по одному экземпляру каждой книги, требуемые же сверхъ этого экземпляры оплачиваются по ценѣ, установленной для постороннихъ лицъ.

- 18) XIII винаграда 26 февраля 1904 г. на темы из древних российских для хора мужских голосов. С. В. Смоленского. Цена 1 р.
- 19) Сборник разсказов из русской и французской жизни. Часы досуга. Составлены под редакц. И. П. Хрущева. Цена 75 коп.
- 20) XIV выпуск. Въ защиту просвещения восточно-русской инородцевъ исслѣд. Ник. Ив. Ильинскаго. Ст. В. Смоленского. Цена 40 к.
- 21) Сборникъ документовъ музеи графа М. Н. Муравьевъ. Т. I. Составилъ А. Бычакъ. Цена 3 р. для членовъ Общества 2 р.
- 22) Инородцы въ Россіи. Современные вопросы. Финляндия. Независимая Европа. Швеція. Армения. Татары. Съ предисл. и добавл. А. С. Будиловича. А. Е. Алеントрова. Цена 50 к.; для членовъ Общества 35 к.
- 23) Сборникъ статей по русской истории съ древнейшихъ временъ до XVI вѣка. Под редакц. И. П. Хрущева († 25 июня 1904 г.). Цена 1 р. для членовъ Общества 75 к.
- 24) Галицкая Русь, прежде и нынѣ. Исторический очеркъ и взглядъ на современное состояніе. Очеркъ. Цена 50 к., для членовъ Общества 35 к.
- 25) Свят. Кирилъ и Меѳодій и культурный родъ ихъ въ Славянскѣи и Россії. Очеркъ Е. И. де-Витте. Цена 60 к., для членовъ Общества 35 к.
- 26) Славянство и миръ будущаго. Послание Славянамъ съ береговъ Дуная Людовига Штура. Переводъ немецкой рукописи, съ примѣтками В. И. Ламанского. Второе изданіе съ биографіей А. Штура и дополнительными примѣтками проф. Т. Д. Флоринскаго и портретомъ автора, подъ редакц. К. Я. Грота и Т. Д. Флоринскаго. Цена 75 к., для членовъ Общества 50 к.
- 27) Рѣчи, произнесенные въ торжественномъ засѣданіи въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III 26 мая 1905 г. Общество: Ревнителей русского исторического просвещенія въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, Славянского благотворительного, Русского Окружного и Русского Собрания. Цена 25 к.
- 28) Императоръ Александръ III въ русской поэзіи. 26 февраля 1845—20 октября 1894 г. Сборникъ стихотворений, составленныхъ В. М. Бузиной. Цена 1 р. 50 к., для членовъ Общества 1 р.
- 29) Московский иннополитъ Платонъ (1757—1812 г.). Магистра богословія И. П. Розанова. 1913.

Цена XX книги «Старины и Новизны» — 2 руб., для членовъ Общества — 1 руб.

Складъ изданій Общества: 1) Петроградъ, Фонтанка, 34. 2) Москва, Воздвиженка, д. 8, гр. С. Д. Шереметева.

